

П. А. НАУМОВ

БОНН-
сила
и бессилие

Перед читателем этой книги пройдут важнейшие события политической истории послевоенной Западной Германии. Автору довелось быть свидетелем многих из них: обсуждения и принятия боннским бундестагом Парижских соглашений, государственного визита бывшего канцлера К. Аденауэра в СССР, Женевского и Берлинского совещаний, позорного судилища над коммунистами в Карлсруэ, провала авантюристского путча в Берлине 17 июня 1953 года...

Читатель узнает правду о скрытых пружинах «экономического чуда», он познакомится с внешним обликом и политическими нравами Бонна — маленького западногерманского городка, ставшего столицей возрожденной капиталистической Германии. Он посетит эту страну в дни традиционного рейнского карнавала и в дни ожесточенных классовых боев, узнает о народном движении пятидесятих годов «Без нас!» и о сегодняшних дискуссиях, связанных с мучительным пересмотром обанкротившейся политики «канцлера холодной войны». Он с интересом прочтет запись беседы автора и других советских журналистов с нынешним канцлером ФРГ Л. Эрхардом, познакомится с расстановкой сил в стране в преддверии парламентских выборов 1965 года.

Книга о Бонне поможет читателю глубже разобраться в сложных процессах общественно-политической жизни Федеративной республики.

П.А.НАУМОВ

БОНИ-

**сила
и бессилие**

П. А. НАУМОВ

БОНН- сила и бессилие

(ЗАПИСКИ ЖУРНАЛИСТА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МЫСЛЬ»

МОСКВА

1965

**32 И
Н 34**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Оформление художника С. А. ДАНИЛОВА

Двадцать лет прошло с тех пор, как безоговорочно капитулировала нацистская Германия.

Ныне между Одером и Эльбой выросло социалистическое государство — Германская Демократическая Республика, а территорию от Эльбы и Верры до французской границы занимает преемница «третьего рейха» — Федеративная Республика Германии.

Немецкая земля стала ареной событий, отражающих глубочайшие процессы нашего великого времени — эпохи борьбы двух противоположных общественных систем, перехода человечества от капитализма к социализму.

Эта книга — рассказ о послевоенном пути капиталистической Германии, о «секретах» ее жизнестойкости, о реваншистской внешней политике Федеративной Республики Германии. Автор стремился показать не 3

только пружины экономического и военно-политического взлета, но и ограниченность возможностей агрессивного германского империализма в современных условиях.

Коротко говоря, это книга о силе и бессилии современного германского империализма.

Автор долгие годы был корреспондентом «Правды» в обоих германских государствах. Многие страницы книги — свидетельства очевидца. Пусть они освежат в памяти читателя минувшее двадцатилетие, цепь событий, связанных с Германией. Пусть они станут скромным вкладом в борьбу за то, чтобы и следующее двадцатилетие было мирным.

Автор

МНОГОЛИКАЯ СТРАНА

Поезд Берлин — Кёльн, миновав границу двух германских государств, помчался почти без остановок, спеша наверстать украденное пограничниками время. Колеса бесшумно скользили по сваренным на стыках рельсам. Скорость ощущалась лишь на крутых поворотах: пассажиров единственного в поезде спального вагона вдавливало в стены то головой, то ногами. Из-за этого вся ночь прошла без сна. Как только в щелях черной шторы забелел рассвет, я поднялся и вышел в коридор.

Вот они, аккуратненькие, окаймленные кустарниками поля, по которым, казалось, ходил не плуг, а циркуль с линейкой. Вот и зайцы в темной зелени всходов, как будто за эти шесть лет, что я отсутствовал, они не двигались с места. И великолепные бетонные или асфальтированные дороги: широкие и занумерованные — «имперские» (сейчас их официально называют «федеральными», но для всех они по-прежнему «имперские») и поуже, без номеров — местные. Неожиданно вылетая 5

из-под вагона, они убегают под густые кроны деревьев, высаживаемых по обочинам германских дорог с незапамятных времен. А вот и знакомые рекламные щиты: бензин «Эссо», «Шелл», «Арал», автопокрышки «Континенталь», коньяки «Дужардин», «Шарлахберг»...

Перед моими глазами расстилалась обжитая до последней степени страна, богатства которой накапливались веками. Страна, в которой самое большое расстояние до железной дороги исчисляется двумя десятками километров. Страна искусственно выращенных лесов, сплошной электрификации, высоких урожаев, самой мощной промышленности и самого большого населения в Западной Европе*. Страна высокой культуры труда и быта, без вклада которой человеческая сокровищница мысли была бы намного беднее.

Остался позади Билефельд, впереди слева засинели холмы Тевтобургского леса. Две тысячи лет назад где-то здесь древнегерманский полководец Арминий разгромил легионы Вара и преградил путь римлянам на Восток. Со временем «натиск на Восток» стал привилегией самих немцев. Полчища мирских и духовных князей сначала захватили пространство между Эльбой и Одером, потеснив или уничтожив живших там славян, затем вторглись в бассейн Вислы, в Прибалтику и наверняка полезли бы дальше, если бы новгородский князь Александр Невский со своей ратью не устроил им «Тевтобургский лес» на льду Чудского озера.

Вот с каких времен мы, русские, белоруссы, поляки, прибалты, имеем дело с немцами. И что же предосудительного в том, что, попадая в Германию, мы с особым интересом и даже пристрастием всматриваемся в эту страну.

Впрочем, это делаем не только мы. Проникнуть в «тайны немецкой души» издавна старались пришельцы из многих земель. И все они отмечали многоликость этой страны, удивительное сплетение доброго и злого, возвышенного и низменного.

* Население Германской Демократической Республики — 17,2 миллиона человек, Федеративной Республики Германии — 55 миллионов человек, Западного Берлина — 2,2 миллиона человек.

Перед Великой французской революцией, пронесшейся очистительным шквалом над феодальной Западной Европой, Германия, по словам Фридриха Энгельса, «была одна отвратительная гниющая и разлагающаяся масса», где «ничего, кроме подлости и себялюбия», не было. И все же именно та Германия дала миру Гёте и Шиллера, Канта и Фихте.

Марк Твен, попав в Германию, умилялся сердечностью немцев, их чувствительностью, восторженностью и вежливостью. А шестьдесят лет спустя другой великий американец — Теодор Драйзер — писал: «Немцы провозгласили себя высшей расой, призванной уничтожить все другие народы и править миром».

Мы знаем, как и кем закладывались в немецком характере семена, которые при определенных исторических обстоятельствах давали зловещие всходы. В средневековой раздробленной Германии, как писал Ф. Энгельс, «каждый князек был для своих подданных кровавым неограниченным деспотом». На протяжении нескольких столетий народ пропитывался «низким, раболепным, жалким торгашеским духом», в нем развивались привычки подчиняться тирании. Столетие капиталистического строя не принесло стране обновления: формула «свободы личности» превосходно уживалась с прусским девизом «приказ есть приказ».

Мир не раз убеждался, что склонность к себялюбию и жестокости, к бездумному исполнению приказов совсем не биологическое явление в немецком характере. В 1918 году и в последующее пятнадцатилетие Германия показала образцы классовой солидарности, революционного мужества, беззаветности в борьбе с моралью чистогана, с жестокостью и угнетением. Немецкая земля в век засилья идеологии стяжательства дала миру таких великих гуманистов, как Томас и Генрих Манн, Лион Фейхтвангер и Бертольд Брехт. В наше время в Германской Демократической Республике растет новый немец. Его душа и разум открыты для дружбы с другими народами. Корысть и эгоизм уступают место сознанию первостепенности общественного долга. Раболепие презирается. За двадцать лет перевернуты пласты столетий.

Но здесь, в западногерманском государстве, мерзкая плесень веков держится цепко, ее питает социальный строй. Она не видна на поверхности. Она прячется за ширму демократии, христианской морали, правил «хорошего тона». Надо очень внимательно, скрупулезно вглядываться в жизнь, чтобы ее заметить.

Это не значит, что в послевоенные годы в Западной Германии ничто не изменилось. Нет, изменилось многое, даже за последние годы. Повинуясь журналистской привычке, я начинаю уже из окна вагона выискивать новые и отмечать старые, неистребимые черты образа жизни этой по-прежнему многоликой страны.

За окном пробегают селения, о которых трудно сказать, деревня это или городок. Архитектурные грани еще больше стерлись, рекламные щиты везде одни и те же. Строения то и дело подступают вплотную к железной дороге. Отмечаю неизменное немецкое: всегда свежескрашенный домик, маленький садик с дюжиной плодовых деревьев, с несколькими грядками и цветочными клумбами, кирпичная или асфальтовая тропинка от входной калитки к крыльцу. А вот то новое, что прибавилось за эти годы: в одноэтажных поселках, в которых живут лавочники и чиновники, коммерсанты и профессора, инженеры и служащие банков или страховых компаний, почти около каждого дома гараж. Если машина новенькая, последней модели, то она стоит около гаража, разумеется без чехла. («Пусть все видят, как живут Мюллеры!») Да и сами домики — что-то в них изменилось! Ну, конечно же, окна стали больше. Провинция старается подражать городу, вернее, его утопающим в зелени окраинам, где живут в своих виллах те, кто в состоянии их приобрести, обставить и содержать. Там окна занимают всю переднюю стену — стиль, завезенный после войны из Америки. Теперь этот стиль проник и сюда.

Перед моими глазами совсем близко пробегают сверкающий свежей краской домик-игрушка. Сквозь громадные стекла, разумеется только наполовину занавешенные, видны с улицы новенькие низкие кресла и диван, курительный столик, тележка для подвоза кофе, 8 телевизор. Это гостиная, здесь «живут» вечером. По-

немецки она так и называется: «комната для жизни». Соседняя комната — столовая, а в третьей — кабинет хозяина дома, кем бы он ни был по профессии. Кухня, конечно, оборудована по последнему слову техники: покрытые ослепительно белой эмалью шкафы, такой же белизны электрическая плита, холодильник, стол, стулья. И — боже мой! — какая поднимается суматоха в доме, если кофейная мельница или еще какой кухонный предмет почему-то оказывается не на том месте, на котором ему надлежит быть.

Сейчас в этих комнатах ни души. Хозяин и хозяйка спят наверху, в тесной, скромно обставленной спальне, одну стену которой образует наклонная крыша дома. Рядом, за тонкой досчатой перегородкой, еще более тесная каморка. Там на узенькой коечке спит сын или дочь, а если сын недавно женился и еще не имеет своей квартиры, то обитает он там со своей молодой женой, платя регулярно родителям квартплату, так сказать, «на общих основаниях». А если денег на очередной взнос у него не хватает, то он попадает в родительскую долговую книгу.

Я рисую в своем воображении картину: пройдет еще час, и окошечко под крышей распахнется, появится уже причесанная хозяйка, ляжет на подоконник, подложит под груди полуобнаженные руки и так замрет на несколько минут в благоговейном восторге от всего «своего», что ее окружает, и с невинной женской надеждой, не взглянет ли кто-нибудь на ее новенький халатик. Потом она энергичным движением оттолкнется от подоконника, бросит мужу: «Я иду варить кофе», спустится по крутой и узкой, как на корабле, лестнице вниз и войдет в свою сияющую кухню торжественная, уверенная в себе.

Полчаса спустя муж выйдет из дому, откроет багажник «фольксвагена», достанет метелку из лебединого пуха, помашет ею над крышей и у боков кузова, почти не касаясь металла (боже упаси повредить лак!), откроет ворота и, улыбнувшись раз и навсегда отработанной для этого момента улыбкой жене (она ответит мужу такой же точно улыбкой), резко выкатит машину на улицу («ого, мотор тянет отлично!»). Жена 9

еще постоит на крылечке, неспеша разглядит прохожих, пошлет им с дюжину своих улыбок, а потом с прежней торжествующей гордостью на лице и в походке войдет обратно в дом. Ибо ее зовет туда долг.

«Долг»! Как часто я слышал здесь это слово. Если швейцар вас не пускает в учреждение, то он делает это с улыбкой, приговаривая извиняющимся голосом: «Что поделаешь, мой господин, я исполняю свой долг». Дорожный полицейский с теми же словами возвращает вам водительские права, записав, разумеется, ваш адрес, по которому непременно придет повестка о штрафе. Повинуется лишь «долгу» судебный исполнитель, хладнокровно выбрасывая из квартиры на улицу бедную семью с малыми ребятами. Исполняет свой «долг» полицейский при разгоне не разрешенного властями митинга, причем ему и в голову не придет пощадить явно невинную жертву или ударить дубинкой послабее. На процессах эсэсовских палачей, нацистских судей, изуверов-врачей, истреблявших узников сотнями тысяч, часто можно было слышать те же слова: «Я только исполнял мой долг».

Для многих здесь, в старой Германии, слово «долг» всего лишь эрзац девиза «приказ есть приказ». Он служит спасительным щитом, за которым удобно прятаться от ответственности за содеянную подлость и даже преступление.

Но в этом понятии заключена и великая созидательная сила. На протяжении веков христианская мораль во взаимодействии с палочной дисциплиной внушала немцу, что его долг перед семьей и богом — хорошо трудиться. Восприятие труда как первейшей обязанности человека со временем стало ярко выраженной чертой немецкого национального характера. Отсюда знаменитая немецкая основательность, пунктуальность, нетерпимость к небрежности в труде. Надо воздать должное и мастерам немецких средневековых цехов и мануфактур, а позднее капиталистических фирм: они не жалели сил на обучение рабочего профессиональному мастерству. Немецкий рабочий, ремесленник, крестьянин работает хорошо потому, что для него высокое качество работы входит в само понятие труда. И еще

одна чрезвычайно ценная национальная черта: в народе развито уважительное отношение к любой работе. Ни одна профессия, ни одно занятие здесь не презирается, каждый выполняет свой «долг».

Мысли снова возвращаются к давно промелькнувшему домику. Хочется додумать, чем же кончится там сегодняшнее утро.

Жена, проводившая на службу мужа, начнет убирать квартиру. Она каждое утро с точностью автомата выполняет весь комплекс уборки, хотя в этом и нет нужды. Она знает: хозяйке в Германии могут простить все, но не самого маленького беспорядка в туалете или пятнышка на обоях. Она делает свое дело гордо и самозабвенно. Ей и в голову не приходит, что домашняя работа однообразная и неблагоприятная. Она же выполняет свой долг!

По мере приближения к Рурской области картина резко меняется. Поселки становятся крупнее, но беднее. Вскоре появляются кварталы многоэтажных стандартных домов, в которых живет большинство рурских рабочих. Возле таких домов садики уже нет, гаражей тоже. Автомашин — их и здесь немало — стоят под открытым небом, потускневшие, многие устаревших марок.

Я знаю, что в квартирах более тесных и скромных, чем собственные дома, та же ослепительная чистота, хотя жены рурских рабочих нередко работают наравне с мужьями. Здесь жестоко экономят на еде. Многие мужья охотно остаются в шахте на сверхурочные часы. И все из-за того, что идеалы обитателей собственных домиков с гаражом и садиком не дают спокойно спать многим рурским рабочим.

Кстати, о том, теперь уже совсем далеком домике. Ведь я совсем упустил из виду одно обстоятельство. В нем сегодня все будет совсем не так, как я представлял себе.

Новенький «фольксваген» будет весь день стоять на месте, у всех на виду. Хозяин и хозяйка, торжественно одетые, степенно выйдут в восьмом часу из дому и направятся в церковь. В полдень они придут в местный ресторанчик, где для них всегда найдется место. 11

Когда обер* поставит перед ними тарелки с гигантскими кусками жареного мяса и миску с картошкой, они пожелают друг другу приятного аппетита и примутся за еду. Проглотив первые куски, они повернут друг к другу головы, изобразят на лицах стандартное восхищение, скажут «гут» и уже больше не произнесут ни слова до конца трапезы. А вечером они будут пить кофе у телевизора...

Ведь сегодня — пасха. Пасха 1963 года.

НЕОБЫЧНАЯ ПАСХА

Отправляясь на этот раз в Западную Германию, я несколько досадовал, что попадаю туда в пасхальные дни. По опыту многолетней работы в Германии я знал, что пасха для нас, журналистов, обычно означает четыре дня потерянного времени. Она начинается в страстную пятницу и кончается в понедельник. Эти дни можно употребить только на разглядывание витрин закрытых магазинов да гуляющей публики, одетой во все новенькое. Пасха в Германии по традиции «тихий» праздник, связанный с выездами в леса и парки для общения человеческой души с оживающей природой.

На этот раз все было иначе. Я это почувствовал еще в Берлине, где остановился на сутки.

Войдя в свой номер гостиницы «Иоганнисгоф», я включил радиоприемник. Радиостанции ГДР передавали о только что закончившемся пленуме ЦК Социалистической Единой партии Германии, о ходе сева, о людях, растущих вместе с республикой. Словом, ГДР жила своей обычной трудовой жизнью.

И вдруг попалась волна радиостанции «Свободный Берлин». Сначала я не понял, о чем идет речь: то ли это репортаж с хоккейного поля, то ли криминальная история. Вслушиваюсь. Да это же пасхальная передача! У микрофона не проповедник с благочестивыми

* «Обер» — сокр. «оберкельнер» (старший официант).
12 К официанту немцы обращаются: «Герр обер».

речами, как раньше, а политический делец, барабанщик «холодной войны» из «фронтowego города». Граждане Европы, немедленно упаковывайте свои чемоданы и мчитесь к нам в Западный Берлин! — надрывался голос. — Превратим пасху в дни паломничества в Берлин, разрезанный коммунистами «стеной»!

Граждан Западной Германии призывали ехать на автомашинах в Восточный Берлин, в «зону», как называют ГДР ее боннские недоброжелатели, чтобы показать страдающим в «коммунистическом ярме» братьям, как богато живут на Западе.

На другое утро в ранний час я вышел на улицу. Над Берлином занимался первый по-настоящему весенний ясный день. Прилегающие к границе с Западным Берлином кварталы были пустынные. Я вышел на Фридрихштрассе, по которой осуществляется сообщение между Восточным и Западным Берлином. Да, крикуны из РИАСа * и «Свободного Берлина» работали не впустую! Несмотря на ранний час, меня то и дело обгоняли сверкавшие лаком автомашины с западногерманскими номерами. Они медленно двигались вдоль тротуара, стараясь привлечь к себе внимание прохожих, останавливаясь в людных местах. Так продолжалось весь день. Многие машины были без пассажиров, а водители подозрительно выглядели на одно лицо. Но появлялись и «семейные» «фольксвагены», «опели», «таунусы», «рено», «фиаты». Жители Западной Германии приехали сюда навестить родственников, знакомых. Да и любопытство, желание узнать, как идут дела «по ту сторону», в Восточной Германии, тоже немалое. Естественное, понятное желание в условиях разделившейся на два государства страны. Но и этих немцев бухгалтеры из «фронтowego города» записали в свой актив, объявив их «борцами за свободу», «патриотами» и бог весть еще кем.

Так западноберлинские и боннские ревнители христианской веры превратили праздник «воскресения Христова» в провокационный спектакль.

* РИАС — американская радиостанция в Западном Берлине, специализирующаяся на подрывной работе против ГДР.

Приехав на другой день в Бонн, я обнаружил, что и в Западной Германии отношение к пасхе изменилось. От прежних набожных чувств мало что осталось. Пасха стала просто дополнительным четырехдневным отпуском. «Средний слой» — торговцы, владельцы отелей и пивных, высокооплачиваемые чиновники и служащие — все, кто процветал под солнцем высокой экономической конъюнктуры, устремились на своих машинах путешествовать, и не столько на Восток, в Западный Берлин, сколько на Запад. Как писали газеты, в пасхальные дни в Голландии побывало 300 тысяч немцев. Во Францию только в пасхальное воскресенье и только через дороги двух земель — Саара и Рейнланд — Пфальца — въехало 120 тысяч немцев. На Елисеевских полях, в Лувре и на Монмартре, по свидетельству корреспондента газеты «Ди вельт», «можно было чаще слышать немецкую речь, чем французскую», а парижские остроловы пустили такую шутку: подбегает к полицейскому француз, бросается ему на шею и восклицает: «Какое счастье, наконец-то встретил человека, говорящего по-французски!»

Официальный Бонн в пасхальные дни тоже путешествовал, но не из охоты к перемене мест. Аденауэр еще до пасхи уехал отдыхать в Каденаббю, на берег итальянского озера Комо. Председатель христианско-демократической фракции в бундестаге фон Брентано взял на десять дней отпуск и уехал на юг Италии. Министр обороны и один из заместителей председателя Христианско-демократического союза Уве фон Хассель удалился в Тироль. О местопребывании других министров и партийных лидеров не сообщалось, но было известно, что в Бонне их нет.

Вскоре и отпуск Брентано, и поездка Хасселя в Тироль оказались «липой». В действительности оба министра устраивали хитроумную облаву с глубоким охватом противника с флангов.

Противником был старый канцлер Конрад Аденауэр.

Еще в 1959 году Аденауэр заявил о готовности уйти в отставку. Но не ушел, оставив с носом своих коллег

14 по партии, и прежде всего министра хозяйства и вице-

канцлера Людвиг Эрхарда, которого давно прочили в преемники Аденауэра. После выборов 1961 года, когда партия Аденауэра, Христианско-демократический союз, потеряла много голосов и утратила абсолютное большинство в бундестаге, ей пришлось сформировать правительство в коалиции со свободными демократами. Последние поставили условием вхождения в коалицию уход Аденауэра в отставку где-то в середине срока между выборами.

С тех пор Бонн жил как в лихорадке. Не проходило пресс-конференции без ставшего традиционным вопроса: «Когда?» Десятки раз лидеры ХДС заверяли, что Аденауэр уйдет в отставку до конца 1963 года. Но сам канцлер молчал или отшучивался. Заседания шли одно за другим: президиум партии, правление парламентской фракции ХДС. Аденауэр упорствовал. Наконец руководство партии официально поручило двум деятелям — Генриху фон Брентано и заместителю председателя ХДС Дуфусу — заняться подготовкой передачи канцлерского поста новому лицу.

Вот с тех пор имя Брентано и стало популярным — популярнее, чем во времена, когда он был министром иностранных дел. Неделями Брентано уговаривал канцлера. Иногда он подсылал к нему Генриха Кроне, к которому Аденауэр питает личную привязанность. Ничто не помогало. Единственное, чего удалось достичь, — это вырвать у Аденауэра публичное подтверждение, что в октябре — ноябре 1963 года он все-таки намерен уйти в отставку!

Произошло это перед самым отъездом канцлера в Каденаббю. А несколько дней спустя к нему уже примчался его старый друг Кроне. Лидеры ХДС решили ковать железо, пока горячо. Раз «старик» подобрел, надо вырвать у него согласие на публичное объявление Людвиг Эрхарда его преемником. Но эта часть миссии была самой трудной. Аденауэр ненавидел Эрхарда за то, что ему пришлось делить с ним лавры творца «экономического чуда». На протяжении многих лет Аденауэр в публичных выступлениях старался унижить Эрхарда. Он заявлял, что Эрхард в лучшем случае неплохой «хозяйственник», но уж никак не политик. Бонн 15

был свидетелем нескольких безобразных стычек между канцлером и вице-канцлером.

Аденауэр обрадовался приезду Кроне, но не поддавался на уговоры. Лидеры ХДС были в отчаянии. Вот тут-то они и решили предпринять еще одну, последнюю попытку по-хорошему договориться со «стариком».

Рано утром в пасхальное воскресенье Брентано прервал свои «каникулы» на юге Италии и помчался на озеро Комо. Пять часов на вилле «Колина» шел разговор за закрытыми дверями. На другой день все повторилось сначала: те же закрытые двери, тот же разговор на пять часов.

Аденауэр отказался наотрез. Обескураженный Брентано, выскочив из виллы «Колина», помчался не на юг, а на север — в Тироль. Там его ждал фон Хассель. Два деятеля ХДС обдумывали, что же делать дальше.

В Бонне тем временем маялись две сотни журналистов. Наступил, быть может, один из острейших моментов в истории ФРГ, а надежную информацию получить не у кого. В бараках для прессы напротив бундестага пепельницы то и дело очищались от нервно смятых сигарет. Журналисты гонялись по пятам за немногими и далеко не самыми важными представителями ХДС, оставшимися в Бонне. Но те только разводили руками.

В Бонне чувствовалось, что струны терпения в рядах ХДС натянуты до предела. «Поскольку среди членов ХДС тревога усиливается, — писала в те дни газета «Ди вельт», — растет число тех христианско-демократических политиков, которые настаивают на быстром решении вопроса о наследнике канцлера. Все чаще в разговорах слышится угроза, что если Аденауэр в ближайшее время не откажется от сопротивления назначению Эрхарда своим преемником, то придется встать на путь вынесения конструктивного вотума недоверия».

Итак, дело дошло до прямых угроз канцлеру со стороны его друзей по партии. Тучи сгущались с каждым часом.

НАРОД ТРЕБУЕТ СВОЕГО

Пасха была испорчена не только у боннских политиков. Стальные короли Рура, владельцы концернов и отдельных предприятий металлургической и металлообрабатывающей промышленности, чувствовали себя не лучше. Профсоюз металлистов объявил о расторжении тарифных договоров и потребовал предусмотреть в новых договорах повышение зарплаты рабочим на 8 процентов. Профсоюз металлистов насчитывает 1,8 миллиона членов, а сколько еще неорганизованных рабочих занято на предприятиях металлообрабатывающей промышленности? И всем им надо увеличить заработную плату на 8 процентов. Дело оборачивалось потерей многих миллионов, а кто захочет их добровольно вынуть из кармана?

Положение монополий осложнялось тем, что брожение захватило по существу все отраслевые профсоюзы. В движении за повышение заработной платы, за улучшение материальных условий жизни трудящихся участвовало до 9 миллионов человек.

Переговоры между профсоюзом металлистов и объединением предпринимателей этой отрасли промышленности длились уже несколько недель. В пасхальные дни они проходили в особо напряженной обстановке. Хозяева не сдавались, им помогало правительство.

Профсоюзные лидеры решили «подключить массы» к борьбе за повышение зарплаты. Они назначили референдум среди металлистов земель Баден-Вюртемберг и Северный Рейн-Вестфалия. Рабочие должны были ответить на вопрос: «Готов ли ты бастовать в поддержку требования профсоюза металлистов о повышении зарплаты на 8 процентов с 1 апреля 1963 г.?» Более 85 процентов металлистов этих двух земель решительно ответили: «Да».

Опросу предшествовали митинги рабочих. Только в Рурской области такие митинги прошли в 60 городах.

Я побывал на митингах в Эссене и Бохуме. Проходили они весьма своеобразно. Рабочие вовсе не выступали ни в первом, ни во втором случае! Говорил один лишь оратор — представитель руководства отраслевого

профсоюза металлистов. О чем? Речи в Эссене и Бохуме походили друг на друга как две капли воды. Слушателям изложили историю переговоров с предпринимателями. Сообщили, к каким уловкам прибегают хозяева, чтобы обойти требования рабочих. И все. Никаких призывов, никакого борения страстей. Зачем волноваться «на улице»?

Ораторы выступали с грузовиков, на которые были водружены кафедры, обернутые красно-черно-золотой материей. Устроители митингов, социал-демократические профсоюзные лидеры, и этим подчеркивали, что они действуют в рамках «законности и порядка» — под сенью государственного флага. Ораторы всячески старались избегать упоминания об истинной подоплеке беспокойства в народе. «Политику» с площадей изгнали. А ведь это был самый «левый», самый боевой профсоюз в Западной Германии.

И все же слова, вскрывавшие корень зла, были сказаны. В Эссене их написали черной тушью на двух красных полотнищах. Когда официальный оратор начал свою речь, эти красные полотнища вынесла на площадь группа молодых рабочих. Ребята смело и решительно взойшли на трибуну и на протяжении получаса, пока говорил оратор, стояли за его спиной. Плакаты оказались прямо над головой профдеятеля. На одном было написано: «Никакого замораживания зарплаты! Никакого вооружения! Никаких чрезвычайных законов!» И на другом: «Только разоружение гарантирует социальный прогресс».

Каждый на площади знал, что это коммунисты-подпольщики, преследуемые властями. У многих восторгом горели глаза: «Молодцы, ребята!» Полицейские старались не глядеть на трибуну: мы, мол, ничего особенного не замечаем. Ведь не обрушишь на этих парней дубинки только за то, что они держат в руках плакаты со словами, против которых трудно возразить.

К концу митинга оба полотнища снова взвились над толпой. Теперь они удалялись от трибуны. У края площади они скользнули вниз и пропали, чтобы через какое-то время вновь появиться перед восхищенными

Из разговоров с рурскими рабочими узнаю, в чем корни недовольства народа. Мы сидим в уютной комнате на квартире члена производственного совета металлообрабатывающего завода в районе Гельзенкирхена. Хозяин с карандашом в руках подсчитывает доходы и расходы рабочей семьи. Получается, что за последние два года жизненный уровень рабочего не только не повысился, а, наоборот, сползал вниз. Конечно, в официальной статистике все выглядит в наилучшем свете. Если верить ей, зарплата рабочих и служащих в 1962 году поднялась в среднем на 7 процентов. Но оказывается, что эти проценты были сведены на нет повышением налогов (в отдельных случаях на 50 процентов), взносов по социальному страхованию. Стал дороже проезд в трамваях, автобусах и троллейбусах. Наконец, особенно чувствительно по бюджету каждой семьи ударило повышение цен на продукты питания. В те дни министерство продовольствия ФРГ официально подтвердило, что за год цены на продукты питания поднялись в среднем на 6,3 процента.

— Рабочий ведь видит, — говорит мне хозяин дома, — как наживаются концерны, какие высокие дивиденды подбрасывают акционерам, сколько денег швыряют на вооружение. Это же все его пот, его труд.

За два дня до первомайского праздника профсоюзное руководство решило провести «ограниченную и целенаправленную» забастовку в Штутгарте, Мангейме, Карлсруэ и некоторых других городах земли Баден-Вюртемберг. На работу не вышло 100 тысяч металлистов. Хозяева концернов немедленно выполнили свою угрозу, объявив в ответ локаут. Еще 300 тысяч баден-вюртембергских металлистов оказалось за заводскими воротами. На 1150 предприятиях земли воцарилась мертвая тишина.

О начале забастовки баден-вюртембергских металлистов я узнал, находясь в Рурской области. Там чувствовалась необычайная приподнятость духа. Почти миллион рурских металлистов при опросе также высказались за участие в забастовке. Ждали только сигнала от профсоюзного руководства. А оно мешкало, ссылаясь на некие «тактические соображения». Рурские 19

рабочие недоумевали: чего ждать после того, как предприниматели Баден-Вюртемберга объявили локаут.

В те дни в Руре можно было столкнуться и с иными настроениями. Крупных, затяжных забастовок там не было с двадцатых годов. Само слово «забастовка» многих пугало, особенно тех, кто прилично зарабатывает. Оно ассоциировалось в сознании с материальными потерями, с риском лишиться хорошего места, с угрозой просрочки очередного взноса за стиральную машину...

И все же именно в Руре я имел возможность лишний раз почувствовать, сколь велика сила пролетарской солидарности. Официальная пропаганда за послевоенные годы, казалось бы, сделала все, чтобы вытравить у рабочего классовое сознание, сделать его бюргером-индивидуалистом, опутать антикоммунистическими предрассудками. Но вот пришла весть о локауте в Баден-Вюртемберге — и волнение охватило даже самых пассивных рабочих. В те дни в Руре то и дело можно было услышать:

— Мы готовы бастовать хоть сейчас. Чего они ждут там, во Франкфурте *?

Забастовка металлистов Баден-Вюртемберга с самого начала вырвалась из приготовленного для нее русла «социального мира» и устремилась вперед бурным потоком классовой борьбы. Владельцы концернов, боннские политики, пресса монополий были буквально ошеломлены: в Мангейме и других городах Баден-Вюртемберга на первомайских митингах реяли боевые красные знамена, звучали страстные речи, обличающие алчный капитализм. Волна подлинно пролетарской солидарности с забастовщиками покатила по стране. Из уст одного видного профсоюзного деятеля мне довелось услышать чистосердечное признание: ни он сам, ни другие лидеры западногерманских профсоюзов не ожидали столь бурного проявления боевого духа у рабочих.

Все это начисто опрокидывало демагогические теории «социального партнерства», «народного капитализ-

20 * Во Франкфурте-на-Майне находится правление отраслевого профсоюза металлистов ФРГ.

ма», демонстрировало всему миру неприглядную оборотную сторону пресловутого западногерманского «экономического чуда», опровергало болтовню о мнимой «аполитичности» западногерманских рабочих, об утрате ими классового сознания. Исполинский призрак классовой борьбы снова вставал на западногерманском горизонте, нагоняя ужас на всех тех, кто утверждал, что с марксизмом-де навсегда покончено, что отныне капиталу все подвластно.

«В сознании рабочего, — меланхолически констатировал в те дни орган клерикальных кругов газета «Крист унд вельт», — по-прежнему живо представление о полной противоположности его интересов и интересов предпринимателя. В этом глубокая причина постоянного недовольства...» Даже «Франкфуртер альгемайне» сквозь зубы признала, что «остатки классовой борьбы сохранились и в наши дни».

И вот мы с корреспондентом «Правды» Евгением Григорьевым в Штутгарте. Подходит к концу первая неделя забастовки. У ворот крупнейших предприятий города — «Мерседес-Бенц» и «Бош» — ни души. Зато людно в забастовочном комитете «Мерседеса». В одной из комнат за столами, заставленными ящичками картошки, сидит полсотни «добровольцев». Здесь бухгалтерия забастовщиков. Каждый бастующий занесен на карточку. Отмечены члены его семьи, заработок, профсоюзный стаж. По этой карточке за дни стачки он получает пособие из профсоюзной кассы.

В других комнатах и в вестибюле толпится народ. Разговор завязывается быстро. Рабочие, члены производственных советов, профсоюзные функционеры охотно отвечают на наши вопросы. Настроение у рабочих боевое. Все возмущены локаутом. Среди 300 тысяч рабочих, выставленных предпринимателями за ворота в порядке мести за забастовку 100 тысяч металлистов, большинство оказались не членами профсоюза. Это значит, что они не получают ни зарплаты, ни пособия из рабочей кассы. Профсоюзам, конечно, пришлось принять срочные меры по оказанию им помощи. Многие тут же вступили в союз. Готовясь к локауту, предприниматели пошли еще на одну хитрость: они объявили 21

рабочих не уволенными, а «отстраненными» от работы, а это значит, что рабочий, оказавшийся без средств к существованию, не имел теперь возможности искать заработка в другом месте: ведь его документы лежат в заводоуправлении, закрытом на замок.

— У нас остался только один выход — бастовать до победного конца, — говорит крепко сбитый человек средних лет, член производственного совета завода. — Если предприниматели почувствуют нашу слабость, мы потерпим поражение. А проиграть сейчас — значит проиграть на долгие годы.

В кружок протискивается юноша с румянцем на щеках. Он немного смущен. Но голос звучит твердо и убежденно:

— Я не согласен. Вы все толкуете о предпринимателях, но разве в них дело? Кто повышает налоги, цены? Правительство — и это всем известно. Надо сделать так, чтобы в Бонне поняли, что мы с ними не шутим. Мое мнение: нужна всеобщая забастовка.

Мы потом долго разговаривали с юношей. Он самый что называется рядовой рабочий, только что вступивший на трудовой путь. Член профсоюза. Охотно посещает вечера, собрания группы профсоюзной молодежи.

— Мы обсудили с ребятами положение, — говорит он нам, — и приняли такое решение: отдадим половину своего пособия семейным рабочим, только бы забастовка продолжалась. Сдаваться нам нельзя. Иначе нам совсем сядут на шею!

Завод «Кодак». Кто не знает фотоаппараты, кинокамеры, фотопленку этой фирмы? Здесь работают 3500 человек, главным образом женщины. Они не бастовали, но теперь тоже оказались без работы и без зарплаты. Особенно сильно локаут ударил по одиноким женщинам. Зарплата у женщин ниже, чем у мужчин, как и всюду в ФРГ, так что о каких-то накоплениях, запасах здесь смешно и говорить.

У них тоже свой центр с бухгалтерией, с комнатами, куда без конца приходят и уходят люди. В бухгалтерии женщины нам говорили:

— Кому, как не нам, знать, насколько каждый год **22** подсакивают цены на продукты и товары. Женщины

нашего завода с самого начала хотели бастовать, да нам все говорили: подождите. А чего ждать? Все равно мы за воротами, но уже не по своей воле.

Так текли дни забастовки...

Обращало на себя внимание то, что руководители Социал-демократической партии за все недели подготовки и проведения забастовки не проронили ни слова. Было ясно, что отношение их к событиям отрицательное. Они противоречили «новому курсу» СДПГ, спешному по выкройке христианских демократов.

Лидеры профсоюза металлистов тоже социал-демократы. Судя по всему, им пришлось действовать на свой страх и риск. Но... с оглядкой. В ходе забастовки поведение руководства профсоюза металлистов не раз вызывало недоумение. Как мы уже говорили, оно проявило чрезмерную «осторожность», ограничив забастовку лишь несколькими предприятиями Баден-Вюртемберга. Вся Рурская область — цитадель металлопроизводящей и металлообрабатывающей промышленности — была ими задвинута во второй эшелон забастовочного фронта.

С первых же дней, как только остановились машины на заводах, пресса монополий повела массивную психологическую атаку на рабочий класс. Сначала в ход пошли угрозы: рабочего пугали «непоправимыми последствиями» забастовки для всего хозяйства страны. Потом ему стали нашептывать на ухо, что он-де попал «в сети коммунистов», что коммунисты вообще «отбивают такт», «дирижируют» всем этим социальным конфликтом. Наконец в бой ввели тяжелую артиллерию: газеты стали как по команде трубить, что забастовщики действуют в разрез с интересами «общества», занимаются чуть ли не антигосударственной деятельностью и что вообще бундестагу надо бы принять закон против забастовок наподобие американского закона Тафта — Хартли.

Но это все еще была прелюдия. Главное действие началось, когда министр хозяйства ФРГ будущий канцлер Эрхард вызвал к себе руководителей забастовки и представителей предпринимателей. Весь вечер и почти всю ночь с 6 на 7 мая светились окна боннского **23**

министерства хозяйства. Там шло наступление на лидеров профсоюза металлистов во главе с Отто Бреннером. В результате руководители профсоюза металлистов согласились на повышение зарплаты на 5 процентов с 1 апреля 1963 года и на 2,2 процента с 1 апреля следующего года.

Это был шаг назад по сравнению с тем, чего добились рабочие. И все же это был успех металлистов, всего рабочего класса Западной Германии. Забастовка заставила рабочих многое переосмыслить, переоценить. Приоткрылась зияющая пропасть между интересами рабочего и хозяина, государства и простого человека. Западногерманский рабочий класс почувствовал свою силу. В дни забастовки осуществлялось на деле единство действий всех отрядов рабочего класса — залог будущих успехов.

«НЕТ» АТОМНОЙ БОМБЕ

В наэлектризованную до крайности атмосферу правительственного кризиса и острых социальных конфликтов ворвалась еще одна сила — пасхальные походы западногерманских противников атомного вооружения. Вот как это было.

Дортмунд. Мы стоим на Клеппингштрассе. Стрелка часов приближается к половине седьмого вечера. Толпа на тротуарах сгущается. Нарастает и гул от приближающейся к нам колонны. Все отчетливее становятся слова лозунгов, хором выкрикиваемых демонстрантами. Уже можно прочесть, что написано на бесчисленных плакатах.

И вот мимо нас проходят юноши и девушки, мужчины и женщины средних лет, некоторые катят перед собой коляски с детьми. На лицах усталость. Многие из них идут уже три дня. Другие, из числа жителей лежащих по маршруту городов, присоединялись к демонстрантам по дороге, чтобы пройти часть пути. Колонна растянулась более чем на три километра, в ней

Здесь немало таких, кто смотрит на задачу борьбы против атомной смерти с чисто пацифистских позиций. Они не задумываются, откуда грозит опасность. Здесь люди разных убеждений. Призыв о проведении пасхальных походов подписал по всей республике более двух тысяч людей, известных общественности: функционеров профсоюзов, членов заводских производственных советов, руководителей молодежных организаций, ученых, педагогов, врачей, инженеров, писателей, архитекторов, адвокатов, священников, артистов.

Мелькают названия городов, представленных участниками похода: Билефельд, Дюссельдорф, Герне, Боттроп, Дуисбург. Идут группы иностранных гостей: датчан, алжирцев.

Плакаты зовут на борьбу против атомной смерти, за запрещение атомного оружия. Демонстранты требуют создания безатомной зоны в Европе, зоны разъединения вооруженных сил, решения проблемы всеобщего и полного разоружения, осуществления принципа мирного сосуществования в международных отношениях.

Процессия вливается на Марктплац, заполняет огромное пространство перед городской ратушей. Здесь уже ждут жители Дортмунда. К микрофону подходит маленькая смуглокожая женщина. Это Фазия, певица из Дюссельдорфа. Мы ее видели в голове колонны со знаменем в руках. Теперь она поет мужественную песню борцов за мир, и репродукторы разносят ее голос далеко за пределы площади.

Речи ораторов кратки, взволнованны. Выступает пастор Клоппенбург, затем к микрофону подходят представитель молодежной организации «Друзья природы», представитель местной организации отраслевого профсоюза металлистов. Каждый вынужден подчеркнуть, что говорит он только от своего имени: иначе неминуемый конфликт или с властями, или с руководством собственной партии, не поддерживающим пасхальные походы.

Восторженным гулом приветствуют собравшиеся появление на трибуне молодого англичанина. Но для того чтобы понять этот бурный порыв, надо знать, что **25**

произошло за три дня до этого на дюссельдорфском аэродроме.

Там приземлился двухмоторный самолет британской авиакомпании. Из него вышли 55 молодых англичан. Они прилетели на Рейн для того, чтобы принять участие в пасхальных маршах своих западногерманских единомышленников. Вот они уже видят приехавших встретить их на аэродром германских друзей, их улыбки, слышат их возгласы. Еще несколько минут аэродромных формальностей и... горячие объятия, волнения дружеской встречи.

Но все вышло не так. По решению правительства ФРГ аэродромные чиновники не пустили англичан даже в аэровокзал. Гостям предложили вернуться в самолет и немедленно лететь обратно. Возмущению собравшихся не было предела. Наряд пограничной полиции силой втолкнул англичан в самолет. Лишь трем из них удалось проскочить сквозь цепочку пограничников и смешаться с толпой.

Но позорная для дюссельдорфских и боннских властей история только начиналась. Необычные пассажиры, зафрахтовавшие самолет у британской авиакомпании, отказались лететь обратно, и командир корабля не захотел подняться в воздух против их воли. Два дня и две ночи длился поединок. Десятки журналистов съехались в Дюссельдорф. Двадцать вооруженных пограничников стояли у самолета и ничего не могли поделать с группой упорных парней из Англии.

Не помогли и визиты в самолет английского генерального консула и самого президента дюссельдорфской полиции. Гости держались крепко, и лишь в пасхальное воскресенье возвратились на родину.

Все эти дни в самом Дюссельдорфе происходили бурные события. Возмущенные произволом властей, молодые немецкие борцы за мир вышли на главную улицу города — Кёнигсallee — и устроили на тротуаре сидячую забастовку.

Дело происходило вечером, и вскоре сотни гуляющих по аллее дюссельдорфцев окружили забастовщиков. Появилась полиция, через несколько минут воздух

26 разрезали струи воды, выпущенные из полицейских во-

дометов. Толпа возмущенно загудела. Послышались возгласы:

— Оставьте их в покое!

— Опять эсэсовцы маршируют!

Вскоре всех забастовщиков втокнули в полицейские машины и отвезли в тюрьму. Восемнадцать часов спустя их отпустили на свободу, но одного оставили, возбудив против него дело. То был эссенский пастор Гюннеберг, один из организаторов пасхальных маршей в Рурской области. Лишая его свободы, полиция рассчитывала внести смятение в ряды борцов за мир.

Но ничего из этого не вышло. К лозунгам маршировавших по всей республике противников атомного вооружения добавился еще один: «Свободу пастору Гюннебергу!» Этот призыв зазвучал особенно громко, когда стало известно, что пастор Гюннеберг объявил в тюрьме голодовку. На улицах городов появились новые плакаты: «Против атомной бомбы, за демократию!», ««Нет» — чрезвычайным законам, «да» — демократии!»

Так марши борцов против атомной смерти приобрели новый аспект: они стали одновременно и протестом против попыток правящих кругов отобрать у народа остатки демократических и социальных прав.

С боевым задором гремит над кварталами Дортмунда голос молодого англичанина — одного из героев дюссельдорфского «инцидента». Три дня немцы укрывали от полиции его и двух его друзей, прорвавших на аэродроме полицейский кордон. Борец за мир из Англии говорит о вере миролюбивых людей земли в свои силы, в возможность отстоять мир.

Репродукторы разносят слова заявления главного комитета по проведению пасхальных маршей в Западной Германии. В нем требование к правительству ФРГ немедленно начать переговоры с американским и советским правительствами о создании в Европе безатомной зоны. Среднеевропейская «зона разрядки», гласит заявление, не только принесет безопасность Германии, но и послужит моделью для всеобщего международного разоружения.

Над Дортмундом сгущаются сумерки. Накрапывает дождь. Митинг закончен. Тысячи немцев Рурской 27

области разъезжаются по большим и малым городам, по рабочим окраинам и поселкам, чтобы с новой силой взяться за трудную, зачастую опасную, но столь необходимую людям работу.

КУМИР НЕ ОПРАВДАЛ НАДЕЖД

Окно моей комнаты в маленьком боннском отельчике выходит к portalу старинного католического собора. Когда я поднимаю голову над газетой, мой взгляд упирается в гипсовую фигуру монаха, держащего в руках спасенное дитя. Каждое утро в семь часов меня будит церковный колокол. В пасхальную неделю служба идет и утром, и вечером. Мой рабочий день начинается с разглядывания прихожан. Массивная дверь церкви то и дело отворяется, и оттуда вырываются упругие, властные звуки органа. Потом начинается пение. Час или полтора спустя все вдруг смолкает, и церковная дверь распаивается на обе половинки. Показываются прихожане, молчаливые и торжественные. Мужчины надевают шляпы, женщины — перчатки. Иногда они раскланиваются со знакомыми молча, вроде бы украдкой. Заговаривают друг с другом, лишь сделав шагов десять от церкви.

Однообразие этого ритуала нарушает первое воскресенье после пасхи. В этот день, как заведено, католическая церковь пополняется новым отрядом паствы. Среди прихожан то и дело мелькают фигурки мальчиков, одетых в черные костюмчики, и девочек в белых платьицах, с белыми венками на головах. В их ручонках — колоссальные свечи, чуть ли не во весь их рост. С этого дня дети становятся полноправными католиками. Перед этим они две-три недели подряд ходят к пастору, и он преподает им все, что положено на всю жизнь усвоить христианину. А сейчас под аккорды могучего органа, от которых, кажется, вот-вот обвалятся стены, они получают причастие и аттестат, дающий им право

28 самостоятельно ходить на исповедь, а впоследствии

венчаться в церкви. Когда они вернутся из церкви, в доме начнется семейное торжество с неизменными тортом и кофе.

В западногерманских газетах можно часто встретить статьи о падении усердия среди верующих. Церкви пустеют. Особенно неохотно их посещает молодежь. Некоторые церковные деятели Западной Германии уже переносят на немецкую землю опыт своих американских коллег, которые запросто превращают церковь в танцевальные залы, лишь бы завлечь в них молодых людей.

Но в Бонне отцы церкви спокойны. Верующие к ним идут. Кобленц, Бонн, Кёльн и другие рейнские города — твердыни немецкого католицизма.

Коренной житель Бонна — это владелец винного погребка или пивной, пансиона или кафе, мясник или булочник, домовладелец или барышник, продавец крупного магазина или конторщик, профессор университета или учитель, рентнер (рантье) или богач, доживающий свой век на покое. На многих из них приходится по несколько душ прислуги, тоже коренных боннцев. Фабрично-заводских рабочих в Бонне почти нет по причине отсутствия сколь-либо значительной промышленности. Теперь в массу горожан влилась еще армия правительственных чиновников и служащих. В своем большинстве это пришлые люди. На праздники они поровят съездить домой. Так что лицо Бонна по-прежнему формирует коренной житель.

Когда после шестилетнего перерыва я снова бродил по знакомым улицам, переулкам и закоулкам Бонна, меня не оставляло странное ощущение, какого я не испытывал доселе ни в одном городе мира, — ощущение остановившегося времени. О нет, в Бонне за эти годы появилось много новых домов. На Кобленцштрассе виллу Хаммершмидт — резиденцию федерального президента — теперь затмевает выстроенное рядом шикарное здание Коммерческого банка. Недалеко от него — новый дом полицейской управы города. Великолепен новый зал Бетховена на берегу Рейна. Рядом с ним воздвигается опера. В новые дома переехали многие министерства. Да и в самом старом городе рядом с

узенькими — в одну комнату — средневековыми двухэтажными домиками то и дело отмечаешь заново перестроенные магазины.

И все же Бонн остался провинциальным рейнским городишком. Когда утром выходишь на площадь перед ратушей и попадаешь в толчею рынка, то кажется, что ты давно знаешь в лицо каждого продавца, каждого покупателя. Все та же назойливая вежливость, те же гипертрофированные жесты всегда переигрываемой «немецкой порядочности» и «немецкой честности», то же выражение министерского глубокомыслия на лице, хотя в разговоре речь идет о самой простой морковке. Банковский клерк к вам обращается с точно такой же заученной улыбкой и голову держит под таким же углом, что и три, и пять, и семь лет назад.

Присмотритесь к подъезду этого дома: разносчик булочек здесь появится минута в минуту, как и дворник в полосатой форменной фуражке, с совком и метелкой в руках. Каждый человек здесь настолько привык ко всему его окружающему, сложившемуся в веках, что мельчайшее отклонение от нормы — скажем, пятиминутное запоздание с поднятием жалюзи у парикмахера Шульце — воспринимается как чрезвычайное происшествие. В своем районе здесь знают все друг друга и все друг о друге, как в большой деревне.

Застывший стиль жизни города обволакивает своей паутиной и политический Бонн. Когда я в последующие недели бродил по коридорам бундестага, заглядывал в помещения, где работают корреспонденты, слушал разговоры давно знакомых коллег, а вечерами ловил передачи западногерманского радио, я то и дело был во власти тех же ощущений, что и в первый день на боннской рыночной площади.

Это неизменное, исконно «немецкое», пронесенное через века, многие годы служило хорошей опорой Христианско-демократическому союзу — партии Аденауэра. Лозунг «никаких экспериментов», под которым эта партия вела избирательную кампанию в 1957 году и блестяще победила, собрав более половины всех голосов избирателей, нашел особенно горячий отклик среди бюргерства, в так называемом среднем слое.

Хозяин моей гостиницы, словоохотливый, добродушный рейнландец, в тот год достраивал свой трехэтажный отель. Собственно, он восстанавливал то, что пожрал огонь войны, на том же самом земельном участке в центре города, но только в более солидных размерах, с расширением «дела» в два-три раза в соответствии с духом времени. Кредит без особого труда предоставил банк, конечно под высокий процент, с рассрочкой на двадцать лет. Скоро в кассу потекли деньги от жильцов, от торговли напитками, от небольшой кухни, работающей на полуфабрикатах. Жизнь улыбалась, искрилась звонкой монетой и бутылочными бликами, и казалось, что судьба наконец-то начинает вознаграждать горемычную супружескую чету за все пережитые невзгоды.

Первое время супруги, работая в своем новеньком заведении по 16—17 часов в сутки, не замечали усталости. Потом стали замечать. Обнаружилось, что банковские взносы для погашения кредита, всевозможные налоги, зарплата трем женщинам, которых пришлось нанять, и многочисленные прочие расходы почти полностью съедали выручку. А в последние два-три года появился новый бич — стремительный рост цен на продукты питания, напитки, транспорт. Моим хозяевам приходилось довольствоваться доходом, не превышающим в чистом виде зарплату рабочего средней квалификации, а на эти деньги, понятное дело, особенно не разгуляешься.

«Экономическое чудо», о котором толковали все вокруг, явно проходило мимо них и мимо сотен, тысяч им подобных. Хозяин, совсем облысевший, состарившийся человек, в последнее время безвылазно пребывает в состоянии хандры и к концу дня едва бродит с багровым носом. Все хозяйство фактически лежит на плечах уже тоже немолодой жены. Как поздно я ни возвращаюсь в гостиницу — иногда в два часа ночи, она все еще на ногах. А утром в семь часов, когда я спускаюсь пить кофе, ее новый рабочий день уже в полном разгаре: принята партия продуктов, пива и вина, прибрано помещение, приготовлен завтрак для жильцов. Бедную женщину патает, вместо улыбки по 31

лицу пробегают жалкие судороги, от которых жильцам становится не по себе. Каждое утро я невольно задаю себе вопрос: сколько лет еще протянет эта жрица «свободного предпринимательства»?

Когда я заговаривал с моими хозяевами о драматических событиях, разыгравшихся вокруг канцлера Аденауэра, на их лицах рисовалось полное безразличие к судьбе своего недавнего кумира. Хозяйка таким же бесстрастным тоном, каким она меня спрашивала по вечерам: «Вас разбудить, господин, или вы сами проснетесь?», иногда говорила:

— Ах, бедняга бундесканцлер, бедняга бундесканцлер!

А хозяин, подхихкивая, добавлял:

— Нам со стариком обоим пора на покой, на покой!

По этим репликам, по беседам с самыми разнообразными людьми у меня постепенно складывалось представление о том, как упал престиж Аденауэра в тех общественных слоях, которые еще несколько лет назад молились на него как на спасителя, ниспосланного чуть ли не самим господом богом. Рёндорфский старец вел последний бой, покинутый теми, чьих надежд он не оправдал.

20 апреля, в пятницу, Аденауэр вернулся в Бонн. Он вышел из самолета на аэродроме Ван под Кёльном загорелый и улыбающийся. Улыбка, конечно, меньше всего предназначалась встречавшим его министрам, о настроениях которых канцлер имел представление. Аденауэр улыбался в объективы теле- и кинокамер. Пусть видят немцы, что он не сломлен, не согнут, что нервная дискуссия вокруг канцлерского наследства — это всего лишь мышьяная возня, которая его совсем не трогает. И скупые слова, сказанные в микрофон, тоже должны были подчеркнуть, что он — хозяин положения.

— Я вылетел из Каденаббии без особого восторга, — говорит Аденауэр, — но думаю, это хорошо, что я снова здесь. На расстоянии некоторые вещи выглядят своеобразно и нельзя иметь полную ясность. А для главы правительства важно иметь ясность. Теперь мы с кабинетом примемся за работу.

Многим в Бонне эти слова показались загадочными.

А когда «мерседес-300» с номерным знаком 0-2 на другой день в десять часов утра подкатил к подъезду дворца Шаумбург, в бараках для прессы, в бундестаге, в министерствах, в партийных бюро все затаили дыхание.

Несколько минут Аденауэр уделил послу США Даулингу, зашедшему к нему с прощальным визитом. Даулинг оставлял пост в Бонне по состоянию здоровья. А потом к канцлеру по его вызову один за другим явились пять министров: министр иностранных дел Герхард Шредер, министр труда Теодор Бланк, министр жилищного строительства Люке, министр по делам бундесрата Нидеральт, министр по особым поручениям Кроне.

Журналисты напрасно пытались у кого-нибудь из них вытянуть хотя бы намек на тайны Шаумбургского дворца. Всем ясно было лишь одно: старый канцлер что-то замышляет. Особое внимание обратили на визит к Аденауэру Теодора Бланка. Министр труда все это время защищал ту точку зрения, что канцлерство Аденауэра следует продлить. Значит, Аденауэр не думает сдаваться, он хочет вооружиться к решающей схватке на встречах с руководящим ядром своей партии, которые были намечены на следующую неделю.

Аденауэр знал, что ему придется иметь дело с крепкими и опытными противниками. В этот момент публично подал голос «третий человек в государстве» — Ойген Герстенмайер. Председатель бундстага и член президиума ХДС ясно заявил, что он за немедленное принятие решения о новом канцлере, которым может быть только Эрхард. Пресса обратила внимание на высказывания видного христианского демократа заместителя председателя парламентской фракции ХДС Шмюкера. Тот сказал, что если Аденауэр будет продолжать сопротивляться назначению Эрхарда своим преемником, то нужно принять решение, идущее вразрез с волей Аденауэра.

За те дни, как сообщали газеты, руководству фракции ХДС в бундестаге пришлось более сотни раз **33**

отвечать на телефонные звонки депутатов и партийных деятелей ХДС с мест. Все требовали решительных и быстрых действий, дабы избежать скандала со сменой канцлера. Особенно сильно нажимали земельные правления ХДС Гессена, Нижней Саксонии и Рейнланд-Пфальца. Они требовали, чтобы решение о наследнике Аденауэра было принято немедленно.

«Тяжелая неделя» (так окрестила ее пресса) немудимо надвигалась на Аденауэра.

ТЯЖЕЛЫЙ ФИНАЛ

Вот как выглядел в заголовках газет первый день этой недели, 22 апреля.

«Решено!», «Эрхард будет канцлером!», «Аденауэр проиграл в правлении партии», «Наконец-то!» («Генераль-анцейгер»); «Людвиг Эрхард сиял всем лицом» («Дер миттаг»); «Окончательно: Эрхард будет канцлером!» («Бильдцейтунг»).

Комментаторы писали:

«Терпению ослабленной в результате нескольких выборов правительственной партии вчера пришел конец. Федеральный канцлер Аденауэр потерпел одно из самых больших поражений в своей политической карьере» («Генераль-анцейгер»).

«22 апреля — исторический день германской истории послевоенного времени. На нем заканчивается болезненный переходный процесс, который тянулся годами и который грозил стереть партию канцлера в порошок. Решение о назначении Людвига Эрхарда премником Конрада Аденауэра избавляет не только ХДС, но и германскую политику в целом от проблемы, которая в последние месяцы почти парализовала дееспособность правительства» («Ди вельт»).

В «исторический день» 22 апреля я проходил около двенадцати часов дня мимо дворца Шаумбург. Сквозь решетки ограды был виден знаменитый «мерседес-300» у канцлерского подъезда и еще несколько машин.

34 Единственной живой фигурой на всей территории двор-

ца был разморенный солнцем, сладко зевавший молодой полицейский. Мирная картина, сельская идиллия.

А между тем именно в эти часы, за этими мирными стенами старый лев вел последнюю схватку не на жизнь, а на смерть. Аденауэр бросил на весы все силы, весь свой ум и опыт, чтобы в последний момент перетянуть на свою сторону по возможности большее число депутатов ХДС. Он послал к ним своих агентов, и те уговаривали депутатов поддержать план Аденауэра. Этот план состоял в том, чтобы на заседании правления парламентской фракции ХДС на первое место поставить вопрос о ратификации заключенного незадолго до этого Аденауэром боннско-парижского соглашения о сотрудничестве и тем самым отодвинуть дискуссию о назначении преемника канцлера. Но, как писала на другой день близкая к правительственным кругам газета «Франкфуртер альгемейне», визитеры из дворца Шаумбург не встретили взаимопонимания. Напротив, они «только обострили картину лихорадочного беспокойства».

После обеда здание бундестага ожило. Журналисты двинулись в знакомый просторный холл перед залом, где обычно заседает фракция ХДС. Увы, путь им преградили веревки, самые обыкновенные веревки, на каких домохозяйки вывешивают белье. Журналистам пришлось разместиться на лестницах. Мимо них противились члены правления фракции ХДС. Ничего подобного Бонн раньше не видел.

Началось томительное ожидание. Долгих четыре часа. На лестнице. Когда в поздний вечерний час двери зала заседаний фракции распахнулись, журналисты увидели озабоченное и очень усталое лицо канцлера. Он тряс руку министру труда Теодору Бланку, который, как потом стало известно, остался до конца верным патрону.

Когда Аденауэр вместе с Бланком проходили сквозь строй журналистов, те в один голос закричали: «Что же произошло?» Аденауэр отрезал: «Об этом вы узнаете завтра». Одному журналисту удалось преградить путь канцлеру и задать довольно-таки длинный вопрос: «Господин федеральный канцлер, не можете ли вы

что-нибудь предпринять, чтобы завтра убрали веревку, а то толчея на лестнице выглядит нехорошо?» Аденауэр парировал молниеносно:

— А вы думаете, мне там было хорошо? Вам здесь было гораздо легче.

Другие участники заседания выглядели бодрее и охотно вступали в разговоры. Журналистов особенно умилила игривая фраза, брошенная председателем бундестага Герстенмайером:

— Наконец-то мы поработали не для кошки.

Официальное коммюнике гласило:

«Заслушав доклад председателя фракции (Брентано), Правление решило рекомендовать фракции ХДС — ХСС в бундестаге на завтрашнем заседании назначить преемника федерального канцлера. Председатель партии уполномочивается довести это предложение до сведения господина федерального президента».

А вот какие подробности стали известны журналистам о ходе этого «исторического» закрытого заседания правления фракции.

Незадолго до начала заседания Брентано в коротком разговоре с канцлером обрисовал обстановку во фракции. Он настойчиво подчеркнул, что уже нет никакого смысла сопротивляться: большинство правления, как и всей партии, считает, что надо немедленно решать вопрос о преемнике канцлера.

Но Аденауэр все еще пытался сопротивляться. Во время заседания он доказывал, что назначение преемника канцлера поставит под удар авторитет главы правительства. Такое положение нетерпимо ввиду предстоящей ратификации соглашения с Францией, а также предстоящих визитов в ФРГ президента США Кеннеди и президента Франции де Голля летом. Аденауэр доказывал неспособность Эрхарда заниматься политикой.

Но все было напрасно. Аденауэра поддержали некоторые министры, однако они оказались в меньшинстве. Особенно резко его критиковал заместитель председателя фракции Шмюкер из Нижней Саксонии. И Аденауэру пришлось сдаться. Он заявил, что готов подчиниться большинству.

На другой день на заседании в полном составе фракции ХДС было названо имя будущего канцлера Федеративной Республики Германии — Людвиг Эрхард. За него проголосовало 149 депутатов Христианско-демократического союза. Против было подано 47 голосов. 19 депутатов воздержалось.

Это решение формально ничего не меняло в положении главы правительства. По конституции канцлер избирается бундестагом по предложению федерального президента. Если бы сам Аденауэр не захотел подать в отставку, то президент смог бы вмешаться лишь в том случае, если бы парламент вынес вотум недоверия канцлеру.

В боннском политическом лабиринте столько лазеек, что даже ясное как день решение фракции ХДС было встречено с большим запасом сомнения. Корреспондент одной буржуазной западногерманской газеты, работающий в Бонне с 1949 года, говорил мне:

— О, вы еще не знаете нашего старого канцлера. Так просто он не сдастся. Он еще выкинет номер. Представьте себе, например, ситуацию: где-нибудь в июле или августе старик пишет письмо главе Советского правительства и предлагает встретиться для обсуждения неотложных дел. Получает положительный ответ. И вот наш канцлер выходит на трибуну и говорит: дамы и господа, разве можно мне уходить в отставку? А кто же тогда поедет в Москву?

Мой собеседник говорил это совершенно серьезно. И происходил наш разговор в том самом «предбаннике», который накануне был опоясан веревкой.

Теперь веревка снята и вестибюль выглядит не то как фотоателье, не то как киностудия. В холл втиснуто десятка два кино- и телеаппаратов на массивных треногах и без них. Кругом под ногами провода громоздкой аппаратуры подсветки. И между юпитерами и треногами, спотыкаясь о ящики и провода, слоняются фоторепортеры, корреспонденты газет, радио, телеграфных агентств. У двери — молодой страж в темно-синей форме служащих бундестага. Из двери то и дело вылетают какие-то юркие фигуры, куда-то мчатся, возвращаются снова. Когда они проскальзывают в дверь, из **37**

зала ничего не слышно: за первой дверью есть вторая, и одна из них всегда закрыта.

Через эту дверь только что прошел усталый Конрад Аденауэр. Когда он выйдет из нее, это будет уже другой Аденауэр. Из тесного и прокуренного (курят непрерывно полсотни людей) холла с изрядно вытоптаным полом, с потускневшими от времени стенами мир скоро узнает, что в Западной Германии есть два канцлера: бывший и будущий.

А пока что все нетерпеливо поглядывают на дверь, на лестницу в надежде — авось что-нибудь подвернется. И действительно, по коридору бежит опоздавший на заседание председатель бундестага Герстенмайер. Сколько сил положил этот человек, чтобы не померкнуть в тени своенравной фигуры Аденауэра, чтобы удержаться на высокой ступеньке боннской лестницы. Он сам мечтал о канцлерском кресле — Аденауэр разбил все его мечты. Удивительно ли, что президент бундестага решительный сторонник смены канцлера. Вспыхивают осветительные лампы, жужжат кинокамеры. Стандартная улыбка в объективы, дверь захлопывается. Опять скука.

Корреспондент Юнайтед Пресс интернейшенэл, старый немец, слывший известным журналистом еще при Гитлере, а после войны пристроившийся в американском телеграфном агентстве, шепчет мне на ухо:

— А знаете, куда делась вчерашняя бельевая веревка, что была здесь натянута? Вот тот коллега (кивок в сторону благообразного старичка с седенькой бородкой клинышком) похитил у служащих кусок этой веревки, несколько метров, и повесил у себя в бюро на стену. Говорит, со временем наживет состояние, будет продавать по 10 марок за сантиметр как историческую реликвию...

Еще один опоздавший — Эрнст Леммер, недавний министр по общегерманским вопросам. Одряхлевший, совсем заплывший жиром. Всего полгода назад Аденауэр бесцеремонно удалил его из своего кабинета.

— Вы уже решили, за кого будете голосовать?

— Решил, трижды решил, — бросает на ходу

Леммер, улыбается в объективы и тоже исчезает за дверью.

Везет же нам на «бывших»! Только закрылась дверь за Леммером, как из нее выскакивает бывший военный министр Франц-Иозеф Штраус. Он устремляется в телефонную будку тут же, в холле. Осветительная аппаратура быстро передвигается. Штраус в телефонной будке просвечен насквозь. Жужжат аппараты. Кто-то громко бросает:

— Наконец-то Штраус в камере! *

Взрыв смеха.

Так проходят два часа. А потом наступает развязка. Появляется Конрад Аденауэр. Он старается держаться, как всегда, прямо, но тяжесть случившегося дает о себе знать. Пальцы рук вздрагивают, на лице — смертельная усталость. Фотографам удалось блестяще зафиксировать на пленке эту усталость, и на другой день ее увидел весь мир.

Здесь, в этих стенах и в этот миг, закончилась политическая карьера восьмидесятисемилетнего Конрада Аденауэра. Правда, до того момента, как он в бундестаге произнес последнюю речь в качестве канцлера и не вернулся больше на правительственную скамью, а спустился в зал и занял свое депутатское место, прошло еще целых шесть месяцев. Но они уже не имели значения в его судьбе.

* *
*

Было бы упрощенчеством выискивать непосредственные взаимосвязи в событиях бурной весны 1963 года в Западной Германии. Пасхальные походы противников ядерного оружия или забастовка баден-вюртембергских металлистов не имели прямого отношения к темпам развития кризиса в правящих верхах. И все же и провал провокационной возни в Западном Берлине, и пасхальные походы, и забастовка металлистов, и

* Намек на скандальные аферы ловкача Штрауса, за которые ему по законам полагалась тюремная камера.

недовольство в среднем слое, и «тяжелая неделя» в Бонне были элементами одного целого — финала «эры Аденауэра». Они давали представление о масштабах нерешенных проблем, о печальном наследии «политики силы».

Аденауэр сходил со сцены не триумфатором, а банкротом. Это было логическое завершение не только его личной карьеры. Его уход обнаружил банкротство политического курса западногерманского империализма, родившегося в пепле и трупном запахе первых послевоенных лет.

ЛЕГКИЙ СТАРТ

Когда американские войска форсировали Рейн у Ремагена, в нескольких километрах севернее по течению реки в двухэтажном доме на склоне горы Драхенфельз со стен и потолка сыпалась штукатурка. В комнатах никого не было. Домочадцы — а их имелась дюжина, всех возрастов — прятались в глубокой яме, вырытой в саду самым главой дома Конрадом Аденауэром. Когда канонада замолкла, все вылезли на поверхность целые и невредимые.

Аденауэру шел семидесятый год. В Веймарской республике он, будучи обербургомистром Кёльна, видным деятелем партии центра и председателем прусского государственного совета, одно время даже котирировался на пост имперского канцлера. Двенадцать лет гитлеровской тирании он спокойно провел в своем имении в деревне Рёндорф у горы Драхенфельз близ Бонна, получая от «третьего рейха» безбедную пенсию и предаваясь любимым занятиям — выращиванию роз и изобретательству (в числе его «изобретений» периода 41

кровавого гитлеризма — освещаемый изнутри грибок для штопки носков и «электрический истребитель насекомых»). В дни массовых облав, периодически проводившихся гитлеровцами по всей стране, Аденауэр дважды подвергался аресту, но оба раза быстро возвращался в Рёндорф, к любимым розам.

На характер взаимоотношений Аденауэра с нацистским режимом бросают яркий свет документальные материалы, которые появились в 1963 году в западно-германском информационном бюллетене «Досье-Хинтергрюнде аус виртшафт унд политик». Среди материалов — письмо Аденауэра прусскому министру внутренних дел Фрику от 10 августа 1934 года. Выпрашивая себе обербургомистровскую пенсию, Аденауэр писал, что он «всегда относился вполне корректно к национал-социалистской партии и тем самым неоднократно действовал вразрез с тогдашними министерскими указами и со взглядами центристской фракции в кёльнском городском собрании депутатов». Как председатель прусского государственного совета, заверял Аденауэр, он «подробно объяснял, что, по его мнению, такая большая партия, как национал-социалистская, безусловно, должна занимать руководящее положение в правительстве». Аденауэр, как это видно из материалов, был причислен нацистами к привилегированному кругу лиц, которые могли по льготным ценам приобретать земельные участки изгнанных из Германии противников фашистского режима.

После того как фронт войны переместился куда-то на Восток, у калитки аденауэровского имения остановился темно-зеленый «джип» вооруженных сил США. Американский офицер посадил Аденауэра в машину и помчался с ним в Кёльн. Аденауэр снова стал обербургомистром города-крепости рейнского католичества и могущественных финансово-промышленных групп.

Вскоре район Кёльна отошел к британской зоне оккупации. Аденауэру, выступавшему в двадцатых годах за присоединение Рейнской области к Франции и никогда не питавшему нежных чувств к англичанам, было трудно ладить с новыми хозяевами. Дело кончилось тем, что в октябре 1945 года британский комен-

дант Кёльна генерал Барроклу сместил его с поста обербургомистра за «неспособность», запретив ему появляться в Кёльне и заниматься какой-либо политической деятельностью в британской зоне.

Но за время деятельности в кёльнском магистрате Аденауэр успел предпринять ряд шагов и сделать несколько важных заявлений политического характера. В августе 1945 года он написал письмо мюнхенскому обербургомистру Шарнаглу, в котором поддержал идею объединения осколков буржуазных партий веймарских времен в одну партию с религиозной окраской — Христианско-демократический союз (ХДС). Он писал, что «только это планируемое объединение всех христианских и стоящих на демократической основе сил может защитить нас от опасностей, грозящих с Востока».

Цитируя приведенные слова Аденауэра в своей книге «Вторая республика», западногерманский буржуазный публицист Клаус Бёллинг замечает: «Аденауэр говорил это в момент, когда союзники еще упорно старались отрицать наличие подобной опасности». Суммируя тогдашние взгляды Аденауэра, К. Бёллинг пишет: «Аденауэр видел в ХДС лучшую из всех мыслимых возможностей собрать воедино все антисоциалистические круги германского бюргерства и возвести вал против каких бы то ни было общественных изменений».

Вторая акция Аденауэра касалась нацистов, которые в грохоте военных канонад присмирели, но уже несколько недель спустя, пользуясь бездеятельностью оккупационных властей, начали распускаться и требовать себе места под солнцем. В июне 1945 года Аденауэр пишет письмо Дуайту Эйзенхауэру, в котором рекомендует ему «посмотреть, нельзя ли смягчить строгие установки насчет искоренения нацистов» и открыть им дорогу в административный аппарат.

Третье выступление Аденауэра относилось к вопросам послевоенного устройства Западной Европы и Германии. 5 октября 1945 года он дал интервью корреспондентке агентства Ассошиэйтед Пресс и газеты «Ньюс кроникл» Барбаре Пейдж. Согласно версии, приведенной в биографии Аденауэра, просмотренной и утвержденной им самим, он заявил: «В случае образования 43

Рейнско-рурского государства, оторванного от других частей Германии, встанет вопрос: а что будет с областями севернее и южнее этого нового государственного образования? Россия, верная своим империалистическим тенденциям, вероятно, сразу же заявит, что оккупированная ею часть и является германским государством. Тогда три западные зоны автоматически начнут стремиться к воссоединению с оккупированным русскими германским государством. Таким образом, лицо всей Германии повернется на Восток, а не на Запад. По моему мнению, западные державы должны сохранить государственно-правовую общность оккупируемых ими трех зон. Самое лучшее — это немедленное создание федерального государства, хотя бы из трех западных зон, раз русские не хотят в этом деле участвовать. А чтобы удовлетворить опасения Франции относительно своей безопасности перед лицом подобного западногерманского федерального государства, следует как можно теснее привязать хозяйство этого западногерманского объединения к хозяйствам Франции и Бельгии».

Итак, в те месяцы, когда в Германии еще дымились руины войны, а люди в городах задыхались от трупного запаха, в голове кёльнского обербургомистра Конрада Аденауэра слагалась концепция будущей боннской «политики силы». Ее основой был ярый антикоммунизм, в неприкосновенности перенесенный из «третьего рейха». Другими ее элементами были: опора на нацистский государственный и партийный аппарат с целью недопущения каких-либо общественных изменений в Западной Германии; курс на раскол Германии, на создание сепаратного государства из трех западных зон во имя спасения капитала и власти рейнско-рурских концернов; план создания вместе с западными оккупационными державами сначала экономического, а затем и военно-политического союза, направленного против Востока, против Советского Союза.

Политические взгляды Аденауэра заинтересовали Вашингтон, вступивший после смерти Рузвельта на скользкую стезю политики Трумэна — Бирнса — Джона
44 Фостера Даллеса. Между Аденауэром и представите-

лями наиболее агрессивных кругов США устанавливаются самые тесные отношения. Этому в немалой степени способствуют его родственные связи с одним из крупных финансистов США — Джоном Маккломом, ставшим впоследствии американским верховным комиссаром в Германии. Известный западногерманский историк и публицист Пауль Зете указывает, что осуществление планов Аденауэра было бы невозможно «без желания американцев создать себе надежного и сильного союзника против Востока». Соединенные Штаты Америки, пишет К. Бёллинг, «сделали ставку на Аденауэра потому, что из внешнеполитических соображений они хотели законсервировать то общественное состояние, которое они обнаружили при своем вступлении в Германию».

«Законсервировать» — очень удачное слово, точно выражающее сущность роли Аденауэра в послевоенной истории Германии.

Но народные массы Западной Германии, проклиная нацизм, отнюдь не хотели возврата к старому. В воздухе носились новые идеи. Без особых разъяснений немец понимал, что за кошмары «третьего рейха» ответственны прежде всего могущественные монополии Рейна и Рура, кучка юнкерской знати Бранденбурга и Померании, Мекленбурга и Восточной Пруссии — носители «прусского духа», поставщики офицеров и генералов для вермахта. Народ требовал приступить к выкорчевыванию корней зла. У всех на устах были слова «лишение собственности», «социализация», «аграрная реформа».

С самого начала силой, противостоявшей Аденауэру, был немецкий народ.

На западногерманском книжном рынке сейчас можно найти многочисленные жизнеописания Аденауэра, в которых доказывается, что секрет его успеха якобы кроется в его «народности», «простоте», «понимании души человека с улицы». Доходят даже до утверждений, будто «Конрад Аденауэр делал только то, чего ждал от него народ» (Пауль Зете).

Это глумление над чаяниями немецкого народа, фальсификация послевоенной германской истории.

Историческая правда состоит в том, что вся послевоенная политическая карьера Конрада Аденауэра — это непрерывное сражение с собственным народом. Его искусство как политического деятеля — это искусство завоевания нечестными способами доверия масс и злоупотребления этим доверием.

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА

Первым актом, преследовавшим цель втереться в доверие народа, было создание партии Христианско-демократический союз. Впервые пришла эта идея не Аденауэру. Многие веймарские политические деятели отсиживались в обозе, пока рейнско-рурские угольно-стальные короли устраивали в стране кровавый эксперимент с национал-социалистскими методами руководства. Когда отгремела катастрофа, настал их черед думать, как сохранить и повести дальше капиталистическую Германию.

Вокруг них был народ, обманутый, оглушенный войной, побитый и голодный. Передовая, наиболее сознательная часть рабочего класса сразу же стала сплываться вокруг вышедших из концлагерей коммунистов, полная решимости раз и навсегда покончить с тираниями. Другая часть трудящихся по традиции пошла к социал-демократам. Но оставались еще миллионы рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигентов, служащих, лавочников и иных мелких собственников из «среднего слоя», не знавших, за кем пойти, не знавших и ничем не интересовавшихся. Свое разочарование в нацизме они механически переносили на «политику» вообще, на все политические партии, на всякую политическую деятельность. Многие из них устремили свои помыслы и надежды к богу. Их жизненным кредо стало «оставьте меня в покое».

Вот к этой-то многомиллионной массе, составлявшей не менее половины взрослого населения Западной Германии, теперь и принялись подбирать ключи политические деятели типа Аденауэра.

— Не хотите иметь дело с политическими партиями? И не надо. Мы предлагаем вам объединиться в «народном сообществе», в котором на равных правах, в дружбе и согласии будут жить католик и протестант, рабочий и крестьянин, хозяин и батрак, владелец завода и швейцар, открывающий ему по утрам дверь. Отцы церкви — католической и протестантской — благословляют вас, дорогие верующие, на этот шаг. Наш союз мы так и назовем — христианский. Пусть бог будет нашим единственным идеалом, наставником и судьей!

С такими проповедями шли в народ и бывшие деятели партии центра, и бывшие консерваторы, и лидеры католического рабочего движения. Среди ревностных «христиан» немало было и недавних героев «третьего рейха», сумевших быстро сменить одежду.

Расчет оказался верным. Идея создания партии под девизом христианской веры нашла широкую поддержку. Вскоре определилось и ее название: Христианско-демократический союз.

Оказавшись в «рёндорфской ссылке» после изгнания из Кёльна, Аденауэр, как свидетельствует его биограф, занялся детальной разработкой политической программы Христианско-демократического союза. Однако выходить на авансцену он не торопился. Опытный деятель знал о враждебном отношении народа к политикам, которые благополучно отсиживались в своих норах в годы гитлеровской тирании и теперь вдруг стали борцами за «демократию». Аденауэр дал другим принять на себя удары народного недоверия. А когда настроения общественности стали меняться, он развил бурную деятельность. 1946 и 1947 годы для него прошли в непрерывных разъездах по стране. Он возобновляет и устанавливает связи со старыми политическими деятелями, ищет себе единомышленников среди молодежи, опаленной пламенем войны, выступает на собраниях, встречах, диспутах. Он стремительно взбирается по должностной лестнице в Христианско-демократическом союзе: от лидера кёльнских христианских демократов до председателя ХДС трех западных зон.

Аденауэр с самого начала смотрел на ХДС как на удобный маскировочный халат. «Христианское было для него важным, но не решающим», — пишет К. Бёллинг. В христианской мантии своей партии «он раньше, чем кто-либо другой, увидел шанс с помощью обеих церквей перетянуть на свою сторону толпу избирателей». Что же касается своей собственной политической программы, то при ее разработке он менее всего думал о принципах христианской морали. Более того, вся его политическая практика в последующие годы войдет в историю как образец кощунственного глумления над этими принципами.

Мы уже знаем, какие мысли бродили в голове Аденауэра летом и осенью 1945 года, когда он писал письма Д. Эйзенхауэру. Они-то и легли в основу его варианта программы ХДС. Но это был не единственный проект. Так, на встречу христианских демократов в Нехейм-Хюстене в феврале 1946 года прибыло 27 деятелей, и каждый привез в портфеле свою собственную программу. На первых встречах и конференциях происходил обмен мнениями, сводились воедино различные проекты, вырабатывались общие документы.

Кстати, именно в этих документах, а не в пухлых исторических «трудах», которые издаются ныне в ФРГ, отражены подлинные народные думы и борьба идей того времени. Отцы Христианско-демократического союза понимали тогда, что они не могут рассчитывать на успех, если пройдут мимо того, чем живет и дышит народ. И вот в один из первых программных документов ХДС, принятых на встрече ее лидеров в Бад-Годесберге в конце 1945 года, вписывается следующий пункт: «В целях осуществления такого экономического и социального порядка, который навсегда исключает опасность подчинения государственной власти незаконным влияниям экономических объединений, необходим переход земельных владений в общую собственность. Горное дело и другие ключевые предприятия, имеющие монопольный характер, должны быть подчинены государственной власти. Однако система планового ведения хозяйства должна быть насыщена и оживлена

48 старой западной идеей свободы и ответственности лич-

ности. Таким образом, мы являемся представителями социализма, исходящего из христианской ответственности, выступаем как сторонники частной собственности, которая, однако, всегда должна сохранять связь с благом для всех».

Полтора года спустя, в феврале 1947 года, ХДС британской зоны на своем съезде в Алене принял программное заявление, в котором говорилось: «Капиталистическая система хозяйства более не соответствует жизненным интересам немецкого народа в государственной и социальной областях. Вслед за ужасной политической, экономической и социальной катастрофой, явившейся следствием преступной политики, может последовать лишь коренное обновление порядка». Аленская программа предусматривала обобществление горнодобывающей и металлургической промышленности, предоставление рабочим права участия в решении «основополагающих вопросов экономического планирования и социальной политики».

Теперь мы знаем, насколько чужды были эти мысли политическим взглядам и целям Аденауэра. Но он легко подписался под ними. Подписался, чтобы прослыть сторонником «христианского социализма», национализации ключевых отраслей промышленности, обуздания алчных монополий. Подписался, чтобы поддаться под настроения народа, а потом его хладнокровно обмануть.

Еще не успела высохнуть типографская краска на страницах аленской программы, как Аденауэр в интервью английской газете «Дейли мейл» резко выступил против национализации ключевых отраслей промышленности. В дальнейшем такие неожиданные зигзаги стали нормой его поведения: красивые декларации для усыпления народа и инакомыслящих в рядах своей партии — и единовластные действия в прямо противоположном направлении, в угоду финансово-промышленным монополиям, интересы которых он представлял на политической арене.

На словах Аденауэр ратовал за единство Германии, а на практике вместе с оккупационными властями, в первую очередь с американской военной администрацией, 49

шаг за шагом готовил задуманный им еще в 1945 году раскол страны. Он был одним из соучастников создания сепаратных экономических объединений «Бизонии» (английская и американская зоны), а затем «Тризонии» (с участием Франции). В 1948 году в Западной Германии руками его сподвижника по партии Людвига Эрхарда и при его собственном активном участии была проведена денежная реформа, положившая начало самостоятельному экономическому развитию запада и востока Германии. В том же году Аденауэр возглавил так называемый Парламентский совет, который разработал конституцию сепаратной республики, составленной из трех западных зон оккупации. Наконец его мечта сбылась: в сентябре 1949 года была провозглашена Федеративная Республика Германии и он на долгие четырнадцать лет занял кресло ее федерального канцлера. (При голосовании в бундестаге Аденауэр был избран на пост канцлера большинством в один голос; тогда говорили, что Аденауэр избрал «сам себя».)

С этого момента Христианско-демократический союз с его религиозными «идеалами» стал нужен Аденауэру лишь постольку поскольку. Отныне не Аденауэр существовал для ХДС, а ХДС для Аденауэра. «Не Конрад Аденауэр изменился с тех пор, как он по окончании войны возвратился к политике, — пишет К. Бёллинг, — изменилась партия, которая в короткий срок настолько подчинилась его притязаниям на руководство, что вскоре лишь воля одного человека стала иметь в ней силу».

«Партия образовала правительство, — продолжает К. Бёллинг, — и правительственное заявление содержало много хороших принципов. Но начался натиск заинтересованных групп (т. е. монополий), и глава правительства стал обращаться с этими принципами как жонглер; не успевали его сподвижники оглянуться, как принципы исчезали. А на следующем партийном съезде председатель партии провозглашал новые уставочные положения, и никто не осмеливался потре-

Вскоре Христианско-демократический союз стали открыто называть «партией канцлера», а режим, установившийся в Западной Германии, — «демократией канцлера».

Попирая основы основ и демократии, и христианства, игнорируя мнение своих сообщников не только по партии, но и даже по правительству, Аденауэр заботился только об одном: как создать политическими средствами благоприятные условия для возрождения финансово-промышленной мощи германских монополий, условия для их выхода на мировой рынок, для осуществления их политических целей. Канцлер душой и телом принадлежал к тому общественному слою, что составляет мизерное меньшинство в народе и тем не менее вершит его судьбами. Обладатель большого состояния, в том числе домов, земельных угодий и ценных бумаг, Аденауэр еще в двадцатых годах примкнул к «кёльнской кучке» могущественных воротил промышленности и финансового капитала. Он был тесно связан с владельцами банкирского дома Шрёдера, а один из крупнейших германских банкиров, Роберт Пфердменгес, был его личным другом и советчиком. В послевоенные годы через браки дочерей и сыновей связи Аденауэра со знатными фамилиями еще более укрепились.

Монополии не оставались в долгу перед своим изобранным, стартовавшим с таким успехом, и касса ХДС всегда была полна. Особенно важна была эта помощь в период подготовки к выборам в первый бундестаг ФРГ в 1949 году, на которых партия Аденауэра собрала наибольшее количество голосов. На протяжении всего периода канцлерства Аденауэра монополии не жалели денег на рекламу. «Германский феномен», «мудрый рёндорфский старец», «великий европеец» — какими только эпитетами не награждала его изобретательная пресса! Но аденауэровская «несгибаемая вера в себя», его «твёрдость характера», о которых слагались на Западе легенды, объяснялись просто: за спиной канцлера всегда стояли банки и промышленные концерны — хозяева судеб Западной Германии.

И все же картина послевоенного взлета Аденауэра была бы неполной, если бы мы не вспомнили о некоторых других событиях и фактах того времени.

ПОБЕДИТЕЛЬ ПРОТЯГИВАЕТ РУКУ

6 сентября 1946 года жители южногерманского города Штутгарта, голодные, обносившиеся, как почти все немцы в те дни, с любопытством разглядывали вереницу шикарных автомобилей, подкатывавших к городской опере. Из лимузинов выходили сухопарые американские офицеры и генералы. Иногда на тротуар грузно вываливались седовласые штатские и неуверенной походкой скрывались в подъезде оперы. То были первые немецкие политики, с которыми американские оккупационные власти «нашли общий язык». Среди них — премьер-министры только что образованных южногерманских земель: старый швабский либерал Рейнгольд Майер, баварский социал-демократ Карл Хёгнер, христианский демократ профессор Карл Гейлер.

Конрада Аденауэра здесь не было: во-первых, жил он не в американской, а в английской зоне, во-вторых, земельным «премьер-министром» он не числился.

Но не произошли того пышного сборища в штутгартской опере, о котором здесь идет речь, мы едва ли знали бы сегодня имя Конрада Аденауэра.

Незадолго до этого к перрону штутгартского вокзала подкатил поезд. Он доставил из Берлина чрезвычайно высокопоставленное лицо — государственного секретаря Соединенных Штатов Америки Джеймса Бирнса. При его особе находились сенаторы Ванденберг и Коннели, имена которых тогда звучали внушительно. Бирнс приехал в личном вагон-салоне Гитлера, что, казалось бы, должно было подчеркивать решимость Соединенных Штатов до конца оставаться верными идеалам антигитлеровской коалиции. Но миссия

Бирнса имела совсем противоположный политический смысл. В декорированном на генеральский вкус зале штутгартской оперы руководитель внешнеполитического ведомства США произнес речь, означавшую, что Вашингтон порывает с совместно выработанными в ходе войны целями и задачами антигитлеровской коалиции. Разумеется, в этой речи не было и намека на возможность возрождения германских вооруженных сил, на нынешнюю дружбу Пентагона с гитлеровскими генералами. Бирнс выступал как сердобольный гуманист, увещевал слушателей, что «мир и благосостояние не могут быть куплены за счет мира и благосостояния какой-либо другой страны», что «США против слишком жестоких, продиктованных чувством мести мероприятий» в отношении Германии и что, по их мнению, немцам должно быть позволено восстановить «промышленность, служащую мирным целям».

На другой день американский радиокомментатор Стил заявил: речь Бирнса указывает на то, что Соединенные Штаты желают «восстановить Германию и добиться поддержки наихудших политических элементов Германии в подготовке возможной войны против Советского Союза».

Бирнс не случайно концентрировал свое внимание на экономических проблемах Германии. Отцы «дипломатии доллара» решили, что лучший способ сделать немцев своими союзниками — это купить их. Еще за несколько месяцев до штутгартской речи Бирнса американский главнокомандующий оккупационными войсками в Германии генерал Клей приказал прекратить демонтаж немецкой промышленности, осуществлявшийся в соответствии с потсдамскими решениями победителей, и приостановить поставки репарационного имущества Советскому Союзу. Затем последовали шаги, суть которых сводилась к предоставлению полной свободы действий воротилам западногерманских монополий в восстановлении их производственного аппарата, недавно служившего Гитлеру. После экономического слияния американской и английской зон в «Бизонию» (1948 г.) хозяйством этого района фактически стали управлять немецкие дельцы.

На Западе любят изображать дело так, будто решающую роль в быстром восстановлении хозяйства Западной Германии сыграли доллары, которые начиная с 1948 года потекли в западногерманскую промышленность по «плану Маршалла». Конечно, эти доллары были хорошим подспорьем в дополнение к тому, что рейнско-рурские монополии нажили на войне и многолетнем ограблении народов Европы. И все же если говорить о главном благодеянии, оказанном хозяевами Уолл-стрита рурам финансово-промышленным королем, то оно состояло в предоставлении им свободы рук. Система «свободного рыночного хозяйства», любимое дитя профессора Людвиг Эрхарда, означала не что иное, как «возврат к предкам», ко временам ничем не сдерживаемого разбоя акул капитала, которые в поверженной Германии отличались особой алчностью. Вот как рисует этих хищников Клаус Бёллинг:

«В Западной Германии имелся слой, который еще в первые годы после поражения выжал из своих обедневших соотечественников солидные барыши. Эти стяжатели, процветавшие на развалинах, разжиревшие на величайшей нужде, сумели воспользоваться шансами, предоставленными им новой экономической политикой, не хуже, чем до этого они использовали лазейки в принудительном хозяйстве (так автор деликатно называет систему хозяйства гитлеровской Германии. — П. Н.). То был вульгарный капитализм, который хотя и в иной, но в сходной форме имелся после первой мировой войны. Во многих случаях его представители были идентичны с тем кругом лиц, которые получали прибыли от гитлеровского военного хозяйства и теперь надеялись экономическим путем вернуть себе старые позиции. Нередко этим людям удавалось прикрывать свою алчность красивыми фразами о либерализме и свободной предпринимательской инициативе». К. Бёллинг добавляет, что «это отвратительное развитие позднее почти не удалось выправить».

Помогая рейнско-рурским монополиям быстро подняться на ноги, американские правители думали не об их благе (ведь они отлично знали их как будущих
54 опасных конкурентов), а о своих собственных интере-

сах. В США считали, что, прежде чем сделать Западную Германию своим союзником, нужно поскорее дать немцу работу, накормить его и задобрить разными другими способами.

Когда американские, английские и французские оккупационные власти вместе с германскими политиками и экономистами рубили в 1948—1949 годах последние канаты, связывающие Запад и Восток страны, на территории трех западных зон под солнцем «свободного рыночного хозяйства» стремительно оживали производство, торговля, финансовые операции. Без этой подкормки, отвлекавшей внимание масс от политических махинаций в западных зонах, Конрад Аденауэр едва ли привел бы ХДС к победе на первых парламентских выборах и едва ли стал бы канцлером ФРГ. Пауль Зете указывает, что, собственно, настоящим победителем на выборах 1949 года был Людвиг Эрхард. Тогда ему ничего не стоило стать канцлером, однако он этого не захотел. Его лавры пожал бывший кёльнский обер-бургомистр, который в то время, по словам Пауля Зете, был «почти неизвестным человеком».

Давая толчок экономическому буму в Западной Германии, американские экономические круги заботились прежде всего о создании там обстановки, которая позволила бы без особого риска поставить на повестку дня вопрос о возрождении немецких вооруженных сил. Этот расчет в значительной мере оправдался.

Пропаганда вокруг «экономического чуда» сослужила милитаристским силам США и Западной Германии неоценимую службу: она направила внимание народа в русло личных материальных интересов, разжигала в нем нездоровые страсти, отвлекала от решения классовых и национальных задач.

Трудно упрекать за это немецкий народ. Если оглянуться на первую половину нашего века, то немного найдешь там светлых окон, когда немец жил бы в покое и достатке. Первая мировая война, затем годы разрухи, инфляции. Веймарская республика осталась в памяти как полоса социальных неурядиц, перманентной безработицы. Потом годы гитлеризма, годы

шовинистского угара, роковых заблуждений, обманутых надежд. И снова поражение, снова послевоенная разлука, невиданная в истории.

Но вот забрезжил рассвет. Появилась возможность работать, получать деньги. В магазинах все больше товаров. Начали строить дома, появилась возможность получить новую квартиру. Пусть она и тесна (малые габариты жилища объявлены модой), пусть и дом сделан из хлама, кое-как (слышно, как сосед за стенкой листает газету) и чрезвычайно дорога (40 процентов зарплаты), но как въехать в чистенькие комнатки со старой мебелью? Мебельная лихорадка захлестнула пространство между Эльбой и Рейном. А где мебель, там большие расходы. Денег трагически не хватало. Вот тут-то хозяевам Западной Германии и удалось заарканить накрепко народ.

Рассрочка! Опутать людей по рукам и ногам долговыми обязательствами. Пусть каждый знает, что если он не внесет к определенному числу каждого месяца причитающуюся сумму, то он потеряет и вещь, которая ему так пришлась по вкусу, и ту сумму денег, что он уже выплатил.

Люди жаждали благополучия, удобств — и набросились на вещи, продаваемые в рассрочку. Теперь в их жизнь вошло чудовище, завладевшее всеми чувствами и помыслами, — долговые платежи. Самым страшным стало потерять работу. Надо держаться за место, чего бы это ни стоило. И прирабатывать сверхурочно, если подвернется случай. Забастовка? Да, конечно, надо добиваться повышения зарплаты. Но... как бы не прогневить хозяина, дирекцию, мастера?

Один западногерманский журналист, боннский корреспондент махровой буржуазной газеты, издающейся в Рурской области, сказал мне однажды тоном, исполненным торжества и высокомерия:

— Продажей товаров в рассрочку мы навсегда убили социализм в Федеративной республике. Учтите это, коллега.

«Коллега» из Рура явно преувеличивал. Но бесспорен факт: без мероприятий, подобных продаже в рассрочку, без подачек из государственного бюджета на

социальные нужды населения Аденауэру и его друзьям не удалось бы навязать населению Западной Германии ремилитаризацию.

И все же тезис официальной боннской пропаганды, будто вооруженные силы в Западной Германии были восстановлены с согласия и одобрения народа, ничего не имеет общего с действительностью. Историческая правда состоит в том, что ремилитаризация навязывалась народу силой, методами обмана и подкупа, что Аденауэру пришлось вести с собственным народом многолетнее сражение, которое показало, что денежному мешку подвластно далеко не все.

КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИЕ

Идея возрождения вермахта на новой основе окончательно созрела к концу 1948 года. Западногерманской общественности она была подброшена контрабандой через швейцарскую и французскую прессу. Газеты «Тризонии» подхватили ее, сначала боязливо, с оглядкой по сторонам. Потом, убедившись, что мир от этого не разверзся, посмелели. Уже несколько дней спустя можно было прочесть, например, такие рассуждения:

«Какова сейчас ситуация? Русские и их сателлиты стоят за Эльбой, и никто не может сказать, в какой степени они оснащены для войны, готовы к ней. Западногерманский блок с французским ядром из мягкого железа не может служить для них серьезным противовесом. Политику в Центральной Европе делают американцы и русские. Эта политика может привести к войне. Американцы не гарантируют Центральную Европу ни фактически, ни по договору. Таким образом, простейшая необходимость — дать немцам Западной Германии возможность участвовать в собственной обороне».

Эти слова принадлежали совсем юному журналисту, главному редактору журнала «Дер шпигель» Рудольфу Аугштейну. В одиннадцатой главе книги читатель 57

увидит, как Р. Аугштейн ныне пытается развязать мертвый узел проблемы германского воссоединения. Аугштейну мы можем по праву сказать: вспомните, дорогой коллега, как вы сами завязывали этот узел. Сегодня вы пожинаете горькие плоды!

В те дни Аденауэр молчал, как будто дискуссия о возможности ремилитаризации его не касалась. Можно было думать, что по-прежнему остаются в силе его слова, произнесенные еще в 1946 году: «Мы согласны с тем, что нас полностью разоружат, что наша военная промышленность будет разрушена, что мы в обоих направлениях подвергнемся длительному контролю. Я хочу пойти еще дальше: мне кажется, большинство немецкого народа согласилось бы на то, чтобы в международно-правовом отношении нас нейтрализовали, как Швейцарию».

Когда в декабре 1948 года Аденауэр почувствовал, что публика «созрела» и готова проглотить новую порцию пропаганды в пользу ремилитаризации, он подал свой голос. Но и теперь Аденауэр продолжал играть на антивоенной струне, подлаживаясь под настроения общественности. На вопросы журналистов насчет его отношения к идее ремилитаризации он ответил:

— У меня нет точки зрения по этому вопросу. Я не могу вам высказать и своего мнения. Я вообще не задумываюсь над этой проблемой.

Немецкий публицист Герхард Денглер сопоставил факты и на нескольких примерах показал, как бесчестно обманывал свой народ Аденауэр.

Первый пример касается только что упомянутого интервью Аденауэра. Итак, в декабре 1948 года у Аденауэра не было точки зрения по вопросу о ремилитаризации, он тогда «вообще не задумывался над этой проблемой». А три года спустя, в феврале 1952 года, в боннской газете «Генераль-анцейгер» можно было прочесть следующие строчки:

«Устроившись на зеленой софе и тихо беседуя за чаем с сэндвичами, Аденауэр открыл перед иностранными журналистами, что еще задолго до того, как стать канцлером, он просил у генерала Шпейделя совета относительно создания новой германской армии.

По его словам, в декабре 1948 года он поручил генералу Шпейделю подготовить меморандум о сравнительной численности европейских армий и о том, чего союзники могут в один прекрасный день потребовать от нас».

Вот, оказывается, как Аденауэр в декабре 1948 года «вообще не задумывался» над проблемой ремилитаризации!

Год спустя появилось на свет пресловутое Петербургское соглашение, которое регулировало отношения между западными оккупационными державами и только что родившейся (6 октября 1949 года) Федеративной Республикой Германии. В Петербургском соглашении имелось положение о том, что федеральное правительство «будет тесно сотрудничать с верховными комиссарами в области военной безопасности». Слова эти были тщательно запрятаны между высокопарными обетами боннского правительства «сохранять демилитаризацию федеральной области» и не допускать «новообразования каких-либо вооруженных сил». И все же они заставили многих задуматься. Коммунисты сделали в бундестаге запрос, но не получили вразумительного ответа. После этого насторожилась вся общественность, и Аденауэру пришлось снова высказаться по поводу упорных слухов о предстоящей ремилитаризации. Но что же сказал Аденауэр? Вот его слова из интервью агентству ДПА, данного в декабре 1949 года:

— Общественности должно быть ясно раз и навсегда, что я принципиально против перевооружения Федеративной республики и, следовательно, против воссоздания германского вермахта.

Позднее стало известно, что ровно через десять дней после этого заявления, предназначенного для народа, Аденауэр на тайном заседании правления ХДС британской зоны сказал следующее:

— Немцы должны быть представлены в европейских вооруженных силах с теми же самыми правами, какими пользуются другие европейские нации. Что представляет большую опасность — русская угроза западному миру или существование германского

контингента войск, объединенного с вооруженными силами прочих наций?

И последний пример потрясающей бесцеремонности, с какой Аденауэр обращался с общественным мнением.

В августе 1950 года произошел первый скандал в боннском кабинете. Министр внутренних дел доктор Хейнеман, видный деятель партии Аденауэра, подал в отставку. Он это сделал в знак протеста против произвола, чинимого канцлером. Что же случилось? Обнаружилось, что Аденауэр вручил американскому верховному комиссару Макклою меморандум, в котором изложил, на каких условиях глава правительства ФРГ готов создать немецкую армию и внести «вклад в оборону Запада» (не зря трудился с 1948 года генерал Шпейдель!). Сделал он это без ведома членов правительства и лишь на другой день устно информировал кабинет о меморандуме. Когда кто-то из членов кабинета попросил показать этот документ, Аденауэр отказался. Потрясенный и возмущенный, Хейнеман подал прошение об отставке, заявив, что он не может нести ответственность за действия канцлера.

Общественность, конечно, узнала, что побудило Хейнемана уйти в отставку. Ей стало известно, что по пути ремилитаризации уже сделаны практические шаги. Но вот что прочли изумленные граждане Федеративной Республики Германии в газетах в октябре 1950 года:

«В связи с отставкой д-ра Хейнемана федеральный канцлер не оставил сомнений в том, что федеральное правительство не работает над планами перевооружения и не намерено вступать в переговоры об этом с союзниками раньше, чем будет представлено конкретное предложение со стороны союзников. Таким образом, федеральный канцлер опровергает всплывающие время от времени слухи, будто втайне идет подготовка к будущим важным решениям».

Итак, снова опровержение. Но на этот раз внимательные читатели заметили слова, замаскированные фальшивым пафосом отрицания: «раньше, чем будет
60 представлено конкретное предложение со стороны

союзников». Эти слова могли означать только одно: такое «конкретное предложение» в ближайшее время последует.

В сентябре 1950 года в Нью-Йорке собрались министры иностранных дел США, Англии и Франции (Ачесон, Бевин и Шуман) для того, чтобы согласовать это самое «конкретное предложение». Из коммюнике о встрече мир узнал, что три западные державы намерены вооружить западногерманское государство. Игре в прятки пришел конец.

В Западной Германии, несмотря на предварительно проведенную психологическую обработку общественного мнения, сопротивление ремилитаризации сразу же приняло острые формы. На выборах в ландтаги в двух землях — Гессене и Вюртемберг-Бадене — партия Аденауэра потерпела поражение. Почти половина избирателей в знак протеста против планов ремилитаризации не явилась на выборы. Движение против ремилитаризации, за единство страны разрасталось с каждым днем. В него вливались новые силы из самых различных слоев населения. Сторонникам возрождения вермахта теперь уже пришлось с открытым забралом вступить в бой, чтобы сломить сопротивление народа.

По возвращении из Нью-Йорка американский верховный комиссар Макклой собственной персоной предстал перед немецкой молодежью. Выступая с речами и докладами, он призывал ее «отказаться от национальной гордости», от «узколобого понятия суверенитета». Предметом для подражания для молодых немцев, убеждал Макклой, должны стать молодые американцы, которые «с радостью» оставили университеты и пошли воевать в Корею.

Макклою вторил Аденауэр. С языка престарелого канцлера сходили слова, смысл которых был прямо противоположен тому, что он говорил еще совсем недавно.

Призывы к участию в «обороне Запада» сопровождались злобной травлей Германской Демократической Республики, клеветой на мирную политику Советского Союза, криками о «коммунистической угрозе». Для приемов, которыми пользовались тогда сторонники **61**

возрождения вермахта, характерна их провокационная выходка в Западном Берлине в октябре 1950 года. Туда съехались западные верховные комиссары, Аденауэр со своими министрами, дипломатические представители западных стран в Бонне и американские послы в странах Европы. Поводом для столь многочисленного собрания явилось вручение Западному Берлину «колокола свободы» как символа пресловутого «крестового похода за свободу», возглавлявшегося тогда Эйзенхауэром, Клеем и другими кумирами реакции. Церемония сопровождалась злобными речами, в которых демагогические рассуждения о «свободе» перемешивались с прямыми призывами к войне.

В большом ходу было тогда запугивание. Газеты помещали, например, такого рода сообщения: «Влиятельное лицо из американской верховной комиссии заявило, что «нет» боннского бундестага в вопросе западногерманского вклада в оборону в рамках общей западноевропейской армии заставило бы американцев подвергнуть пересмотру намеченную дислокацию дополнительных американских войск в Западной Германии... Отрицательная позиция Западной Германии, без сомнения, потребует тщательного изучения проблемы, является ли при таких обстоятельствах Эльба подходящей линией обороны». Сообщение было снабжено грозным заголовком «Отказ немцев может иметь тяжелые последствия».

Такого рода угрозы предназначались для депутатов бундестага, которым предстояло дать «от имени народа» согласие на возрождение армии. Для простой же публики в ходу были более примитивные средства. Чаще всего навешивался ярлык «агента Москвы» каждому, кто был не согласен с курсом ремилитаризации.

СГОВОР

Сторонники возрождения вермахта натолкнулись на сопротивление не только в Западной Германии, но и в других странах Европы, особенно во Франции. Сомне-

ния в правильности избранного курса проникли даже в глубины правящего класса этой страны.

«Известные круги в Англии и Франции, — писала тогда французская газета «Ле эко», — боятся ответственности и не проявляют такой решительности, как минувшим летом». Они, заявляла газета, «опасаются далеко идущих последствий». Как представляли себе в Париже эти «далеко идущие последствия», было видно, например, из выступления министра иностранных дел Франции Шумана в Страсбурге. «Атлантический пакт, — говорил он, — носит лишь временный характер, так что Западная Германия в случае принятия ее партнером в Атлантический пакт впоследствии получит в свое распоряжение собственную национальную армию как средство для проведения собственной политики».

Сейчас западногерманский бундесвер еще формально не объявлен национальной армией, но Федеративная республика уже ведет «собственную политику», и Париж хорошо это ощущает. Уже сегодня можно сказать: высказанные в 1950 году г-ном Шуманом опасения полностью подтвердились.

А тогда Шуману и его коллегам по кабинету пришлось начать затяжную игру в «оппозицию» по отношению к планам ремилитаризации Западной Германии, чтобы притупить бдительность французов. На свет появился так называемый план Плевена, предусматривавший формирование «неопасных» якобы для Франции немецких частей численностью от батальона до полка для включения их в соединения европейской армии.

Кстати, сейчас нам понятно, что план этот был не только порожден страхом французских правящих кругов перед своим народом. Он отражал уже зревшую тогда на Сене идею франко-германского союза, в котором Франция мечтала играть ведущую роль.

На протяжении октября 1950 года между Аденауэром и французским верховным комиссаром Франсуа-Понсэ разыгралось немало трогательных сцен. Франсуа-Понсэ пустил в ход весь свой многолетний дипломатический опыт, чтобы зажечь сердце боннского 63

канцлера любовью к Франции и «плану Плевена». Ему помогал Шуман своими сладкими речами, обращенными к Бонну. Сперва создалось впечатление, что усилия французов увенчиваются успехом. Из Бонна сообщали, со ссылкой на Аденауэра, что «в настоящее время можно легко достичь соглашения между Парижем и Бонном». Выступая в бундестаге, Аденауэр назвал «план Плевена» «ценным вкладом в дело консолидации Европы».

Однако ровно через месяц стало ясно, что это было всего лишь очередной ход Аденауэра в большом торге, который он тогда вел с хозяевами Соединенных Штатов Америки.

Между тем завязавшийся роман между Бонном и Парижем вызвал сильное беспокойство в Лондоне. Первая заповедь английской дипломатии в свое время гласила: «Англия может жить спокойно, пока Франция и Германия грызутся между собой». «План Плевена» был встречен в Англии с явным неудовольствием. Бевин срочно собрался в Бонн, чтобы собственноручно расстроить сделку.

Но путешествие Бевина вскоре отложили, а затем вообще отменили. В дело вмешался сам Вашингтон, крайне недовольный тем, что переговоры о формировании западногерманской армии все еще стоят на мертвой точке. Американские политики и генералы решили идти напролом. «Америка не может больше церемониться со своими союзниками», — заявил сенатор Маккарэн.

10 ноября Парижу указали «в резкой форме», что Уолл-стрит явно недоволен французской позицией. Уже через пять дней министр обороны Франции Жюль Мок, придя в себя от окрика, смущенно заявил, что «слухи о франко-американских разногласиях преувеличены», а через полмесяца от «плана Плевена» осталось одно воспоминание. Комитет Североатлантического пакта, возобновивший в середине ноября работу в Лондоне под председательством американца Спиффорда, с удивительной быстротой нашел «компромиссное решение» в вопросе, который до того назывался

64 «неразрешимым». Французы некоторое время пытались

«Нет» атомной бомбе! Одна из колонн ежегодных психальных походов противников ядерного вооружения ФРГ.

В колоннах демонстрантов — борцов за мир Рурской области — и стар и млад. Они демонстрируют против атомной бомбы, за мирное сосуществование, за демократические права народа.

55 английских борцов за мир прибыли в Дюссельдорф для участия в антивоенной демонстрации. О том, что с ними произошло, рассказано в книге.

«В 1945 году — Хиросима и Нагасаки. В каком году Германия?» Пикеты молодых борцов за мир, предупреждающие о пагубных последствиях атомного вооружения, можно часто видеть на улицах и центральных площадях западногерманских городов.

*Западногерманские рабочие в борьбе за свои права.
Забастовка металлистов Мангейма.*

делать вид, что лондонский «компромисс» — это дело их рук, но скоро за ним окончательно утвердилось имя Спюффорда. Французские политики позорно капитулировали перед Вашингтоном.

Постепенно начали вырисовываться контуры американского плана «переустройства» Западной Европы. Все отчетливее становилось, что США склоняются отдать роль «организатора Западной Европы» не Франции и не Англии, а Западной Германии. Выступая 24 ноября перед студентами Кильского университета, Джон Маккллой прямо заявил, что перед Федеративной республикой стоит задача «сыграть ведущую роль в консолидации Западной Европы».

— Мир надеется, — воскликнул он, — что вы, дамы и господа, воспользуетесь этим шансом.

Между правящими кругами США и германскими империалистами, окончательно почувствовавшими, что они нужны, с этого момента начался затянувшийся на многие месяцы торг. Рурские промышленники и их представители в Бонне решили продать себя по самой дорогой цене. «Ремилиитаризация — это вам не детские игрушки, — торговался орган западногерманских промышленников кругов газета «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг», — и уж не такое это для нас большое удовольствие. К тому же она дорого стоит. Мы не намерены тратить свои средства на чужие дилетантские эксперименты. Равные обязанности должны давать равные права».

«Если западные державы желают, чтобы немцы бок о бок с ними принимали участие в обороне Западной Европы, им следует пересмотреть свою политику по отношению к Западной Германии», — говорил Аденгауэр.

Немецкие требования становились все конкретнее: упразднить оккупационный и рурский статуты, заменить их «договором безопасности», сделать Западную Германию «равноправным партнером» в политических и военных делах, предоставить западногерманским промышленникам максимум возможностей в экономической области и восстановить «честь» германского воинства. Последнее уточнялось так: забыть злодеяния

гитлеровцев и выпустить из тюрем всех немецких военных преступников.

Вашингтон быстро проявил готовность удовлетворить эти требования. 9 декабря Аденауэр встретился с Макклом, а через два дня он резко отклонил принятый в Лондоне «план Споффорда», предусматривавший включение западногерманских войск в атлантическую армию «боевыми группами». Полнокровные немецкие дивизии — вот чего добивался Аденауэр! Он потребовал равенства для западногерманских частей в отношении вооружения и командования.

На другой день западноберлинская газета «Дер тагесшпигель», которая в то время играла роль рупора Макклоя, опубликовала следующее сообщение:

«Дипломатические круги в Вашингтоне считают, что если (Западная) Германия отклонит лондонский компромисс, то Соединенные Штаты выступят за более крупные немецкие части в атлантической армии».

Так был разыгран маневр, имевший целью подготовить общественное мнение к принятию плана возрождения западногерманской армии, который устраивал Аденауэра. Намечалось это сделать в конце декабря на встрече министров стран Североатлантического пакта в Брюсселе. Через прессу США всячески давили на своих партнеров, чтобы заранее обеспечить успех встречи. «Западные державы рискуют очень многим, если они своевременно не изъясят свою готовность пойти на принципиальные и нужные уступки», — пугала союзников та же газета «Дер тагесшпигель».

В Брюсселе Ачесон не слушал, а диктовал. Уже в первый день он обрушил на головы своих партнеров тяжелые тирады упреков. Корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс лаконично передал атмосферу, царившую в Брюсселе. «На заседании министров иностранных дел и министров обороны, — писал он, — Ачесон заявил, что правительства Западной Европы действуют недостаточно энергично, и предложил им: 1) немедленно подчинить все военные силы в Западной Германии Эйзенхауэру; 2) ускорить мобилизацию дополнительных военных сил, как это делают сейчас США...; 3) повысить долю военных бюджетов

на производство оружия и снаряжения военно-морского флота и авиации, так как они еще не соответствуют потребностям. По требованию Ачесона, Западная Европа должна провести мобилизацию промышленности на военные нужды примерно на тех же основах, как и в Соединенных Штатах».

Особенно наглядно проявилась диктаторская роль США в вопросе о назначении генерала Эйзенхауэра главнокомандующим европейскими вооруженными силами Атлантического блока. Здесь не был соблюден даже элементарный такт по отношению к европейским партнерам. Эйзенхауэр был назначен на свой пост не советом Североатлантического пакта, а... президентом США Трумэном.

Ожидалось, что и в вопросе ремилитаризации Западной Германии совещание в Брюсселе скажет последнее слово. Однако в коммюнике германскому вопросу было отведено лишь несколько загадочных строк, сообщавших о достижении «полного единства взглядов на роль, которую Германия может взять на себя в общей обороне». В Бонне это туманное коммюнике называли «жидким и ни о чем не говорящим». Там воцарилось гробовое молчание. Аденауэр, жаждавший увидеть в коммюнике исполнение всех своих желаний, сердито отказался комментировать его.

Но недоразумение разъяснилось быстро, как только верховные комиссары вернулись в Бонн. Оказалось, что в Брюсселе министры договорились об очередном маскировочном маневре. Совет Атлантического пакта предложил правительствам США, Англии и Франции обсудить вопрос ремилитаризации Западной Германии с боннским правительством. Иначе говоря, вопрос, вызывавший всеобщее возбуждение, спихнули за кулисы, на тайные торги.

А дальше посыпались сюрпризы, один приятнее другого для Бонна и тем тревожнее для общественности. 20 декабря американская газета в Западной Германии «Ди нейе цейтунг» сообщала о том, что Ачесон, Бевин и Шуман согласились сделать Бонну «новые, далеко идущие уступки в политической и экономической областях». На другой день Аденауэр встретился **67**

с верховными комиссарами. После пятичасовой беседы он вышел из петербургского замка с сияющим лицом.

— Я очень доволен разговором. Мы намного продвинулись вперед, — заявил он.

Что же так восхитило Аденауэра? На этот вопрос ответила все та же «Ди нейе цейтунг».

«Федеральный канцлер с удовлетворением узнал, — писала газета, — что правительства союзников выражают готовность поставить свои отношения с Федеративной республикой на договорные основы в больших масштабах. С этой целью в ближайшее время начнутся переговоры».

И далее: «Как дополнительно сообщает агентство Юнайтед Пресс, три верховных комиссара, кроме того, наметили федеральному канцлеру, что образование германских дивизий внутри армии Атлантического пакта вполне возможно».

Для обсуждения деталей плана ремилитаризации на Петербурге было решено создать «немецко-союзнический комитет», в который вошли два бывших гитлеровских генерала — Шпейдель и Хойзингер.

Так было положено начало включения Западной Германии в Североатлантический пакт на правах «равного партнера» с намерением сделать немецкие дивизии ударной силой этого агрессивного блока.

Вашингтон и Бонн решили не терять времени. Где-то «на рубеже двух полустолетий», как эпически повествовали газеты, во Франкфурте-на-Майне состоялись секретные переговоры между американским верховным комиссаром Маккломом и военным министром США генералом Пейсом, с одной стороны, и двумя бывшими гитлеровскими генералами Шпейделем и Хойзингером — с другой. Западногерманские газеты сообщали, что на этих «совещаниях у камина», собственно, и были приняты все решения о ремилитаризации. Участники встречи, по словам газет, вынесли с нее «точное представление о рекрутировании, боевой подготовке и организации новых войсковых соединений».

2 января 1951 года Аденауэр пять часов совещался с Маккломом. Совещание преследовало цель «устранить

последние препятствия на пути создания немецких войсковых контингентов».

Но «последних препятствий» оказалось значительно больше, чем ожидали в Бонне и Вашингтоне. И главным препятствием, которое задержало возрождение вермахта не на месяцы, а на годы, было сопротивление европейских народов. В этом сопротивлении почетную роль сыграл немецкий народ, миролюбивые, демократические силы которого продемонстрировали недюжинную стойкость и мужество.

«OHNE MICH!»

Движение под лозунгом «Ohne mich!» («Без меня!»), вспыхнувшее в 1951 году и захватившее огромную часть населения Западной Германии, даже трудно назвать движением в полном смысле слова. Это было скорее состояние народа, вполне естественное и понятное, это была его стихийная реакция на планы возрождения армии. Народ всеми силами, на какие был только способен, сопротивлялся намерению снова ввергнуть его в бездну, из которой он только что выбрался, понеся при этом неисчислимые потери. Сопротивление выражалось в самых различных формах. Сначала чаще всего это были индивидуальные акции. Солдатские вдовы, инвалиды, бесчисленные жертвы войны писали в редакции газет письма протеста против ремилитаризации, выступали на собраниях. На стенах, на дорожных щитах, на почтовых ящиках появлялись антимилитаристские надписи. Символом движения стал знак «F» — начальная буква слова «Frieden» (мир). «F» ставился в конце листо-

вок, плакатов, надписей и просто так появлялся на стенах.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Дрю Миддлтон писал из Западной Германии в начале 1951 года:

«Энтузиазм, проявляемый западными генералами и политиками в деле немецкого перевооружения, не находит в этой стране никакого отклика. В особенности это касается тех возрастных контингентов, из которых должны рекрутироваться войска».

Боннский вице-канцлер Блюхер признавался в то время, что 99 процентов западногерманского населения выступают против ремилитаризации.

Простая немка из Дюссельдорфа писала в письме, опубликованном детмольдской газетой «Фольксэхо»: «Если моего сына будут заставлять идти в солдаты, чтобы он истекал кровью за чужие интересы, я лучше отрублю ему руку. Моему мужу последняя война оставила на память рану в легких, он еще до сего дня харкает кровью. Мы не хотим войны!»

Движение противников ремилитаризации нарастало как лавина. Оно увлекало за собой все новые и новые силы: писателей, политиков, деятелей науки и искусства, предпринимателей, бывших генералов и офицеров, отрেকшихся от прошлого. Оно стало постепенно принимать организованные формы и освобождаться от наивного пацифизма.

В январе 1951 года в Эссене состоялось массовое собрание под лозунгом «Спасайте мир!». 1700 его участников выдвинули требование провести референдум, предложив народу ответить на вопрос: «Высказываетесь ли вы против ремилитаризации и за заключение мирного договора с Германией в 1951 году?»

Общественность живо откликнулась на призыв. Тут же начался сбор подписей против перевооружения. Создавались «комитеты против ремилитаризации», ставшие руководящими центрами борьбы.

Силу немецкого народа милитаристские круги почувствовали в конце января 1951 года, в дни визита нового главнокомандующего НАТО в Европе генерала Эйзенхауэра. Как и в других западноевропейских 71

столицах, генерал наткнулся в западногерманских городах на стену враждебности и возмущения. «Эйзенхауэр, убирайся домой!», «Эйзенхауэр, проваливай!» — отовсюду кричали плакаты.

Газета «Ди вельт», находившаяся тогда еще в руках английских оккупационных властей, писала: «Во всех европейских странах отцы и матери смотрят на миссию Эйзенхауэра с тяжелым сердцем... Народы страстно хотят мира».

Для тогдашних настроений в Западной Германии характерен и такой эпизод. В феврале Аденауэр созвал совещание главных редакторов западногерманских газет, чтобы дать им очередные «советы» по ведению пропаганды в пользу ремилитаризации. Канцлеру пришлось пережить на этом совещании страшный конфуз. Главный редактор газеты «Нейе аугсбургер цейтунг» Иоганнес Науман во всеуслышание заявил, что он вынужден закрыть газету, так как большинство подписчиков от нее отказались. Причиной бойкота явилась опубликованная в газете статья, прямо призывающая к перевооружению.

В Западной Германии, несмотря на сопротивление властей, развертывался народный референдум против ремилитаризации. Первые результаты референдума в некоторых городах и сельских общинах были такие: от 80 до 95 процентов участвовавших в голосовании высказались против ремилитаризации, за заключение мирного договора с Германией в 1951 году.

Против воли правого социал-демократического руководства происходило сплочение рабочего класса в борьбе за мир, против возрождения военщины. Образцы единства действий социал-демократов, коммунистов, христианских и беспартийных рабочих были показаны в Дуйсбурге, Герне, Брауншвейге, Бохуме и других городах и селениях. Социал-демократы Гамбурга послали руководству социал-демократической партии (председателем которой был тогда Курт Шумахер) требование начать совместно с Правлением Коммунистической партии Германии борьбу против ремилитаризации.

Большая группа бывших офицеров присоединилась к требованию о проведении референдума по вопросу ремилитаризации и восстановления единства страны, заявив в своем обращении: «Ни один немец не должен одевать военную форму для новой войны, ибо она покончила бы с существованием немецкой нации».

Газета гамбургских деловых кругов «Ди цейт» писала в те дни:

«Федеральная столица попросту не имеет никакого контакта с народом. Правительство и парламент сталкиваются в широких кругах с глубоким недоверием и ненавистью».

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Дрю Миддлтон советовал своим соотечественникам в генеральских и штатских мундирах: «Не навязывайте сейчас немцам перевооружения, они этого не хотят».

Во главе масс, выступавших против ремилитаризации, шли коммунисты. Вокруг них спланивались антифашистские, демократические силы, не желавшие повторения прошлого. Роль национального оплота этих сил все больше играла Германская Демократическая Республика — первое немецкое государство без капиталистических монополий и юнкеров.

Душой, совестью и организатором антимилитаристских сил в ФРГ была Коммунистическая партия Германии. Она прилагала силы к тому, чтобы превратить в сущности пацифистское движение «Без меня!» в активное народное сопротивление ремилитаризации.

В начале марта 1951 года состоялся мюнхенский съезд КППГ. Это был съезд беззаветных борцов за интересы трудового народа. Их чувства и мысли выразил в своем отчетном докладе руководитель партии Макс Рейман.

«Мы несем большую ответственность перед историей нашего народа и перед народами земного шара, которые хотят мира», — заявил он.

Сознание этой ответственности обеспечило съезду высокую идейность, ясность цели, непримиримость к **73**

силам реакции и войны, врагам партии и народа, нетерпимость к организационной расхлябанности.

Делегаты, прибывшие из различных частей Западной Германии, в своих выступлениях рассказывали, как крепнет активное сопротивление народа перевооружению, как население Западной Германии требует восстановления единства страны, вывода оккупационных войск на основе заключения мирного договора. Делегаты обращали внимание общественности на усиление террора, говорили о необходимости разъяснить массам опасность фашизации боннского режима и возврата к методам гестапо.

Съезд поставил перед партией в качестве центральной задачи дальнейшее развертывание народного движения под лозунгом «Без нас!», превращение его в активное движение сопротивления ремилитаризации.

Съезд подчеркнул, что главной силой народного движения за мир в Западной Германии является рабочий класс. Успех борьбы за сохранение мира в значительной мере будет зависеть от того, насколько удастся преодолеть раскол в западногерманском рабочем движении и направить все силы рабочего класса к единой цели. С трибуны съезда КПГ были приведены десятки примеров, свидетельствовавших о тяге рядовых социал-демократов к единству действий с коммунистами. Съезд решительно осудил сектантские тенденции у отдельных коммунистов, серьезно тормозившие мобилизацию сил рабочего класса на борьбу за мир, за восстановление единства Германии на мирной и демократической основе.

Съезд обязал членов партии идти во все слои общества, вести разъяснительную работу во всех организациях, вплоть до самых реакционных, если в этих организациях представлены народные массы.

«Необходимо укрепить боевой дух немецких патриотов и их веру в силу рабочего класса Западной Германии, в силы и возможности Национального фронта демократической Германии», — говорилось в резолюции

НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

После съезда КПГ борьба немецкого народа против ремилитаризации разгорелась с новой силой. Большим подспорьем явилась для немецкого народа Европейская конференция рабочих против ремилитаризации Германии, которая состоялась в конце марта 1951 года в Берлине. Выступления представителей рабочего класса Франции, Англии, Италии, Бельгии, Польши, Чехословакии и других европейских стран свидетельствовали, что немцы борются не в одиночку, что против германского милитаризма встает сплоченный фронт европейских народов.

Вскоре в западногерманских городах зазвучали новые лозунги. Рядом с «Без меня!» появились более решительные требования: «Долой Аденауэра!», «Долой правительство поджигателей войны!»

Впервые эти требования во всю мощь прозвучали на улицах Нюрнберга в марте 1951 года. В этот день все трудовое население города — свыше 80 000 человек — прекратило работу и вышло на демонстрацию. Рабочие, служащие, безработные, пенсионеры, домашние хозяйки несли плакаты: «Мы хотим мирного хлеба, а не «героической смерти!», «Мы не хотим лежать в братских могилах ради Аденауэра!» Колонны демонстрантов слились на площади главного рынка, где сразу же начался митинг. В принятой митингом резолюции протеста нюрнбергские трудящиеся заявили, что они не намерены нести на своих плечах бремя ремилитаризации. Требования рабочих Нюрнберга подхватили трудящиеся многих западногерманских городов.

На улицы вышли десять тысяч трудящихся Бамберга, рабочие городов Пассау, Фюрта, Заульгау. Резолюции, требовавшие отставки Аденауэра, приняли рабочие Герне, Бремена и других городов.

Движение в Западной Германии за мир, против перевооружения развивалось под знаком единения сил всех слоев народа. Объединенные собрания и конференции социал-демократических, коммунистических, хри-

стианско-демократических и беспартийных рабочих стали частым явлением. Даже в среде рабочих, попавших под влияние реакции, все больше крепили симпатии к КППГ.

Во Франкфурте-на-Майне состоялась конференция социал-демократов, в работе которой приняло участие свыше тысячи функционеров и рядовых членов партии. Вопреки указаниям правосоциалистского руководства конференция присоединилась к движению за проведение референдума против ремилитаризации и провозгласила долгом каждого честного социал-демократа бороться против превращения Западной Германии в плацдарм для новой войны.

Показателем серьезных успехов в деле объединения разобщенных сил рабочего класса явилось создание Германского комитета рабочих против ремилитаризации. Этот комитет, местом пребывания которого стал Эссен — сердце Рурской области, принял в качестве программы своей деятельности решения Европейской конференции рабочих против ремилитаризации Германии. Комитет вел большую работу среди трудящихся. По инициативе комитета в Западной Германии состоялись земельные конференции рабочих, которые обсудили вопрос о единстве действий немецкого рабочего класса в борьбе против ремилитаризации и за заключение договора с Германией в 1951 году.

Между тем в республике продолжалась подготовка к референдуму по вопросу о ремилитаризации. Избранный на Эссенском конгрессе временный комитет был преобразован в апреле 1951 года в Главный комитет по проведению народного опроса. В своем обращении к немецкому народу Главный комитет призвал трудящихся взять дело поддержания мира и восстановления единства Германии в свои собственные руки.

С этого момента движение против ремилитаризации приобрело еще больший размах и организованность. Не проходило дня, чтобы в Западной Германии не рождались новые местные комитеты по проведению референдума. В числе первых инициаторами создания местных комитетов выступили рабочие Рурской области —

76 Дюссельдорфа, Дортмунда, Эссена, Дуисбурга, Мюль-

гейма, Гельзенкирхена. Не отставали и земли Нижняя Саксония, Гессен, Гамбург.

В состав комитетов по проведению народного опроса наряду с рабочими вошли служащие, пенсионеры, ученые, деятели искусства, бывшие офицеры, священники, учителя. Комитеты становились подлинными штабами народной борьбы.

Правящие круги были напуганы размахом народного движения против ремилитаризации. Послушная им пресса вопреки всякой логике объявила народный опрос «недемократической акцией» и «инструментом диктата». Социал-демократические лидеры в боннском бундестаге первыми потребовали немедленно объявить референдум «вне закона». «Если федеральное правительство, — заявил социал-демократ Венер, — не примет сейчас же быстрых и действенных мер, то перед ним в скором времени встанет вопрос: что делать с миллионами подписей, которые принесет референдум?»

И Бонн начал действовать. Аденауэр срочно созвал кабинет для обсуждения вопроса о запрещении референдума. Запрещение последовало 24 апреля.

Но еще раньше министерство по общегерманским вопросам, возглавлявшееся Якобом Кайзером, принялось расклеивать в западногерманских городах нелепые плакаты вроде: «Кто участвует в коммунистическом народном опросе, тот создает угрозу миру и ставит себя на службу большевизму». Боннский министр полиции Лер грозил бросить полицейские части против участников референдума. Эту угрозу он вскоре претворил в жизнь.

15 апреля по приказу оккупационных и боннских властей власти учинили зверскую расправу над десятью тысячами жертв нацизма, собравшихся в Гельзенкирхене (Рур) на митинг в защиту мира. «То, что мы пережили в это воскресенье в Гельзенкирхене, — писал один очевидец в газете «Берлинер цейтунг», — было настоящим нацистским террором».

По приказу американского комиссара в Баварии полицейские разогнали дубинками демонстрацию жителей Мюнхена. В Эссене полицейские избили бастовавших рабочих завода «Глазверке Рур».

Однако боннские и оккупационные власти постепенно осознали, что одним террором сопротивление народа не сломить. Им пришлось распрощаться с мыслью о быстрой, «динамичной» ремилитаризации. На передовую линию был выведен аппарат пропаганды, принявшийся за обработку общественности. Со страниц буржуазной прессы на долгие месяцы почти полностью исчезли упоминания о «военном вкладе Германии». Распускался даже слух, будто после поездки Эйзенхауэра по Европе Вашингтон решил «отказаться от немецкого вклада».

В действительности разработка планов ремилитаризации шла полным ходом. В июне 1951 года в газеты просочилось сообщение, что переговоры Шпейделя и Хойзингера с американскими генералами на Петерсберге закончились и что «немецкие эксперты добились упразднения всякой военной и политической дискриминации германского контингента». Верховный комиссар Макклой, нагрузив свой портфель бумагами, выехал в Вашингтон. Три месяца спустя, в сентябре, министры иностранных дел США, Англии и Франции рассмотрели эти документы на совещании в Вашингтоне и решили поручить экспертам срочно составить текст «договора безопасности» с Западной Германией. Министры старались не поднимать шума, главный их принцип — действовать быстро. По их графику включение Западной Германии в «западное сообщество» должно было произойти еще до конца 1951 года.

Но народы Европы, и в первую очередь немецкий народ, перечеркнули эти планы.

Вместо полутора месяцев, отпущенных министрами в Вашингтоне на разработку сепаратного договора с Бонном, заговорщикам пришлось просидеть над ним более восьми месяцев. Сопротивление немецкого народа заставило политиков и генералов изворачиваться и юлить, рвать один проект договора за другим, а на это уходило катастрофически много времени.

Главной силой антимилитаристского движения в Западной Германии выступал рабочий класс. Он все заметнее преодолевал оставшееся еще от гитлеровских

рядах. Если за 1950 год в Западной Германии в общей сложности бастовало 80 тысяч рабочих, то в 1951 году это число более чем удвоилось. Забастовки охватили 1878 предприятий Западной Германии.

В 1952 году забастовочное движение в Западной Германии приобрело еще более широкий размах. Стачки носили ярко выраженный политический характер. Экономические требования забастовщиков были неотделимы от требования отказа от ремилитаризации, которая неизбежно легла бы на плечи народа.

Сигналом тревоги для западногерманских рабочих послужили пропикшие на страницы печати первые сведения о содержании сепаратного договора, разработкой которого в тайне от народа занимался Аденауэр вместе с верховными комиссарами трех западных держав. В то же время предложенный Советским правительством в феврале 1952 года проект основ мирного договора с единой Германией дал в руки западногерманским трудящимся конкретную программу борьбы за демократическую и миролюбивую Германию, в которой ведущую роль играл бы немецкий народ.

В Западной Германии начался такой подъем политической активности трудящихся масс, какого Германия не знала тридцать лет.

Вопреки запрету боннских властей с апреля 1951 по апрель 1952 года прошел всенародный референдум. Восемь миллионов граждан Западной Германии сказали «нет» подготовке к войне, политике раскола страны.

Характерной особенностью рабочего движения в Западной Германии на этом этапе был заметный отход идущих за социал-демократами трудящихся масс от соглашательской политики лидеров партии и тяга рабочих к единству действий. Социал-демократическим лидерам приходилось то и дело менять тактику, приспособляясь к требованиям рядовых членов партии. Под давлением народа они вынуждены были выступить «непримиримыми противниками» сепаратного договора и сторонниками переговоров четырех великих держав.

Первомайские демонстрации 1952 года в Западной Германии прозвучали грозным предостережением власть имущим. А когда прошел рабочий праздник, коллективы ряда крупных предприятий потребовали начать массовую забастовку с целью сорвать подписание сепаратного договора. В начале мая состоялись многолюдные демонстрации в Гамбурге и Штутгарте. В Рурской области и других частях Западной Германии рабочие в обход директив правых профсоюзных лидеров создали органы для руководства борьбой против сепаратного договора. В эти органы вошли социал-демократы, коммунисты, христиане, беспартийные рабочие. В одной из резолюций, принятых на объединенных собраниях коммунистов и социал-демократов, говорилось:

«Отсутствие единства рабочего класса привело нас к роковому 1933 году. Больше этого нельзя допустить. Давайте действовать быстро, иначе на нас падет вина за новое кровопролитие, которое мы в силах предотвратить».

В летописи истории немецкого рабочего движения останутся две славные даты — 10 и 11 мая 1952 года. В эти дни во многих городах Западной Германии прошли массовые выступления против «общего договора», за заключение мирного договора с единой Германией. В Мюнхене на митинг протеста против «общего договора» собрались три с лишним тысячи жителей города. Участники митинга в городе Фюрте от имени пятидесяти двух тысяч жителей города направили Аденауэру резолюцию с требованием прекратить дальнейшие переговоры с американцами. Многолюдные митинги и собрания состоялись в Гамбурге, Дюссельдорфе, Маннгейме, Киле и других городах.

Однако свидетелем самой внушительной антимилитаристской манифестации тех дней стал в воскресенье 11 мая рурский город Эссен. По призыву состоявшегося 1 мая в Дармштадте слета молодого поколения Западной Германии в Эссен прибыло несколько десятков тысяч юношей и девушек: молодые горняки и

80 металлисты Рура, студенты и служащие, школьники

и учителя Гамбурга, Бремена и многих других западногерманских городов.

Боннские власти решили воспользоваться эссенским слетом, чтобы одним ударом парализовать волю немецкой молодежи к сопротивлению. Выполняя приказ министра внутренних дел Лера, накануне в Эссен прибыли подразделения «полиции готовности» из Бохума, Дортмунда, Дюссельдорфа, Мюнстера. По команде бывшего служащего гестапо, а в тот момент начальника эссенской полиции Кнохера полицейские заволокли улицы и площади, превратили город в военный лагерь. Им удалось на подступах к городу преградить путь десяти тысячам юношей и девушек. Но сорвать демонстрацию им не удалось.

В воскресное утро свыше сорока тысяч молодых антимилицаристов сомкнутыми колоннами двинулись по улицам Эссена. К ним присоединялись все новые и новые группы людей. Молодежь хором провозглашала:

- Долой «общий договор»!
- Мы требуем заключения мирного договора!
- Американцы, убирайтесь домой!
- Долой Аденауэра!

Полицейские сначала пытались остановить шествие угрозами. Затем они пустили в ход дубинки. Мостовые обгазились кровью первых раненых. Но шествие продолжалось. Теснее сомкнулись ряды, громче зазвучали голоса протеста.

Тогда полицейские открыли огонь по демонстрантам. Мертвым упал, сраженный пулей, двадцатилетний юноша Филипп Мюллер из Мюнхена. Тяжелые ранения получили беспартийный токарь Альберт Бреттхауэр из Касселя, молодой социал-демократ Бернгард Шварце из Мюнстера. Полиция ранила более 100 человек, арестовала и бросила в тюрьму 260 юношей и девушек.

Аденауэр и Лер совершили кровавое преступление. Но запугать западногерманскую молодежь не удалось. До поздней ночи в Эссене продолжались митинги и манифестации, завершившиеся факельными шествиями, песнями борьбы за мир и свободу.

Из полицейских автобусов, увозивших арестованных в тюрьму, неслись призывы к стойкости и мужеству. Население города, возмущенное гнусной расправой, активно поддержало молодежь. На вокзальной площади молодые антимилиитаристы и демократы поклялись довести до победного конца справедливую борьбу за мир и счастливое будущее своей родины.

В тюремных застенках арестованные написали письмо, в котором говорилось:

«Твердо веря в наше великое общее дело, мы обещаем в будущем еще смелее и решительнее, еще упорнее бороться за мир в Германии».

Тяжело раненный Альберт Бреттхауэр сказал друзьям, посетившим его в больнице:

— Передайте всем жителям нашего города, и особенно моим товарищам, что я теперь больше, чем когда-либо, верю в нашу победу.

Эссенское «кровавое воскресенье» явилось для западногерманских антивоенных сил новым сигналом к решительным действиям. Оно напомнило народу о мрачных временах гитлеризма.

«Сегодня стреляют в молодежь! — писало в своем обращении к народу западногерманское бюро Союза свободной немецкой молодежи. — Завтра будут стрелять в рабочих, борющихся за свои права! А послезавтра к нам в страну придет война!»

Телеграф то и дело приносил вести о новых митингах и демонстрациях. А Аденауэр и Макклой тем временем трудились над последними пунктами сепаратного «общего договора». В Бонне царила атмосфера нервозности, вызванная страхом за судьбу почти завершенной сделки. И здесь на помощь Аденауэру и Макклою поспешили правосоциалистские лидеры. Пользуясь большим влиянием в рабочем классе, они задумали отвлечь его внимание от «общего договора» и провозгласили поход против проекта так называемого закона о положении рабочих на предприятиях. Долгие месяцы этот проект, представлявший собой попытку прикрыть красивыми фразами и посулами бесправное положение рабочих на предприятиях, не тревожил руководителей СДПГ. Теперь же они вдруг

призвали рабочих к «боевым действиям» против законопроекта, предупреждая в то же время, что эти действия не должны носить характера «политических демонстраций» против «общего договора».

Воспользовавшись маневром правосоциалистских лидеров, Аденауэр 26 мая 1952 года подписал в Бонне сепаратный «общий договор». На другой день в Париже был подписан договор о создании Европейского оборонительного сообщества.

Но социал-демократическое руководство явно просчиталось, думая, что этот маневр легко сойдет им с рук.

Неожиданно для лидеров СДПГ санкционированные ими выступления рабочих приобрели громадный размах и вылились в могучее движение против «общего договора».

Всю Западную Германию охватила волна забастовок и демонстраций. Рабочие прекращали работу, выходили на улицы. Колонны сливались на площадях, стихийно возникали митинги.

Участники митингов требовали начать всеобщую забастовку против сепаратного «общего договора». Вот типичные лозунги, под которыми проходили митинги и демонстрации западногерманских рабочих: «Защитайте права производственных советов — долой Аденауэра!», «Долой закон о положении рабочих на предприятиях и милитаристский «общий договор»!»

За три недели только в земле Северный Рейн — Вестфалия в забастовках и демонстрациях приняло участие 700 тысяч человек. Бастовали докеры и служащие городского транспорта в Гамбурге, горняки и металлурги различных городов Рурской области, рабочие Фрейбурга, Ремшейда, Бремена. 10 июня забастовали и вышли на улицы в Ганновере — 100 тысяч, в Карлсруэ — 30 тысяч, в Бремерхафене — 13 тысяч, в Билефельде — свыше 40 тысяч рабочих.

Рабочий класс в своей борьбе опирался на поддержку широких слоев трудового населения Западной Германии. Крестьяне все решительнее протестовали против конфискации земель под аэродромы и полигоны. Жители деревни Зембах (Пфальц), у которых 83

власти уже отняли 170 гектаров пахотной земли под аэродром, прогнали снова присланных американцами землемеров со словами: «Ни одной пяди земли мы больше не отдадим!»

Ремесленники Дуисбурга обратились ко всем ремесленникам Западной Германии с призывом включиться в борьбу против ремилитаризации. Такое же решение приняла конференция владельцев ресторанов и отелей в Эссене. В движение вливались все новые и новые группы интеллигенции: врачи, писатели, учителя, студенты, артисты, художники.

Движение за единство действий с особой силой охватило западногерманскую молодежь. После эссенского «кровавого воскресенья» в ряде городов Западной Германии были созданы единые боевые комитеты молодежи. В городе Вильгельмсхафене на собрании, посвященном созданию такого комитета, представители профсоюзной и христианской молодежи, организаций «Соколы» и Союза свободной немецкой молодежи заявили: «Мы должны победить, и мы победим!»

В те дни в Западной Германии раздался призыв к проведению нового референдума — за мирный договор, против милитаристского «общего договора». Характерно, что этот призыв исходил от «Объединения по установлению взаимопонимания между немцами» — организации, охватывавшей самые широкие слои населения. Идея объединения сил в едином национальном движении сопротивления все глубже проникала в народные массы Западной Германии.

Аденауэр нервничал. Вашингтон торопил с ратификацией «общего договора», а на пути вставали все новые препятствия. Правительства западногерманских земель, напуганные волной народных протестов, заняли резко отрицательную позицию в отношении к договору. Аденауэру пришлось вызывать к себе земельных премьер-министров и «обрабатывать» их по очереди с глазу на глаз.

Неблагополучно обстояло дело и в правительственной коалиции, голосами которой Аденауэр рассчитывал протащить в бундестаге «общий договор». Один **84** из представителей коалиции, депутат от Свободной

демократической партии Пфлейдерер, выступая на собрании, резко критиковал подписанный Аденауэром «общий договор». Депутат выразил опасение, что народ «потеряет веру в правительство и откажется следовать за ним». Выступление Пфлейдерера нашло горячий отклик в прессе и в боннских парламентских кругах. Как писали газеты, Пфлейдерер «высказал мысли, которые многие депутаты правительственной коалиции с тревогой носят в себе».

«Если д-р Аденауэр хочет иметь против себя народный фронт, то он этого добьется. И он будет не первым, кому в конечном счете народный фронт сломал шею».

Резкость мюнхенской газеты «Дейче вохе», откуда нами взяты эти слова, достаточно красноречиво показывает, насколько накалилась тогда обстановка в Западной Германии.

И вдруг — снова спасение и помощь. И снова от... социал-демократов. Напуганные размахом движения, которое уплывало из-под их контроля, социал-демократические руководители западногерманских профсоюзов отдали распоряжение повсеместно прекратить забастовки и демонстрации. Этот приказ последовал после встречи Аденауэра с лидером профсоюзов Фетте. Как писала американская газета в Западной Германии «Ди нейе цейтунг», встреча Аденауэра с Фетте преследовала цель «окончательно приостановить» демонстрации и забастовки рабочих «и тем самым создать необходимое внутривнутриполитическое спокойствие для решения многих других важнейших политических вопросов».

Итак, социал-демократические лидеры, столь рьяно выставлявшие себя антимилитаристами, вдруг призывали к «гражданскому миру» с теми, кто стремился как можно скорее протащить через боннский парламент свою сделку с американским империализмом. Народное движение против ремилитаризации они выдали милитаристской реакции на расправу, чем, разумеется, немедленно воспользовались правящие круги.

Сознательную часть рабочего класса глубоко возмутили действия социал-демократического руководства.

Члены производственных советов и рабочие нюрнбергских предприятий на своем собрании заявили решительный протест против предательства Фетте. В резолюции, посланной правлению западногерманских профсоюзов, они потребовали усилить выступления рабочих против боннского милитаристского курса.

В Гамбурге на красильной фабрике Флюггера в результате закрытого голосования 83 процента коллектива высказались за продолжение забастовок.

Во Франкфурте-на-Майне две тысячи делегатов социал-демократической конференции потребовали от центрального руководства партии призвать трудящихся к борьбе против «общего договора» путем проведения митингов, демонстраций и народного референдума. Аналогичные решения приняли участники конференций социал-демократов в Мюнхене и Ней-Ульме.

И так повсюду.

Как раз в эти дни в Западную Германию приехал новый главнокомандующий войск НАТО в Европе американский генерал Риджуэй, кичившийся своим «свежим опытом» войны в Корее. Самолет, доставивший его в Западную Германию, опустился на английском военном аэродроме близ маленького нижнесаксонского городка Бюккебурга. Риджуэя встретили английские генералы, с которыми он провел первые сутки своего пребывания в боннском государстве. На второй день Риджуэя принимали французские генералы, на третий — американские, после чего гостя потихоньку спровадили в его парижскую штаб-квартиру.

И это понятно. Торжество въезда Риджуэя во французскую столицу омрачили демонстрации парижских трудящихся, заявивших: «Вон из Франции генералачуму!» Такой же неласковый прием устроили ему жители итальянской столицы. Посему в ФРГ Риджуэй решил действовать без лишнего шума.

Однако шум поднялся, и немалый. Перед прибытием американского генерала в западногерманских городах на площадях и улицах, на стенах домов и на заводских трубах появились надписи: «Риджуэю нечего делать в Германии!», «Долой генералачуму Рид-

жуэя!», «Риджуэй, убирайся домой и захвати с собой Аденауэра!»

Боясь встречи с народом, Риджуэй не заехал ни в один крупный город. Маршрут его путешествия по Западной Германии пролегал по захолустным местам. Но и в глухой провинции он мог увидеть, что думают о нем немцы. В Бюккебурге полицейские перед самым носом Риджуэя очищали мостовую от листовок, требовавших: «Генерал-чума должен покинуть наше отечество. Мы не потерпим, чтобы среди нас находился убийца из Кореи. Генерал-чума, убирайся вон!» В городке Раштатте (французская зона) всюду виднелись плакаты, указывавшие Риджуэю на дверь.

Так население Западной Германии еще раз продемонстрировало свою волю к миру.

Последовавшие затем девять месяцев были отмечены многими серьезными схватками между сторонниками и противниками ремилитаризации.

В середине октября 1952 года в Западном Берлине состоялся II конгресс западногерманских профсоюзов. Его исход был для многих неожиданным и поучительным. Христан Фетте — тот самый, который, будучи председателем Объединения западногерманских профсоюзов, за несколько месяцев до этого тайно договаривался с Аденауэром о тактике удушения народного движения, — потерпел на конгрессе жестокий провал. Фетте и его ближайшие подручные Хоф и Бюринг не только не остались на своих прежних постах, но и лишились всяких руководящих функций в профсоюзах. С волей рабочего класса пришлось посчитаться.

РОЗГА ДАЛЛЕСА И «ОБЩИЙ ДОГОВОР»

Аденауэр дважды — в ноябре и декабре 1952 года — делал попытки продвинуть дело ратификации «общего договора» и договора о создании Европейского оборонительного сообщества, но оба раза безуспешно. В первом случае его предложение назначить дату ратификации в бундестаге отвергли 179 голосами **87**

против 166. Во втором случае бундестаг после трехдневных прений решил отложить третье чтение договоров и окончательное голосование по ним на неопределенное время.

В дни парламентских прений народ решительно требовал от депутатов отклонить милитаристские договоры. Поток делегаций трудящихся к зданию бундестага усиливался с каждым часом. На второй день прений полиция, охранявшая бундестаг от народа, пустила в ход дубинки и брандспойты. Собравшись перед зданием бундестага, посланцы от всех городов Западной Германии выкрикивали: «Мы хотим говорить с нашими депутатами!», «Долой «общий договор»!», «Мы хотим мирного договора!»

Демонстрации прошли также в Бремене, Гамбурге, Фюрте и других городах. В Нюрнберге рабочие провели предупредительную забастовку. Участники конференции мюнхенских металлургов от имени 38 тысяч рабочих потребовали от бундестага отменить милитаристские договоры.

Такие события, происшедшие не только в ФРГ, но и в других западноевропейских столицах, окончательно вывели из себя Вашингтон. Джон Фостер Даллес, едва приняв обязанности государственного секретаря в правительстве Эйзенхауэра, помчался в Европу «наводить порядок». «Америка поддает пару объединению Европы», — комментировала штутгартская газета «Крист унд вельт». Другая западногерманская газета — «Бадишес тагблатт» — в статье, озаглавленной «Даллес берет розгу», писала накануне его приезда в Западную Европу:

«Он (Даллес) хочет в первую очередь установить, окупаются ли в конце концов 40 млрд. долларов, вложенных Америкой в Европу, с точки зрения ее политического объединения, военной силы и экономической стабильности... Даллес едет в Европу, чтобы разобраться в проблемах, по которым его предшественник Ачесон несколько лет вел изнурительную борьбу. Он едет с намерением в случае необходимости прибегнуть к усиленному нажиму, чтобы добиться создания Европейского оборонительного сообщества, выполнения по-

ставленных целей в деле вооружения и необходимого увеличения экономического потенциала... Для оказания давления у него достаточно средств».

Этот прогноз полностью подтвердился. В Риме, Париже и Лондоне Даллес разговаривал «жестким» языком. Согласно сообщению американского агентства Ассошиэтед Пресс, опубликованному всеми западногерманскими газетами, Даллес дал правительствам Италии, Франции и Англии 75 дней срока, в течение которого они должны были предпринять «конкретные шаги по созданию Европейского оборонительного сообщества. В противном случае, как указывалось в сообщении, «следует рассчитывать на сокращение американской помощи».

В Бонн Даллес прибыл вместе со Стассеном 5 февраля 1953 года.

«Как стало известно из хорошо информированных кругов, — сообщало агентство Юнайтед Пресс, — федеральному канцлеру и лидеру оппозиции (т. е. Олленхауэру) Даллес заявил, что договор о Европейском оборонительном сообществе должен быть ратифицирован в течение ближайших 75 дней, если от Соединенных Штатов ожидают дальнейшей экономической помощи без резкого сокращения...»

Если в Париже и Лондоне бесцеремонность Даллеса вызвала замешательство и даже открытое недовольство, то в Бонне его переговоры с властями ФРГ протекали в «исключительно дружественной атмосфере». Политика «поддавания пару», провозглашенная новым правительством США, весьма импонировала Аденауэру.

«Из всех европейских государственных деятелей, — писала парижская газета «Монд», — один лишь федеральный канцлер Аденауэр ждет приезда Фостера Даллеса с полным доверием и спокойствием. Во всех европейских столицах, кроме Бонна, речь Фостера Даллеса при его вступлении на новый пост встретили холодно, без малейшего намека на любезность. Зато в резиденции федерального канцлера ее встретили полным пониманием и одобрением».

Аденауэр рассчитывал, писали газеты, что новое американское правительство «обуздает строптивого французского партнера».

«В настоящее время в окружении Эйзенхауэра преобладает тенденция считать боннскую республику опорой новой американской политики в Европе», — писала буржуазная газета «Штутгартер нахрихтен».

Неудивительно, что Аденауэр и Даллес быстро нашли общий язык. Как сообщали газеты, Аденауэр заверил Даллеса, что боннский и парижский договоры будут ратифицированы бундестагом не позднее середины марта. На другой день после встречи Аденауэр публично подтвердил, что Даллес настаивал на быстрой ратификации договоров.

— Даллес указал, — заявил Аденауэр, — что к первому апреля американскому конгрессу должны быть представлены предложения о распределении финансовых средств. Если до тех пор не появятся заметные признаки, что договоры будут ратифицированы, можно опасаться, что американский конгресс при распределении средств займет иную позицию, чем в случае, если ратификация будет гарантирована.

Итак, все пути к дальнейшим проволочкам оказались отрезанными. Совместными усилиями Аденауэру и Даллесу удалось создать в Бонне обстановку безвыходного положения, и нервы парламентариев, проявлявших строптивость, не выдержали.

Поздно вечером 19 марта 1953 года боннский бундестаг ратифицировал «общий договор» и договор о создании Европейского оборонительного сообщества.

Что представляла собой система соглашений под названием «общий договор»? Это прежде всего сам «общий договор», состоявший из преамбулы и одиннадцати статей. К нему прилагались три дополнительных соглашения, которые определяли права и обязанности иностранных вооруженных сил и их служащих на территории Западной Германии, устанавливали размеры боннского финансового «вклада» в Европейское сообщество и регулировали вопросы, возникшие в результате войны и оккупации. Кроме того, к договору прилагались письма, которыми обменялся Аденауэр с министрами иностранных дел или верховными комиссарами трех западных держав, по «особым аспектам договора».

В преамбуле указывалось, что цель договора — «включить Федеративную Республику Германии на равноправной основе в Европейское сообщество, которое в свою очередь является частью развивающегося Атлантического сообщества». Статья четвертая «общего договора» обязывала ФРГ «принять участие в Европейском оборонительном сообществе», т. е. открывала зеленую улицу возрождению вооруженных сил Западной Германии.

Участники договора объявили своей «важной и общей целью» восстановление «полностью свободной и объединенной Германии»; при этом в последнем пункте преамбулы они перечислили «важнейшие шаги по пути осуществления общего стремления к восстановлению единства Германии». Вот каковы эти «шаги»: договоры о создании «интегрированного европейского сообщества», в первую очередь договор о создании Европейского объединения угля и стали в соответствии с планом Шумана; договор о создании «европейской армии» и, наконец, сам «общий договор» со всеми дополнениями. Так в международном соглашении была начертана и закреплена политика решения германского вопроса путем «создания ситуации силы» (выражение государственного секретаря США Дина Ачесона), политика, которая привела не к воссоединению, а к закреплению раскола Германии.

Характерно, что в «общем договоре» нет и речи ни о «праве немцев на самоопределение», ни о «свободных общегерманских выборах», на проведении которых тогда настаивали правительства СССР и ГДР! Этих слов в боннском лексиконе в то время вообще не существовало. Они появились позднее, тогда, когда общегерманские выборы стали бессмыслицей в условиях полностью сложившихся двух германских государств с различными социальными системами и когда на лозунге общегерманских выборов можно было спекулировать сколько угодно, не рискуя приблизиться к его осуществлению.

«Общий договор» провозглашал отмену оккупационного статута и предоставление ФРГ «полноты власти во внутренних и внешних делах». Союзническая верховная комиссия аннулировалась, верховные комиссары

ры трех западных держав становились послами. Но самостоятельность боннского государства оставалась призрачной. Сохраняли силу законы и распоряжения, изданные верховной комиссией западных держав. Правительство ФРГ брало на себя обязательство действовать в духе устава ООН, в соответствии с тем, как его толковали в Вашингтоне, в духе статута Европейского союза и т. д.

«Нам разрешается делать все, поистине все, при условии, что наши желания совпадают с точкой зрения союзников», — с горькой иронией заметила одна западногерманская газета.

Иллюзорность «самостоятельности» боннского правительства подчеркивали так называемые особые права, которые западные державы оставили за собой по «общему договору». Выбор места под аэродромы, военные склады и казармы, строительство полигонов и военных укреплений, определение зон военных маневров, наказание военнослужащих, совершивших преступления в отношении германских граждан, десятки и сотни других подобных вопросов оставались исключительно в ведении оккупантов. Боннскому правительству фактически запрещалось предпринимать какие-либо самостоятельные шаги в вопросах, связанных с восстановлением единства Германии и с мирным урегулированием.

Особенно глубокое возмущение вызывала у немецкого народа пятая статья «общего договора». Она давала оккупационным державам право объявлять в Западной Германии «чрезвычайное положение» и брать в свои руки всю полноту власти. Чрезвычайное положение, как указывалось в «общем договоре», могло быть объявлено в случаях «нападения на Федеративную республику или (Западный) Берлин», «попытки разрушить путем переворота свободно-демократический строй», «серьезного нарушения общественной безопасности и порядка» и, наконец, что особенно примечательно, в случае «возникновения серьезной угрозы одного из этих событий».

Несколько дней спустя после опубликования «общего договора» буржуазная газета «Касселер цейтунг» писала:

«С чувством смятения встретило население Западной Германии подписание обоих договоров. О флагах, ликованиях и вздохах облегчения не могло быть и речи... Если оба договора с крысиными хвостиками — дополнительными соглашениями и заявлениями станут законом, они глубоко вторгнутся в жизнь каждого гражданина. Молодые и старые фронтовики должны вновь надеть военную форму. Снова будет запущена полным ходом военная промышленность. Свободу этим мы себе не выторговали. Статья договора о чрезвычайном положении, предусматривающая в «особых случаях» вмешательство союзников в германские дела, дает западным державам неограниченные права на вмешательство, которыми они могут пользоваться по собственному усмотрению. Верховная власть над будущими немецкими солдатами находится не в немецких, а в чужих руках... Все это горькие истины, которые нельзя отбросить».

Ратификацию «общего договора» и договора о создании Европейского оборонительного сообщества провели в Бонне по-воровски. Вместо двух планировавшихся дней дебатов всю процедуру провернули за шесть часов.

Парламентское большинство, проголосовавшее за договоры, составили Христианско-демократический союз (партия Аденауэра), Свободная демократическая партия и Баварская партия. Голоса этих партий выражали отнюдь не волю народа, что красноречиво подтвердила обстановка, в какой проходила ратификация.

В ранние предутренние часы полицейские подразделения наглухо закупорили все подходы к зданию бундестага. Улицы они перекрыли проволочными заграждениями. Рядом с самим зданием бундестага расположилась вторая полицейская цепь, вооруженная двумя мощными водометами. Незадолго до открытия заседания сюда прибыли из Кёльна шесть сотен отборных молодчиков из так называемой полиции готовности, имевших большой опыт по части разгрома демонстраций и митингов. Использовали даже крышу бундестага — там расположился пост с радиоустановкой.

Несмотря на все эти меры, придавшие Бонну вид осажденного города, с утра к зданию бундестага потя-

нулись группы трудящихся. Это были многочисленные делегации самых различных слоев населения всех частей Западной Германии. Народ поручил своим представителям потребовать от депутатов бундестага снятия с повестки дня вопроса о ратификации договоров.

— Мы хотим видеть наших депутатов, — говорили посланцы народа офицерам полиции. Их законное требование не было удовлетворено.

С каждым часом росли толпы народа возле полицейских кордонов. Прибыли делегации французских и итальянских трудящихся. На одной из улиц многотысячная толпа прорвала полицейскую заставу и устремилась к зданию бундестага. В один миг на демонстрантов набросились молодчики из «полиции готовности». Заработали водометы. Тяжелые струи воды сбивали с ног мужчин и женщин, срывали с них одежду. Полицейские избивали дубинками не только бегущих, но и тех, кто упал. То и дело отъезжали переполненные арестованными полицейские машины.

— Мы много слышали о том, что происходит в Бонне, но пережитое нами сегодня превосходит все границы возможного, — заявила одна женщина из Маннгейма, участница событий.

В этот день Бонн сделал первый шаг по пути ремилитаризации, но какой ценой дался ему этот шаг!

Лицемерные речи политиканов, «психологические» атаки Даллеса — Аденауэра, аресты демонстрантов, полицейские водометы и дубинки — вот какими средствами навязывалась немецкому народу ненавистная ремилитаризация. Но в общественной жизни тогдашней Западной Германии действовал еще один фактор, без которого возврат государства к старому был бы невозможным.

«БЫВШИЕ» СНОВА У ДЕЛ

«Боннская демократия зачата в Риме, а родилась на Петерберге». Эта шутка, появившаяся на свет в боннских политических кругах в начале пятидесятых годов, живет и по сей день. Секрет ее долголетия в том, что она точно отражает существо дела. Она напоминает о клерикальном характере боннского режима с Христианско-демократическим союзом во главе и обстоятельствах оформления сделки между оккупационными властями и западногерманскими политиками на горе Петерберг, в резиденции верховных комиссаров трех западных держав.

Ироническое, а подчас и просто издевательское отношение к боннской демократии легко объяснимо: эта демократия насквозь фальшива. От классической буржуазной демократии здесь осталась только внешняя оболочка. Сердцевину режима составляет конгломерат «прусского духа», диктаторской практики «третьего рейха» и морально-политических канонов рейнско-баварского католичества. Для полноты картины 95

добавим: в Федеративной Республике Германии и по сей день остаются в силе многие распоряжения и постановления, изданные при Гитлере.

Смысл создания Федеративной Республики Германии состоял в реставрации старого капиталистического германского государства. В этом ее принципиальное отличие от Германской Демократической Республики, где стрелки с самого начала были поставлены на переустройство жизни.

Возродить старое могли только люди, пришедшие из прошлого. Этим прошлым был «третий рейх». Поклонники монархии к тому времени почти вымерли, а Веймарская республика вообще никогда не была в почете.

Логика жизни подсказывала: хочешь иметь старую Германию, сохрани национал-социалистскую государственную машину и ее кадры. Аденауэр это уяснил себе, по-видимому, раньше, чем американские танки зарокотали на берегах Рейна. (Вспомним его просьбу, направленную Эйзенхауэру в июне 1945 года: «посмотреть, нельзя ли смягчить строгие установки насчет искоренения нацистов».)

Такая же точка зрения возобладала и в правящих кругах трех западных оккупационных держав. Проведенная ими в первые послевоенные годы во исполнение Потсдамских решений «денацификация» была сплошным фарсом. После этой «денацификации» в баварском министерстве юстиции, например, бывшие члены нацистской партии составили 81 процент от общего числа служащих, а в баварском министерстве сельского хозяйства — 77 процентов. В земле Вюртемберг-Баден бывшие гитлеровцы заняли 75 процентов руководящих постов.

«Старое доброе время» в те годы олицетворяли: а) оставшиеся в живых представители разбитой гитлеровской военщины; б) остатки рассыпавшейся нацистской партии; в) часть «переселенцев» — тех десяти миллионов немцев, которых выселили с территорий Польши и Чехословакии; г) бывшие служащие нацистского государственного аппарата; д) разного сорта «идеологи» национал-социализма.

Ракеты на вооружении бундесвера. Военное судно-ракетоносец в гавани Киля.

Парад реваншистов. Впереди подразделение бундесвера, за ним «старая гвардия», ходившая в разбойничьи походы под знаменами Гитлера.

*Реваншистский шабаш «силезского землячества» в
Кёльне.*

Сейчас мы знаем, что с ними произошло. Уцелевшие гитлеровские генералы и офицеры возродили вермахт, переименовав его в бундесвер, и ныне не только им командуют, но и задают тон во всем атлантическом военном блоке. Бывшие партийные фюреры и лейтеры влились в политические партии Федеративной республики, и их ныне можно встретить повсюду: в парламентах, в министерских креслах, в партийных бюро. Армия «переселенцев» выросла численно (их дети также регистрируются как переселенцы), ее земляческие союзы стали необъятным резервуаром реваншистских сил. Бывшие служащие нацистского государственного аппарата, еще сохранившие трудоспособность, все до единого работают в государственном аппарате ФРГ, а нетрудоспособные получают солидную пенсию. «Идеологи» «третьего рейха» усердно и с успехом трудятся на идеологической ниве боннской демократии.

Но тогда, в 1949 году, всю эту разбросанную по углам, еще изрядно деморализованную публику надо было собрать, привести в порядок. Как это ни парадоксально звучит, но первым делом, которым занялись «демократический» парламент и «демократическое» правительство ФРГ, было создание условий для безбедной жизни и беспрепятственной деятельности «бывших».

В числе своих первых актов бундестаг принял законы, регулировавшие материальное обеспечение бывших служащих гитлеровского государства и восстановление их во всех прежних правах. Особо далеко идущие последствия имели законы, изданные в соответствии со статьей 131 конституции. По этим законам все старые чиновники и служащие получили право, без всяких оговорок и ограничений, вернуться к прежней деятельности. Законы открывали нацистским юристам двери в органы суда и прокуратуры ФРГ, эсэсовцам — к командным должностям в полиции, риббентроповским дипломатам — в боннское министерство иностранных дел, гестаповцам — в органы министерства внутренних дел и ведомства по охране конституции, нацистским учителям — в школьные классы и органы народного образования.

Мало сказать: оккупационные власти и боннское правительство мирволили нацистам. «Бывшие» после образования ФРГ, собственно, не нуждались ни в чьем покровительстве. Им не нужно было куда-то «пролезать». Двери перед ними всюду открыли законы, изданные с ясной, хорошо обдуманной целью — сделать гражданских и военных нацистов опорой западногерманского государства. Сохранившиеся в ФРГ дух и практика нацистского рейха — это не нарост на теле боннского режима. Они — его составные части, его закваска.

«Бывшим» с самого начала было понятно, что от них ждут не новых идей, а верного служения старым. И они принялись за дело с бездумной страстью азартных игроков, только что претерпевших позор тотального проигрыша. Как это выглядело на практике, покажем хотя бы на примере истории общества «Германское востоковедение в школьном образовании».

Это общество в 1963 году отмечало свое десятилетие. Родилось оно на слете учителей — выходцев из Судетской области и объявило своей целью координацию усилий переселенческих землячеств по воспитанию в молодежи любви к «старой родине». В первые годы его существования органы народного образования Западной Германии стеснялись подпускать близко к школам представителей общества: слишком уж сильный нацистский дух исходил от них. Но времена менялись, и судетские «востоковеды» все больше входили в фавор. Сейчас их писания скупаются оптом земельными министерствами ФРГ и рассылаются школам в качестве учебного материала. Предмет «германское востоковедение» включен в школьные программы. Поставлен вопрос о создании кафедр «германского востоковедения» во всех учебных заведениях, готовящих учителей. Вынашиваются планы введения порядка, при котором все школьные учебники независимо от характера предмета перед выпуском нового тиража должны представляться на заключение «специалистам» из общества «Германское востоковедение».

Короче, «германское востоковедение» стало одним из основных предметов школьного образования в Федеративной Республике Германии.

Но что же это такое — «германское востоковедение»? Свод тенденциозно подобранной информации о польских и чехословацких территориях, якобы «отнятых у Германии», о Судетской области и Силезии, о Померании и Пруссии. Цель включения его в школьные программы состоит в том, чтобы, как выразился один из руководителей общества, Отто Герман, «сделать молодежь способной после смерти стариков продолжать борьбу за возврат родных земель». По словам другого лидера общества, Эрнста Лемана, «германское востоковедение» в западногерманских школах преподается для того, чтобы поддержать «требование о возврате исконных немецких областей» и подготовить «немецкую молодежь к выполнению новой миссии во имя Европы».

Все без исключения руководители общества «Германское востоковедение в школьном образовании» были в свое время активными гитлеровцами, многие принадлежали к окружению чехословацкого фашистского фюрера Генлейна. Упомянутый Эрнст Леман уже в последние месяцы «третьего рейха» писал в своей книге, что только при национал-социализме немцы «сформировались в народ в подлинном и собственном смысле этого слова». Альфонс Урбан подвизался в оккупированной Чехословакии руководителем «союза национал-социалистских учителей», Антон Виллибек был оберлейтенантом в роте пропаганды и т. д.

Так руками генлейновцев и прочих отпетых фашистов народное образование в Западной Германии было поставлено на службу реваншизму.

Но особо широкое поле деятельности перед «бывшими» развернулось в области возрождения милитаризма.

Аденауэр и его соратники знали: свежееиспеченные «демократические» партии не в состоянии заставить народ свыкнуться с мыслью о перевооружении. Силой в дом вломиться нельзя, оставалось подобрать ключи к замкам и задвижкам. Лучше всего это могли сделать «бывшие» с их богатым опытом по части отравления человеческих душ. Низвергнутые с вершин власти и могущества, они снова рвали к оружию.

Испокон веков «общественное мнение» немецкой деревушки, поселка, местечка, да и городской улицы делалось в пивной и церкви. В первые послевоенные годы в обстановке недоверия к прессе и радио роль пивной и церкви как очагов политического воздействия на народ особенно возросла. Вот здесь-то и орудовали «бывшие». Газеты кричали об «искоренении» нацизма, о процессах над военными преступниками. А в это время бывшие ортслейтеры и группенлейтеры энергично «наводили порядок» в своих прежних вотчинах, запугивали людей то антикоммунистическими сказками, то угрозами: «Мы скоро вернемся к власти!», травили и терроризировали местных антифашистов и антимилиитаристов, подрывали волю народа к сопротивлению ремилитаризации.

Так же активно действовали уцелевшие генералы и офицеры гитлеровского вермахта. В 1950—1951 годах, когда Аденауэр еще опровергал «слухи» о перевооружении, а сотни военных преступников еще сидели в союзнических тюрьмах, уже тогда были открыты первые клапаны для тлетворной «общественной» деятельности гитлеровской военщины. Появились первые «солдатские союзы»: бывших военнослужащих танковой дивизии «Великая Германия», парашютистов, африканского корпуса, 93 пехотной дивизии... На страницах газет мелькали все новые и новые названия: «Стальной шлем», «Редер», «Дениц», «Ландсберг», «Верль», «Дас рейх». Появилось сообщение: в Аугсбурге состоялся слет представителей 376 местных групп бывших эсэсовцев. Слет решил установить тесный контакт с «солдатскими объединениями». Летом 1951 года в Бонне собрались тридцать бывших гитлеровских генералов и адмиралов. Они решили объединить все организации бывших военнослужащих в единый Союз немецких солдат.

Боннские власти долгое время делали вид, что они не причастны к сколачиванию «солдатских союзов». Однако не кто иной, как боннский корреспондент американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», раскрыл тогда незамысловатую тайну. Он сообщил, что кампания по организации солдатских объединений «прово-

дится в прямом контакте и на основании прямых указаний, исходящих из так называемых тайных кабинетов боннского ведомства безопасности (ведомство статс-секретаря Бланка), на которое возложено планирование и функции генерального штаба».

На упомянутом слете эсэсовцев в Аугсбурге присутствовали представители правящих боннских партий ХДС и СвДП и представители американских властей. Таким образом, даже объединение эсэсовцев происходило под прямым покровительством Бонна и американского командования.

Неудивительно, что каждое сборище «бывших солдат» завершалось принятием теплых посланий на имя президента Хейса и канцлера Аденауэра. В этих посланиях бывшие гитлеровцы клялись в верности боннскому режиму и изъявляли готовность служить ему верой и правдой.

Аденауэр со своей стороны при всяком удобном случае старался подчеркнуть, что он с распростертыми объятиями принимает в лоно боннского «демократического» государства нацистскую военщину.

— Мне хотелось бы сегодня перед этим высоким собранием заявить от имени федерального правительства, — говорил он с трибуны бундестага в декабре 1952 года, — что мы признаем заслуги всех наших воинов, которые во имя солдатской традиции боролись на суше, на море и в воздухе. Мы твердо убеждены, что добрая репутация и великие деяния германского солдата живы и будут жить.

Итак, боннская «демократическая» Германия не только не отмежеввалась от гитлеровской военщины, повинной в чудовищных преступлениях и осужденной человечеством, а, напротив, встала на ее защиту и сделала ее составным элементом государства. Такова историческая истина.

Гитлеровские генералы и офицеры не скрывали, с какими взглядами они возвращаются на политическую арену, чтобы, как они сами говорили, «духовно вооружить солдат завтрашнего дня».

Прежде всего они ни в чем не раскаивались. Генерал-полковник Ганс Фрисснер писал в 1951 году в 101

журнале «Европейская безопасность», обращаясь к «милым юным друзьям»: «Я считаю период третьего рейха неизбежным этапом в процессе исторического развития нашего народа и, более того, всего мира». «Наша совесть чиста» — резюмировал генерал.

Адмирал Ганзен, ставший председателем Объединения немецких солдат, призывал немцев учиться «пониманию» своих нынешних задач на истории германского милитаризма.

«Если мы вооружимся ценностями из сокровищницы памяти о немецком воинстве прошлого, то и в будущем немецкие солдаты выполнят поставленную перед ними задачу», — писал военный преступник фельдмаршал Манштейн.

Анализируя «ошибки» прошлого, битые генералы, лишённые всякого чувства реальности, предавались мечтам об «исправлении» их не только на полях Европы, но и в «межконтинентальных» масштабах. В этом смысле характерную статью опубликовала мюнхенская газета «Дас ганце Дейчланд» (№ 1 за 1951 г.). Автор ее — фон Роден, бывший начальник военно-научного отдела нацистских военно-воздушных сил. Статья была озаглавлена «Мысли о двух проигранных войнах». Автор видел причины двух поражений Германии в том, что стратегия Клаузевица-Шлиффена, на которой покоилось германское военное искусство, ограничивалась лишь Европейским континентом и не ставила перед собой «межконтинентальных» задач. В то время как Бисмарк открыл для немцев «ворота в мир», писал автор, а национал-социалисты поставили на практическую ногу завоевание мирового господства, германские стратеги «не сумели так быстро переключить свое мышление на большие пространства». «Продолжала господствовать сухопутная стратегия, — возмущался автор. — Выкройкой ей служило узкое европейское пространство, где она когда-то имела большие успехи. Немцы жили, повернувшись спиной к мировым океанам».

Автор статьи ругал гитлеровских стратегов за то, что те не сумели создать во всех частях земного шара сеть опорных пунктов и сильный военный флот. Не

меньший гнев автора вызывало и то, что германские политики не сумели найти себе сильного союзника.

К каким же выводам пришел этот патентованный реваншист? «Если мы хотим снова выдвинуться на большой европейской арене, — писал он, — нам необходимо срочно критически пересмотреть прошлую стратегию. С Клаузевицем, Мольтке и Шлиффеном мы уже проиграли две войны, а теперь мы, возможно, стоим перед третьей». И, совсем распоясавшись, продолжал: «Сегодня, более чем когда-либо, немцы обязаны подойти к вопросам большой политики и ведения войны на основе возможно более широких взглядов». Немцы, по мнению автора, должны обогатить старые теории германской стратегии и произвести на свет современного «Клаузевица с печатью мировой стратегии». «Таким образом, — заключал он, — немцы, вероятно, будут лучше подготовлены к решению мировых задач, чем в период между 1871 и 1939 годами».

Еще более откровенно гитлеровские генералы высказывались относительно роли, которую, по их мнению, должна сыграть будущая западногерманская армия в судьбе немецкого народа.

«Если армии удастся превратиться в монолитное сообщество, то это сообщество своим примером положит начало пробуждению всего народа» (Альфред Эйнгарт, «Немецкий солдатский календарь»).

«Кто сам не завоеует свободу, тот никогда ее не добудет. Имеющий оружие свободен, несмотря на параграфы, регулирующие ношение оружия» (Главный редактор газеты «Дейче зольдатен цейтунг» Улиг, «Немецкий солдатский календарь»).

«Если законодательные органы Германии признают правильным и необходимым вооружение, каждому молодому немцу следует исчерпывающим образом использовать данную возможность. Тогда ему будет безразлично, какая воинская система будет введена, безразлично, на национальной или интернациональной основе будет создан вермахт; германская молодежь сумеет так убрать себе постель, что на ней будет удобно спать» (Фельдмаршал Кессельринг, «Немецкий солдатский календарь»).

По старым геббельсовским рецептам «молодому немцу» снова внушали, что ему некого бояться, что у него отличные союзники, а потенциальный противник слаб и заслуживает только презрения. Гитлеровский генерал-лейтенант Натцмер писал в журнале «Ойропейше зихерхейт» («Европейская безопасность»): «Русские в своей массе не являются сознательными, самостоятельно мыслящими и действующими солдатами». Русский солдат, по словам автора, «туп и несообразителен». «Интересно отметить, — считал нужным обобщить генерал-расист, — что названные качества типичны не только для русских, но и для азиатов вообще».

Как и прежде, западногерманские генералы твердо считали, что «основы военной дисциплины и боевого духа молодой немецкий солдат должен принести в армию из дома и из школы» (газета «Дер нотвег»). Итак, снова «пруссский дух» — во всем, везде и повсюду!

«Германский дух, — писала «Дейче зольдатен цейтунг», — должен воспитываться в немецком народе всеми средствами, через прессу и школу, и нужно начать это дело как можно скорее. Необходимо в первую очередь воскресить старые понятия о чести, верности, долге, мужестве... Радио, кино, книги, разрешение носить старые военные награды могут в этом деле сослужить большую службу. Время не терпит!»

Автор этих строк едва ли верил в то время, что его лаконичная, как военный приказ, программа выполняема. Тогда, всего лишь шесть лет спустя после военной катастрофы, слова о «германском духе», о «чести, верности, долге, мужестве» звучали по меньшей мере как бред сумасшедшего.

Сегодня автор из «Дейче зольдатен цейтунг» может принять поздравления: все в Западной Германии делается так, как он предначертал.

ОПЯТЬ «ЛЕБЕНСРАУМ»

Вместе с бывшей гитлеровской военщиной в бой ринулась армия идеологов «тысячелетнего рейха» — 104 старые пангерманцы с нацистской выучкой, достойные

питомцы Геббельса и Розенберга. Имена Гримма («Народ без пространства»), Юнгера и других «теоретиков» разбоя опять выплыли на поверхность.

В газетных киосках появились многочисленные издания: тоненькие «листки», «тетради» и толстые журналы, в которых прямо или замаскированно публике снова преподносились то геополитическая идейка «права» немцев на чужие территории, то расистский бред об «особой миссии» этой нации. Особой беззастенчивостью отличались два журнала — «Геополитик» и «Национ Ойропа». Первый начал выходить в Гейдельберге, второй — в Кобурге. Оба издания стали пристанищем изрядно потрепанной своры геополитиков — расистов и мракобесов, служивших верой и правдой Гитлеру.

Зародившаяся на заре империализма лженаука геополитика, призванная «обосновать» и оправдать политику разбоя и грабежа, особо пышным цветом расцвела в гитлеровской Германии. «Научная концепция» плеяды немецко-фашистских геополитиков во главе с Хаусгофером гласила: немцам не хватает «жизненного пространства» («лебенсraum»), поэтому им дозволено захватывать чужие территории силой оружия.

Старый бред «о жизненном пространстве», разбавленный мальтузианскими рассуждениями о «перенаселенности», стали теперь слово в слово повторять на своих страницах журналы «Геополитик» и «Национ Ойропа».

«Те же самые геополитические факторы, — писал журнал «Национ Ойропа», — которые во времена викингов и раннего средневековья привели к распространению власти Дании и Норвегии на Запад, заставили Германию в 1940 году занять обе западноскандинавские страны».

В злодеяниях гитлеровских извергов, если верить журналу, виноваты... борцы Сопротивления и партизаны, защищавшие свою родину.

«Кто участвовал в противозаконном движении Сопротивления, — развязно «теоретизировал» журнал «Национ Ойропа», — тот... лишил себя права на жизнь и должен радоваться, если отделался заключением в концентрационном лагере».

Авторы статей в «Геополитик» и «Национ Ойропа», разумеется, оказались ревностными сторонниками идеи «интеграции Европы», которую тогда начал проповедовать Аденауэр. И то, что канцлер скрывал за обтекаемыми фразами, геополитики выкладывали на стол без утайки.

По их схеме мышления Западная Германия должна стать господствующей державой в объединенной Европе. «Германия, — писал некто Ульрих Кремер в журнале «Геополитик», — является грудью Запада, заключающей в себе легкие и прежде всего сердце Европы... Рейн образует аорту — главную артерию Европы».

Но теперь уже не географическому фактору, а «фактору силы» отводили германские геополитики решающую роль.

История показывает, что для достижения политического единства в большинстве случаев необходима гегемония сильнейшего», — заявлял журнал «Геополитик». Что касается Франции, то, по словам журнала, она «не в состоянии защитить пространство, в котором желает быть ведущей силой». Из рассуждений автора вытекало, что на роль «ведущей нации» в Европе способна только Западная Германия.

Парижская газета «Монд» по поводу этих рассуждений заметила:

«Европейская нация в том виде, как ее нам предлагают, представляет собой, точнее, ту самую новую Европу, какую пытались создать Гитлер, Муссолини, их министры и министры их стран-сателлитов».

Да, именно так, подтвердили не моргнув глазом западногерманские геополитики ровно на шестом году после войны. Эсэсовских мародеров они объявили «первыми солдатами грядущей объединенной Европы», а гитлеровский «новый порядок» — ее прообразом.

«Эта первая удачная попытка, которой мы обязаны Германии вообще и Гитлеру в особенности, заслуживает глубокого изучения... — писал журнал «Национ Ойропа» о нацистском «новом порядке» в Европе. —

Разрабатывая планы устройства «жизненного пространства» будущей «объединенной Европы», западно-германские геополитики предлагали Франции отдать ее зарейнские области немцам, а себя компенсировать за счет соседей. Вот что писал некто Швальм в журнале «Геополитик»:

«Прежде всего неправильно, что французское жизненное пространство могло (до сих пор) расширяться только в направлении Рейна. Западные готы распространили свое государство на Пиренеи. Если следовать по течению Роны, то вполне мыслимо расширение границ за море, в Италию, что Франция уже и пыталась сделать однажды, еще до начала ее «рейнской политики»... Геополитика не должна ограничиваться вопросом: «Почему?» Гораздо полезнее ставить вопрос: «Почему бы и нет?»»

Со страниц журналов «Геополитик» и «Национ Ойропа» впервые раздались требования о привлечении западных немцев к участию в совместной эксплуатации колоний европейских стран, требования, которые стали теперь официальной политикой Бонна. Упомянутый Швальм писал:

«Немцы считают, что им не нужно больше спорить из-за Келя* или Саара; им надо вмешаться в распри между европейскими колониальными державами и пробуждающимися цветными народами».

Для этого журнал «Геополитик» требовал от Бонна проведения «независимой, самостоятельной германской политики, которая не должна спрашивать, чего хотят другие, а исходить из того, что при данных обстоятельствах соответствует интересам немцев».

Мы уделили так много внимания журналам «Геополитик» и «Национ Ойропа» потому, что это были первые вестники открытого возвращения на европейскую политическую сцену идеологии алчного германского империализма. Бред о «жизненном пространстве», о «новом порядке» в Европе возобновился в Германии

* Кель — городок на правом берегу Рейна, напротив г. Страсбург, присоединенный к Франции вместе с Саарской областью.

всего лишь на шестом году после войны, на втором году существования ФРГ. И никто не одернул неисправимых маньяков: они были нужны со своей людоедской философией.

Итак, военщина объединялась в союзы, идеологи реванша скрипели перьями. А что же делали бывшие «группенлейтеры», «ортслейтеры» — тысячи больших и маленьких «фюреров», которых крах империи загнал в тараканьи щели? Они тоже объединялись. Те, что были поумнее, укрылись под знаменами христианской демократии, свободной демократии и даже социал-демократии, которую они когда-то загнали за колючую проволоку концлагерей вместе с коммунистами. А ортодоксальные нацисты решили создать самостоятельные объединения. Партии, организации, группы бывших нацистов росли как грибы после дождя.

В числе первых появились на свет «Социалистическая имперская партия» Дорльса — Ремера, «Союз германской молодежи», «Первый легион» — террористические фашистские банды старой чеканки. С противниками ремилитаризации у них был один разговор: удар из-за угла темной ночью, налет на митинг, погром. Лучших «воспитателей немецкого духа» было трудно найти.

Но гитлеровские молодчики хватили через край. Их дикие оргии обеспокоили общественность Европы. Аденауэру пришлось перестраиваться на ходу. В конце 1952 года «Социалистическую партию» и «Союз германской молодежи» запретили. Запретили и... тут же выдали мандаты на деятельность новых фашистских организаций — «Германская солидарность», «Товарищеский союз германской молодежи» и других. Сюда немедленно перебрались нацисты из двух запрещенных объединений.

Пожалуй, Бонн, привыкший пренебрегать мнением общественности, не пошел бы на этот запрет, если бы не скандальный случай, доставивший много хлопот и ему, и оккупационным властям.

В октябре 1952 года в земле Гессен местные органы натолкнулись на подпольную террористическую организацию, готовившую убийство сотен политических и

государственных деятелей Западной Германии. Банда называла себя «Технической службой союза германской молодежи» и насчитывала до двух тысяч человек, главным образом бывших эсэсовцев. Вскоре обнаружилось, что организация террористов имеет свои филиалы в Гамбурге, Баварии и других землях.

При аресте вожakov банды были захвачены материалы и документы, которые полностью раскрыли ее цели. Так, обнаружили картотеку лиц, которые в «нужный момент» подлежали «ликвидации с помощью оружия». Картотека содержала имена не только руководителей и активных функционеров Коммунистической партии Германии, но и многих видных деятелей социал-демократической партии, а также служащих полиции, не проявивших слишком большого рвения в стычках с противниками вооружения. Составлением этой картотеки в штабе террористов занималась специальная «служба контрразведки», при которой имелся «референт по ликвидации».

Ко всеобщему удивлению, выяснилось, что подпольную банду террористов взрастила и выкормила... американская разведка. Организация через посредников получала от американцев ежемесячно 50 тысяч марок. На тайных складах, обнаруженных при раскрытии банды, хранилось американское оружие, которое, как выяснилось, и доставлялось-то туда на американских военных грузовиках. Работа «курсов», на которых обучались террористы, проходила под наблюдением американцев на американских учебных плацах.

Когда полицейские органы Гессена напали на след банды и арестовали ее главарей, немедленно вмешались американцы. Верховный комиссар США Доннели вызвал к себе лидера социал-демократической партии Олленхауэра и потребовал, чтобы тот заставил гессенское правительство, возглавлявшееся социал-демократом Цинном, отказаться от обнародования результатов расследования. Одновременно боннский федеральный прокурор дал приказ освободить арестованных вожakov банды. Как говорилось в официальном заявлении, бандитов освободили, поскольку они «смогли доказать, что их организация была создана по указанию

американских органов». Главарь банды Петерс перекочевал в конфискованный американцами дом, в который немецким властям доступа не было.

Несмотря на все старания Доннели, тайна наемной банды фашистских заговорщиков раскрылась. Гессенский премьер-министр Цинн был вынужден подробно доложить обо всем ландтагу. Западногерманская общественность была потрясена.

Буржуазная газета «Франфуртер рундшау» писала: «Господа из «Технической службы союза германской молодежи» замыслили не расправу над коммунистами, а ликвидацию демократии. Вспоминается испытанный метод: сначала коммунисты и социал-демократы, за ними партии центра, а заодно, и не в последнюю очередь, евреи. Именно так составлена программа «Союза германской молодежи», хотя они пока что говорят только о коммунистах и социал-демократах и умалчивают о ХДС или евреях».

«Выяснился уму непостижимый факт, — писала другая буржуазная газета — «Гессисхе нахрихтен». — Представители оккупационной власти являются инициаторами движения, которое воскресило методы, заклеенные судом в Нюрнберге как преступные».

Но зачем? Что значил фокус американцев с эсэсовцами? Этот вопрос тогда задавал себе каждый немец. Ответ на него дали сами американцы. Несколько дней спустя после раскрытия заговора близкая к американским оккупационным властям западноберлинская газета «Дер тагесшпигель» обрушилась на «наивных людей», возмущавшихся действиями американских оккупантов.

«Но ведь то, что происходит в Оденвальде (район, где базировалась гессенская группа террористов), — писала газета, — является лишь следствием того, что формирование германских воинских частей уже много месяцев затягивается самым безответственным образом... Не нужно удивляться тому, что в этом случае необходимые приготовления проводятся срочно и в другой форме. Вероятно, в один прекрасный день на дворе уже будет стоять наготове целая германская армия, а в Бонне и Париже тем временем все еще будут

продолжаться разговоры о том, сказать ли «да» или «нет» или вообще ничего не говорить».

Итак, взаимосвязь между планами ремилитаризации и предоставлением свободы действий эсэсовским громадам больше не вызывала сомнений. Вместе с тем стало ясно, что на бывших эсэсовцев и штурмовиков сделали ставку не только западногерманские политики, но и американские генералы. Эсэсовцы были для американцев «резервом» на случай, если боннский аппарат, запутавшись в непривычных для него хитросплетениях демократии, оказался бы не на высоте и провалил бы законодательство по ремилитаризации.

Иначе говоря, американцы не только всерьез помышляли выбросить при случае в мусорную яму боннский псевдодемократический балаган во главе с Аденауэром, но и даже готовили тех, кто пришел бы ему на смену.

Но в конце концов неприглядная гессенская история была улажена. Аденауэровцы остались у власти, американцы сумели замять скандал, «пострадавшие» эсэсовцы еще больше воспряли духом. Несмотря на роспуск «Технической службы» и запрет «Союза германской молодежи» вместе с «Социалистической имперской партией», герои «третьего рейха» только теперь по-настоящему поняли, какими богатыми шансами они располагают. Они усвоили, что боннское государство для них отнюдь не злая мачеха, а добрый фатерлянд и что дело теперь только в том, чтобы занять в нем подходящее место.

РОЖДЕНИЕ БОННСКИХ ЛЕГЕНД

С этого момента началось бурное вторжение «бывших» в государственный аппарат, в механизм общественной жизни ФРГ. Нацистские судьи облачались в «демократические» судейские мантии, эсэсовские офицеры надевали мундиры командиров полиции, этого стража «демократических» порядков, группенлейтеры **111**

и ортслейтеры становились бургомистрами, депутатами, функционерами новых, «демократических» партий.

Десять лет спустя, когда в Израиле сел на скамью подсудимых нацистский палач Адольф Эйхман, когда засилье нацистов в ФРГ стало повсюду в мире притчей во языцех, правительству ФРГ пришлось заняться подновлением своих лжедемократических одежд и согласиться на привлечение к судебной ответственности ряда бывших эсэсовцев. Боже мой, какое зловоение поднялось из авгиевых конюшен боннского государства, стоило их копнуть чуть-чуть поглубже! Полетел сам генеральный прокурор Френкель, который, как выяснилось, был прокурором при нацистском имперском суде в Лейпциге. Аденауэру пришлось расстаться со своим любимцем министром Оберлендером, в прошлом эсэсовским карателем, против которого собралось столько улик, что держать его на этом посту стало просто невозможно.

Состоявшийся в начале 1961 года в Западном Берлине суд над членами одного из нацистских карательных отрядов, на счету которого было 11 тысяч убитых, потряс общественность не столько прошлыми злодеяниями подсудимых, сколько их последующей блистательной карьерой в боннском государстве. Бывший командир отряда стал директором западноберлинского банка, его помощник — важным лицом в западногерманской полиции, один из членов отряда — председателем ольденбургской гильдии ремесленников. Начальник уголовной полиции земли Рейнланд-Пфальц Георг Хойзер был разоблачен как бывший крупный деятель гестапо, а бывший эсэсовец Эберхард фон Толь, на счету которого значится 100 убийств, оказался на посту... секретаря штаб-квартиры западногерманского «Красного креста» в Бонне.

Эти процессы пятнадцать — семнадцать лет спустя после войны, на одиннадцатом — двенадцатом году существования ФРГ выглядели по меньшей мере фарсом. Вместе с эсэсовцами судить надо было боннских «демократов». Ведь это они многие годы пользовались услугами эсэсовцев, опирались на них, прокладывая путь к

ремилитаризации. Ведь это они не дали «бывшим» пересмотреть свои взгляды и стать людьми, что смягчило бы их вину. Боннских «демократов» следовало бы судить и за то, что они помешали пятидесяти миллионам немцев должным образом рассчитаться со своим прошлым и завоевать право честно смотреть в глаза другим народам.

Но вернемся к тому времени, когда френкели, хойзеры и фон толи только начинали свою новую карьеру. Те, у кого биография была запачкана особенно густо, тогда на всякий случай сменили фамилии и имена. Это делать было просто, власти на все глядели сквозь пальцы. Но большинство осталось при своих именах.

Нацистские партии и организации особенно активизировались летом 1953 года. Осенью предстояли выборы в бундестаг, и «бывшие» решили всю показать свою силу. В Ольденбурге в мае состоялись тайные совещания главарей фашистских организаций, в том числе официально запрещенной «Социалистической имперской партии». На них вырабатывались программы «совместных мероприятий в ходе предвыборной борьбы». Скоро стало известно, что в Западной Германии организуются «учебные лагеря», где террористы обучаются «бесшумному обезвреживанию противника». Назывались места расположения этих лагерей: Фридевальд (округ Херсфельд), Энгельрод (округ Лаутербах), Оффенбах.

Фашистские организации ставили своей целью «прежде всего поддержку нынешних правящих кругов». С точки зрения их интересов это было самое разумное. Ведь ХДС шел на выборы с программой возрождения вермахта. А кроме того, в бундестаге к тому времени уже сидело немало «своих». Была там даже целая фракция «своих» — так называемая Немецкая партия, занимавшая по количеству мандатов третье место в парламенте. В начале лета эта партия провела в Гамбурге свой съезд, на котором приняла избирательную программу. Она требовала лишения рабочих права на политические забастовки, удушения профсоюзов путем «налогового обременения», предоставления военно-

промышленным монополиям полной свободы действий в угнетении трудового народа. Немецкая партия требовала не только реабилитации всех военных преступников и активных фашистов, не только возмещения «ущерба, причиненного денацификацией» этим лицам, но и наказания всех тех, кто способствовал в свое время разоблачению военных преступников, а также увольнения служащих, принимавших участие в судах по денацификации. Немецкая партия требовала незамедлительного восстановления вермахта. Выступая на съезде, председатель партии Хельвеге недвусмысленно заявил, что возрождаемый вермахт нужен для нападения на Германскую Демократическую Республику и для «освобождения восточных территорий, которые были заселены немцами».

И все же фашистские партии хотели сами подбратись к кормилу власти. Они ринулись в бой за место под солнцем с открытым забралом. В списки кандидатов в депутаты бундестага они включили «совсем своих людей» — матерых нацистов, военных и штатских. Германская имперская партия (она же запрещенная «Социалистическая имперская партия») выставила своими кандидатами ближайшего геббельсовского подручного Наумана, известного гитлеровского банкира Шахта, бывшего «фюрера имперских крестьян» Мейнберга, генералов Гудериана, Андре и Вольфа, гитлеровского асса полковника Руделя, идеолога нацистской агрессии писателя Гримма и других.

Правящая группировка не чинила препятствий оголтелым гитлеровцам. Она вела себя так не потому, что была готова уступить им место у государственного руля. Нет, у боннских «демократов» был особый расчет. Их режим к тому времени окончательно сложился на фундаменте гитлеровской Германии. Этот фундамент был у всех на виду, он каждому резал глаза. На него указывали пальцем за границей. Им возмущался немецкий народ.

Надо было прикрыть камни позора, оставив их, разумеется, в целости и сохранности. Надо было заставить всех и вся поверить, что режим, утвердившийся в Западной Германии, есть демократия.

С проведением такого рода операции дальше было медлить нельзя. И вот было решено воспользоваться парламентскими выборами 1953 года — вторыми в истории Федеративной Республики Германии. Из них республика, по расчетам, должна была выйти в чистых демократических одеждах. Пусть на выборах с треском провалятся те из «бывших», у которых не хватило ума понять, что времена все-таки изменились. Народ так или иначе не даст им ходу, зато публичный позорный провал на выборах надежно прикроет от глаз людских тех «бывших», которые сумели понять новую обстановку и приспособиться к ней.

Таков был замысел, и его не без успеха претворили в жизнь.

На выборах, состоявшихся 6 сентября 1953 года, нацисты старой чеканки, как и ожидалось, потерпели полное поражение. За Германскую имперскую партию, открыто афишировавшую себя как преемницу гитлеровской национал-социалистской партии, проголосовало всего лишь 1,1 процента избирателей.

В этот день родился один из величайших блефов послевоенной истории — легенда о появлении государства «хороших немцев», которые-де ни в чем не виноваты, никогда не одобряли гитлеровской тирании и всегда оставались в душе демократами. Два года спустя эту легенду дополнили мифом о том, будто все старые генералы и офицеры, вступившие в новые вооруженные силы ФРГ, сплошь участвовали в заговоре против Гитлера. Так в западной части Германии окончательно похоронили дело искоренения нацистской идеологии и демократизации государственного аппарата, системы воспитания молодежи и всей общественной жизни. Похоронили те святые цели, которые поставили перед собой державы-победительницы в Потсдаме. Генералы и офицеры вермахта, нацистские фюреры и чиновники надежно спрятались под крыльями боннского псевдодемократического орла. А еще десять лет спустя вдова покойного американского президента Элеонора Рузвельт пришла в ужас, узнав из достоверных источников, что государственный аппарат Федеративной Респуб-

лики Германии на 80 процентов состоит из бывших нацистов.

Сразу же после выборов 1953 года Аденауэр провозгласил в бундестаге, что «время правого радикализма в Германии окончательно прошло». Бундестаг был объявлен «образцовым демократическим парламентом». Отныне все стало делаться «от имени народа»: посылались приветственные телеграммы за подписью канцлера в адрес реваншистских сборищ и отрицательные ответы на предложения СССР и ГДР о мерах по воссоединению страны, форсировалась подготовка к возрождению вермахта. Скандально известный призыв Аденауэра к «освобождению восточной зоны», с которым он выступил на другой же день после выборов, разумеется, также исходил «от имени народа».

Христианско-демократический союз вместе со своим баварским филиалом — Христианско-социальным союзом (ХСС) собрал на выборах более 12 миллионов голосов (45,2 процента всех голосов) и получил 243 депутатских мандата. Не хватило одного лишь мандата до половины депутатских мест в бундестаге (всего их было 487), но он появился на другой же день после выборов: один депутат от партии центра, выступавший на выборах в блоке с аденауэровцами, объявил о своем переходе в ХДС, и эта партия одним махом стала обладательницей большинства мест в «образцовом демократическом парламенте».

Между другими партиями депутатские мандаты распределялись следующим образом: социал-демократическая партия получила 150 мест, Свободная демократическая партия — 48, Общегерманский блок (партия переселенцев) — 27, Немецкая партия — 15, партия центра — 4 места.

Результатам выборов радовались не только реакционные силы Западной Германии. Бурно праздновали победу американские правящие круги, которые после случившихся незадолго до этого поражений верных им людей — де Гаспери в Италии, Шумана во Франции и Ли Сын Мана в Корее — не пожалели ни средств, ни энергии, чтобы обеспечить успех сторонников перево-

кругах Вашингтона подчеркивают, — сообщало в те дни агентство Франс Пресс, — что американское правительство открыто направляло всю свою европейскую политику на обеспечение победы Аденауэра».

Да, сторонники перевооружения Западной Германии в результате бесчестных пропагандистско-политических махинаций укрепили свои позиции в государстве. Но означало ли это, что население Западной Германии встало на точку зрения милитаристов, что оно изменило свое отношение к ремилитаризации? Нет, борьба против возрождения армии продолжалась, и последующие годы были отмечены многими массовыми антивоенными акциями в Западной Германии.

Вместе с тем нельзя было не видеть, что разнузданная милитаристская пропаганда, деятельность «демократических» партий в блоке с «бывшими», жестокое преследование антифашистских, миролюбивых сил делали с годами свое дело. Объединенному фронту оккупационных властей, боннской государственной машины и бывших нацистов удалось оживить в душах многих людей бациллы антикоммунизма, которые разъедали Германию со дня захвата власти фашистами. В результате на выборах 1953 года компартия Германии потеряла значительное количество голосов. За нее голосовало 607 тысяч избирателей, что составило 2,2 процента всех поданных на выборах голосов. При таком количестве голосов компартия имела право на 11 депутатских мандатов, но боннские «демократы» заранее позаботились о том, чтобы ни один коммунист не попал в парламент: перед выборами они приняли закон, согласно которому в парламент попадают только партии, получившие на выборах не менее 5 процентов всех голосов избирателей.

Так появилась новая легенда, согласно которой население Западной Германии будто бы сознательно и в результате свободного волеизъявления «отвергло» коммунистов, будто коммунизм вообще не соответствует национальным традициям, образу жизни и мышлению немцев.

Наконец в ходе предвыборной борьбы 1953 года окончательно сложились еще два мифа, составляющие и по сей день золотой фонд боннского идеологического арсенала. Это легенды о невинности Бонна в расколе страны и о западногерманском «экономическом чуде».

В этой главе мы показали, чего стоит миф о «государстве хороших немцев». В последующих главах мы напомним о фактах и событиях, которые не оставляют камня на камне и от прочих боннских легенд.

ПРАВДА О КОММУНИСТАХ

Представьте себе, читатель, разрушенную, голодную Германию первых послевоенных месяцев. Обманутые, лишённые надежд люди, потерявшие кров, родных, близких. В те дни на устах каждого немца была клятва никогда и никому больше не верить.

И вот в эту деморализованную, недоверчивую массу вливается в сущности тоненькая, но полная жизни струйка — коммунисты. Они тоже измучены. Из 300 тысяч членов компартии, имевшихся в Германии к моменту прихода к власти гитлеровцев, половина была брошена в тюрьмы и концентрационные лагеря или покинула родину. Более 30 тысяч самых активных и способных коммунистов сложили головы на фашистских эшафотах. Многие погибли на фронтах войны.

И все же оставшиеся в живых коммунисты сохранили ясность цели, веру в свой народ, непреклонную волю к борьбе и победе. Не один немец, голосовавший впоследствии за Аденауэра, в глубине души вспоми- 119

нал с теплым чувством коммуниста, который помог ему в те трудные времена прийти в себя, найти точку опоры в жизни, поверить в будущее.

К коммунистам потянулся рабочий класс, крестьянство, весь трудовой народ. В восточной части страны, где демократические силы могли развиваться беспрепятственно, они быстро стали душой народа, организаторами и духовными наставниками масс. Однако в Западной Германии коммунисты с первых же шагов натолкнулись на препятствия.

Командование войск западных союзников видело в них своего врага. Оно всеми способами мешало деятельности организаций компартии, а в конце 1947 года главнокомандующий американскими войсками генерал Клей публично провозгласил поход против коммунизма в Германии. Тюремные камеры снова стали заполняться коммунистами. На протяжении многих лет оккупационные власти не разрешали объединение имевшихся во всех землях Западной Германии коммунистических организаций в единую партию, и лишь в апреле 1948 года на конференции в Герне было организационно оформлено создание Коммунистической партии Германии, во главе Центрального правления которой стал рурский горняк Макс Рейман.

Первое время оккупанты расправлялись с коммунистами один-на-один. Потом им стали ассистировать всякого рода «демократы», и не в последнюю очередь правые социалисты, примчавшиеся из эмиграции. Затем, после фарса с «денацификацией», в антикоммунистическую травлю включились все те, кто держал народ в кулаке при Гитлере.

И все же на выборах в ландтаги западногерманских земель в 1947—1948 годах за компартию голосовало 8—12 процентов избирателей. В некоторых землях коммунисты стали министрами. Сотни коммунистов — избранников народа работали в общинных органах власти.

О степени влияния коммунистов в то время говорят факты, которые невозможно выбросить из книги истории. В 1947—1948 годах в землях Северный Рейн-Вестфалия и Гессен коммунистам вместе с социал-демокра-

тами, католиками и беспартийными удалось добиться принятия земельными парламентами законов о переходе предприятий крупных монополистов в собственность народа. В землях Шлезвиг-Гольштейн и Северный Рейн-Вестфалия по инициативе коммунистов были приняты законы о проведении аграрной реформы, а в землях Бремен, Гессен, Вюртемберг-Баден — прогрессивные законы о положении производственных советов на предприятиях. Только благодаря грубому вмешательству оккупационных властей эти законы не были претворены в жизнь.

Когда избирался первый боннский бундестаг (август 1949 года), компартия собрала 1 361 700 голосов (5,7 процента) и получила 15 депутатских мандатов. И это несмотря на то, что компартия в ходе подготовки к выборам имела против себя сплоченный фронт — от правосоциалистского руководства до католической реакции и фашистского сброда, поддерживаемых оккупантами.

Нет, не «отверг» коммунистов народ Западной Германии. Немецкий рабочий класс и в этой части страны всей душой тянулся к компартии. Но силы были неравными, обстановка благоприятствовала противнику. Реакция имела возможность год за годом усиливать террор против коммунистов, пока не добилась объявления партии вне закона.

Но сколько пришлось реакции затратить на эту борьбу сил, энергии и средств! И какие невосполнимые моральные потери она понесла при этом в глазах мирового общественного мнения!

В числе первых мероприятий федерального правительства и бундестага было учреждение так называемого ведомства по охране конституции. Затем в Карлсруэ появился «Федеральный конституционный суд», который был создан, собственно, только для того, чтобы вынести решение об «антиконституционности» компартии и создать «правовую основу» для ее запрещения.

Судьи в Карлсруэ еще не успели набрать секретарш и машинисток, как боннское правительство подало туда «жалобу» на КПГ. Произошло это в 1951 году, а судебное

разбирательство по «жалобе» началось лишь осенью 1954 года. Более трех лет (заметим: то были как раз годы форсированной разработки планов ремилитаризации Западной Германии) суд «собирал улики» против КППГ. Что это значило, знают тюремные застенки, обгаренные кровью мостовые западногерманских городов да архивы боннского гестапо — «ведомства по охране конституции». Другая партия в таких условиях впала бы в состояние паралича. Но западногерманские коммунисты выдержали, КППГ осталась боевой, активной партией, возглавлявшей в труднейших условиях движение народа против возрождения милитаризма.

Компартию удалось вытеснить из федерального и земельных парламентов и объявить вне закона только потому, что на нее ополчились все силы германского и мирового империализма. Гитлеровская Германия, перекочевавшая в полицию, в прокуратуру, в суд, во все поры боннского государства, вымещала на компартии злобу за свое недавнее тотальное поражение. Очумелая от реваншистского угара военщина не могла себе представить возрожденный вермахт под одной государственной крышей с коммунистами. Боннские государственные деятели с самого начала мечтали о том дне, когда им удастся убрать с дороги компартию — организатора сопротивления народа их позорным планам и действиям.

Расправиться с компартией боннское правительство поручило тем же самым людям, которые за двадцать лет до того прямо или косвенно участвовали в фашистских акциях по удушению компартии, социал-демократической партии, профсоюзов и всех прочих организаций, неугодных Гитлеру. На процессе против КППГ правительство представлял фон Лекс, тот самый фон Лекс, который в марте 1933 года от имени фракции баварской народной партии в рейхстаге приветствовал приход Гитлера к власти как «исторический поворот» и проголосовал за предоставление Гитлеру «чрезвычайных полномочий». Тот самый фон Лекс, который затем по рекомендации гитлеровского подручного Фрика занял руководящий пост в нацистском министерстве внутренних дел, занимавшемся «искоренением марк-

сизма» в Германии. В Бонне этот фашистский исполнитель выступал в роли стража «свободного демократического строя», занимая пост статс-секретаря министерства внутренних дел.

Первым помощником Лекса был назначен адвокат Дикс — специалист по защите фашистских военных преступников. В Нюрнберге он защищал небезызвестного политического деятеля и гитлеровского финансиста Шахта, нацистского пушечного короля Флика и главарей военного концерна «ИГ-Фарбениндустри».

Председателем суда оказался д-р Винтрих, процветавший в роли судьи в «третьем рейхе».

Таковы некоторые исторические факты, которые сейчас намертво замалчиваются официальной боннской пропагандой.

СУДИЛИЩЕ В КАРЛСРУЭ

— Проходите!

Резкий, лающий голос, молниеносный взлет руки к козырьку, нависшему над застывшим в тупом усердии лицом. Все как в жутких документальных фильмах о нацистских парадах, казарменной муштре, слепом службизме. В руках у меня желтая бумажка — разрешение на вход в зал, где судят коммунистическую партию. Поднимаюсь на второй этаж, вхожу в небольшой зальчик, с трудом нахожу свободное место. Потом это повторялось каждый раз: найти место было проблемой, часто приходилось стоять в проходе и ждать, пока кто-нибудь не поднимется со своего кресла. В зальчике всего 80—90 мест, и они полностью занимались ассистентами судей и адвокатов, журналистами. Последние два ряда отводились для публики, но там всегда маячили одни и те же лица. Зал когда-то был столовой, а все здание — дворцом баденского принца Макса. Дом совершенно не приспособлен под учреждение, но соображения удобств не принимались в расчет, когда думали, где поместить конституционный суд. Чашу весов в пользу Карлсруэ склонило то обстоятельство, что этот

город во многом похож на Бонн: до войны в нем не было ни одного мало-мальски значительного предприятия, это город чиновников и мещан.

И все же организаторы судилища над КППГ в Карлсруэ боялись «человека с улицы». В первый день процесса, 23 ноября 1954 года, полиция плотно оцепила здание суда на Карлштрассе. Был установлен даже водомет. Как отметила одна американская газета, в Карлсруэ царил «атмосфера вооруженного лагеря». Колонны антифашистов с плакатами, требовавшими прекратить расправу над компартией, уперлись в полицейские заслоны. Люди долго не расходились. К ним примкнули толпы горожан. Это была внушительная демонстрация против того, что происходило в приземистом дворце принца Макса.

Я приехал в Карлсруэ в начале второй недели процесса. Водометов у здания суда уже не было. Подходы ко дворцу патрулировала дюжина полицейских. Автомшины со знаками полиции стояли в стороне.

Снаружи все было тихо и мирно. Машина террора делала свое дело внутри здания. Вот как это выглядело на заседании 30 ноября.

В начале заседания адвокат компартии Кребер, подводя итог первой недели суда, перечисляет случаи нарушения на процессе прав КППГ. Он говорит о несправедливом решении судей оставить без последствий отводы, сделанные защитой компартии некоторым членам суда в связи с их нацистским прошлым, о допросе некоторых свидетелей без ведома КППГ, о том, что от защиты КППГ скрыты документы, представленные суду боннским правительством. Но самым вопиющим фактом нарушения записанного в уставе конституционного суда принципа «равноправия сторон» на процессе было то, что назначенные Центральным Комитетом КППГ представители не имели возможности присутствовать на процессе. Двое из них — Фриц Рише и Юп Ледвон — сидели в западногерманских тюрьмах. В отношении двух других — Макса Реймана и Вальтера Фиша — был издан приказ об аресте. Правда, Вальтер Фиш воспользовался «охранной грамотой», выданной ему конституционным судом, и прибыл на процесс. Но пока ему не

дают сказать ни слова. Адвокат Крегер требует отменить приказы об аресте, прекратить процесс.

Вскакивает оруженосец фон Лекса адвокат Дикс и призывает суд «двигаться дальше». Его главный аргумент: руководителей КПП выпускать из тюрем совсем не обязательно, хватит, мол, и адвокатов КПП. Суд покорно соглашается с ним.

А дальше разыгрывается просто безобразная сцена. Председатель Винтрих объявляет, что он предоставляет слово обвиняемой стороне для «ответа по существу» на обвинительное заявление представителей правительства, которое было сделано на предыдущем заседании. Со своего места поднимается Вальтер Фиш. Винтрих изображает удивление на лице и бесстрастным голосом произносит давно заготовленную фразу:

— Господин Фиш, я вам слова не давал. Здесь говорят юристы.

По залу проносится гул: такого вопиющего беззакония не ждали даже издававшие виды буржуазные журналы. Адвокаты КПП протестуют: ведь фон Лекс на суде выступает не как адвокат, а как должностное лицо правительства. Почему же КПП не имеет права быть представленной на суде своими опытными деятелями?

Растягивая в ниточку тонкие иезуитские губы, Винтрих с профессиональной бесстрастностью цедит сквозь зубы:

— Господин доктор фон Лекс юрист по образованию, поэтому он имеет право выступать на процессе. От обеих сторон на процессе могут говорить только юристы. Господин Фиш таковым не является. Суд, конечно, может допустить отдельные выступления политиков, но в данном случае он считает это нецелесообразным.

Почему он так считает? Суд молчит. После небольшого перерыва защита КПП обращается к суду с обоснованной по всем формальным правилам просьбой допустить Вальтера Фиша к участию в процессе.

Опять вскакивает Дикс. Смысл его «доводов»: юристы справятся с задачей и без помощи г-на Фиша. Суд удаляется на совещание. Потом объявляет свое решение: просьбу защиты КПП отклонить. Защита компартии

делает еще одно заявление: если представителю КПП не дадут слова по существу, то суд не может отказать ему в праве выступить с объяснениями, почему он не мог присутствовать на первых заседаниях процесса. И эта просьба отклоняется.

Так компартию лишают права защищать себя силами своих опытных деятелей.

Ответ КПП на обвинения боннского правительства излагает адвокат Кауль. Фон Лекс и Дикс, председательствующий Винтрих то и дело прерывают его, мешают говорить. На другой день во многих газетах обстановка суда сравнивалась с атмосферой лейпцигского процесса, на котором Геринг, как известно, почти на каждую фразу Димитрова отвечал звериным рычанием.

И все же судьям пришлось выслушать правду о чудовищном произволе, прикрываемом их судейской мантией. Адвокат Кауль показал, что процесс не имел ничего общего с правом, что это был чисто политический акт, призванный расчистить путь к ратификации Парижских соглашений и таким образом похоронить шансы на мирное воссоединение страны. Касаясь обвинения, будто КПП хочет уничтожить «свободно-демократический правопорядок» в Западной Германии, защитник компартии привел доказательства, подтверждавшие, что КПП защищает свободу и демократию, а угроза для нее исходит от боннского правительства, опирающегося на осколки «третьего рейха». Доктор Кауль вскрыл смехотворность и другого обвинения — будто КПП угрожает «безопасности» ФРГ. Не КПП угрожает «безопасности» ФРГ и соседних народов, сказал доктор Кауль, а политика сколачивания военных пактов, перевооружение германского милитаризма, являющегося заклятым врагом мира в Европе. Защитник КПП остановился особо на заявлении представителя боннского правительства фон Лекса о том, что бонское правительство не считает себя связанным Потсдамскими соглашениями. Он показал, сколь опасны подобные заявления для мира в Германии и Европе, для перспектив воссоединения Германии. Кто отрицает Потсдамские соглашения, сказал адвокат Кауль, тот

126 отрицает основу восстановления единства страны.

Когда защитник КПГ закончил свою речь, с места, как ошпаренный, вскочил фон Лекс. Он потребовал слова для ответа «на коммунистическую пропаганду». Но судьи уже поднялись. Винтрих смущенно лепечет:

— Но, господин статс-секретарь, суд же решил сделать перерыв до завтра...

Лекс с побагровевшей шеей требует своего.

Тогда в зале раздается громовой голос представителя КПГ:

— Замолчите, господин статс-секретарь. Вы думаете, что вам все дозволено? Прекратите терроризировать суд!

Ошеломленный смелой атакой, фон Лекс растерялся. А когда он собрался контратаковать, судей уже не было.

Так протекали дни этого чудовищного процесса. Каждое заседание ложилось позорным пятном на его устроителей, изобличало их как душителей свободы, прикрывавшихся лицемерными фразами о «правопорядке». Из каждого сражения правды и лжи победителем выходила правда.

На заседании 1 декабря фон Лекс первым взял слово и, разумеется, принялся «опровергать» защиту КПГ. Но, кроме избитых пропагандистских фраз, с его уст ничего не слетело. «Ответьте насчет Потсдама», — бросает фон Лексу кто-то из защиты КПГ. Но представитель боннского правительства нечего ответить.

Тогда встает адвокат КПГ Крегер и в течение полутора часов объясняет, какими тяжелыми последствиями для немецкого народа, для демократии в Западной Германии преврато боннское толкование Потсдамских соглашений. Чем убедительнее звучат аргументы адвоката, тем нервнее становятся судьи, представители боннского правительства. Дикс, багровый, то и дело бежит от одного советника к другому. Но советники ничего хорошего не насоветовали. Побитому фон Лексу после выступления Крегера пришлось ограничиться парой ничего не значащих слов и смущенно попросить суд дать ему целых шесть дней на подготовку ответа Крегеру. Трех лет подготовки процесса боннским обвинителям оказалось мало. Суду ничего не осталось, как

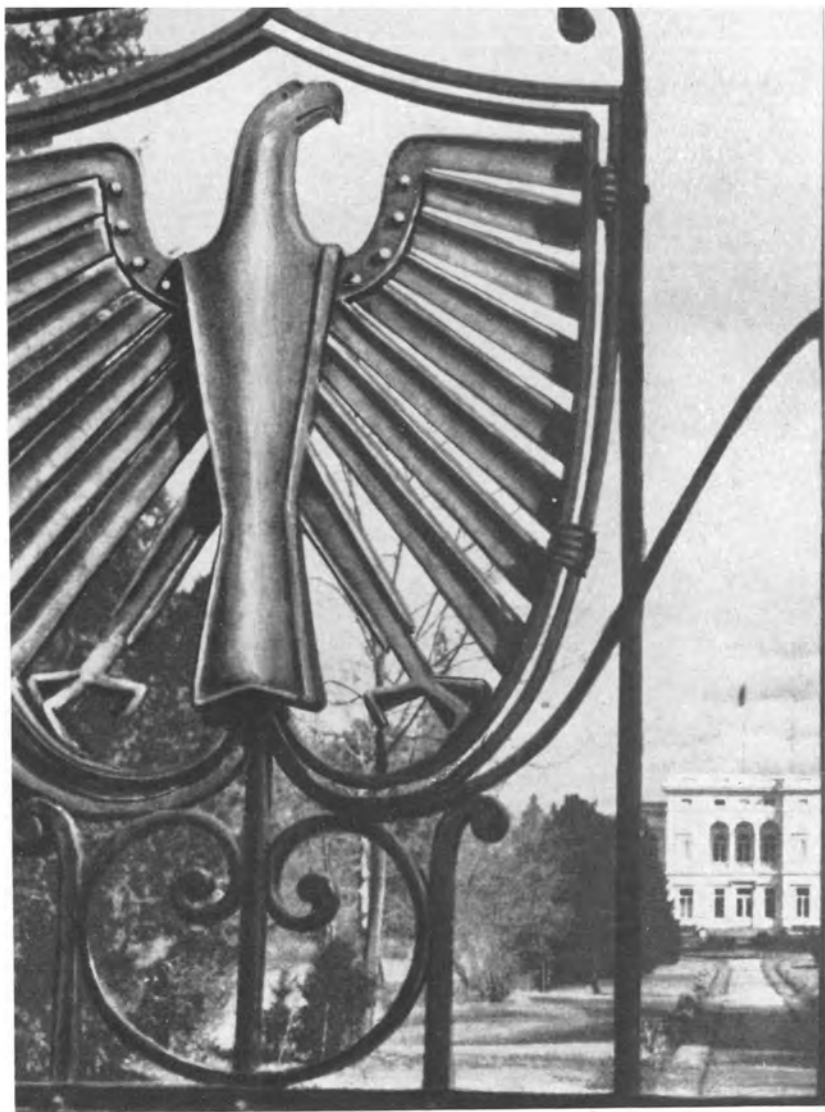
объявить перерыв почти на целую неделю. Это была большая победа защиты компартии.

Шесть дней Бонн готовился взять реванш за позорное поражение, но снова сел в лужу. Боннских правоведов настолько захватил азарт боя, что они совсем забыли о благопристойности, о необходимости маскироваться под демократов и антимилиитаристов. В длинной ответной речи обвинение гнусно измывалось над потсдамскими принципами, освященными кровью миллионов, называя их «интервенционистскими мероприятиями», якобы противоречащими «общим правилам международного права» и имеющими-де значение только для «контрагентов», т. е. четырех держав-победительниц. «Принципы союзнической политики в отношении Германии никогда еще не рассматривались как предписания, непосредственно обязывающие к чему-либо германское население и германские власти», — развязно заявил боннский представитель. И, уж совсем распоясавшись, добавил: «Я также не смог ничего найти (в Потсдамских решениях) о принципе запрещения агрессии и интервенции и о запрещении войны».

Защитник интересов боннского правительства предложил изъять из обсуждения Потсдамское соглашение, на основании которого в свое время оккупационные державы разрешили деятельность КППГ, и вести разбирательство только на основе конституции ФРГ.

Кстати, любопытно отметить следующую деталь: заявление участников Потсдамской конференции об их намерении способствовать созданию общегерманского правительства боннские толкователи международного права на процессе в Карлсруэ называли «оскорбительным» и якобы означающим «вмешательство во внутренние дела Германии». Ныне правящие круги ФРГ, наоборот, заявляют, что воссоединить Германию могут только державы-победительницы, и упрямо отказываются заняться «внутренними делами Германии» вместе с Германской Демократической Республикой.

Изречения боннского представителя о Потсдамских соглашениях уже сами по себе были достаточно скандальными, чтобы вызвать отрицательную реакцию в Западной Германии и за границей. Но на этом беды

Бонн. Вилла Хаммершмидт — резиденция президента ФРГ.

Бонн. Панорама города: 1 — Семигорье; 2 — Петерсберг; 3 — Кёнигсвинтер; 4 — Американский поселок; 5 — Бад-Годесберг; 6 — Рейн; 7 — Бундестаг; 8 — Дворец президента ФРГ; 9 — Министерство иностранных дел; 10 — Министерство почт; 11 — Кобленцштрассе.

Бонн. Бундестаг.

За этим столом творил бессмертный Гёте (Дом-музей поэта во Франкфурте-на-Майне).

Бонн. В этом домике родился великий немецкий композитор Людвиг ван Бетховен.

Бонна не кончились. Дело в том, что с боннским толкованием Потсдамских решений выступил на процессе старый профессор права Кауфман. На другой день защита КПГ представила суду многочисленные труды Кауфмана, из которых было видно, что главный эксперт Бонна по вопросам международного права уже четверть века подвизается в роли «теоретика» агрессивного германского империализма. Еще в 1911 году в одном из своих трудов он оправдывал нарушение международных договоров, заявлял, что «исходной мыслью международного права является формула «кто может, тому дозволено». В книге «Наследие Бисмарка в имперской конституции», изданной в 1917 году, он писал: «Для нас война является звеном божественного мирового порядка, божьим судом, на котором проявляется подлинная сила государств... великой проверкой того, правильной ли была предшествовавшая расстановка международных сил и не следует ли заменить ее более правильной и лучшей».

В другой своей книге Кауфман писал, что право захватывать чужие территории, которое, по его мнению, «должно быть дано каждому государству», вытекает из «права каждого государства на ведение войн». «И вообще в праве на ведение колониальной политики, — писал Кауфман, — нельзя отказать ни одному государству».

По прочтении этих чудовищных изречений, прозвучавших в зале суда как взрыв бомбы, адвокат Кауль спросил, можно ли принимать в расчет толкование Потсдамских соглашений человеком, который всю свою жизнь признавал только силу оружия? Никто не дал ответа на этот вопрос. В стане организаторов процесса царило полное замешательство. Был объявлен новый трехдневный перерыв по просьбе представителей обвинения. На последовавших затем трех заседаниях они снова потерпели поражение, когда разбирались вопросы: дает ли боннская конституция основание для запрета КПГ и не противоречит ли намерение запретить КПГ национальной задаче восстановления единства страны?

Развязное поведение официальных представителей обвинения, их демагогические, бездоказательные речи и реплики вызвали недовольство даже среди судей. Один из судей, д-р Цвейгерт, прямо заявил, что его не удовлетворили доводы уполномоченного боннского правительства, когда тот утверждал, будто вопрос восстановления единства страны не «юридический», а «политический», а посему-де не должен затрагиваться на процессе. По требованию д-ра Цвейгерта обе стороны выступили перед судом с изложением своих аргументов. И тут стало особенно очевидным, сколь зыбка почва под ногами боннских уполномоченных и насколько неотразимы доводы защиты КППГ. Эти доводы нашли широкий отклик и на страницах буржуазной печати Западной Германии. Так, мюнхенская газета «Зюд-дейче цейтунг» в те дни открыто выражала сомнение в целесообразности запрета КППГ ввиду возможности проведения общегерманских выборов.

В обстановке полной растерянности среди недругов КППГ, собственно, и закончились заседания суда в Карлсруэ. Бонну не удалось доказать ни «виновность» КППГ перед законом, ни ее «антиконституционность». Более того, чем дольше шел процесс, тем больше менялись ролями стороны. В глазах общественности, до которой доходили вести из зала суда, обвиняющей стороной становилась компартия. На каждом заседании ей без особого труда, с фактами в руках, удавалось доказать, что нормы международного права и внутренние законы страны нарушает не компартия, а правительство и его аппарат, что процесс над КППГ — вопиющий акт беззакония, попрания элементарных прав, зафиксированных в конституции.

Сейчас федеральное правительство, когда его спрашивают, нужно ли и дальше держать КППГ под запретом, обычно кивает на конституционный суд: не мы, мол, запретили КППГ, а «компетентные» судьи в Карлсруэ, которые во всем хорошо разобрались и вынесли безупречное решение. В таких заявлениях нет ни грана правды. Они делаются в расчете на то, что никто уже не помнит, как протекал процесс над КППГ, в надежде,

что все забыли, как провалились попытки доказать «виновность» компартии.

Поэтому нелишне хотя бы коротко напомнить, как отзывались буржуазные газеты о судилище в Карлсруэ в дни процесса. Газета «Зюддейче цейтунг» называла его «чудовищным зрелищем». Отмечая беспомощность судей перед фактами, приводимыми защитой КПП, газета «Зюдкурир» писала: «Фактически дело происходит так, что ход заседаний определяется запросами КПП, и судьям приходится метаться от одного вопроса к другому». «Единственной возможностью избежать этой аферы, — заявлял журнал «Дер шпигель», — было бы решение вообще не затевать этот процесс».

Судебную расправу над КПП резко осудила зарубежная буржуазная печать, не говоря уже о прогрессивной прессе. Английская «Манчестер гардиан» писала: «Абсурдность этого дела лучше всего можно продемонстрировать тем фактом, что председатель западногерманской Коммунистической партии Макс Рейман не может быть приглашен участвовать в процессе потому, что уже издано распоряжение об его аресте на основании обвинений, которые лишь теперь впервые разбираются судом».

Мы уже говорили, что процесс в Карлсруэ фактически закончился тогда, когда правительству еще не удалось подкрепить доказательствами ни один пункт своих обвинений в адрес КПП, когда организаторы процесса нервничали, метались между Бонном и Карлсруэ, когда им приходилось выслушивать нелюбезную критику даже из собственного лагеря. Это произошло 16 декабря 1954 года. Председатель суда Винтрих, вытирая пот со лба после очередного сражения с неумолимыми фактами, объявил перерыв на рождество. Полуторамесячный срок, определенный Винтрихом для рождественских каникул, уже тогда кое-кому показался подозрительно длинным. Но когда он истек, последовала серия новых отсрочек. Семь месяцев спустя после начала процесса конституционный суд по предложению уполномоченных правительства вынес решение «об окончании предъявления доказательств» и предложил сторонам приступить к подготовке заключительных речей.

Эти речи в назначенный срок были представлены. Все делалось тихо, любопытство прессы старались не возбуждать.

Наконец 17 августа 1956 года было объявлено решение о запрещении деятельности Коммунистической партии Германии как «антиконституционной».

Итак, никакого судебного разбирательства «дела» КПГ в Карлсруэ по существу не было. Был судебный фарс. Факты, доказательства, свидетельства при этом не имели никакой цены. Был акт произвола, который так и не удалось прикрыть псевдомемократической и псевдоправовой фразой. Компартию запретили не потому, что была доказана ее вина перед законом. Ее запретили потому, что так было угодно правительству ФРГ и всем, кто за ним стоял. Не суд, не закон запретил компартию. Она — жертва беззакония. Это смог бы засвидетельствовать каждый, кому довелось стать очевидцем гнусных сцен, разыгравшихся в ноябре — декабре 1954 года на Карлштрассе 10, в Карлсруэ. В этом сможет убедиться каждый, кто найдет время полистать комплекты прогрессивных — да и буржуазных — газет за те дни, а еще лучше — изданные Коммунистической партией Германии «Белую книгу» и другие документы, где правду о судилище в Карлсруэ рассказывают факты.

НЕИСТРЕБИМ, КАК ЖИЗНЬ

В 1963 году в Федеративной Республике Германии под следствием находилось 80 тысяч граждан, обвинявшихся в «антигосударственной деятельности». Этот подсчет сделали западногерманские юристы, о чем сообщила гамбургская газета «Ди андере цейтунг».

По подсчетам другой западногерманской газеты, издающейся в Дюссельдорфе, «Дейче фольксдейтунг», в Федеративной республике в то время ежедневно подвергалось аресту 300 человек. Не все 300 арестованных представляли затем перед судом. Многих отпускали за «недостаточностью улик». Но им все равно была обеспечена потеря работы, денежных надбавок, уменьшение

квартиры. Законы Западной Германии позволяют такой произвол в отношении арестованных или привлеченных к следствию по «антигосударственному делу», если даже их виновность не доказана. Это одна из форм расправы над инакомыслящими, которая применяется в ФРГ особенно широко.

Федеральная тайная полиция вооружена первоклассной техникой. В ее распоряжении скоростные автомашины последних марок, магнитофоны, фото- и кинокамеры, чувствительная аппаратура для подслушивания на большом расстоянии. Ей разрешено подслушивать телефонные разговоры, вскрывать письма. У нее на службе бесчисленная армия агентов.

Колоссальные затраты делаются ради одной цели — охоты на коммунистов. И это почти десять лет спустя после того, как в Бонне раздался победный клич: «С компартией покончено, коммунисты разбежались по мышиным норам!» И при этом официальная боннская пропаганда еще твердит о «врожденном антикоммунизме» населения Западной Германии.

Печать ФРГ то и дело сообщает о процессах, на которых людей обвиняют в «продолжении деятельности запрещенной коммунистической партии».

Время от времени на страницах газет разворачивается сенсационная возня вокруг очередной, удачно проведенной полицейской операции против коммунистов. Операции непременно обозначаются условными названиями военного типа (помогает опыт гитлеровских генштабистов).

И это тоже почти десять лет спустя после «ликвидации» КПГ!

Рука об руку с полицией и юстицией на той же ниве в Федеративной Республике Германии трудится бесчисленная армия идеологов-антикоммунистов. Свыше пятидесяти институтов, учреждений, обществ ломают головы над средствами борьбы с проникновением в ФРГ коммунистической идеологии. Координирует всю эту работу созданный в 1962 году в Кёльне «Институт советологии», которым руководит известный враг коммунизма и ярый антисоветчик профессор Борис Мейснер. Институт находится в ведении министерства

внутренних дел и финансируется из государственного бюджета. Таким образом, «свободная борьба идей», гарантированная конституцией ФРГ, направляется в Западной Германии из одного командного пункта — министерства внутренних дел.

В Кёльне есть еще одно примечательное учреждение — так называемый Восточный колледж. С 1957 по 1962 год «курс наук» в колледже прошло более 4200 человек. Эти люди несут яд антикоммунизма в школы и университеты, в издательства и научные институты, в профсоюзы и государственные учреждения.

Необъятной областью деятельности рыцарей антикоммунизма является западногерманская школа. Ребенок, попадая в школу, в течение многих лет слушает басни о «коммунистической тирании». Он их вынужден повторять как заученный урок и получать за это отметки.

Некто д-р Вольф провел широкий опрос в народных, средних и профессиональных школах, а также в гимназиях ФРГ с целью выяснить «отношение немецких школьников к восточноевропейским народам». В своей статье, опубликованной в журнале «Кёльнер цейтшрифт фюр социологи унд социальпсихологи», он сообщил о «весьма мрачных аспектах» своего исследования: 84 процента школьников в возрасте от 13 до 15 лет отрицательно оценивают русских, 42 процента — поляков.

Господа из общества «Германское востоковедение в школьном образовании» могут гордиться: львиная доля «заслуг» в этом грязном деле принадлежит им.

Сколько времени и усилий понадобится потом немецким юношам и девушкам, чтобы освободиться от растлевающего душу груза, делающего человека политически глухим и слепым.

Католическая церковь располагает в Западной Германии не только тысячами храмов, но и 370 печатными изданиями, выходящими общим тиражом 17 миллионов экземпляров. Проповедь антикоммунизма — одна из главных забот отцов немецкого католицизма.

Западногерманские профсоюзы имеют густую сеть школ, семинаров, академий, через которые профсоюзное руководство старается пропустить всех функцио-

неров, особенно молодых. В этих школах и академиях чуть ли не главным предметом является «наука» о том, как бороться с проникновением идей коммунизма в рабочий класс.

Союзы переселенцев, милитаристские объединения, политические партии, государственный аппарат — кто только не занимается в Западной Германии разжиганием ненависти к коммунизму. Известный западногерманский писатель Эрих Куби говорит, что антикоммунистическая пропаганда носит в ФРГ «тотальный характер». «Пропаганда, — пишет Э. Куби, — давно покинула сферу политики, аргументации, идейной полемики и приобрела теологические черты. Она отождествляет коммунизм с дьяволом и со смертным грехом... В Федеративной республике маккартистский тезис «коммунизм — это смертный грех» стал центральной доктриной всей внешней и внутренней политики, а также и сферы личной жизни людей».

И все же идеи коммунизма в Западной Германии задушить не удастся. Они вновь и вновь демонстрируют свою стойкость, свою притягательную силу.

Существование на немецкой земле рабоче-крестьянского государства — Германской Демократической Республики делает идеи социализма и коммунизма зримыми для всех немцев. Какие бы трудности ни приходилось преодолевать Германской Демократической Республике, главная ценность ее строя — социальное и духовное раскрепощение человека — остается постоянно действующим фактором, привлекающим к себе внимание и интерес немцев, живущих в ФРГ. Можно смело сказать: уж если Бисмарку, Вильгельму и Гитлеру не удалось истребить коммунизм в Германии, то сейчас, при наличии Германской Демократической Республики, мечтать об этом могут только сумасшедшие.

Верными носителями и мужественными распространителями идей коммунизма в Западной Германии по-прежнему являются члены Коммунистической партии Германии.

Работая в подполье, преодолевая невероятные трудности, западногерманские коммунисты высоко несут знамя лучших, боевых традиций германского рабочего

класса. Они смело вступают в схватки с реакцией, бесстрашно разъяняют пагубность боннской политики, первыми выходят на демонстрации, митинги, поднимают боевой дух у бастующих рабочих. Симпатии к коммунистам среди трудового народа растут, им доверяют наиболее ответственные и боевые посты в производственных советах, в профсоюзных организациях.

Коммунистическая партия Германии разработала детальную программу спасения мира на немецкой земле, защиты демократических и социальных прав населения Западной Германии. Она призывает создать широкий союз, широкую национальную коалицию всех миролюбивых сил Западной Германии для отпора реакции и милитаризму. Условия для создания такого союза имеются: сопротивление боннской политике гонки вооружений и подавления демократических свобод растет не только в рабочем классе, но и среди крестьян, интеллигенции, мелкой и средней буржуазии. Активизация всех этих сил, по мнению партии, открывает путь для образования правительства из социал-демократов, представителей профсоюзов и сторонников мира в буржуазных кругах, без участия политиков-реваншистов. Это правительство отказалось бы от «политики силы» и предприняло бы шаги к разрядке напряженности, к укреплению мира и безопасности в Германии.

Народное движение за спасение мира и охрану конституционных прав, указывает КППГ, по мере накопления опыта и роста сплоченности в своих рядах, несомненно, поставило бы перед собой впоследствии более глубокие и радикальные демократические и национальные цели. Рабочий класс и широкие слои народа в ходе борьбы все более осознавали бы, что решающим препятствием на пути прогресса являются милитаризм и поддерживающие его силы монополистического капитала. Народное движение переросло бы в борьбу за уничтожение власти милитаристов и монополистов, за создание миролюбивого демократического строя.

Эта программа КППГ, принятая на съезде весной 1963 года, получила широкий отклик в общественных

слоях Западной Германии. Она отвечает насущным потребностям современного момента, дает реалистическую ориентировку всем антимилитаристским силам ФРГ.

С каждым годом растет в народе уважение к коммунистам, интерес к их позиции по жгучим вопросам международной и внутренней жизни, к идеям марксизма-ленинизма. На упомянутом съезде в мае 1963 года партия отметила увеличение своих рядов главным образом за счет рабочей молодежи. В 1964 году был проведен партийный призыв имени Карла Либкнехта, в результате которого партия пополнилась новым отрядом молодых коммунистов.

Для иных партий цифра в две или пять тысяч новых членов невелика, для компартии Германии это немало. Ведь партия находится в подполье, за каждой местной организацией, за каждым коммунистом охотятся полицейские ищейки, агенты секретных служб. В этих условиях вступление в компартию — это итог мучительных поисков молодым человеком идеалов и путей в жизни, это глубоко осознанный шаг, это первый шаг мужества, без которого нет коммунизма. Но это и результат кропотливой, всегда опасной работы коммунистов по расширению рядов партии, по подготовке своей смены. Это живое свидетельство того, что марксизм-ленинизм, даже если на него наложен запрет, остается для новых поколений людей неисчерпаемым источником идеалов и вдохновения.

Другим доказательством роста влияния компартии в массах является усиливающееся движение за отмену запрещения КПГ. 1964 год в этом отношении был особенно ярким. Под петициями, требующими легализации компартии, подписались тысячи общественных деятелей, представителей интеллигенции и других слоев западногерманского общества. Петиции были доставлены в Бонн специально избранными делегациями. Дискуссия по вопросу отмены запрета КПГ стала общенациональной. В нее в той или иной форме втянулись все буржуазные и социал-демократические газеты, земельные и федеральные министры, депутаты.

Нет, «крестовый поход» Бонна против коммунизма не встретил поддержки народа Западной Германии!

БОНН ПРОТИВ ОБЩЕГЕРМАНСКИХ ВЫБОРОВ

21 сентября 1951 года в зале пресс-конференций ведомства информации Германской Демократической Республики было невозможно найти свободное место. Зал заполнили представители немецкой и иностранной демократической прессы, корреспонденты газет и информационных агентств капиталистических стран. Искключительный интерес журналистов объяснялся чрезвычайной важностью темы предстоящей пресс-конференции.

Дело в том, что за неделю до этого Народная палата Германской Демократической Республики обратилась к боннскому бундестагу и ко всему немецкому народу с предложением созвать общегерманское совещание представителей обоих германских государств. Это совещание должно было обсудить вопросы о проведении свободных, равных, тайных и демократических выборов во всей Германии, о заключении мирного договора с Германией и о выводе всех оккупационных войск из Германии.

С первого дня своего существования Германская Демократическая Республика выступала за восстановление единства страны. Она вносила конкретные предложения, которые указывали пути к достижению этой цели. Предложения Народной палаты от 15 сентября 1951 года прозвучали в Германии и во всем мире особенно громко потому, что они были чрезвычайно конкретны и понятны каждому человеку. Народный парламент говорил Бонну: давайте от разговоров о воссоединении перейдем к делу и займемся подготовкой общегерманских выборов.

Как на это реагировал Бонн? Его реакция была истине примечательной. Если мы полистаем комплекты газет того времени, то нам, вынужденным сейчас каждый день выслушивать боннские декларации о праве немцев на самоопределение, о необходимости проведения общегерманских выборов, тогдашние речи и заявления боннских деятелей покажутся невероятными. Тогда, осенью 1951 года, все силы боннской пропагандистской машины были брошены на то, чтобы доказать несвоевременность и ненужность общегерманских выборов.

Полугодом раньше, в марте 1951 года, Аденауэр, отвечая на очередные предложения Германской Демократической Республики, заявлял, что проведение общегерманских выборов — это, мол, дело, требующее много времени, что после ликвидации Германской Демократической Республики — а Аденауэр думал только об одном возможном варианте, а именно о ликвидации Германской Демократической Республики — должен наступить «продолжительный период», в течение которого следует создать «психологические предпосылки» для общегерманских выборов. Известный немецкий газетчик Карл Зилекс, который в свое время входил в когорту приближенных Геббельса, а после войны стал одним из рупоров Аденауэра, высказывался в своей газете «Дас ганце Дейчланд» еще более откровенно. Ставя вопрос, «готовы ли мы к единству Германии», Карл Зилекс отвечал: «Нет, не готовы». Смысл рассуждения Карла Зилекса сводился к тому, что боннскому правительству и боннским властям **189**

приходится довольно трудно с западногерманским населением и присоединение миллионов «восточных немцев» еще более осложнило бы положение боннского государства.

Теперь, осенью 1951 года, боннские пропагандисты и политики уже не могли так бесцеремонно отмахиваться от идеи проведения общегерманских выборов. Они были вынуждены искать какие-то аргументы. Аденауэр, например, заявил, что, мол, предложения Народной палаты преследуют цель сорвать военно-политическое объединение Европы, и потому-де они неприемлемы. Бонн в качестве контраргумента выдвинул также демагогическое предложение провести общие выборы сначала только в Берлине, так сказать в порядке репетиции.

Пресс-конференция, созванная в ведомстве информации Германской Демократической Республики, привлекла к себе большое внимание тем, что она должна была ответить на вопрос, как же немецкий народ, германская общественность прореагировала на предложение Народной палаты, а также на вопрос о том, как следует расценивать позицию боннских властей в отношении этих предложений.

На пресс-конференции выступили премьер-министр Германской Демократической Республики Отто Гротеволь, заместитель премьер-министра Отто Нушке и другие официальные лица республики.

В своей вступительной речи Отто Гротеволь заявил, что в адрес правительства республики пришло огромное количество писем из всех частей Германии, от всех слоев народа. В этих письмах выражено полное одобрение инициативе правительства и Народной палаты Германской Демократической Республики. После тщательного изучения откликов немецкой общественности, сказал Отто Гротеволь, у меня сложилось впечатление, что за период с 1945 года наш немецкий народ впервые охвачен таким сильным чувством волнения и стремлением принять участие в решении вопросов, выдвинутых Народной палатой. И это не

140 удивительно. Народ отлично чувствует, что речь идет

о вопросах, имеющих решающее значение для судеб Германии.

Отто Гротеволь ответил затем на некоторые «аргументы», выдвинутые в Бонне против предложений Народной палаты. Он заявил:

— Конечно, мы хотим помешать расчленению Европы, ибо в нем кроется источник национальной гибели немецкого народа, ибо оно направляет немецкий народ не к миру, а к войне. Конечно, ни о каком объединении Европы не может быть и речи. Все вы знаете, что Европа простирается от Урала до Атлантического океана. В представлении же господина Аденауэра Европа начинается на Эльбе и кончается Францией. Это такое извращение, которое естественно ведет к насквозь фальшивой ориентации в проблемах Европы. Подобная ориентация ведет к насильственному расчленению Европы и к расчленению Германии.

Отвечая на «контрпредложение» о проведении выборов сначала только в Берлине, Отто Гротеволь сказал, что этот маневр преследует цель увести общественность в сторону от разрешения главной проблемы — восстановления единства Германии. Речь идет не о Берлине, сказал Отто Гротеволь, а о немецкой нации. Если нам удастся с помощью предложенных нами средств и путей достигнуть единства Германии, то, естественно, будет восстановлено и единство Берлина.

Отвечая на вопрос одного западногерманского корреспондента о том, на основе какого избирательного закона предлагается провести выборы, Отто Гротеволь ответил, что в Германии существует много избирательных законов и задача общегерманского совещания состоит именно в том, чтобы договориться о порядке проведения общегерманских выборов. Уже сам факт наличия большого количества избирательных законов настоятельно диктует необходимость предварительно созвать совещание, иначе дело не продвинется ни на шаг.

По поводу утверждений западногерманских газет, будто предложения Народной палаты представляют собой «пропагандистский трюк», Отто Гротеволь сказал:

— Коль скоро говорят, что это пропагандистский трюк, давайте проверим. Пусть господа не растрачивают свои силы на различные предположения, которые вообще не имеют под собой никакой практической основы, пусть они по-настоящему возьмутся за главное звено нашего предложения и пусть они заявят о своей готовности вступить с нами в переговоры. Я твердо уверен, что в Германии имеется достаточно серьезных людей, обладающих чувством ответственности, чтобы мы очень быстро могли договориться по вопросам, которые должны быть разрешены.

В заключение Отто Гротеволь сказал:

— Речь сейчас идет о том, чтобы сделать первый практический шаг к восстановлению единства Германии. Таким шагом может быть совещание представителей Восточной и Западной Германии. Если мы сядем за один стол, то мы сможем говорить о наших делах, причем говорить так, как этого требует немецкий народ, а не американцы.

Премьер-министр говорил спокойно, уверенно: чувствовался уже двухлетний политический опыт Германской Демократической Республики и шестилетний послевоенный опыт людей, вставших у ее руководства.

Германская Демократическая Республика, образовавшаяся на другой день после акта завершения раскола Германии — провозглашения Федеративной Республики Германии, первой заповедью на своем знамени написала борьбу за восстановление единства страны на мирной и демократической основе. Эта борьба остается и по сей день генеральной линией германского рабоче-крестьянского государства.

Напротив, Федеративная Республика Германии возникла как государство раскола страны. Этот факт определил и содержание ее политики. На всем своем пути боннская республика противилась каким-либо шагам к единству страны, ибо это противоречило сути генеральной линии ее политики. Свидетель тому — история. А это, как известно, очень серьезный и очень надежный свидетель.

В те годы, когда еще все было в движении, когда **142** и наличие двух германских государств еще не было

большим препятствием к восстановлению единства, западная пропаганда, в том числе и боннская, не скрывала, как в сущности стоит вопрос единства Германии.

Издававшаяся в Германии под контролем английских оккупационных властей газета «Ди вельт», которая ныне является крупнейшей в Западной Германии буржуазной газетой, писала в осенние месяцы 1951 года: «Германия во внешнеполитическом отношении стоит на перекрестке. Одна стрелка показывает в сторону единой Германии, другая — в сторону объединенной Европы».

Мюнхенская газета «Зюддейче цейтунг», сообщая об очередной встрече Аденауэра с верховными комиссарами западных держав, на которой обсуждался вопрос ремилитаризации, писала, что суть позиции Аденауэра в ходе этих переговоров заключается в согласии «на увековечение раскола Германии». «Именно об этом идет речь на переговорах между верховными комиссарами и Аденауэром в замке Эрних», — писала газета.

А вот слова западногерманской газеты «Миттельбайрише цейтунг»: «Одно нам ясно: если общий договор с западными державами вступит теперь в силу, восстановление единства Германии станет на долгое время невозможным. Только идиот сможет мечтать о мирном объединении».

Английская газета «Манчестер гардиан» указывала в те дни: «У вооруженной Западной Германии не может быть базы для взаимопонимания с восточными братьями. Трещина должна превратиться в непреодолимую пропасть». Американский журналист Дрю Миддлтон заявлял, что в результате подписания «общего договора» «на границе между обеими частями Германии с грохотом опустится железный занавес».

Итак, речь шла о выборе: новый вермахт или единство Германии. Вопрос стоял просто и обнаженно. И ответ боннских деятелей был так же ясен и прост. Он заключался в их практических делах. Хозяева Западной Германии вступили на стезю ремилитаризации. Они ухватились за лозунг «интеграции Европы» как за веревочную лестницу, по которой можно было

взобраться к перевооружению; ради этого они демонстрировали и свою готовность стать самыми верными союзниками США. Единству страны Бонн предпочел новый вермахт. Таков исторический факт.

Сентябрьское (1951 года) предложение Германской Демократической Республики, в котором ставился на практическую ногу вопрос о проведении общегерманских выборов, было отвергнуто Бонном. Выступая в бундестаге, Аденауэр заявил, что он не желает разговаривать с «коммунистами».

Месяц спустя Народная палата Германской Демократической Республики повторила свой призыв к боннскому бундестагу и снова столкнулась с отрицательной реакцией.

В ноябре того же года президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик дважды обращался к президенту Федеративной Республики Германии Теодору Хейсу с предложением встретиться и обсудить пути мирного объединения Германии. Боннский президент объявил такую встречу «бесполезной».

В январе 1952 года Народная палата Германской Демократической Республики предложила боннскому бундестагу проект избирательного закона для общегерманских выборов, который даже буржуазная пресса Западной Германии назвала демократичным и приемлемым. Ответа из Бонна не последовало.

В феврале 1952 года правительство Германской Демократической Республики направило четырем великим державам письмо с просьбой ускорить заключение мирного договора с Германией. Бонн не поддержал эту просьбу.

Так тянулась эта цепочка отказов, уверток, умалчиваний. Бонн был занят переговорами о путях возрождения вооруженных сил, и всякая акция, направленная к восстановлению единства страны, воспринималась им как помеха.

В те дни западная печать не скрывала, какие цели лежат в основе боннского курса. Французская газета «Комба» писала: «Аденауэр отклонил восточногерманское предложение об объединении Германии. Однако

Германии. Он только хочет провести его на свой лад, т. е. силой оружия и с поддержкой западных союзников».

Газеты обращали внимание и на другую сторону боннских замыслов. Со страниц западногерманской печати в то время не сходили слова «величайший шанс». Их пустил в обиход не кто иной, как американский верховный комиссар в Германии Джон Макклой. Стараюсь ускорить процесс ремилитаризации Западной Германии, Макклой всячески подогревал реваншистские аппетиты западногерманских деятелей. Однажды он заявил:

— Германия сегодня обладает величайшим шансом в деле создания новых международных отношений.

В головах западногерманских деятелей, мысливших схемами переустройства Европы гитлеровских времен, эти слова посеяли приятные грезы. Газета западногерманских промышленных кругов «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг» писала: «После второй мировой войны французам представился неповторимый шанс взять на себя руководство Европой. Однако Франция не выполнила этой задачи. Могло ли случиться иначе, что американцы стали все больше интересоваться немцами?» В печати тогда приводились слова одного бывшего гитлеровского генерала, разрабатывавшего по поручению боннского правительства планы организации западногерманской армии: «Как только мы будем располагать пятнадцатью дивизиями, мы заговорим с Францией совсем другим языком».

Единство Германии приносилось в жертву воздушным замкам «политики силы».

Критики боннского режима нередко называли политику Аденауэра политикой «упущенных возможностей». Да, Аденауэр сделал много «упущений» в вопросе воссоединения страны, но ведь самое главное здесь то, что каждое «упущение» им делалось сознательно.

Западные историки по праву считают, что наиболее реальная возможность воссоединить Германию представилась в марте 1952 года, когда Советское правительство вместе со своей нотой от 10 марта направило

западным державам проект основ мирного договора с Западной Германией.

Советское правительство предложило уже в ближайшее время подготовить согласованный проект германского мирного договора и представить его на рассмотрение соответствующей международной конференции с участием всех заинтересованных государств, а также рассмотреть вопрос об условиях, благоприятствующих скорейшему образованию общегерманского правительства, выражающего волю германского народа.

В советском проекте основ мирного договора с Германией провозглашалось, что Германия восстанавливается как единое государство, что она получает возможность развиваться в качестве независимого, демократического, миролюбивого государства. Все вооруженные силы оккупирующих держав, указывалось в советском проекте, должны быть выведены из Германии не позднее чем через год со дня вступления в силу мирного договора. Германскому народу должны быть обеспечены демократические права, с тем чтобы все лица, находящиеся под германской юрисдикцией, без различия расы, пола, языка или религии пользовались правами человека и основными свободами, включая свободу слова, печати, религиозного культа, политических убеждений и собраний. В Германии должна быть обеспечена свободная деятельность демократических партий и организаций с предоставлением им права свободно решать свои внутренние дела, проводить съезды и собрания, пользоваться свободой печати и изданий. Советский проект предусматривал, что Германия должна взять на себя обязательство не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Германии. В проекте Германии разрешалось иметь свои национальные вооруженные силы, необходимые для обороны страны.

Предложение Советского Союза нашло широкий отклик в Германии. Западногерманская газета «Дюссельдорфер нахрихтен» писала: «То, что предлагает Москва,

соответствует страстному желанию всех немцев». На митингах и собраниях, прошедших в сотнях городов обоих германских государств, немецкий народ подтвердил, что это именно так.

Однако Бонн отнесся к советской инициативе отрицательно. А действующие в стоворе с ним правительства США, Англии и Франции постарались утопить ее в потоке дипломатической переписки.

Ни Аденауэра, ни западные державы тогда не интересовала единая Германия. На первом плане у них стояли соображения, сложившиеся в головах политиков и командования Атлантического блока. Эти соображения в те дни изложил в годовом отчете о своей деятельности на посту командующего войск Североатлантического союза генерал Дуайт Эйзенхауэр, который некоторое время спустя стал президентом Соединенных Штатов Америки. Эйзенхауэр писал о Западной Германии:

«Здесь, в сердце Европы, расположена огромная область площадью 246 тысяч квадратных километров, населенная почти пятьюдесятью миллионами старательных и высококвалифицированных людей. Западная Германия, богатая полезными ископаемыми и обладающая развитой промышленностью, одна дает половину годовой продукции стали остальных государств Западной Европы, вместе взятых».

«Являясь географическим центром Европы, — продолжал Эйзенхауэр, — Западная Германия имеет большое стратегическое значение... Имея Западную Германию на нашей стороне, вооруженные силы организации Североатлантического пакта создали бы в Центральной Европе прочный и сплошной фронт от Балтийского моря до Альп».

Как видим, в этой концепции не было места ни для мирного договора с Германией, ни для восстановления единства Германии. Как выразилась в те дни газета «Нью-Йорк геральд трибюн», перспектива заключения мирного договора с Германией «перевернула бы кверху дном американскую политическую тележку, из которой выпали бы план Шумана, европейская армия вместе с ее двенадцатью немецкими дивизиями и

вообще все тщательно разработанные планы интеграции Европы».

Итак, на пути к единству Германии стоял мощный блок американского и западногерманского империализма, поддержанный правящими кругами Англии и Франции. Германской Демократической Республике, опиравшейся на поддержку Советского Союза, всех социалистических государств, а также патриотических сил Западной Германии, не легко было пробивать этот заслон. И все же, как ни велики были силы у противников единства Германии, им то и дело приходилось принимать в расчет сопротивление немецкого народа, искать обходные пути, а иногда идти на капитуляцию.

Крупную неприятность боннским политикам пришлось пережить в сентябре 1952 года. Народ заставил их официально принять у себя в Бонне делегацию Народной палаты Германской Демократической Республики.

Вот как это произошло.

На своем заседании 5 сентября Народная палата ГДР одобрила содержащиеся в советской ноте от 23 августа предложения о путях мирного объединения Германии и предприняла практический шаг в духе этих предложений. Палата избрала делегацию из пяти человек, которой было поручено передать бундестагу письмо с предложением послать представителей ГДР и ФРГ для участия в совещании четырех держав по мирному урегулированию германской проблемы, о созыве которого поставило вопрос Советское правительство.

Народная палата уполномочила делегацию вести также переговоры обо всех деталях создания совместной комиссии из представителей германских государств по проверке наличия в Германии условий для проведения всеобщих свободных выборов и об установлении даты начала деятельности этой комиссии.

Правительство Аденауэра в резкой форме выступило против приема посланцев ГДР. Однако под давлением общественности президиум бундестага вынес решение принять делегацию Германской Демократической Республики. «Большая часть немецкого народа слишком поддавалась влиянию коммунистической пропаганды, чтобы ее так просто можно было убедить, что

подобная встреча не может иметь политического успеха». Так объясняла ситуацию газета западногерманских промышленников «Дейче цейтунг унд виртшафтс-цейтунг».

На Аденауэра, находившегося тогда в Страсбурге, решение президиума бундестага подействовало, по словам газет, «как взрыв бомбы», и он поспешил в Бонн «в очень скверном настроении». Рассержен был не только Аденауэр. 15 сентября к нему примчался новый американский верховный комиссар Доннели, а вслед за ним американский сенатор Коннели. Весь день прошел в переговорах за закрытыми дверями.

На другой день Аденауэр вызвал к себе председателя бундестага Элерса и долго читал ему нотации. Сначала он потребовал в резких тонах не принимать делегацию Народной палаты. Но отменить встречу значило бы «выставить себя на всеобщее посмешище», как выразилась одна западногерманская газета. Было решено встречу не отменять, но попытаться ее «обезвредить».

Элерс неожиданно послал новую телеграмму председателю Народной палаты Иоганнесу Дикману, в которой предложил перенести встречу с 22 на 19 сентября. Эта попытка заставить делегацию Народной палаты врасплох не увенчалась успехом. Иоганнес Дикман сразу же дал согласие на перенесение встречи.

Вице-председатель бундестага социал-демократ Карло Шмид и некоторые другие деятели вдруг отказались присутствовать на приеме делегации Германской Демократической Республики. Это уже было настоящее «бегство в кусты», по поводу которого газета «Дюссельдорфер нахрихтен» писала:

«Какое уважение может питать рядовой гражданин к политическому руководству в Бонне, если оно по незначительному в сущности поводу ведет себя как стадо овец, которое разбегается, когда вовсе не существует опасности, причем даже самые испытанные бараны-вожаки не в состоянии сдержать его?»

Аденауэр приказал встретить делегацию Народной палаты полицейским эскортом и ни на минуту не спускать с нее глаз.

Группы молодых фашистов получили задание хулиганить на пути следования делегации.

Так выглядела «программа Доннели — Коннели — Аденауэра», по которой действовал Элерс.

19 сентября делегация Народной палаты прибыла в Бонн. Это был большой триумф политики Германской Демократической Республики, всех миролюбивых немцев. Народ следил за каждым шагом посланцев немецкого рабоче-крестьянского государства. Армия журналистов в Бонне занималась только ими. Момент, когда делегация ГДР входила в здание бундестага, был описан в сотнях газет. Этот миг мог бы стать историческим. От него велся бы счет времени возврата расколотой Германии в лоно единого государства, если бы... если бы тогда в бундестаге все происходило иначе.

Но вот что там произошло. Элерс сухо приветствовал делегатов ГДР. Выступая лишь в роли «почтового ящика», он выслушал заявление делегации и принял от нее письмо. Затем он повторил несколько избитых вымыслов о ГДР и объявил встречу законченной.

Делегация Народной палаты выразила готовность остаться в Бонне до получения ответа бундестага, на что Элерс ответил, что «быстрый ответ невозможен», так как в ближайшие две недели у бундестага не найдется времени на обсуждение письма Народной палаты. Комиссии бундестага в те дни спешно готовились к ратификации боннского и парижского договоров.

«Встреча прошла согласно программе», — торжественно заявил Элерс спустя полчаса журналистам.

Но радость боннских политиков была преждевременной. События с молниеносной быстротой стали развиваться вопреки их программе. Хотя подкупленные агенты на каждом шагу чинили препятствия посланцам 17 миллионов немцев, они оставались в центре внимания. В Бонн прибыли многочисленные делегации из различных уголков Западной Германии. Делегация ГДР встречалась с ними. Депутаты Народной палаты выступили на пресс-конференции перед немецкими и иностранными журналистами. Они имели также беседу с депутатом бундестага д-ром Этцелем. Несколько часов, проведенных депутатами Народной па-

латы в Бонне, не оставили сомнения в том, что народ готов поддержать любую общегерманскую акцию, что население Западной Германии видит в лице Германской Демократической Республики авторитетного защитника его национальных интересов.

Официальный Бонн попытался представить случившееся как «ничего не значащий эпизод». Делалось это примитивно, неумно. В Бонн хлынул поток посланий протеста. Элерс несколько дней спустя публично признал, что получил не менее тысячи писем и телеграмм от населения. Их авторы одобряли прием делегации Народной палаты. Они требовали принять предложение ГДР.

Последовательная, бескомпромиссная борьба Германской Демократической Республики за срыв планов ремилитаризации Западной Германии, за единство страны все больше разжигала ярость в Бонне. С течением времени подрывная работа против ГДР стала составной частью генеральной линии боннской политики и практики. На создание диверсионных организаций и служб, на пропагандистские вылазки против Германской Демократической Республики были брошены колоссальные материальные средства и людские силы.

В начале пятидесятых годов, в разгар битвы за судьбы страны, когда решался вопрос, будет ли Германия единым миролюбивым государством, или она останется расколотой, а Западная Германия пойдет по пути возрождения худших из германских традиций, наиболее крупной диверсией империализма против ГДР явились события 17 июня 1953 года.

17 ИЮНЯ 1953 ГОДА

Эти события, собственно, начались утром 16 июня, когда часть строителей блока № 40 на аллее Сталина отказалась занять свои рабочие места. Рабочие собрались на строительной площадке, к ним присоединились строители с других объектов. По команде «организаторов» они затем построились в колонну и двинулись **151**

в центр города, к Дому правительства. По пути следования колонна обрастала людьми, не имевшими никакого отношения к стройке. Демонстранты несли единственный плакат. Он требовал отменить проведенное повышение норм выработки.

Что это значило? Это значило, что Германская Демократическая Республика переживала в тот период трудности. Лишенная в результате раскола страны рурского угля и металла, республика была вынуждена быстрыми темпами создавать собственную металлургическую базу. При этом не удалось избежать ошибок в распределении средств и материальных резервов, что замедлило развитие отраслей хозяйства, работающих на удовлетворение потребностей населения, отрицательно сказалось на жизненном уровне народа. Стремясь исправить положение, административные органы приняли ряд мер, которые на практике оказались несостоятельными. В частности, были повышены цены на некоторые продукты питания в магазинах государственно-коммерческой торговли, отменены льготные тарифы для проезда в поездах для ряда категорий населения, приняты принудительные меры с целью взимания задолженности по налогообложению с частных владельцев и крестьянских хозяйств. Задача обеспечения рентабельности на государственных предприятиях часто решалась только путем повышения норм выработки.

Усилившееся среди населения недовольство выражалось в учащении случаев ухода в Западную Германию различных категорий людей, особенно крестьян.

11 июня 1953 года состоялось заседание Совета Министров Германской Демократической Республики, на котором принятые прежде меры были признаны ошибочными и была намечена программа улучшения жизненных условий населения республики. Отменялись ограничения в выдаче продовольственных карточек. В магазинах государственно-коммерческой торговли цены на продукты снижались до прежнего уровня. Объявлялось об упразднении принудительных мер с целью взимания задолженности по налогообложению и социальному обеспечению в отношении мелких, сред-

152 них и зажиточных крестьян, ремесленников, рознич-

ных и оптовых торговцев, частных промышленных, строительных и транспортных предприятий. Ремесленники, розничные и оптовые торговцы, владельцы частных промышленных, строительных и транспортных предприятий могли получить обратно свои предприятия, и им отныне предоставлялись краткосрочные кредиты. Было принято решение о восстановлении льготных проездных тарифов для ряда категорий населения (рабочие и служащие, учащиеся, интеллигенция и проч.) и об устранении ограничений в области социального обеспечения населения. Крестьянские хозяйства, права пользования которыми их владельцы в административном порядке были лишены, вновь возвращались владельцам. Министерству юстиции и генеральной прокуратуре правительство поручило пересмотреть все следственные и судебные дела, а также приговоры с целью немедленного устранения неправильных решений.

Принятые решения заметно оздоровили обстановку в республике. Но именно это путало все карты подрывных центров западных оккупационных держав и боннских правящих кругов, которые в месяцы напряженной обстановки в ГДР лихорадочно готовились к нанесению смертельного удара по республике. Они решили действовать, не теряя лишнего дня. Как позднее установили органы государственной безопасности ГДР, засланная в республику агентура получила задание немедленно приступить к организации забастовок и других акций, выражающих недовольство трудящихся. Роль главного возбудителя должны были сыграть навязанные чисто административным способом новые нормы выработки.

Так на улицах демократического Берлина 16 июня появился плакат, требовавший отменить повышенные нормы выработки.

Я стал свидетелем событий этого дня в тот момент, когда колонна строительных рабочих достигла небольшой площади перед главным входом в Дом правительства на Лейпцигерштрассе. По-прежнему над толпой виднелся единственный лозунг о нормах выработки. Уже в этот момент бросилась в глаза характерная

деталь: строителей в белых спецовках было на площади меньше, чем людей в обычной одежде. Эта посторонняя публика смешалась со строителями, и трудно было сказать, где их больше — в центре толпы или по окраинам площади.

Вскоре из подъезда дома вышел один из членов правительства. Он поднялся на возвышение и объявил, что Политбюро ЦК Социалистической Единой партии Германии рассмотрело вопрос о повышении норм выработки на ряде предприятий и строительных объектов и признало ошибочной практику отдельных министерств, осуществивших эту меру административным путем. Министр заявил, что Политбюро и правительство отменили эти распоряжения министерств.

Министр, сам в прошлом рабочий, обратился к собравшимся с призывом соблюдать спокойствие и порядок, вернуться к своим рабочим местам и вместе с правительством осуществить намеченные мероприятия по улучшению жизни населения республики.

Как только министр, ответив на вопросы собравшихся, удалился в Дом правительства, на возвышение стали вскакивать ораторы из толпы, большей частью не в белых спецовках. «Дело не только в нормах выработки, — кричали они. — Мы требуем снижения цен в государственных магазинах коммерческой торговли! Мы требуем проведения общегерманских выборов!»

Так провокаторы сбросили маску. Стало совершенно ясно, что повышение норм выработки было ими использовано только как предлог, что провокация была задумана гораздо шире и преследовала чисто политические цели. •

В течение полутора — двух часов продолжался митинг. На возвышении появлялись все новые ораторы. Их речи не отличались связностью, но в них все пышнее расцветал боннский пропагандистский букет. Эти речи не оставили сомнения в том, что дело пахнет крупной авантюрой империалистов, что их замах нацелен на свержение рабоче-крестьянского правительства, на реставрацию буржуазного строя в Германской

Никто не мешал митинговавшим. На площади не было видно ни одного народного полицейского. Во избежание обострения обстановки, серьезных провокаций, бессмысленного кровопролития они были сняты с постов своим командованием. Какой это был разительный контраст с Западной Германией и Западным Берлином, где полиция в те годы пускала в ход дубинки и оружие при малейшем скоплении народа без предварительного разрешения властей! Однако ни один из двух или трех сотен западных журналистов, примчавшихся на площадь перед Домом правительства даже раньше, чем там появилась колонна строительных рабочих, не отметил, конечно, этого факта в своих сообщениях.

Когда речи ораторов иссякли, группа численностью 200—250 человек двинулась по улицам города, главным образом по тем, где издавна живет рабочий класс Берлина. Здесь белых спецовок уже вообще остались единицы. Во главе колонны шло 20—30 молодых горлодеров, которые беспрестанно выкрикивали: «Завтра всеобщая забастовка!», «Завтра все бастуют!» Время от времени раздавались антиправительственные лозунги.

Шествие длилось около трех часов. Вместе с корреспондентом «Комсомольской правды» В. Березинским я прошел рядом с колонной, в толпе сопровождавших ее любопытных, от начала до конца. Мы наблюдали, как все больше разъярялись горлодеры, как они искали поводов для столкновений с народной полицией, для устройства беспорядков на улицах. Если на улице появлялся юноша в синей блузе Союза свободной немецкой молодежи, бандиты налетали на него и избивали. Потасовки то и дело вспыхивали и в самой колонне: по-видимому, избивали и изгоняли тех, кто проявлял колебания.

Хулиганы набрасывались на агитационные плакаты и лозунги, срывали их. В районе Розенталерплац они напали на полицейскую машину со звукоусилительной установкой. Шофера грубо вытолкнули из кабины, за руль и рядом к микрофону сели два путчиста. Призывы ко всеобщей забастовке и антиправительственные лозунги теперь выкрикивались через усилитель.

К вечеру колонна, уменьшившись до 40—50 человек, возвратилась на аллею Сталина. Крикуны рассеялись по группкам в два-три человека и, озираясь по сторонам, исчезли. Они свое дело сделали, передав эстафету радиостанции РИАС.

Весь вечер и всю ночь этот мощный американский радиопередатчик, построенный в Западном Берлине, слал в эфир ложные сообщения о «восстании» в демократическом Берлине, сбивая с толку людей. Призывы ко всеобщей забастовке, брошенные на улицах города кучкой подстрекателей, теперь гремели из сотен тысяч радиоприемников по всей Германской Демократической Республике. В передачах РИАСа давались точные указания путчистам, что делать, как развивать мятеж. Многих честных рабочих республики сбили с толку фальшивые призывы проявить «солидарность» с берлинцами. Передачи РИАСа и других западных радиостанций создали за вечер и ночь на 17 июня в республике обстановку психоза, что облегчило засланым агентам и затаившимся нацистам их работу по организации путчистских выступлений.

Рано утром 17 июня я ехал из пригорода Карлсхорст к центру города. Вскоре показалась первая группка людей, двигавшихся в том же направлении. Ближе к центру такие группы стали попадаться чаще. Многие в колоннах шли с портфелями, в каких немецкие рабочие и служащие обычно носят с собой на работу бутерброды и термос с кофе. Чувствовалось, что они не собирались участвовать ни в какой забастовке и попали сюда неожиданно, подхваченные волной психоза, раздутого подстрекателями.

В связи с угрозой серьезных беспорядков в ночь на 17 июня в центр Берлина были посланы советские воинские части. В те ранние утренние часы можно было наблюдать, как советские бронетранспортеры с солдатами медленно двигались по широким магистралям мимо групп и колонн людей, шедших к центру. Не было слышно враждебных выкриков в адрес Советской Армии, никто не позволял себе провокационных выходок. В колоннах преобладали рабочие и служащие, которые еще не отдавали себе отчета в том, куда

и зачем идут, и действовали чаще всего из ложно понимаемой «солидарности».

Район Люстгартена был заполнен народом настолько, что мне пришлось оставить машину в переулке и пробираться дальше пешком. Я, не торопясь, прошел сквозь все это скопление людей, прислушиваясь к разговорам. Собравшиеся были смущены и подавлены всем тем, что они слышали от «организаторов» и прочли на неизвестно кем изготовленных плакатах. Многие проталкивались сквозь толпу, чтобы оставить площадь и уйти домой. Несколько раз я слышал вдали лающие голоса «организаторов», но разобрать что-нибудь не удалось. Народ реагировал на эти голоса хмуро, настороженно.

В течение примерно двух часов крикуны разжигали в толпе «бунтарский дух». Не очень надеясь на силу своих лозунгов, они решили воздействовать на людей запахом крови и гари. Вскоре по цепочке берлинцев, стоявших вдоль тротуаров улицы Унтер-ден-Линден, пополз слух, что в районе Александерплац убили народного полицейского, а машину, в которой он ехал, перевернули и подожгли. Вскоре мы увидели сразу несколько столбов дыма: горела не только полицейская машина, но и несколько построек.

Натешившись в Люстгартене, толпа путчистов двинулась по Унтер-ден-Линден к Бранденбургским воротам, к Дому правительства на Лейпцигерштрассе и на Потсдамскую площадь. Там уже орудовали группы бандитов, поджигавших все, что можно было поджечь, пускавших в ход камни, дубинки и оружие. С приходом «подкрепления» хулиганы окончательно распоясались. Они попытались силой проложить себе путь в Дом правительства. Кто-то полез на Бранденбургские ворота и протянул свои грязные руки к развевавшемуся на них тогда советскому государственному флагу.

В этот момент я оказался на Потсдамской площади, где сходятся границы советского, американского и английского секторов Берлина. Здесь я своими глазами увидел «митинг» путчистов. На возвышении попеременно бесновались изрядно подвыпившие «для 157

смелости» типы, изображавшие «борцов за свободу». Они рычали в микрофон, провод которого шел через площадь в американский сектор, где стояла мощная звукоусилительная установка, гроыхавшая на многие кварталы. На западной стороне все было забито полицейскими, американскими и английскими военными, фото- и кинокорреспондентами, журналистами. Оттуда то и дело доносились подстрекательские голоса.

Я видел, как запылало от брошенных бандитами бутылок с бензином прекрасное многоэтажное здание магазина государственной коммерческой торговли на Потсдамской площади. Я видел пылающий книжный киоск. Я видел разбитые и ограбленные витрины магазинов на Лейпцигерштрассе, видел озверелые лица погромщиков, ломавших все, что попадало под руку.

На Западе сочинено немало небылиц о «кровапролитиях» 17 июня. Но очевидцы событий знают, что это ложь. Ни народная полиция ГДР, ни Советская Армия не имели ни намерения, ни интереса проливать человеческую кровь. Уж если кто и жаждал крови, так это банды наемных громил, которые своей жестокостью и своим изуверством напоминали эсэсовских карателей. Оружие применялось против них, и только в тех случаях, когда необходимо было обезвредить убийцу или предотвратить убийство, когда требовалось оградить от уничтожения государственное и частное имущество, когда создавалась серьезная угроза государственным учреждениям, народным предприятиям, коммунальному хозяйству города. Советские танки и мотопехота были заняты главным образом блокированием границы западных секторов, откуда в любой момент могла прийти вооруженная поддержка путчистам.

В полдень комендант советского сектора Берлина генерал-майор Диброва отдал приказ о введении военного положения. Запрещались скопления людей на улицах. Приказ был объявлен по радио. И в тот же миг на центральных улицах и площадях все задвигалось, забегало, засуетилось. Через секторальные границы в Западный Берлин толпами повалили наемные бандиты.

158 Через час улицы, на которых только что разыгрыва-

лись хулиганские сцены, опустели. О контрреволюционном путче напоминали лишь курившиеся кое-где пожарища. Затихший Берлин стал свидетелем позорного провала самой крупной провокации империалистических кругов против Германской Демократической Республики.

Правительственные органы ГДР вскоре опубликовали показания арестованных погромщиков и иные документы, не оставившие сомнения в том, что организаторами контрреволюционного путча 17 июня были разведывательные службы западных оккупационных держав в Западном Берлине и боннские власти. На строительных объектах и на многих предприятиях демократического Берлина я лично слышал рассказы о том, как действовали платные подстрекатели, подбивая трудящихся к мятежу.

Ложью является утверждение западной пропаганды, будто 17 июня произошло «народное восстание». Нет, большинство трудящихся в этот день работали на своих предприятиях, а те, кто дал себя сбить с толку, скоро поняли свою ошибку и раскаялись.

«17 июня» было попыткой империалистических кругов ФРГ и западных держав объединить Германию не мирным путем, а средствами «холодной войны», путем подрыва Германской Демократической Республики изнутри. Аденауэр и его сторонники рассчитывали продемонстрировать немецкому народу эффективность своей «политики силы».

Боннские замыслы позорно провалились. Это был серьезный удар по аденауэровской «политике силы». Можно считать, что скольжение политической карьеры Аденауэра вниз по наклонной плоскости началось именно 17 июня 1953 года.

Из июньских событий Германская Демократическая Республика вышла не ослабленной, а обогащенной политическим опытом, с окрепшим чувством бдительности. Республика более остро увидела собственные внутренние проблемы и лучше узнала противника. Возмужавшая и закаленная в непосредственном столкновении со своими врагами, Германская Демократическая Республика уверенно пошла вперед по пути строи-

тельства мирного, демократического государства рабочих и крестьян.

Не достигнув своей главной цели, политические круги Западной Германии решили извлечь для себя из событий 17 июня максимальный пропагандистский капитал. Их усилия с этого момента были направлены к тому, чтобы вырвать из рук Германской Демократической Республики знамя борьбы за единство Германии и прикрыть этим знаменем свою раскольническую политику. Этот курс, собственно, продолжается и по сей день.

Вслед за 17 июня боннская пропагандистская машина затрубила, будто в политике ФРГ произошел «принципиальный поворот», будто отныне проблема единства страны стоит в Бонне на первом плане. Аденауэр направил главам правительств трех оккупирующих держав трогательное послание, в котором ханжески оплакивал раскол Германии и просил «возвратить немецкому народу единство и свободу».

Но не прошло и двух недель, как обман стал выходить наружу. 1 июля 1953 года в боннском бундестаге состоялись прения по политическим вопросам. Депутаты правительственной партии поднимались на трибуну и били себя в грудь, заверяя, что они самые ревностные борцы за мирное воссоединение Германии. Сам Аденауэр заявил, что по его поручению уже разработана «специальная программа ко дню воссоединения». Но как только дело дошло до практических шагов, весь спектакль, разыгранный по аденауэровскому сценарию, обернулся типичным блефом. На голосование был поставлен проект решения, который предлагал боннскому правительству всеми мерами содействовать встрече представителей четырех великих держав для обсуждения вопроса о восстановлении единства Германии. Это предложение было отклонено... голосами правительственных партий.

Пресс-бюллетень социал-демократической партии писал после этого скандального инцидента в стенах бундестага:

«Поведение большинства представителей правительственной коалиции, безусловно, вызовет за границей

впечатление, что нынешнее федеральное правительство больше заинтересовано в формировании двенадцати западногерманских дивизий, чем в восстановлении единства Германии. Еще ни разу за всю печальную историю этого бундестага не обнажалась столь явно пропасть между словами и делами коалиции».

Две недели спустя, 15 июля 1953 года, Совет Министров Германской Демократической Республики выступил с заявлением, в котором предлагалось в кратчайший срок созвать общегерманское совещание представителей Восточной и Западной Германии для обсуждения вопроса подготовки мирного воссоединения страны. Бонн отверг это предложение. Там началась новая полоса политических маневров, которые срывали с Бонна фальшивые одежды поборника единства Германии.

Но наиболее обнаженно боннская политика предстала перед немецким народом и перед всем миром в начале 1954 года, в дни работы Берлинского совещания министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции.

БЕРЛИНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Январь 1954 года выдался в Германии на редкость холодным. Ртутный столбик термометра часто падал до 20 градусов ниже нуля. Бедные берлинцы, не привыкшие к таким суровым зимам, ежились в легких пальтишках, какие у нас носят осенью. Пешеходы не ходили, а бегали. Но в районе улицы Унтер-ден-Линден, площади Тельмана и на западноберлинской Потсдамерштрассе попадались люди, одетые и того легче. Это были зарубежные корреспонденты, приехавшие в Берлин из далеких, часто южных государств и неожиданно попавшие в жестокий мороз.

Журналистов привлекло сюда совещание министров иностранных дел США, СССР, Англии и Франции. Оно открылось 25 января и продолжалось почти четыре недели. Министры заседали то в советском посольстве на

Унтер-ден-Линден, то в бывшем здании союзнического Контрольного совета в Западном Берлине. Работали два пресс-центра. Несколько сот журналистов кочевали по лихому морозу то на восток, то на запад.

Берлинская конференция привлекла к себе внимание мировой общественности двумя обстоятельствами: во-первых, это была встреча министров иностранных дел четырех держав антигитлеровской коалиции после семилетнего перерыва, что закономерно вызывало большие надежды у людей, измученных «холодной войной»; во-вторых, на конференции Советский Союз выступил с новыми конструктивными предложениями, которые открывали путь к разрядке международной напряженности, к обеспечению европейской безопасности, к восстановлению единства Германии.

Министры работали по повестке дня, предложенной советской делегацией: 1) о мероприятиях по уменьшению напряженности в международных отношениях и о созыве совещания министров иностранных дел Франции, Англии, США, Советского Союза и Китайской Народной Республики; 2) о германском вопросе и задачах обеспечения европейской безопасности; 3) об австрийском государственном договоре.

Министры достигли соглашения по ряду проблем. Было решено, что правительства США, Франции, Англии и Советского Союза примут меры, чтобы содействовать успешному разрешению проблемы разоружения или по крайней мере значительного сокращения вооружений. Хотя Советский Союз предложил более конкретные и действенные меры, все же это было важное решение, положившее начало новому этапу борьбы миролюбивых государств и народов за разоружение. Далее, было достигнуто соглашение о созыве в Женеве совещания представителей США, Франции, Англии, Советского Союза, Китайской Народной Республики, а также непосредственно заинтересованных стран по соответствующим вопросам. Как известно, результатом этого совещания было урегулирование корейского вопроса и восстановление мира в Индокитае.

Однако по важнейшим вопросам повестки дня между министрами состоялся лишь обмен мнениями. Ми-

нистры иностранных дел США, Англии и Франции отклонили внесенный советской делегацией план обеспечения коллективной безопасности в Европе путем заключения общеевропейского договора о коллективной безопасности. В советских предложениях предусматривалось участие в договоре и Германии в лице двух существующих германских государств, а после воссоединения — объединенной Германии. Советский план обеспечения коллективной безопасности в Европе был отвергнут потому, что западные державы в то время спешно сколачивали военную группировку шести западноевропейских государств во главе с реваншистской Западной Германией под названием Европейское оборонительное сообщество.

Ориентация западных держав на возрождение милитаризма в Западной Германии помешала достижению соглашения и по австрийскому вопросу.

Наиболее остро развернулась на совещании борьба вокруг германской проблемы. Напомним об этом более подробно, поскольку факты, относящиеся к Берлинскому совещанию, особенно убедительно опровергают клевету западных политиков и пропагандистов, будто Советский Союз виноват в том, что Германия осталась невоссоединенной.

В Берлине советская делегация внесла ряд новых, конструктивных предложений, через которые красной нитью проходила мысль о том, что мир и безопасность в Европе могут быть обеспечены только при условии недопущения возрождения германского милитаризма и что решение германской проблемы является делом прежде всего самих немцев. Делегация СССР предложила выслушать на совещании представителей Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии. Далее, она внесла предложения о подготовке мирного договора с Германией и о созыве мирной конференции по германскому мирному договору. При этом на рассмотрение министров был внесен конкретный проект мирного договора. Советская делегация предложила создать временное общегерманское правительство и поручить ему подготовить проект общегерманского избирательного закона, обеспечивающего дей-

ствительно демократический характер общегерманских выборов, и провести эти выборы в условиях подлинной свободы, исключающей давление на избирателей со стороны крупных монополий, фашистских и милитаристских организаций.

Советская сторона честно добивалась проведения общегерманских выборов. Она выдвинула смелое предложение, осуществление которого максимально обеспечило бы подлинную свободу выборов, — предложение о выводе еще до выборов с территории Восточной и Западной Германии иностранных войск, за исключением ограниченных контингентов, оставляемых для выполнения охранных функций, вытекающих из контрольных задач четырех держав.

В конце совещания, когда выявилась отрицательная позиция западных держав в германском вопросе, советская делегация предложила создать общегерманский комитет с функциями согласования и координации в области торговли, финансовых расчетов, транспорта, пограничных и других вопросов, связанных с экономическими отношениями, а также общегерманский комитет по вопросам развития культурных, научных и спортивных связей между Западной и Восточной Германией. Советские предложения также предусматривали принятие решения о желательности достигнуть соглашения сторон относительно численности и вооружения немецкой полиции как в Восточной, так и в Западной Германии.

Сейчас западная пропаганда наложила табу на тему «Берлинское совещание». Понятно, почему она это делает. Даже простой перечень предложений, внесенных советской делегацией в Берлине, показывает, как упорно, честно и последовательно Советский Союз боролся за воссоединение Германии на миролюбивой, демократической основе.

Советский Союз тогда еще видел возможность начать решение германского вопроса с проведения общегерманских выборов. Он еще видел возможность обеспечить необходимую свободу этих выборов путем вывода иностранных войск из обеих частей страны, путем

в руки самих немцев — общегерманского правительства.

Если бы в те дни западные министры согласились на вывод из Германии войск четырех оккупирующих держав и на передачу дела проведения общегерманских выборов в руки немцев, то сегодня не существовало бы ни германской проблемы, ни проблемы Западного Берлина, ни опасного очага напряженности в центре Европы, а боннским политикам и пропагандистам не пришлось бы до хрипоты кричать о «праве немцев на самоопределение». Уж если в послевоенной истории и появлялся подходящий момент для постановки вопроса об этом «праве», то это были именно дни Берлинского совещания, когда договор о включении Западной Германии в Атлантический военный блок лежал еще не подписанным и когда еще было можно создать немцам Запада и Востока условия для свободного выражения своей воли.

Но западные державы тогда не думали ни о «праве немцев на самоопределение», ни о «свободных общегерманских выборах». Их интересовал лишь план создания европейской армии, ядром которой должны были стать вооруженные силы Западной Германии. Поэтому понятно, что от одной мысли о выводе своих войск с территории Западной Германии их бросало в дрожь.

Западной пропаганде пришлось перестраиваться на ходу. Если до этого она кричала, что Советский Союз будто бы не хочет выводить свои войска из Германии, так как он-де вынашивает «агрессивные планы», то теперь ее рупоры стали утверждать прямо противоположное: СССР, мол, потому и хочет вывести свои войска из Германии, что вынашивает... «агрессивные планы».

Ничего более умного не придумали и дипломаты. Даллес заявил на заседании министров: он-де видит в советских предложениях о выводе оккупационных войск из Германии «метод расширения границ сильного советского блока до Рейна». Нелепую «аргументацию» руководителя внешнеполитического ведомства США пытались подкрепить не более логичными рас-

суждениями его британский и французский коллеги. Так, Жорж Бидо поставил на радость любителям всякого рода казуистики вопрос: стоит ли вообще выводить войска из Германии, если они под тем или иным предлогом могут быть снова туда введены?

Советской программе решения германского вопроса и обеспечения европейской безопасности западные державы противопоставили так называемый план Идена. Этот план предусматривал следующие «стадии» воссоединения Германии: проведение «свободных выборов» по всей Германии под контролем четырех оккупирующих держав на основе избирательного закона, выработанного четырьмя державами; созыв избранного таким способом Национального собрания для выработки конституции, в ожидании которой будут продолжать действовать на Западе власти Федеративной республики, а на Востоке — власти Германской Демократической Республики; образование общегерманского правительства в соответствии с конституцией, одобренной Национальным собранием, и передача этому правительству полномочий правительств западногерманского государства и ГДР; переговоры о заключении мирного договора с Германией, от лица которой должно выступить созданное таким путем общегерманское правительство.

«План Идена» был первым конкретно сформулированным документом, выражающим ту линию, которой Запад, и в первую очередь Бонн, придерживается до сих пор: наглухо закрыть путь к воссоединению Германии, возложив вину за раскол на Советский Союз и превратить Западную Германию в участника военно-политического блока империалистических держав. С годами эта линия обрастала лицемерными лозунгами вроде требования о «праве немцев на самоопределение» или «воссоединении в условиях свободы». Особенно крепко западная пропаганда вцепилась в лозунг проведения общегерманских выборов. Это была злостная спекуляция на стремлении народных масс Германии к единству, на их вере в выборы как атрибут демократии. Таким маневром вашингтонские и **166** боннские мастера «психологической войны» рассчиты-

вали вырвать инициативу из рук правительств СССР и ГДР, которые многие годы вели честную борьбу за воссоединение Германии путем проведения общегерманских выборов, и прославить себя поборниками германского единства.

Политически опытные и сознательные люди в Германии видели, что «план Идена» — червивый плод. Немцам нетрудно было вспомнить, что в период с 1930 по 1933 год в Германии прошла целая серия «свободных выборов», а у власти в конечном итоге оказался кровавый диктатор Гитлер. Но к сожалению, далеко не все немцы сделали вывод из прошлого. Именно на это, на забывчивость, политическое равнодушие, нежелание «влезать в политику», и были рассчитаны «план Идена» и все его последующие вариации.

Правительство Германской Демократической Республики в своем меморандуме, направленном Берлинскому совещанию четырех министров иностранных дел, подчеркнуло, что общегерманские выборы могут быть действительно свободными и демократическими только в том случае, если обеспечением необходимых условий для них займется не оккупационные державы, а временное общегерманское правительство, т. е. сами немцы. Но голосу немцев, требовавших устами правительства Германской Демократической Республики и широкой общественности ФРГ самим определить судьбу всей Германии, не вняли западные державы. Таков факт, зафиксированный на страницах истории, и от того, что его сейчас замалчивают в Бонне, он не перестает быть фактом.

Есть ли «заслуга» Бонна в том, что Берлинское совещание не сдвинуло с места вопрос воссоединения Германии? Есть, и самая большая. Можно сказать, что авторство «плана Идена» в сущности принадлежало Бонну.

Когда главы правительств США, Англии и Франции в конце 1953 года решили на своей бермудской встрече принять советское предложение о проведении Берлинского совещания, Бонн бросил все силы на то, чтобы обеспечить ему провал. 10 декабря бундестаг принял резолюцию, обращенную к трем западным дер-

жавам, с требованием свести в Берлине германскую проблему к вопросу проведения «свободных общегерманских выборов» под контролем иностранных «наблюдателей». (Вот вам сердцевина «плана Идена»!)

Со своей стороны кабинет Аденауэра образовал так называемую межведомственную комиссию во главе с Якобом Кайзером и Хальштейном, которая стала главным штабом подрывной работы против Берлинского совещания. На комиссию была возложена задача выработать боннскую концепцию «подготовки и проведения общегерманских выборов».

«Новый ход мыслей Аденауэра, — писала тогда газета «Аахенер нахрихтен», — включает возможность восстановления государственного единства Германии... путем присоединения к Федеративной республике очищенной (?) в демократическом отношении советской зоны или ее отдельных земель. Воссоединение может быть достигнуто на базе боннской конституции. При этом методе воссоединения Федеративная республика со всеми своими законами, договорами и институтами продолжала бы существовать и расширялась бы до общегерманского государства исключительно путем увеличения территории. В этом случае можно было бы само собой отказаться от избрания учредительного Национального собрания и ограничиться проведением в теперешней советской оккупационной зоне безупречных (!) с демократической точки зрения дополнительных выборов в бундестаг».

Вот как легко и просто представляли себе тогда в Бонне процесс «поглощения» ГДР! В угаре бумажных баталий боннские деятели дошли до того, что поручили все той же «межведомственной комиссии» во всех деталях разработать «план включения объединенной Германии в западную систему обороны».

Когда этот горячий бред стал достоянием общественности, многие в Западной Германии поняли, что Бонн вынимает последние комья земли из могилы германскому единству.

В те дни многие газеты рассказывали своим читателям о том, что думают и планируют в Бонне. Так, **168** крупная буржуазная «Зюддейче дейтунг» писала, что

в Бонне имеются «авторитетные круги, которым вооруженная и играющая первую роль в концерте европейских держав Федеративная республика была бы в глубине души приятнее, чем объединенная Германия, располагающая лишь вооруженными силами для внутренней охраны».

А вот свидетельство газеты «Вестфелише рундшау». В Бонне, писала она, «не только опасаются того, что вся внешнеполитическая концепция Аденауэра может оказаться на наклонной плоскости, но и прежде всего озабочены тем, что на общегерманских выборах политические шансы Аденауэра и его партии могут оказаться значительно меньшими, чем 6 сентября» (т. е. на выборах в бундестаг 1953 года).

Как полезно заглядывать в подшивки старых газет! В них не только названы поименно силы, разрывавшие на две части страну, но и указано, какими мотивами они при этом руководствовались. И сколь бессовестными предстают перед нами нынешние попытки официального Бонна взвалить всю вину за раскол Германии на Советский Союз!

В середине декабря 1953 года Аденауэр встретился в Париже с Джоном Фостером Даллесом. Как сообщало агентство ДПА, американский государственный секретарь дал федеральному канцлеру обещание, «что на четырехсторонней конференции не будет принято никаких жизненно важных решений о Германии без непосредственного влияния с немецкой (т. е. боннской) стороны» и что упомянутая резолюция бундестага «будет служить в качестве материала» на Берлинской конференции.

— Три западные державы не будут принимать решения без нас, — заявил Аденауэр по возвращении в Бонн. И, предвосхищая позицию трех западных министров на совещании, он добавил некоторое время спустя:

— Поворота к Ялте и Потсдаму не будет!

Перед самым Берлинским совещанием западные державы провели секретные переговоры в Париже с участием представителей ФРГ. Там и был оконча-

тельно доработан «план Идена», удивительно схожий с боннскими идеями, о которых мы уже говорили.

А когда Даллес, Иден и Бидо прибыли в Берлин, почти одновременно на берегах Шпрее появился Вильгельм Гreve, «особый уполномоченный» Аденауэра. Гreve участвовал в сепаратных парижских переговорах, а на время берлинской встречи ему была поручена роль советника при западных министрах иностранных дел.

Гreve приехал не один. В его свиту входил Феликс фон Эккардт, проявивший себя в последующие годы мастером политических диверсий и интриг и деливший только с нацистом Гансом Глобке лавры наиболее близкого к Аденауэру человека. Боннская команда поселилась в отеле «Ам Цоо». С первых же часов она развернула бурную деятельность. Располагая огромной сетью своих агентов, подставных лиц, боннские политические диверсанты принялись через представителей мировой прессы создавать вокруг совещания атмосферу пессимизма, безысходности. И надо сказать, они в этом преуспели.

Я вспоминаю, какие настроения доминировали среди журналистов в первый день работы совещания. К концу дня я наткнулся в пресс-центре на старого знакомого — корреспондента лондонской «Таймс» Чарльза Харгроу.

— Хэлло, коллега, — вяло приветствовал он меня. — Слышали последний анекдот? Даллес согласился на повестку дня, предложенную советской стороной.

Да, мысль о возможности согласия между четырьмя министрами по какому-либо вопросу в той атмосфере казалась невероятной. И когда журналисты узнали — это случилось полчаса спустя после нашего разговора с Харгроу, — что министры действительно сразу же договорились о повестке дня совещания, все были просто ошеломлены.

Совещание развивалось явно не так, как хотела бы «команда Гreve» и ее хозяева. Намечались пути договоренности по некоторым важным вопросам, что вносило известную разрядку в атмосферу как на совещании, так и на международной арене. А именно раз-

рядки-то и боялся Бонн. Его эмиссары в Берлине, потеряв в большом, пустились пакостить по мелочам. Они, например, все недели совещания призывали бойкотировать пресс-конференции советской делегации. На этих пресс-конференциях всегда присутствовало много журналистов, чего нельзя было сказать, например, об американских встречах с прессой. Недовольство тем, как тенденциозно и «скучно» информировала прессу американская делегация, открыто выразил корреспондент газеты «Зюддейче пейтунг». Он писал: «Было бы скверно, если бы нам пришлось пользоваться исключительно американской информацией».

Впрочем, совещание доставило Бонну и другие огорчения. Многим западным журналистам очень не понравилось, как Бонн старается использовать Западный Берлин в диверсионных целях, и они прямо написали об этом в свои газеты.

«Западный Берлин, — сообщал корреспондент английской газеты «Рейнольдс ньюс», — уже давно превращен в «витрину Запада», предназначенную для того, чтобы соблазнять жителей восточной части картиной довольно вульгарной роскоши. Западный Берлин гордится улицей Курфюрстендамм, но тут требуются некоторые поправки. Речь идет о том, что наряду со «сливками» Западного Берлина здесь можно видеть несчастных «рядовых» армии нищих, которые голодными, жадными глазами глядят сквозь занавески ресторанов, где безупречно одетые официанты подают огромные свиные котлеты, сочные бифштексы и трехдюймовые пирожные с кремом. Под поверхностью Западный Берлин беден, немилосердно беден. Биржи труда, хотя и хорошо организованные, не в силах справиться с ежедневным потоком безработных, задающих одни и те же вопросы о работе. Но именно работу-то и нельзя найти! Маленький человек Западного Берлина, ненавязчивый, трудолюбивый средний гражданин, несмотря на природное остроумие, до крайности устал от жизни, которая, по всей видимости, не сулит ему никакого облегчения».

Отправляясь в Берлин, журналисты капиталистического мира знали демократический сектор города по **171**

недобросовестным описаниям своих собратьев по перу. Действительность оказалась совершенно иной. Корреспондент парижской буржуазной газеты «Монд», побывавший в Восточном Берлине, писал:

«Изумляет вид центра советского сектора. Площадь Александерплац, которая еще два года тому назад была одной из самых мрачных площадей, сверкает теперь разноцветными огнями неоновой освещенности... Что касается магазинов государственной торговли, то на их со вкусом оформленных витринах действительно выставлены чрезвычайно разнообразные товары — от китайских ковров до чешских велосипедов. Там можно увидеть такой набор керамических изделий, какой сделал бы честь любому магазину в Париже».

Многие корреспонденты, приятно пораженные внешним видом демократического сектора, захотели посмотреть, как живут люди, как они одеваются, питаются. И тут миф о «нищете» и «голоде», созданный атлантической пропагандой, лопнул как мыльный пузырь.

«На Востоке, т. е. в восточном секторе, открывается новый мир, — писал корреспондент швейцарской газеты «Трибюн де Лозанн». — В действительности жизненные условия там лучше, чем я представлял себе и чем они изображаются пропагандой... Можно зайти куда угодно и отведать прекрасных блюд, а также попробовать отличные вина и ликеры. Можно покупать икру по доступным ценам. Я был свидетелем того, что рестораны всюду переполнены и везде подаются блюда лучшего качества. Приезжие торговцы могут заключать прекрасные сделки. Например, пишущие машинки там стоят в четыре раза дешевле, чем на Западе».

Журналисты не могли не заметить подрывную работу, которая изо дня в день велась тогда против демократического сектора Берлина и Германской Демократической Республики с территории Западного Берлина. Тот же корреспондент газеты «Трибюн де Лозанн» недоумевал по поводу того, что, хотя «западная марка официально стоит столько же, сколько и восточная» и «по обе стороны границы средняя заработная плата одинакова», тем не менее в западных секторах

«менялы дают четыре восточные марки за одну западную». Корреспондент был поражен тем, что если обменять западные марки на восточные, то в демократическом секторе «можно жить по-княжески». Между прочим, некоторые ловкачи с корреспондентским билетом в кармане быстро освоили несложную механику валютных махинаций в Берлине. В коридорах дома журналистов то и дело можно было слышать разговоры об удачном «бизнесе».

Разумеется, эти люди «не заметили», как, несмотря на происки врагов, из года в год улучшалась жизнь в ГДР, и не написали о ней ни одного доброго слова. И все же правда о ГДР в те недели распространилась на Западе гораздо шире, чем хотелось бы боннским недругам немецкого рабоче-крестьянского государства.

ЛЕТО ТРЕВОЛНЕНИЙ

Берлинское совещание представляло собой определенную историческую веху. В ходе его работы на мировую политическую арену вышла идея коллективных поисков путей к решению международных проблем. Внесенное Советским Союзом предложение о создании системы коллективной безопасности в Европе было отвергнуто в Берлине. Однако оно дало толчок мысли, которая в последовавшее затем десятилетие все более захватывала политические круги и широкую мировую общественность.

Берлин еще не положил начала разрядке международной напряженности, но именно в те дни из продрогшего от мороза города на Шпрее по миру поплыла легкая волна потепления. А вскоре созрел и первый плод: летом 1954 года в результате проведенной в Женеве конференции был восстановлен мир на Индокитайском полуострове.

Первая и в сущности очень слабая волна международной разрядки имела, однако, большие последствия в Западной Европе, а в Западной Германии оказала прямо-таки разрушительное действие. Впервые за **178**

годы существования Федеративной республики в самих ее правящих кругах возникли серьезные сомнения, правильным ли путем ведет республику правительство Аденауэра. На страницах газет замелькали зловещие слова об угрозе правительственного кризиса.

Дело в том, что в некоторых партиях боннской правительственной коалиции открыто развернулась дискуссия, в ходе которой курс Аденауэра подвергся резкой критике. Это относилось прежде всего к Свободной демократической партии — второй по величине и значению партии правительственной коалиции. Председатель этой партии Томас Делер резко выступил с нападками на политику Аденауэра, ориентирующуюся односторонне на западные державы.

Много шума наделало выступление видного деятеля Свободной демократической партии Пфлейдерера, который потребовал установления непосредственных отношений между Бонном и странами социалистического лагеря «от Варшавы до Пекина». «Германии, — заявил Пфлейдерер, — исторически и географически больше всего подходит возобновление контактов с Востоком».

Идею Пфлейдерера подхватил Томас Делер, а некоторое время спустя ее официально поддержало правление Свободной демократической партии. Обнаружилось, что немало сторонников «плана Пфлейдерера» имеется и в самой партии Аденауэра — Христианско-демократическом союзе и в других партиях боннской коалиции — Немецкой партии и «Союзе лишенных родины и прав». Председатель Немецкой партии Меркатц также публично выступил за пересмотр боннской внешней политики, и в частности за установление «прямых контактов с государствами восточного блока».

Для состояния умов в правящих кругах Западной Германии тогдашнего времени характерна статья, опубликованная в газете «Зюддейче дейтунг» за 8—9 мая 1954 года. Автором статьи выступил издатель этой газеты Вернер Фридман. Он заявил, что вся политика западного мира до тех пор строилась сплошь на «больших иллюзиях». Так, иллюзией Фридман считал идею

ропы. Из этой идеи, писал он, ничего не вышло, «кроме гигантской и порочной конструкции, называемой Европейским оборонительным сообществом, в которое теперь в душе уже никто не верит, хотя говорить об этом считается непристойным». Порочность этой идеи, по мнению автора, состояла в том, что она покоилась на отживших представлениях «старого доброго времени». «Романтические мечтания о почтовой карете и монарших тронах, о фехтовальных площадках и офицерских казино, о минувшем блеске и величии являются безнадежным делом, — писал Фридман. — Мы тщетно пытаемся устоять одной ногой во вчерашнем дне, не имея мужества твердо встать на другую ногу, занесенную в завтрашний день».

Фридман называл иллюзией расчет достигнуть восстановления единства Германии на старых принципах и называл «одной из самых больших иллюзий» мнение о том, будто «христианскую культуру можно спасти только с помощью атомной бомбы». Автор с горечью заметил, что витать в тумане иллюзий и не признавать действительность стало обычаем у западных политиков. «Если же кто-либо, — писал он, — движимый трезвым благоразумием, решается замолвить словечко в пользу признания известных всем истин в интересах смягчения мирового климата, его объявляют по меньшей мере другом коммунистов, если не платным агентом Кремля».

Есть ли выход из этого лабиринта иллюзий? Отвечая на этот вопрос, Фридман говорил: «Его можно найти только в умной, стоящей на почве фактов дипломатии. С нынешней дипломатией дело, конечно, обстоит позорно плохо».

Со страниц некоторых других буржуазных газет Западной Германии неслись вопли отчаяния. Вот что писала, например, мюнхенская газета «Дейче национальцейтунг»: «До сих пор д-р Аденауэр... щедро оделял (нас) хлебом и зрелищами — так возник миф о великом боннском старце. Теперь на нас сваливаются, словно духи мщения, выданные им векселя. Теперь Аденауэр обнажает подоплеку своей роковой политики, теперь нам снова придется приносить жертвы и рас-

плачиваться, теперь всем нам предстоит сделать выбор: экономический кризис или торговля с Востоком, Европейское оборонительное сообщество или воссоединение, рейнская федерация или единая Германия, Аденауэр или нормализация отношений с Россией».

Показателем больших сдвигов, происшедших в политических и общественных кругах Западной Германии, служила резкая перемена в позиции социал-демократов. Вынужденные считаться с настроениями народных масс, они также выступили за пересмотр политического курса ФРГ. Во время прений в боннском бундестаге лидер социал-демократов Олленхауэр подверг резкой критике политику аденауэровского правительства. Он выступил за разрядку международной напряженности путем переговоров, за всеобщее разоружение, за установление контроля над атомным оружием, а несколько дней спустя в Ганновере он поддержал требование о запрещении атомной и водородной бомбы. По словам Олленхауэра, политика Аденауэра, объявлявшая любое советское предложение «коммунистическим маневром», противоречила «элементарным жизненным интересам немецкого народа». Лидер социал-демократов призвал «всерьез изучить» советское предложение о создании в Европе системы коллективной безопасности. Касаясь отношений с Германской Демократической Республикой, Олленхауэр призвал «оживить» их и потребовать от западных оккупационных держав предоставить боннскому правительству право «искать пути для обеспечения внутригерманского общения людей».

Между тем в Западной Германии под руководством демократических сил во главе с Коммунистической партией Германии нарастало народное движение против договора о Европейском оборонительном сообществе, за мирное воссоединение страны. Как сообщало агентство АДН из Бонна, американский Институт общественного мнения — Институт Гэллага — провел в те дни опрос населения Западной Германии. Государственный департамент США запретил институту публиковать данные опроса, но сведения о них проникли в печать. Оказалось, что свыше 75 процентов опрошенных западных

немцев высказались против ремилитаризации. Боннский корреспондент консервативной английской газеты «Дейли телеграф» в те дни в отчаянии задавал вопрос: «Почему немцы относятся с такой апатией к проблеме Европейского оборонительного сообщества?»

Состоявшийся весной 1954 года второй национальный конгресс Национального фронта демократической Германии обратился к боннскому бундестагу и к Народной палате ГДР с призывом провести всенародный опрос в обеих частях Германии по вопросу: за мирный договор и вывод оккупационных войск или за договор о Европейском оборонительном сообществе, за «общий договор» и оставление оккупационных войск на 50 лет. Призыв национального конгресса нашел широкую поддержку на востоке и западе страны. Хотя в Западной Германии власти помешали проведению широкого опроса, миллионы немцев обоих германских государств высказались за мирный договор, за восстановление единства страны на демократической основе.

В движение против ремилитаризации, против Европейского оборонительного сообщества включались все новые и новые общественные слои Западной Германии.

27 июня состоялись выборы в земле Северный Рейн-Вестфалия, в которой в то время проживало 14,5 миллиона человек. Партия Аденауэра потеряла на выборах миллион голосов и утратила большинство в ландтаге.

В обстановке нарастающего смятения неудачи сыпались на голову Аденауэра одна за другой. На сторону ГДР перешел руководитель боннского «ведомства по охране конституции» Ион. Несколько недель спустя его примеру последовал депутат боннского бундестага христианский демократ Шмидт-Витмак, который впоследствии внес свой вклад в дело борьбы немецкого народа за единство страны.

Но самый чувствительный удар Аденауэр получил в конце лета 1954 года от французских парламентариев. Они отвергли 31 августа договор о создании Европейского оборонительного сообщества.

На протяжении лета Аденауэр сделал все для того, чтобы предотвратить такое решение французского парламента. В ход были пущены шантаж и угрозы, грубое **177**

давление на Францию. Ей угрожали с Рейна «другим решением», т. е. созданием вооруженных сил ФРГ без какого-либо постороннего «контроля». Ничто не помогло. Национальное собрание Франции вынесло решение, которое явилось первым серьезным потрясением для Атлантического блока.

В Бонне по существу не исключали такого исхода прений во французском парламенте и в известной мере к нему были готовы. Как только улеглось возбуждение, Бонн развернул бурную деятельность. Аденауэр вызвал к себе на курорт, где он проводил отпуск, своих ближайших единомышленников, и после недолгого совещания на свет появилась боннская «программа из пяти пунктов». В первом пункте программы провозглашалось намерение правительства ФРГ продолжать «политику европейского объединения со всеми государствами, которые к этому готовы». Во втором пункте ставилась задача добиться суверенитета для Западной Германии. Третий пункт провозглашал необходимость «участия Федеративной республики в обороне Запада»; подчеркивалось, что это участие должно осуществляться «без какой-либо дискриминации в отношении Германии». Далее объявлялось, что урегулирование вопроса о правовом положении иностранных войск, находившихся на территории Западной Германии, должно быть осуществлено путем заключения соответствующих договоров между Западной Германией и оккупирующими державами. Наконец, Аденауэр и его сторонники потребовали незамедлительных переговоров с Великобританией и Соединенными Штатами Америки.

В этом коммюнике прежде всего бросался в глаза пренебрежительный тон по отношению к Франции. Ни в одном пункте программы Франция не была даже упомянута. Стало очевидно, что Бонн отныне хочет иметь дело лишь с США и Англией и теми странами Западной Европы, которые изъявили готовность к объединению. Бонн держал курс на изоляцию Франции и оттеснение ее от участия в решении европейских проблем.

За «программой из пяти пунктов» последовало выступление Аденауэра по радио. Он заявил, что «един-

ственной возможностью рассеять разочарование в Германии французским решением о ЕОС является предоставление суверенитета Федеративной республике». Аденауэр потребовал предоставления Западной Германии права на перевооружение как составной части суверенитета. «Переворужение Германии, — заявил он, — должно быть осуществлено в объеме и форме, отвечающих требованиям европейской политики, проводившейся до сих пор Федеративной республикой». Аденауэр недвусмысленно дал понять, что он по-прежнему будет добиваться осуществления плана военно-политического объединения Западной Европы. «Европейское оборонительное сообщество в той или иной форме все равно будет создано, — сказал Аденауэр. — Великий исторический план европейского объединения не будет умерщвлен процедурным голосованием по договору о Европейском оборонительном сообществе в одном из парламентов».

Аденауэр объявил в своем выступлении по радио, что между Бонном, Вашингтоном и Лондоном уже начались переговоры, предметом которых, по словам Аденауэра, были «предоставление суверенитета и немецкий вклад в оборону свободного мира». «Я особо подчеркиваю, — сказал Аденауэр, — что необходимость германского вклада в оборону и все наши чаяния встречают полное понимание».

Поиски новых лазеек для включения ФРГ в НАТО длились недолго, но и этот короткий срок показал, насколько различными были интересы и взгляды государств в вопросе перевооружения Западной Германии. Английская дипломатия попыталась воспользоваться провалом плана Европейского оборонительного сообщества для того, чтобы укрепить свои позиции в Западной Европе. В сентябре 1954 года министр иностранных дел Великобритании Иден выехал в западноевропейские столицы для изучения настроений на месте. В Вашингтоне это вызвало беспокойство и недоверие. По следам Идена был послан высокопоставленный чиновник государственного департамента США Мэрфи, а два дня спустя в Европу нагрянул сам Даллес.

Практическим результатом многочисленных переговоров и встреч, состоявшихся в те дни в западноевропейских столицах, явилась договоренность о созыве конференции заинтересованных стран до того, как вопрос о перевооружении Западной Германии будет передан органам Североатлантического пакта.

Оказалось, что на эту конференцию правительства основных западных стран шли не с одинаковыми планами. Англия выставила так называемый план Идена, который предусматривал перевооружение Западной Германии и включение ее в Североатлантический пакт двумя этапами: сначала Западная Германия должна быть принята в так называемый Брюссельский пакт, заключенный между Англией, Францией и странами Бенлюкса в 1948 году, после чего должно последовать принятие ее в Североатлантический пакт. Этот план отразил стремление английских правящих кругов приобрести большее влияние в европейских делах, чем они имели до тех пор.

Французское правительство предпочитало ограничиться принятием ФРГ в Брюссельский пакт и урегулировать все проблемы, связанные с перевооружением Западной Германии, в европейских рамках. Французское правительство предлагало создать внутри Брюссельского союза специальный центральный орган для контроля над численностью вооруженных сил и военным производством стран, участвующих в союзе.

Правительства США и Западной Германии с самого начала выступили с согласованной точкой зрения. Они потребовали немедленного «суверенитета» для Западной Германии и непосредственного включения ее в Североатлантический пакт. Эта точка зрения в конечном счете и победила.

28 сентября 1954 года в Лондоне открылась конференция министров иностранных дел девяти государств — Франции, Западной Германии, Италии, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Англии, США и Канады. Конференция обсудила имевшиеся к тому времени предложения о формах перевооружения Западной Германии и включения ее в военную систему Североатлантического пакта.

Участники Лондонской конференции лишь в принципе согласились вооружить Западную Германию, оставив массу практических вопросов открытыми. В течение двух недель ряд комитетов и подкомитетов, созданных конференцией в Лондоне, трудился над их решением.

И вот наступил день 19 октября 1954 года. В Париж снова съехались министры иностранных дел. Пять дней шло обсуждение разработанных проектов. Встречи проходили как между отдельными министрами, так и на заседаниях всех участников конференции. В один из дней заседал совет Североатлантического пакта.

Парижская встреча завершилась подписанием соглашений, которые открыли новую страницу в истории послевоенной Европы.

ПАРИЖСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Парижские соглашения представляют собой четыре основных документа, позволивших Западной Германии перевооружиться и оформивших вступление Федеративной Республике Германии в военный союз с Соединенными Штатами Америки, Англией, Францией и другими членами Североатлантического блока.

Прежде всего это протокол, подписанный США, Англией, Францией и ФРГ, об окончании оккупационного режима в Западной Германии. В основу протокола и приложений к нему с небольшими изменениями лег «общий договор». Протокол провозглашает упразднение оккупационного статута и предоставление боннского правительству «всей полноты власти во внутренних и внешних делах». Но как в самом протоколе, так и в приложениях к нему три западные державы оставляют за собой ряд «особых прав».

Прежде всего протокол закрепляет оккупацию Западной Германии американскими, английскими и французскими войсками на неопределенный срок. Боннское правительство обязуется по-прежнему выплачивать определенную сумму денег на содержание иностранных оккупационных войск. К протоколу приложено

письмо Аденауэра, в котором за командующими оккупационными войсками закрепляется право «при возникновении чрезвычайного положения» принимать меры для защиты своих войск. Иначе говоря, в несколько измененном виде в протокол перенесена из «общего договора» статья, дававшая оккупационным органам право взять на себя всю полноту власти в Федеративной Республике Германии в случае возникновения «чрезвычайного положения».

Смысл предоставления суверенитета Федеративной Республике Германии состоял в первую очередь в том, чтобы развязать боннским правящим кругам руки в деле перевооружения и открыть перед ними дверь для вступления в западную военную группировку в качестве «самостоятельного государства». По протоколу боннское правительство получило право приступить к формированию собственных дивизий, начать производство оружия, пересмотреть распоряжения оккупационных властей о декартелизации военной промышленности в целях наиболее эффективного использования ее и вступить в систему Североатлантического военного блока. Кроме того, западногерманские монополии получили более широкие возможности для проникновения на мировые рынки.

Другим документом, подписанным в Париже, является протокол об изменении Брюссельского пакта 1948 года и о создании на его базе в рамках НАТО Западноевропейского союза с участием Западной Германии и Италии. Этот документ воскресил в измененном виде договор о создании Европейского оборонительного сообщества, проект которого провалил французский парламент.

Идея создания Западноевропейского союза родилась из стремления некоторых западноевропейских политиков замаскировать прямое вступление Западной Германии в Североатлантический пакт и посеять в общественных кругах Западной Европы иллюзию, будто западноевропейские страны будут иметь возможность контролировать перевооружение Западной Германии независимо от органов Атлантического пакта. Однако в протоколе об учреждении Западноевропейского союза ясно говорилось, что всеми военными делами Союза

будут руководить военные органы Североатлантического пакта. Попытки французского премьер-министра Мендес-Франса добиться учреждения некоего западноевропейского «пула вооружений», который взял бы под свой контроль вооружение западноевропейских стран (имелось в виду, конечно, перевооружение Западной Германии), натолкнулись на резкий отпор со стороны США и в конечном счете провалились. В протоколе, подписанном в Париже, говорится об учреждении некоего «ведомства по контролю над вооружением» в рамках Западноевропейского союза. Однако ни о функциях, ни о полномочиях этого ведомства ничего внятного не было сказано. С самого начала было ясно, что органы Западного европейского союза будут меньше всего способны контролировать в той или иной степени возрождение военной машины в Западной Германии.

Правда, в Парижских соглашениях было зафиксировано заявление боннского правительства о «добровольном ограничении» численности западногерманской армии и об отказе от производства атомного, химического и бактериологического оружия. Но мало кто верил тогда в надежность этих «самоограничений», а жизнь вскоре подтвердила правоту скептиков.

Третьим документом была резолюция, подписанная представителями стран — участниц Североатлантического пакта. В этой резолюции правительству США поручалось пригласить Федеративную Республику Германии вступить в Североатлантический пакт после вступления в силу всех подписанных в Париже соглашений.

Перед заключением перечисленных соглашений премьер-министр Франции Мендес-Франс и канцлер ФРГ Аденауэр подписали в Париже соглашение по Саарскому вопросу. Соглашение предусматривало «европеизацию» Саарской области, т. е. освобождение ее из-под французского контроля и передачу для начала под политическую опеку Западного европейского союза. Некоторое время спустя Саарская область в результате проведенного референдума стала одной из земель (областей) Федеративной Республики Германии.

По возвращении из Парижа Аденауэр собрал своих министров на несколько минут — ровно на столько, **183**

чтобы сказать им «до свидания», — и улетел в Соединенные Штаты Америки. Там ему был устроен пышный прием. Газеты называли его «великим европейцем», а Джон Фостер Даллес сказал, что Аденауэр — «один из величайших людей всех времен».

После серии серьезных провалов американская и боннская дипломатия старались выжать из Парижских соглашений максимальный политический капитал. Прежде всего этот капитал нужен был республиканскому правительству США, стоявшему тогда на пороге выборов в конгресс. Аденауэр появился в США в качестве, так сказать, «вещественного доказательства» того, что на этот раз Даллес не провалился в Европе и достиг в Париже того, чего хотел.

С другой стороны, Аденауэру нужна была демонстрация дружбы с США перед лицом усиливающейся в Западной Германии оппозиции его политике. Еще накануне Парижской конференции конгресс западно-германских профсоюзов, представлявший 6 миллионов рабочих, принял резолюцию, в которой заявил, что осуществление Парижских соглашений «поставило бы под серьезную угрозу как разрядку международной напряженности, так и возможность воссоединения Германии». «Федеральный конгресс, — говорилось в резолюции, — отклоняет всякий военный вклад до тех пор, пока не будут исчерпаны все возможности переговоров с целью достижения взаимопонимания между народами и пока не восстановлено единство Германии».

В широких общественных кругах Западной Германии подписание Парижских соглашений воспринималось как новый, наиболее опасный акт закрепления раскола страны. Когда стало известно содержание парижских документов, возмущение в народе стало расти не по дням, а по часам. Поездка Аденауэра в США была истолкована как бегство от своего народа. Газета «Нюрнбергер нахрихтен» в те дни опубликовала карикатуру, на которой был изображен Аденауэр в дорожном плаще, убегающий вместе со своим советником Хальштейном от грозовой тучи. «Бежим скорее, Хальштейн, — говорит Аденауэр, — до тех пор, пока мы вернемся из США, здесь все снова успокоится».

Однако, еще находясь в США, Аденауэр почувствовал, что грозовая туча так скоро не пройдет. Поэтому с помощью своих американских друзей он уже из-за океана начал разворачивать кампанию по «умиротворению» общественного мнения Западной Германии. Коммюнике о вашингтонских переговорах Аденауэра вопросу о воссоединении Германии уделило особое внимание. Свою речь в американском пресс-клубе Аденауэр почти целиком посвятил заверениям, будто боннские политики более всего стремятся к «нормализации отношений» между Западом и социалистическими странами. Аденауэр даже обронил слова о необходимости заключения некоего «пакта между Западом и восточным блоком» — лишь бы прослыть миролюбцем!

Мощный политический и пропагандистский аппарат Бонна напрягал все силы, чтобы уверить немецкий народ в том, что Парижские соглашения якобы не закрывают, а, наоборот, расчищают дорогу к воссоединению Германии, будто через эти соглашения и лежит путь к миру в Европе.

Массированное наступление на умы немцев длилось четыре месяца, вплоть до ратификации Парижских соглашений в боннском бундестаге в конце февраля 1955 года.

Это был период большого напряжения духовных сил немецкого народа. Всем было ясно, что уже сделан роковой шаг, но каждый осознавал, что еще есть возможность отступить, исправить ошибку, пойти по другому пути. Речь шла о выборе, который касался каждого. Совесть и здравый смысл подсказывали одно, газеты, радио, телевидение доказывали другое. Одни немцы негодовали, выходили на демонстрации, протестовали. Другие в глубине души радовались, предвкушая «новые возможности».

В этом великом смятении умов верх взяли те, у кого были деньги, власть, полицейские силы и поддержка союзников, войска которых стояли на немецкой земле.

В те дни мне довелось снова попасть в Федеративную Республику Германии. В следующей главе — рассказ о том, что я там увидел и услышал.

ПОЛЕТ В НЕВЕДОМОЕ

Самолет резко накренился вправо, россыпь огней взметнулась ввысь, заполнив собой весь иллюминатор. Раскаленная игла Шарлоттенбургер-шоссе исчезла вверху вместе с Бранденбургскими воротами. Подо мной — Курфюрстендамм, улица-ярмарка, буйство света и иллюзий.

За четверть часа до этого я стоял в громадном пассажирском зале аэропорта Темпельхоф, ослепленный блеском неоновых светильников, рекламных плакатов и оберточного целлофана на бесчисленных торговых лотках. Это был мир, в котором мне предстояло жить и работать. Темпельхоф — одна из немногих дверей Западного Берлина во внешний мир. Через нее проходят те, кто спешит, кто не располагает временем для поездки на автомобиле или поезде. Здешний пассажир — это крупный коммерсант, партийный босс, депутат, министр, а то и сам канцлер. Ну и, конечно, журналисты. Немало здесь и таких, кто по особым причинам предпочитает пробираться на Запад не по территории

Германской Демократической Республики, окружающей Западный Берлин, а по воздуху.

Я летел в Бонн, и все в этом полете было необычно. Наверняка я знал только одно: меня никто не встретит. Все остальное мне было неведомо. Не знал я, где буду спать в эту ночь, не знал, надолго ли я лечу, удастся ли мне выполнить задание редакции.

Федеративная Республика Германии к тому времени уже существовала пять с половиной лет, но разрешение на въезд в ее столицу мне давали английские оккупационные власти. О, мистер Кастлтон в английской секции союзнической комендатуры в Западном Берлине был беспредельно любезен со мной. Каждый раз, когда я приезжал к нему за визой — а это длилось три недели, — он выходил ко мне со скорбным лицом, и я читал на нем: «Да, мы с вами понимаем, какие ослы сидят там, в Бад-Годесберге, в аппарате британского верховного комиссара, но что поделаешь, ведь мы всецело в их руках». И вот настал день, когда мистер Кастлтон встретил меня лучезарной улыбкой. Порхая от стола к столу, загнав до испарины двух-трех своих помощников, он в несколько минут оформил мне разрешение на поездку в Бонн сроком на один месяц (я просил на три месяца). Мне дозволялся въезд в Бонн разовый, а не многократный, о чем я просил, и только на автомашине, о чем я не просил. Пришлось ждать еще одни сутки, пока британский верховный комиссар разрешил мне лететь самолетом. И последняя «любезность» мистера Кастлтона, за которую я теперь расплачивался: он сам заказал мне билет на самолет, хотя я его об этом вовсе не просил. Днем из Темпельхофа улетела по крайней мере дюжина полупустых самолетов, но билет мой оказался именно на этот поздний вечерний самолет, и темень за окном делала неведомое, навстречу которому я летел со скоростью пятьсот километров в час, еще более мрачным. Но теперь я понял мистера Кастлтона: ведь дневные-то самолеты были американские и французские, а этот — английской авиакомпании БЕА. Бизнес есть бизнес!

Но все это было еще не самое удивительное в моем полете. В конце концов раньше мне уже дважды прихо-

дилось иметь дело с союзнической комендатурой в Западном Берлине. Первый раз — летом 1954 года. Тогда я по заданию редакции впервые ездил в Западную Германию. Ездил скорее как турист, чем как журналист. Берлин — Гамбург — Эссен — Дюссельдорф — Бонн за две недели — много ли узнаешь, многое ли поймешь? И все же «Правда» напечатала четыре моих «подвала» об этой поездке: за долгие-долгие годы это был первый в советской печати рассказ очевидца о Западной Германии.

Так вот, ездил я тогда в Западную Германию по визе английских оккупационных властей, был их «гостем». Я приезжал в немецкий город, а встречал меня английский чиновник. Вокруг меня были немцы, но общаться с ними я мог только при посредничестве англичан. Даже зал заседаний бундестага в Бонне мне показывал английский офицер. Когда мы вошли в пустой зал (бундестаг был на каникулах), в проходе между рядами мы увидели приближающегося к нам тогдашнего председателя бундестага Элерса. На лице английского офицера отразился ужас, когда Элерс подошел к нам и, ничего не подозревая, протянул руку. Громче, быть может, чем нужно, я произнес свою фамилию, название газеты и слово «Москва». Теперь изумление и растерянность переселились на лицо Элерса. Неловкая пауза, пара ничего не значащих слов, и мы разошлись. Москва и Бонн тогда не разговаривали друг с другом.

Несколько месяцев спустя мне пришлось обратиться за визой к французам. В Карлсруэ, находящемся во французской оккупационной зоне, начинался судебный процесс над Коммунистической партией Германии. Можно представить себе, как нашим бывшим союзникам не хотелось давать визу корреспонденту «Правды» на столь позорное для Запада мероприятие, но формального повода для отказа у них не было. Так я и провел полтора месяца на процессе, о котором уже рассказывал.

Словом, поездки в Федеративную Республику Германии с оккупационной визой были нелепым, но уже, можно сказать, привычным для меня делом. Волновало другое обстоятельство. В моем кармане лежал белый

хрустящий конверт с красным штампом «Бонн, 11.2.55», а в нем четвертушка отличной бумаги с несколькими строчками текста. В левом верхнем углу — крупным типографским шрифтом: «Председатель германского бундестага», а ниже — совсем мелкими буквами: «личный референт». Внизу размашистая подпись: «Д-р Шеске». Он и есть «личный референт». В трех строчках сообщалось, что председатель бундестага разрешает мне участвовать в заседаниях «германского бундестага» в качестве корреспондента газеты «Правда» (Москва).

Первый официальный документ советско-боннских отношений! Ведь до тех пор ни одно советское учреждение, ни одно должностное лицо не имело каких-либо контактов с боннским правительством, парламентом или другими учреждениями. Когда я, получив задание редакции попробовать осесть в Бонне на продолжительное время, отправлял письмо с просьбой разрешить мне присутствовать на заседаниях бундестага, честно говоря, я не очень надеялся на ответ. Но он пришел, хотя и с большой задержкой. По тем временам это было целое событие. Логика тогдашнего развития международной жизни подтачивала патологическую враждебность Бонна к Советскому Союзу и заставляла его делать необычные шаги.

Практически письмо д-ра Шеске означало, что по крайней мере в здание бундестага мне вход обеспечен. Но не больше. Я знал, что иностранные журналисты аккредитуются в федеральном ведомстве печати, существующем на правах министерства, и моя судьба будет зависеть от того, как примут меня в этом учреждении. И примут ли вообще?

Но это в сущности был второстепенный вопрос. Главное — я лечу в Бонн и мне разрешено присутствовать на заседаниях бундестага. А в стенах бундестага через несколько дней развернется финал эпопеи, за которой весь мир напряженно следил уже многие годы. Предстояло событие, которое останется на страницах истории рядом с такими понятиями, как Эмская депеша или мюнхенский сговор. Оно должно было дать новое направление деятельности политиков и промышленников, **189**

генералов и философов, писателей и журналистов. Мир приближался к рубежу, за которым начиналось уже не тайное, а легальное, узаконенное международным соглашением перевооружение только что разбитой в тяжелейшей для народов войне капиталистической Германии. Вот что означала предстоящая ратификация боннским бундестагом Парижских соглашений. И я летел в Бонн, чтобы стать свидетелем этого события и рассказать о нем советским людям...

Проворные стюардессы разнесли довольно обильный холодный ужин. Весь перелет длился всего лишь час с небольшим, и, когда стюардессы стали собирать посуду, самолет уже наклонился носом, готовясь к посадке. В иллюминаторе засверкали огни аэропорта Кельн-Ван.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Я ожидал удивленных взглядов чиновников, повторения классической сцены с «краснокожей паспортной», растерянной вежливости в жестах и застывшего изумления в зрачках. Оказалось, что здесь на аэродроме подготовились к моему прибытию. Английский контролер, едва взглянув на мой паспорт, тут же передал его, как, очевидно, было предписано, немецкому чиновнику. Тот, также выдерживая предписание, с плохо разыгранным спокойствием принялся его рассматривать, а затем, играя еще хуже, попытался изобразить мимикой, что озадачен и что ему надо «выяснить». Меня просят присесть на «один момент», который растягивается на целый час. Чиновник старательно куда-то названивает и не получает ответа. Боннский автобус с пассажирами тем временем уходит. Во всем бесконечно длинном, сияющем новизной зале я остаюсь один, не считая служащих. Когда все «выяснено» и паспорт мне возвращен, разыгрывается последняя сценка, из которой окончательно становится ясным, ради чего затевалась вся эта история. Чиновник в ответ на мой вопрос, как же я теперь буду добираться до Бонна, театрально суетится, и буквально через несколько се-

кунд передо мной вырастают два господина, которые «случайно» задержались на аэродроме и готовы взять меня в свою личную машину. По дороге мои благодетели несколько раз принимаются сокрушаться по поводу того, что не встретили какую-то «Элли», и строить догадки, куда это она могла запропасться. Потом успокаиваются.

Доставили меня точно и безошибочно по названному мной адресу. Когда я, забавляясь примитивной игрой, высказал тревогу, что в пансионе может не оказаться мест, мои собеседники в один голос ответили: «О, мы вас не бросим, пока не устроим на ночь».

Но в маленьком пансионе, который мне рекомендовал еще в Западном Берлине один знакомый шведский журналист, место для меня нашлось. Оба господина внесли в дом мои вещи и, прощаясь, казались очень счастливыми. Что ж, начало не из лучших, но успокаивала мысль: под охраной тайной полиции даже безопаснее.

Пансиончик, в котором мне пришлось прожить много месяцев, оказался маленьким, но чрезвычайно удобным. Во-первых, он располагался в десяти минутах ходьбы от бундестага. Во-вторых, в комнате был отдельный городской телефон, что для журналиста крайне важно. В-третьих, хозяйка, ее старуха мать и единственная на весь дом служанка оказались симпатичными людьми, с которыми было легко и просто.

Уже через несколько минут в дверь постучала хозяйка и пригласила меня вниз, в «вейнштубе» — маленький погребок с набором рейнско-пфальцских вин. Несмотря на поздний час, отказаться я не смог: ведь в разгаре был знаменитый рейнский карнавал и такой отказ могли наверняка плохо истолковать. И вот с того момента, когда я вступил в полумрак тесной подвальной комнаты и устроился в единственном свободном кресле, перед моими глазами начал разворачиваться калейдоскоп боннской жизни.

За крошечным квадратным столиком нас оказалось шесть человек. Дама средних лет с характерными для многих немок мужскими манерами пожирала сияющими глазами людей и предметы скромной обстановки. **191**

Курила, пила. Все ее существо томилось жаждой общения, по все молчали. «Как скучно празднуют немцы», — подумалось мне. Но в этот момент дама, не выдержав, заговорила со мной. И две минуты спустя все в комнате преобразилось. Не осталось ни одного безучастного лица. Еще бы, единственный на весь карнавал случай: живой русский, прямо из Москвы, и где? В Бонне, куда ни один русский еще не заглядывал! А еще через пять минут хозяйка извлекла из холодильника (расчет был точен!) первые заказанные кем-то для всей компании бутылки.

— Иисус-Мария, как хорошо! — воскликнула моя соседка, покрасневшая от выпитого по случаю нашего знакомства кирша *. — Вы русский, мы немцы, и мы сидим вместе, как друзья, пьем вино, празднуем наш карнавал. Зачем вражда, зачем опять солдаты, зачем войны! Не правда ли? Их никогда больше не будет. Такой глупости люди больше не сделают.

— Ты помнишь Галю, Эмиль! — повернулась она к мужу, молчаливому человеку, глядевшему все время на пламя свечи. А потом тут же ко мне: — О, это была чудная девушка. Украинка. Умница, умнее нашей дочери Лотты. Все готовила за нее уроки. А работала, как молния. Теперь мы держим двух девок вместо одной Гали, и они не справляются. А денег на них сколько идет! Лентяйки паршивые!

И умоляющим голосом, вцепившись загрубелыми на работе за прилавком пальцами в мое плечо, она простонала мне в лицо:

— Пожалуйста, помогите нам найти адрес Гали. Она с Украины. Теперь бы мы ей платили хорошие деньги. И комнату бы дали.

Молодой человек с копной белых волос на голове — как потом выяснилось, атташе норвежского посольства — громко крикнул. Но моя собеседница ничего не поняла. Она была совершенно уверена, что ее рассказ о том, как она выжимала все силы из украинской девушки, угнанной гитлеровцами в Германию, доставляет мне неопишемое удовольствие. На десятках слу-

чаев я потом убедился, что такова была общая болезнь немцев.

Сидевшие по правую руку от меня два господина сначала ловили каждое слово нашего разговора с дамой, потом сами стали вставлять словечки. А когда супружеская чета, расплатившись, ушла, они придвинулись ко мне с двух сторон. Оказалось, что оба они бывшие военные летчики-истребители. Оба были в плену у американцев, но недолго. Один, моложавый блондин, типичный ариец, как их рисовали на плакатах гитлеровцы, закончил войну капитаном. Другой, постарше и посolidнее, с классическими жестами и интонациями кадрового офицера, был в войну подполковником.

Моложавый блондин без устали сыпал:

— На политику нам теперь наплевать. Нас однажды уже крепко надули. Целое поколение обманули, понимаете? Опять идти в солдаты? Премного благодарны. Теперь пусть другие попробуют. Для нас главное — заработок. Побольше денег, и все в порядке. Понимаете?

Он ловко выхватил из карманов несколько крошечных флакончиков.

— Вот они теперь мои фугаски, — закричал он, подбрасывая флакончики. — «Лавендель». Мировая марка. Бинген на Рейне. Не бывали? О, это надо поправить. Будете гостем мировой фирмы «Лавендель». Напишите в вашей газете: «Лавендель» после войны стал еще лучше. А ассортимент — посмотрите, что выпускает теперь наша фирма. У вас утром болит голова, вам нездоровится. Как быть? «Лавендель» вам поможет. Вот этот пузырек. Возьмите, попробуйте завтра утром. К вечеру вы устали, набегались. У вас на лбу собрались морщины. А вам еще идти к девушке, пардон... скажем, в пресс-клуб, на коктейль. Катастрофа! Что делать? Спокойно. Вспомните, у вас на столе есть «Лавендель». Вот этот. Потрите ваши виски из этой бутылочки. Нет, нет, подставьте ладонь. Вот так. А теперь прижмите к одному виску, к другому... Боже-ственно, правда? Чувствуете, как слетели морщины со **198**

лба? Это «Лавендель»... Неповторимый, бессмертный «Лавендель»!

Бывший подполковник то кисло улыбался, то хмурился: летчик-истребитель в роли коммивояжера парфюмерной фирмы ему явно не нравился. Чем занимается он сам? В сущности пока ничем. Небольшие средства на жизнь имеются, не густо, но хватает. Есть занятие и для души. Во Франкфурте с приятелями, тоже бывшими офицерами-летчиками, организовали небольшое «дельце». Выписываем со всего света газеты и журналы по вопросам авиации, выбираем наиболее интересные статьи, переводим их и издаем в виде информационного бюллетеня. Спрос? О, спрос большой. Надо же следить, как развивается в мире самолетостроение. Не вечно же немцам будет запрещено строить самолеты...

Флаконы «Лавенделя» уже звенели на соседнем столике, нам никто не мешал разговаривать. У бывшего подполковника много накопилось на душе. Я все больше убеждался, что имею дело с кадровым офицером классической прусской закваски. После поражения немецкий офицер всегда становится мыслителем. Мирощущение моего собеседника укладывалось в короткую формулу: «Все кончено».

Нет, это не чрезмерный пессимизм, говорил он мне. Это трезвый взгляд на вещи. Ведь дело не в том, что Германию победили в войне. Германия как великая нация погибла не в 1945 году, а позднее. Теперь, когда Америка и Россия начали состязаться в развитии атомного оружия. Они вырвались далеко вперед, и никто их больше не догонит. А у Германии шансов меньше всего, в военном отношении она нуль. Германия списана со счетов истории. Пробовать догонять — бессмысленная трата последних сил. Все равно не догоним. Значит, надо забыть о немецком солдате, о казарме. Пусть они останутся в учебниках истории, в мемуарах генералов и в песнях. На какой срок? Там видно будет. А пока пусть нас охраняют от вас, русских, американцы. Расходы на них невелики, они сами богаты. Своей армии нам не нужно, зачем без пользы тратить

— Но кажется, побеждает другая точка зрения, — вставляю я. — Ведь здесь, кажется, не сомневаются, что Парижские соглашения будут ратифицированы, а тогда... Снова немецкий солдат, казармы...

Мой собеседник совсем придвигается ко мне, выдерживает паузу, чтобы придать своим словам больше силы.

— Я не могу допустить, — вкрадчиво рокошет он мне в самое ухо своим отлично поставленным каким-то фельдфебелем голосом, — что вы, русские, рассудительные люди, не понимаете всей этой игры. Американцы хотят, требуют, чтобы мы, немцы, тоже выставили солдат. Ну что ж, извольте. Выставим... дивизию-другую. И все. Поняли?

— С этими идиотами можно все, что угодно, делать, — громко, на всю комнату, зашептал блондин, снова оказавшийся у нашего столика.

— Идиотами?

— Конечно, американцы — чистейшие кретины. Ведь только они могли допустить такую глупость: напасть на нас, вместо того чтобы вместе с нами ликвидировать вас. Заколоть не ту свинью! На это способны только американцы!

И, почувствовав, что хватил через край, блондин сграбастал меня за плечи и заорал:

— Не обижайтесь, дело прошлое. Все погибло. А как все хорошо шло. У вас социализм, у нас социализм. У вас пролетарский, у нас национальный. Мы бы с вами отлично поладили. Гитлер совершил только одну ошибку — пошел войной на Россию...

Несмотря на последовавшую за этими словами острую пикировку, в конце концов мы расстались чрезвычайно довольные разговором. Бывшие гитлеровские летчики искренне радовались, что им так неожиданно представился случай показать русскому, какие они стали славные мирные ребята. А я был доволен тем, как начиналась новая, совсем новая работа. Вольготно мне было, сидя в Берлине, в Германской Демократической Республике, ругать реваншистами всех подряд бывших гитлеровских офицеров. А теперь вот он, 195

живой реваншист, передо мной. Один весь насквозь пропитался «Лавенделем» и тем счастливым. Другой ремилитаризацию считает последней глупостью. Да, надо разбираться и разбираться что к чему.

КАРНАВАЛ И ПОЛИТИКА

Кругом шумел, пестрел яркими одеждами и украшениями, искрился огнями иллюминаций знаменитый рейнский карнавал. Он давно перестал быть только рейнским. Вся Германия веселилась. Немец по-своему буйствовал за кружкой пива, бокалом вина, а иногда и просто за чашкой кофе.

Пиликали капеллы из двух-трех музыкантов в дешевых кафе и закусовых. Духовые оркестры потрясали стены больших народных залов. Из окон фешенебельных ресторанов лилась джазовая музыка. И все в Германии танцевало. Танцевало деловито, с немецкой основательностью. Ничего не поделаешь, время такое — карнавал! В остальное время года положено днем работать, вечерами скучать. А теперь время танцевать. И дурачиться, и пропивать последний пфенниг, чтобы потом целый год хвастаться перед друзьями: «Эх, и карнавал был, все спустил до нитки».

Так католическая церковь — а именно она придумала рейнские карнавалы еще в начале прошлого столетия — вознаграждает свою паству за верность, долготерпение, почитание ее канонов морали. Этот хитроумно придуманный клапан, через который человеку раз в год дозволяется выплеснуть наружу «все дурное», что в нем накопилось, до сих пор остается под благословением церкви.

...Одиннадцатого числа одиннадцатого месяца года в одиннадцать часов и одиннадцать минут в каждом рейнском городе собирается «совет одиннадцати», состоящий из одиннадцати граждан. Этот совет назначает «принца карнавала» и провозглашает себя местной верховной властью. Граждане с этого момента уже становятся не просто гражданами, а подданными «его

шутовского величества». И начинается на несколько месяцев грандиозная игра, которой пресса уделяет не меньше внимания, чем заседаниям парламента. В «советах одиннадцати» разрабатываются обширные программы празднеств, назначаются должностные лица карнавала. Особенно важно избрать удачную «танц-Марихен», «Маришу-танцовщицу», которая должна всегда быть при особе принца и помогать ему задавать тон. Она должна быть изящна, мила, безукоризненно одета, а главное, должна уметь танцевать, танцевать неутомимо, чуть ли не сутками напролет.

В деньгах недостатка не бывает. Ведь карнавал — превосходная реклама для фирм, обществ и просто отдельных имен и личностей. Корону принца за здорово живешь не получишь. Она стоит больших денег тому, кто ею завладел. Но зато какой случай блеснуть в обществе молодому, преуспевающему коммерсанту или восходящей звезде на небосклоне общественной деятельности! В течение нескольких месяцев портрет принца карнавала не сойдет со страниц местных газет, его имя надолго врежется в память людям.

Кульминационный момент карнавала падает на февраль. Наступают дни, когда «отцы города» на шутовской церемонии вручают жезлы правления принцу карнавала, а сами по-настоящему оставляют работу и празднуют вместе со всеми. Среди карнавалистов в шутовских шапочках, в маскарадных костюмах и министры, и депутаты (уж о них-то обязательно напишут в газетах!). Каждый день последней недели имеет свое карнавальное имя, трудно переводимое на другие языки. Последний день карнавала соответствует примерно «чистому понедельнику» нашей масляницы и называется «пепельной средой». Есть еще «неистовый понедельник», «ночь бабьего поста».

Душой рейнского карнавала являются своеобразные состязания на остроумие. Есть у немцев такое понятие — «кёльнские шутки». В Берлине, Мюнхене, Гамбурге — где угодно вы можете совершенно неожиданно услышать: «Хотите кёльнскую шутку?» И за этим следует веселый, чаще всего смешной своей нелепостью анекдот. Так вот карнавал — это неистощимый фонтан

кёльнских шуток. Есть традиционные бытовые темы для шуток, но каждый карнавал чутко откликается и на злобу дня, на последние события политической жизни. Творцы шуток — кёльнские «оригиналы».

«Оригиналом» стремится быть чуть ли не каждый житель города независимо от профессии, возраста. Войдите в трамвай или автобус, и вы почти наверняка услышите дружный смех пассажиров. Это кондуктор, а то и сам водитель тренирует свою «оригинальность», отпуская шутки по всякому поводу. То же самое можно наблюдать в лавочке, цветочном магазине, в конторе, даже в похоронном бюро.

«Оригиналы» весь год готовятся к карнавалу. Среди них есть, конечно, и ставшие профессионалами юмористы. Но перед карнавальской публикой все равны. В больших и малых залах они по мановению руки принца карнавала выходят один за другим на сцену, становятся за кафедру (она называется на кёльнском диалекте «бют» — бочка) и начинают свою «речь». Если «оригинал» на высоте (а среди них попадаются поистине блестящие юмористы), публика неистовствует. Миллионы телевизоров разносят по стране «бют-речи», а самые удачные шутки немедленно переходят на страницы газет и на долгие годы застревают в народной памяти.

В тот год карнавал был разгульный, веселый. Народ отдохнул от бремени послевоенной разрухи, приоделся, обзавелся приличным жильем, мебелью. И хотя все еще приходилось не очень распускать живот (немец умеет копить за счет экономии на еде), жизнь за многие десятилетия впервые начала улыбаться, манить, баловать.

И в этой атмосфере сама мысль о новой войне, о каких-то действиях, имеющих хотя бы самое отдаленное отношение к ее подготовке, казалась дикой, кощунственной, нелепой. «Бют-реднеры» испепеляли ее в огне своего сарказма. Особо ценно доставалось Теодору Бланку, простоватому на вид и вправду не ахти какому умному государственному деятелю, в прошлом профсоюзному функционеру, которому Аденауэр тогда поручил функции военного министра. Зло осмеива-

лась идея «европейской армии», которая всем казалась опереточной затеей. Юмористы сводили счеты с «вояками», с «крепкими мужчинами», с виновниками недавней катастрофы, которые тогда через свои газетенки и союзы снова делали попытки привить публике вкус к таким понятиям, как «солдатский долг», «честь», «боевое товарищество». Попадало и депутатам за то, что они с таким безрассудным азартом ведут дискуссию о возрождении вермахта, вместо того чтобы пресечь ее в зародыше. Доставалось бывшим гитлеровским генералам за их мемуары, в которых они оправдывались за свои поражения.

В колоннах карнавалистов, которые маршировали по кёльнским улицам в «неистовый понедельник», всеобщий восторг вызвала сделанная из папье-маше фигура будущего «федерального солдата». Он сидел на корточках, из его ранца за спиной выглядывала корова с надписью «Европа», в руках перед глазами он держал натянутую мальчишескую рогатку, заряженную картофелиной. У его ног — целый короб этого безобидного боеприпаса.

Нет, народ по-прежнему не принимал, не хотел принимать идею ремилитаризации. Он жаждал мирной жизни, без генералов, без казарм, без «солдатской доблести».

В один из вечеров меня пригласил датский журналист Растен посидеть с ним и его женой в «карнавальном обществе». Мы оказались не где-нибудь, а в бад-годесбергском ресторане «Дрезен». Первое, что я узнал, когда мы нашли наш заранее заказанный столик: это был тот самый «Дрезен», в котором ночевал Гитлер, когда приезжал на знаменитую бад-годесбергскую встречу с Чемберленом. «Комнату фюрера» можно осмотреть днем за 50 пфеннигов, когда ее жилец уходит по своим делам. С самих жильцов владетель отеля сдирает фантастические деньги. И все же от желающих пожить в «комнате фюрера» отбою нет. Список заказчиков составляется на много месяцев вперед.

Мы пили «холодную утку» — смесь рейнвейна с шампанским, приготовляемую в особых стеклянных кувшинах на льду, вели неторопливые разговоры, а **199**

главное, разглядывали гостей ресторана. Сюда пришла совсем не та публика, что я видел на улицах Бонна, около пивных и простых винных погребов. Мужчины в безукоризненно спитых черных костюмах, женщины в пышных вечерних платьях. Холеные, пышущие здоровьем лица, преимущественно молодые, крепкие, натренированные на спортивных площадках фигуры. У многих на головах смешные карнавальные шапочки. И у всех на лицах безмятежное веселье.

— Это все счастливчики, которых поражение в войне не разорило, а лишь обогатило, — говорили мне мои уже давно жившие в Бонне собеседники. — Здесь, в Бад-Годесберге, и по всей округе многие разбогатели. Кругом иностранные войска, их надо снабжать, обслуживать, строить для них. А Бонн к тому же надо превращать в столицу, все перестраивать. Видели американский поселок между Бонном и Бад-Годесбергом? Целый город, новенький, со всеми удобствами. Американские дипломаты чувствуют себя в нем как у себя дома. Для немецких дельцов это был большой гешефт. Кто ловок, тот запросто кладет себе в карман десятки и сотни тысяч. Новые миллионеры здесь сейчас растут как грибы после дождя.

В зале становилось все шумнее. Оркестр надрывался, гремя рейнскими карнавальными мелодиями — рейнлэндерами. Публика все чаще пускалась в пляс.

Заиграли самый типичный военный марш, и все вскочили с мест, встали в ниточку, положив руки на плечи впереди стоящего, и вот живая «змея» поползла, извиваясь между столиками, на эстраду, в соседние комнаты, снова в зал. Все орало и топало. Мы, конечно, тоже оказались в «змее». Мои плечи тискали чьи-то грузные руки, а уши разрывались от громового пения соседа. На повороте мы оказались с ним лицом к лицу. Моложавый, от души дурачившийся немец в буйном восторге схватил меня поперек тела, приподнял, потом поставил на пол, ударил своей могучей ручищей по плечу и прорычал:

— Ты, старый милитарист!

Он не подозревал о комичности ситуации. А мне 200 брошенная им фраза весь вечер сверлила мозг. Да, бо-

гатый карнавалист и в самые горячие минуты веселья не забывал о главном: впереди военный гешефт, открываются новые возможности. Разговоры о милитаризме и реваншизме его смешили. Главное — не упустить возможность, вовремя зацепить свой куш. Первая послевоенная золотая жила — сотрудничество с оккупантами — иссякала, нужна была новая. И в предвкушении новых удач публика «Дрезена» горланила модную на том карнавале песенку:

Тридцатого мая свету конец.
Нам недолго жить,
Нам недолго жить...

После «Дрезена» мы побывали в нескольких простых «народных» пивных и ресторанах. Всюду лилось рекой рейнское и мозельское, в бокалах пенилось пиво. Столы в таких заведениях обычно большие, и мы каждый раз оказывались в компании мастеровых, ремесленников, электромонтеров, водопроводчиков, трамвайщиков, строительных рабочих. И как только соседи по столу узнавали, что среди них гость из Москвы, тут же начинался шумный разговор, тосты.

Говорили о разном: о минувшей войне, о том, что русским и немцам надо жить в мире, о заработках. Но почти каждый разговор наши собеседники кончали примерно такими словами:

— Все это политика, а мы с ней не хотим иметь дело. С нас хватит. Мы хотим жить. Мы хотим иметь деньги, а на политику нам наплевать. Прозит! Ваше здоровье!

В ту сумбурную карнавальную ночь, когда душа немца была нараспашку, я многое понял. Мне стало ясно, почему в демонстрациях протеста против ремилитаризации участвовали в те годы десятки тысяч людей, но не сотни тысяч и не миллионы. Несколько дней спустя, в день ратификации Парижских соглашений в бундестаге, я понимал, почему в Бонн с протестами приехали тысячи, а не десятки и не сотни тысяч людей. И я не удивлялся, когда в тот самый день один французский журналист рассказывал мне:

— Еду сейчас в троллейбусе, везде полицейские патрули, заграждения. Публика в троллейбусе вслух строит догадки: к чему бы столько полицейских? Уж не шах ли персидский приехал, а с ним, может быть, и шахиня Сорайя? О прениях в бундестаге, о Парижских соглашениях — ни слова! Чудовищная страна!

УЛЫБКИ И ГРИМАСЫ

В секретариате председателя бундстага Ойгена Герстенмайера, куда я явился рано утром, меня встретили обворожительными улыбками. Да, конечно, я буду получать пропуска на все заседания бундстага, сказала мне всегда приветливая фрейлейн Гис. Постоянный пропуск? О, это пока невозможно.

— Но разве неприятно зайти к нам за пропуском перед заседанием? (Обворожительная улыбка.)

— Конечно, конечно, разумеется, приятно...

Доктор Шеске, личный референт председателя бундстага, был сама любезность. Поинтересовался, временно ли я хочу остаться в Бонне или постоянно. Услышав, что постоянно, выразил удовлетворение и сам предложил помочь мне установить контакт с ведомством печати, где меня должны аккредитовать. Разумеется, на принципе взаимности. Ведь пора уже и газетам Федеративной республики послать своих корреспондентов в Москву. (Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажу, забегаая вперед: в ведомстве печати меня аккредитовали лишь пять месяцев спустя, а руководитель ведомства Феликс фон Эккардт, являющийся ныне представителем боннского правительства в Западном Берлине, за два с половиной года моей работы в Бонне так и не нашел времени, чтобы принять меня с визитом вежливости.)

И вот я впервые на заседании буржуазного парламента. В огромном, сверкающем свежей отделкой зале, который будто и построен только для того, чтобы в нем зловеще и вольно мог распластать свои крылья черный прусский орел, стоит невообразимый шум. Депутаты —

их совсем мало — лениво расхаживают между рядами кресел, останавливаются в проходах группами и разговаривают. Трибуна для прессы совсем пуста. Кое-где видны лишь фигуры вечных тружеников — корреспондентов телеграфных агентств, которые — хочешь-не-хочешь — должны передавать информацию. Впереди на возвышении — величественный председательствующий и два его ассистента, а по правую руку его — тоже почти пустующие правительственные скамьи. Кто-то о чем-то говорит с ораторской трибуны. Кажется, нет в зале ни одного человека, кто бы его слушал. А ведь обсуждаются важные вопросы: как выволить из оккупационных тюрем последних военных преступников, как заставить оккупантов побольше платить немецкому гражданскому персоналу...

Но есть, оказывается, вопросы поважнее, и ими занята отсутствующая здесь правящая элита. Лидеры партий бесконечно заседают в комитетах, во фракциях. Многие депутаты в разъездах, выступают на митингах и собраниях своих партий. До второго и третьего чтения Парижских соглашений остаются считанные дни...

В длинных двухэтажных бараках, построенных наспех для корреспондентов через дорогу напротив бундестага, царит невообразимая сумятица. Телетайпы ежечасно выбрасывали рулоны самой запутанной информации, чаще всего высосанной из пальца. Здесь же можно было наблюдать, как это делается. Стоит кому-либо из журналистов прийти в барак и таинственным шепотом передать своему коллеге «последнюю новость», как она через десять минут разлеталась по всему миру. Какое раздолье для профессиональных дезинформаторов!

Здесь, в пресс-бараках, как их называли журналисты, я по-настоящему почувствовал, в каком тяжелом положении находились правители Западной Германии накануне ратификации Парижских соглашений.

Резкое обострение политической обстановки в Западной Германии началось за месяц с небольшим до ратификации соглашений. Непосредственным толчком явилось историческое заявление Советского правительства от 15 января 1955 года. В нем говорилось, что в

то время еще имелись неиспользованные возможности достижения соглашения по вопросу объединения Германии с должным учетом законных интересов германского народа и о проведении с этой целью в 1955 году общегерманских свободных выборов. Такие возможности имелись при условии, что будет устранено основное препятствие, стоявшее на пути воссоединения Германии, — планы ремилитаризации Западной Германии и ее вовлечения в военные группировки.

В заявлении подчеркивалось, что объединение миролюбивой Германской Демократической Республики и милитаризованной и вовлеченной в военные группировки Западной Германии невозможно. Ратификация Парижских соглашений несовместима с восстановлением Германии как единого миролюбивого государства.

«В случае ратификации Парижских соглашений, — говорилось в заявлении, — бундестаг возьмет на себя тяжелую ответственность за продолжение раскола Германии, равно как и за то неравноправное положение, в котором окажется на долгие годы население Германской Демократической Республики».

Несколько раньше аналогичное предостережение немецкий народ получил от восьми государств Европы.

В Декларации восьми европейских государств, принятой на совещании в Москве, говорилось, что Парижские соглашения нельзя рассматривать иначе как фактический отказ от урегулирования германской проблемы, как отказ на долгое время от восстановления единства Германии на миролюбивых и демократических основах. С другой стороны, ратификация и осуществление этих соглашений, указывалось далее в Декларации, усиливая опасность войны, будут представлять угрозу для национальной безопасности миролюбивых государств Европы, и особенно для государств — соседей Германии. Эти государства неизбежно вынуждены будут принять эффективные меры для самозащиты, для предотвращения нападения.

Эти предостережения, касавшиеся исторических судеб немецкого народа, произвели большое впечатление в общественных кругах Западной Германии.

«Пожалуй, никогда еще с момента существования Федеративной республики широкие слои народа с такой озабоченностью не задумывались над военной политикой канцлера, как в эти дни», — писала тогда буржуазная газета «Дер миттаг».

Аденауэр выступил по радио и пытался нейтрализовать силу воздействия заявления Советского Союза. Он неуклюже и грубо извратил его. Речь Аденауэра вызвала большое недовольство в народе. На страницах газет развернулась резкая критика боннской политики. Буржуазная газета «Франфуртер рундшау» опубликовала пространную статью, в которой пункт за пунктом опровергла радио-речь Аденауэра, уличив ее автора в грубых передержках и фальсификации.

На почве общего смятения резко усилились разногласия в боннских политических кругах.

Спротивление политическому курсу Аденауэра вышло из берегов официальной парламентской оппозиции, представленной тогда социал-демократической партией. Газеты заговорили о постепенном образовании «второй оппозиции» внутри самих партий боннской правительственной коалиции. Эта оппозиция, как свидетельствовала газета «Нейе Рейн цейтунг», распространилась настолько широко, что в Свободной демократической партии и в Общегерманском блоке, входивших в коалицию, отчетливо стали вырисовываться «два лагеря».

Особо сильным брожением была охвачена Свободная демократическая партия (СвДП) — вторая по численности партия правительственной коалиции.

Большое возбуждение в Бонне вызвали в те дни выступления видных деятелей СвДП Миддельхауве и Радемахера, которые прямо поддерживали требование социал-демократической оппозиции отложить ратификацию Парижских соглашений и приступить к переговорам о восстановлении единства Германии.

26 января комитет бундестага по общегерманским вопросам отклонил одно из Парижских соглашений — соглашение по саарскому вопросу. За соглашение проголосовало только 11 представителей партии Аденауэра; в числе 11 членов комитета, проголосовавших

против, был один представитель ХДС и один представитель Общегерманского блока — члена правительственной коалиции. Многие члены комитета, принадлежавшие к фракциям правительственной коалиции, от голосования воздержались.

В тот же день правовой комитет бундестага одобрил соглашение по саарскому вопросу только голосами ХДС (большинством в три голоса). Представители прочих партий правительственной коалиции или голосовали против, или воздержались.

Встревоженный этими событиями, канцлер спешно покинул свое излюбленное курортное местечко Бюлер Хёэ, где он отдыхал перед предстоящими напряженными днями прений в бундестаге, и вернулся в Бонн. Еще в вагоне поезда он устроил совещание со своими ближайшими соратниками, а по приезде в Бонн созвал экстренное заседание кабинета с участием лидеров партий коалиции.

Однако многочисленные совещания за закрытыми дверями не оправдали надежды тех, кто думал, что возвращение канцлера в Бонн «поставит все на свое место». Председатели СвДП и Общегерманского блока посоветовали Аденауэру не рассчитывать на голоса их фракций при голосовании по Саарскому соглашению.

Именно тогда газета западногерманских промышленных кругов «Дейче цейтунг унд виртсшафтсцейтунг» писала, что в Бонне царит «неразбериха во мнениях, потеря ориентации и упадок политической воли». Особенно, по словам газеты, Аденауэра обескураживало то, что «сомнения в правильности его политики проникли в сам правительственный лагерь и в его собственную партию».

До поры до времени Бонну удавалось удерживать народные массы на почтительном расстоянии от дискуссии вокруг Парижских соглашений. Делалось это простым способом: по возможности избегали больших собраний, митингов, где народ мог бы сказать свое слово. Но вот лидеры социал-демократической партии нарушили заговор молчания. Момент был острый, и они решили поправить свои политические дела. Совместно с профсоюзными руководителями они устроили в цер-

кви св. Павла во Франкфурте-на-Майне митинг, на котором приняли так называемый Немецкий манифест, требовавший начать переговоры о воссоединении Германии до ратификации Парижских соглашений.

Практически «Манифест» был равнозначен требованию отложить ратификацию.

Произошло это 29 января, а все последующие дни политическая атмосфера в Бонне сотрясалась от нараставшей лавины народных требований не ратифицировать Парижские соглашения, а начать переговоры о воссоединении страны. Социал-демократы организовали в четырех избирательных округах сбор подписей под «Немецким манифестом» (на большее они не осмелились). Активность населения превзошла все ожидания. Так, в округе Херфорд под «Немецким манифестом» подписалось свыше 70 процентов жителей. Если бы не двуручническая позиция социал-демократических лидеров, старавшихся с самого начала держать на цепи кампанию по сбору подписей в четырех округах, могучая волна народного протеста смела бы Парижские соглашения.

Но и в тех рамках, что было дозволено, народ ясно высказал свое мнение, и оно перепугало политический Бонн. Часть противников немедленной ратификации Парижских соглашений еще решительнее стала защищать свою точку зрения, памятуя, что кроме воли партийных боссов есть еще и воля народа. Другие, напротив, из страха перед народом пошли на попятную и включились в поиски лазеек, по которым можно было бы выползти из опасной ситуации.

УДАВЫ И КРОЛИКИ

Энергичнее всех этими попытками занимался Конрад Аденауэр. Прежде всего он начал наводить порядок в собственном доме, в своей партии. Два дня, 5 и 6 февраля, были целиком заполнены заседаниями руководства ХДС, ее депутатов в бундестаге. Аденауэр использовал все приемы, в том числе и явно недозво-

ленные, чтобы вытравить «крамолу» из голов хадээсовцев. Так, на членов руководящего комитета своей партии он пытался воздействовать заведомой ложью. Оправдывая свое отрицательное отношение к предложениям Советского правительства, в частности к предложению начать переговоры о проведении общегерманских выборов, Аденауэр заявил, будто он просил правительства США и Великобритании «выяснить, имеются ли в Москве какие-либо признаки изменения позиции», и что будто он получил «абсолютно отрицательный» ответ. Уловка Аденауэра была очень быстро разоблачена. Представитель английского правительства опроверг заявление боннского канцлера, указав, что Аденауэр не обращался с такой просьбой к правительству Великобритании.

«В политических кругах Бонна подчеркивают, — писала газета «Телеграф», — что официальное выступление британского министерства иностранных дел представляет заявление канцлера перед ХДС в более чем странном свете. К сожалению, уже не впервые заявления западногерманского правительства так недвусмысленно и неприятно опровергаются иностранным правительством».

В результате такого рода манипуляций Аденауэру удалось 8 февраля заставить совет старейшин бундестага, в котором представлены все партии, вынести решение провести, несмотря ни на что, второе и третье чтения законопроекта о ратификации Парижских соглашений с 24 по 26 февраля. Против этого решения голосовали социал-демократы, а свободные демократы его поддержали «условно», заявив, что при определенных обстоятельствах они могут изменить свою позицию.

Следующим шагом было решение о том, чтобы при ратификации Парижских соглашений голосование провести отдельно по каждому из четырех законопроектов. Это означало, что, если даже соглашение по Саару будет отклонено, что в те дни считалось вполне возможным, остальные три соглашения, касавшиеся создания западногерманских вооруженных сил и вступления

208 ФРГ в НАТО, от этого не должны были пострадать.

Но главные силы аденауэровцев были брошены на разработку пропагандистских аргументов в пользу ратификации Парижских соглашений. Убедившись в том, что лобовые атаки на предостережение Советского Союза не имеют успеха и что население связывает предстоящую ремилитаризацию с крахом надежд на воссоединение, единомышленники Аденауэра прибегли к обходному маневру. Из недр ХДС выползла идея, гласившая, что ратификация Парижских соглашений еще совсем не означает немедленной ремилитаризации и что периода между ратификацией соглашений и их претворением в жизнь будет вполне достаточно, чтобы вступить в переговоры с Советским Союзом по вопросу воссоединения Германии. А раз так, то можно с легким сердцем ратифицировать Парижские договоры и тем самым доставить удовольствие союзникам.

Идея, прямо скажем, чудосочная, но к услугам ХДС были сотни газет, по страницам которых она и пошла гулять, сея в умах надежды, успокоение, иллюзии. Сам Аденауэр поддавал жару силой своего авторитета. В интервью газете «Ди вельт» он заявил, будто федеральное правительство «стремится к тому, чтобы после ратификации Парижских договоров западные державы предприняли новую инициативу для организации переговоров между Востоком и Западом». Аденауэр многозначительно намекнул, будто подготовка к таким переговорам уже идет полным ходом и что федеральное правительство находится «в постоянном контакте с правительствами трех западных держав по всем вопросам, касающимся переговоров с Советским Союзом».

Конечно, эти многозначительные намеки, будившие сладкие надежды, были чистой блефом, но в моменты душевного конфликта человека «играет» каждая правдоподобная мелочь. Именно этим «психологическим кризисом» народа безошибочно пользовался Аденауэр, ловко подсовывая ему карандаш для подписания сделки с собственной совестью.

На страницах проправительственной печати вскоре появился другой, более хитроумный вариант идеи сочетания ратификации с переговорами по вопросу

воссоединения страны. Это была так называемая идея условной ратификации, суть которой ее авторы излагали следующим образом: надо выступить за переговоры с Советским Союзом и в то же время не откладывать ратификацию Парижских соглашений; пусть переговоры состоятся в период между ратификацией соглашений в бундестаге и подписанием их президентом республики, т. е. в тот момент, когда они формально еще не вступят в силу. Если в ходе переговоров Советский Союз не согласится на воссоединение по западной схеме (т. е. путем присоединения ГДР к ФРГ), то его можно будет обвинить в нежелании видеть Германию единой, в срыве переговоров и вообще в агрессивных намерениях. Тогда уж будут устранены последние препятствия к ремилитаризации.

Это уже означало прямой шантаж по отношению к Советскому Союзу, не имевший никаких шансов на успех. Тем не менее идея «условной ратификации», или, как ее еще называли, идея «давления на русских ограниченным сроком», с серьезным видом обсуждалась на страницах западногерманских газет в расчете на наивных читателей.

Чем ближе подходил срок парламентских дебатов, тем глуше становился голос тех, кого поначалу называли «второй оппозицией» в Бонне. Недавние «бунтовщики» из Свободной демократической партии и Общегерманского блока, напуганные бурной цепной реакцией протеста в массах, быстро забыли о своих партийных расчетах и бросились выручать общее дело хозяев Западной Германии. Это они внесли предложение о том, чтобы вслед за ратификацией соглашений о ремилитаризации ФРГ бундестаг принял резолюцию, требующую от правительств трех западных держав и от боннского правительства «приложить все усилия» к воссоединению Германии путем переговоров с Советским Союзом.

Лучшего подарка от своих партнеров по коалиции Аденауэр и не мог ожидать! Ведь из сочетания его лицемерного лозунга использования периода между ратификацией соглашений и их претворением в жизнь для переговоров с идеей «условной ратификации» те-

перь получался целый букет аргументов, с помощью которого можно было напустить много туману, пододравать сопротивление народа ремилитаризации.

Так в действительности и случилось. Но в те дни, когда я делал первые шаги в Бонне, этот пропагандистский букет еще только проходил, так сказать, проверку на «кроликах».

На одном таком сеансе я присутствовал. Дело было в Боннском университете. В большом актовом зале на пятьсот-шестьсот мест собрались юноши и девушки, молодая поросль немцев, которые детство провели в бомбоубежищах, видели кровь и разрушения, безумие последних месяцев «третьего рейха». Студенты пришли сюда для встречи с политиками. Вот они на сцене: Христианско-демократический союз представляет будущий министр по общегерманским вопросам Эрнст Леммер; точку зрения социал-демократов будет излагать депутат бундестага Кюне.

Атмосфера наэлектризована. Зал чутко реагирует на каждое острое слово даже тогда, когда ораторы еще только «делают разминку». Но вот Леммер, изящно маневрируя, начинает подходить к главному. Ему ведь надо убедить эти горячие головы, что ратификация Парижских соглашений означает не закрепление раскола Германии, а, наоборот, верный путь к воссоединению. Задача эта нелегкая: тезис ХДС противоречит здравому смыслу, простейшей логике. Каждому известно четкое заявление Советского правительства, гласящее, что ратификация несовместима с воссоединением страны. Как же в таких условиях практически может выглядеть тот «верный путь к воссоединению», о котором толкуют хадээсовцы? Леммер пытается «начертить пунктиром» этот иллюзорный путь.

Парижские соглашения, говорит он, — это в сущности только дипломатическое средство. Они еще отнюдь не означают автоматической ремилитаризации и, следовательно, опасности закрепления раскола. (В зале ропот недоверия.) Ведь одно дело — ратифицировать соглашения и совершенно иное дело — их осуществить. Дистанция между этими двумя моментами очень велика. Могут произойти такие события, которые **211**

заставят принять большие решения. (Гул в зале нарастает.) Посмотрите на Францию, там опять правительственный кризис. Просто невозможно представить себе, когда там закончат с ратификацией соглашений. Вот эту затяжку и можно будет использовать для того, чтобы начать переговоры с Советами. (Шум, возгласы: «Зачем же тогда нам лезть вперед с ратификацией?») Нет, с ратификацией медлить нельзя: если Парижские соглашения провалятся, тогда Запад будет находиться в состоянии потерпевшего поражение, и он не захочет вести переговоры о воссоединении.

— Это же чистая фантастика! — кричит, вскочив с места, чернявый юноша перед самым носом оратора, и все тонет в оглушительном гуле.

Когда зал более менее затихает, Леммер пытается развить модную в то время на Западе «теорию равновесия сил». Необходимо равновесие, при котором на обеих чашах весов должно лежать по атомной бомбе. — вот ее смысл. Тут уже в зале поднимается настоящая буря. Кричат все, вскакивают с мест, жестикулируют. Я понимаю только то, что выкрикивает мой сосед, молодой человек в роговых очках, который до этого, кажется, ни разу не пошевелился:

— Это пахнет атомной смертью! Эй, вы там, вам мало бомбовых ночей?

Побитый и вспотевший, Леммер садится на свое место. Теперь выступает социал-демократ. Слушатели на его стороне. Дружными возгласами одобрения студенты встречают требования: ратификацию отложить, немедленно начать переговоры с Советским Союзом об условиях восстановления единства страны на основе последних предложений СССР.

Волна митингов продолжала катиться по республике.

В Западном Берлине в те дни выступил председатель СДПГ Эрих Олленхауэр. Он потребовал созыва совещания четырех держав до ратификации Парижских соглашений. Цель и задача нынешней волны митингов ясна и недвусмысленна, сказал Олленхауэр. На этих митингах выдвигается требование к федеральному правительству проявить инициативу, чтобы еще

до ратификации соглашения на новых переговорах четырех держав сделать попытку решить вопрос о восстановлении Германии.

И снова буря оваций, снова успех на стороне социал-демократов.

Если бы человеческая память не обладала трагическим свойством со временем забывать, казалось бы, самое незабываемое, как бы она сейчас мучила лидеров западногерманской социал-демократии. Сила тогда была на их стороне, а не на стороне Аденауэра. Этой силой был народ, который чувствовал свою ответственность за судьбы страны и был готов на любые действия. Но этих действий не хотели социал-демократические лидеры. Они их боялись не меньше, чем Аденауэр. Они фактически своими собственными руками в течение нескольких дней задушили начатое по их же инициативе движение сбора подписей под «Немецким манифестом», принятым в церкви св. Павла.

Дальнейшие события покажут, что социал-демократическое руководство в действительности не было против ремилитаризации. Но в те бурные дни оно рядилось в тогу антимилитаристов, поборников единства страны. И народ шел за социал-демократами.

А аденауэровцы терпели поражение. Испытание пропагандистского букета шло для них плохо. «Кролики» не давали себя оглушить.

И все же в последние дни перед прениями в бундестаге по Парижским соглашениям республика как бы впала в состояние транса. Энергичные меры социал-демократического руководства по удушению движения «Немецкого манифеста» возымели действие. Не прошли даром усилия правительственного лагеря опутать умы людей новыми иллюзиями. Сказалось и утомление, чувство апатии, наступившее после бурных недель карнавала. (Дата ратификации Парижских соглашений, по-видимому, выбиралась не случайно.)

Буря еще не пронеслась, но Аденауэр и его сторонники теперь уже более уверенно смотрели в будущее.

РАТИФИКАЦИЯ

Ратификация Парижских соглашений в боннском бундестаге — это четыре дня и четыре долгих вечера беспрерывных речей, которые затем составили четыре пухлых тома протоколов заседаний бундестага. Четыре (вместо планировавшихся трех) дня сторонники Аденауэра пугали депутатов и немецкий народ «коммунистической опасностью», призывая их проголосовать за подписанные в Париже документы. Четыре дня социал-демократическая фракция излагала свои контраргументы, главным из которых была очевидная всем истина, что Парижские соглашения закрывают путь к воссоединению страны. Казалось бы, в мировом политическом лексиконе не осталось такого слова, которое не было бы произнесено в те дни с трибуны боннского бундестага. И все же сторонникам Аденауэра не удалось объяснить, как представляют они себе мирный путь воссоединения Германии через вооружение. Правда, в дополнение к прежним фразам были пущены в обиход таинственные намеки на «особую ситуацию», которая якобы может сложиться под воздействием «политики силы» и сделать возможным воссоединение Германии. Но и эти слова не возымели магического действия.

Слабость позиций сторонников Парижских соглашений подчеркивала вся обстановка, царившая в те дни в Бонне. Он имел вид осажденного города. Полицейские патрули перерезали все пути еще на далеких окраинах. Здание бундестага также было оцеплено полицейскими заслонами. Рядом с ними был установлен водомет, приготовлены проволочные заграждения. В качестве подкрепления из Кёльна вызвали специальный отряд полицейских численностью 500 человек.

В течение дня на улицах Бонна то и дело вспыхивали столкновения полиции с народом. Я был очевидцем некоторых эпизодов. Однако полная картина этих сражений, делавших мало чести боннскому правительству, у меня сложилась лишь вечером первого дня прений — из рассказов очевидцев и из сообщений телеграфных агентств.

Первые демонстранты прибыли в федеральную столицу еще рано утром. Это были преимущественно женщины. Они направлялись группами в сторону бундестага, но путь им преградили полицейские, закупорившие правительственный квартал.

С каждым часом число демонстрантов увеличивалось. Они прибывали на поездах, в автобусах. После полудня в центре города, на главной площади Мюнстерплац, образовалась колонна, которая вскоре двинулась в направлении бундестага. В этот момент появляются транспаранты. Участники демонстрации выкрикивают лозунги: «Мы не хотим оружия, мы хотим работать для мира», «Ни одной марки для армии!»

Колонна движется по Кобленцштрассе. Она достигает здания министерства почт, и в этот момент появляется водомет. Полиция образует перед демонстрантами заслон и оттесняет их. Демонстранты возвращаются на Мюнстерплац, снова строятся в колонны и готовятся к маршу. Но на этот раз прямо на площадь врываются две водометные установки, сопровождаемые полицейскими на пяти грузовиках. Водяные струи начинают косить людей. Полицейские хватают арестованных. Демонстранты не сдаются. Промокшие и избитые, они снова и снова стараются собраться вместе. Полицейские действуют без разбора. Им все равно, кто перед ними — дети ли, старики, пожилые женщины. Достается и безобидным прохожим.

Все это видели немецкие и иностранные журналисты и сообщили в свои газеты. Многие из них испытали на себе действие водометов...

К концу второго дня прений разногласия внутри правительственной коалиции обострились настолько, что западногерманская и иностранная печать серьезно заговорила о возможности отклонения бундестагом соглашения по саарскому вопросу, что привело бы к провалу Парижских соглашений в целом.

Обострению разногласий в немалой степени способствовали выступления Аденауэра. Федеральный канцлер метал громы и молнии на головы противников Саарского соглашения. Депутаты от Свободной демократической партии были оскорблены грубыми

выпадами канцлера по их адресу. Во время прений они удалились на совещание и приняли решение стоять на своем.

Аргументация Аденауэра в главных спорных вопросах основывалась не на фактах и документах, а на голословных утверждениях. Так, например, в полемике с противниками соглашения по саарскому вопросу он заявил, будто после подписания Саарского соглашения в Париже Соёдиненные Штаты Америки и Англия отказались поддерживать французские претензии на Саарскую область. Когда депутаты от социал-демократической партии спросили Аденауэра, есть ли на этот счет официальный американо-английский документ, Аденауэр ответил, что такого документа нет, что это заверение ему было дано устно.

Депутаты бундестага из опыта прошлого знали, как легко Аденауэр обращается с фактами и что ему ничего не стоит пустить в ход вымысел ради политического эффекта. Поэтому его ссылка на какой-то устный разговор была принята депутатами с недоверием. И уж совсем полное замешательство наступило в зале, когда депутат от социал-демократической партии Арндт привел совершенно противоположное заявление бывшего французского премьер-министра Мендес-Франса, который во время прений во французском парламенте заявил, что США и Англия по-прежнему поддерживают особые права Франции в Саарской области.

Таким образом выявилась скандальная история: главы французского и западногерманского правительств, стараясь склонить свои парламенты в поддержку их политики, прибегают к прямо противоположным утверждениям. Выступления Аденауэра настолько были грубы и неуклюжи, что западногерманская печать заговорила о них как «о несчастном случае» боннской политики.

Разногласия в правительственном лагере привели к тому, что в Бонне воцарилась полная неразбериха. Второе чтение договоров затянулось на третий день. Никто не знал, когда закончатся прения вообще. Было совершенно очевидно, что сторонники Аденауэра при-

Вечером третьего дня прений бундестаг принял решение последнее, третье, чтение закончить на следующий день.

Вечером 27 февраля бундестаг голосами правительственной коалиции ратифицировал Парижские соглашения.

Результат окончательного голосования не вызвал сенсации в Бонне. Еще вечером 26 февраля, когда состоялось предварительное голосование после второго чтения договоров, стало ясно, что все четыре законопроекта, в том числе и законопроект о ратификации Саарского соглашения, получают необходимое большинство голосов. Стало известно, что Аденауэр добился большинства голосов в парламенте ценой уступок «бунтовщикам» и колеблющимся внутри правительственной коалиции. Первую уступку он сделал еще накануне прений, согласившись предложить парламенту резолюцию, провозглашавшую воссоединение Германии «первостепенной задачей германской политики» и обязавшую федеральное правительство предпринять необходимые шаги для практического осуществления этой задачи. Этой резолюцией Аденауэру удалось успокоить и перетянуть на свою сторону тех депутатов коалиции, которые, боясь ответственности за закрепление раскола Германии, проявляли колебания и готовы были проголосовать против Саарского соглашения в расчете на то, что его отклонение приведет к провалу Парижских соглашений в целом.

На вторую уступку Аденауэр пошел уже в ходе прений, когда разногласия между ним и фракцией Свободной демократической партии обострились настолько, что создалась определенная угроза развала коалиции. Путем закулисной сделки ХДС, СвДП и Немецкая партия договорились предложить бундестагу резолюцию по саарскому вопросу, в которой провозглашалось, что Саарское соглашение «не затрагивает принадлежность Саарской области к Германии в границах от 31 декабря 1937 года», и выдвигалось требование предоставить полную свободу деятельности прогерманским партиям, объединениям, прессе и отдельным лицам в Саарской области.

Принятию такой резолюции Аденауэр сначала упорно сопротивлялся, боясь дать повод Совету республики Франции со своей стороны также принять дополнения и поправки к Парижским соглашениям. (В таком случае Парижские соглашения снова были бы возвращены в Национальное собрание Франции, где при повторном обсуждении могли бы провалиться.) Пойдя на этот риск, Аденауэр приобрел известное количество голосов, главным образом внутри собственной фракции. Но главного эффекта — полного примирения с фракцией СвДП он все же не достиг. Преобладающее большинство этой фракции проголосовало против. Министры этой фракции, входившие в кабинет Аденауэра, или воздержались, или просто не приняли участия в голосовании, за исключением вице-канцлера Блюхера, проголосовавшего за соглашение вопреки решению своей фракции.

Сразу же после голосования Блюхер, оказавшийся в конфликте со своей партией, объявил о своем намерении уйти в отставку. Так начался кризис коалиции, закончившийся вскоре выходом Свободной демократической партии из состава кабинета.

Вторым последствием ратификации было обострение противоречий между ФРГ и Францией вокруг саарского вопроса.

Но главным итогом ратификации был полный подрыв возможностей к восстановлению единства Германии теми методами, которые предлагались ранее Советским Союзом и Германской Демократической Республикой. В политических и общественных кругах ФРГ отдавали себе отчет в том, что совершено страшное дело, поправить которое будет очень трудно.

«Ни один человек не видит в них большого блага, — писала в те дни о Парижских соглашениях буржуазная газета «Вестдейче альгемайне». — О воодушевлении не может быть и речи».

Итак, десять лет спустя после окончания развязанной гитлеровцами войны капиталистическая Германия получила возможность возродить свои вооруженные силы численностью 500 тысяч человек. За это она заплатила ценой раскола страны.

К этому моменту подлинно оппозиционные силы в государстве были в значительной мере подавлены. Демократические организации подверглись запрету, шел судебный процесс над Коммунистической партией, которая вскоре также была запрещена. Рабочий класс Западной Германии вследствие раскола рабочего движения, под воздействием иллюзий, посеянных социал-демократией, не оказал должного сопротивления милитаристской реакции. Не последнюю роль при этом сыграли и такие обстоятельства, как высокая экономическая конъюнктура в стране и пропаганда антикоммунизма, которой занимались все — от неонацистских групп и правительственных органов до руководства западногерманских профсоюзов.

Германский империализм отныне имел полную свободу рук во внешних и внутренних делах. В его распоряжении находилась и солидная материальная база.

СЛУГИ И ХОЗЯЕВА

Если подняться на Петерсберг, одну из вершин небольшого прирейнского горного массива — Семигорья, можно получить зрительное представление о том, что такое Бонн и его окрестности. Выйдя на террасу, вы увидите — разумеется, при ясной погоде — слева от себя другую вершину Семигорья — Драхенфельс («Скалу дракона»), увенчанную живописным обломком средневекового замка. Внизу — Рейн, стремительный и величавый. Хотя вы, переезжая только что на пароме Рейн, видели его отнюдь не голубую, а грязную воду, здесь, наверху, хочется говорить словами Гейне:

Катятся волны Рейна голубого,
Старинных замков высится громада,
И никнут долу гроздья винограда,
Созревшего и солнцем налитого.

Справа, на том берегу, в синеватой дымке — Бонн. Вы его узнаете по обилию остроконечных готических шпилей. Прямо перед вами, тоже на противоположном берегу, — Бад-Годесберг, за ним дальше на юг

по берегу — местечко Мелем. Под вами на этой стороне — городок Кёнигсвинтер, зажатый между Рейном и Петербергом. Между городками сплошной цепью тянутся деревни и местечки, так что вся долина Рейна на протяжении около 20 километров кажется одним сплошным городом.

Если в слово «Бонн» вкладывать только политический смысл, то и Бад-Годесберг, и Мелем, и Кёнигсвинтер, и все прочие деревушки и местечки — это тоже Бонн. В них расположены многие государственные учреждения, посольства. В них живут депутаты и министры, служащие и чиновники, дипломаты и журналисты — все, кого не смог вобрать в себя сам Бонн с его весьма ограниченной жилплощадью.

К южному склону горы Драхенфельс прилепилась деревушка Рёндорф. Издалека виден белый со ставнями дом, покрытый шифером мышиного цвета. Это имение Аденауэра. До Бонна отсюда около двадцати километров, но это в сущности тоже Бонн. Сюда в течение пятнадцати лет ездили министры и дипломаты, здесь не меньше, чем в самом Бонне, делалась политика.

Да и гора, на которой вы стоите, долгое время была неотделимой частью понятия «Бонн». Здесь в начале пятидесятих годов, словно на Олимпе, восседали три верховных комиссара: американский, английский и французский. Боннским министрам, да и самому канцлеру частенько приходилось ездить сюда за инструкциями. Верховные комиссары со временем превратились в послов и спустились вниз, а отель с фешенебельным рестораном на Петерберге, который они занимали, стал любимым пристанищем богатых туристов и высокопоставленных особ.

И все же нелегкую долю столицы несет главным образом Бонн, некогда тихий, зеленый городок, основанный еще древними римлянами. Как и почему он стал столицей, покрыто мраком неизвестности. Одни объясняли это близостью Бонна к имению Конрада Аденауэра; другие утверждали, что решающую роль сыграло отсутствие в Бонне промышленности, а следовательно, и мало-мальски значительного пролетариата. Историкам еще предстоит рассудить, кто прав. А сейчас

достоверно известно лишь то, что, когда решался вопрос о столице, многие депутаты получили изрядные суммы денег от рурских финансово-промышленных баронов, лишь бы те проголосовали за Бонн.

Сейчас Бонн сверкает каскадами неоновых огней, стараясь хотя бы немногим быть похожим на настоящие столицы. Над городом возвышаются новые многоэтажные дома. Некоторые улицы расширены, устроены подземные путепроводы. Все пустыри вокруг города застроены новыми поселками, так что теперь не поймешь, где кончается Бонн и начинается следующий город.

А тогда, в год формального получения Бонном суверенитета, ничего этого не было. Власти успели построить только три больших здания — бундестага, министерства иностранных дел и министерства почт. Строительство комплекса зданий министерства обороны — ныне самого большого в Бонне — только начиналось.

В те времена Бонн, вытянувшийся с севера на юг по левому берегу Рейна и имевший легко различимую городскую черту, можно было неспеша прошагать за час. На улицах наряду с комфортабельными лимузинами можно было еще видеть древнюю кучерскую упряжку. Вечерами город погружался в сонную, сельскую тишину. В ресторанах было пусто: дипломаты, бизнесмены и чиновники предпочитали ужинать и развлекаться в «настоящем городе» — Кёльне, до которого двадцать пять минут езды.

Среди журналистов в те годы ходило изречение, пущенное кем-то из американцев: «Бонн в два раза меньше чикагского кладбища, зато в два раза мертвее».

Тогда определился стержень политической жизни Бонна — Кобленцэрштрассе, протянувшаяся вдоль Рейна через город и представляющая собой шоссейную дорогу из Кёльна в Кобленц.

В новеньком здании министерства иностранных дел, состоящем из одного девятиэтажного и одного пятиэтажного корпусов, 85 процентов руководящих постов занимали бывшие члены гитлеровской партии, главным образом дипломаты Риббентропа. Такая же картина

Но в конце концов дело было не в чиновниках. Главное — кто сидел в министерских креслах, бесчисленных комитетах, комиссиях и советах, в бундестаге, в руководстве партий.

Там тон задавала и в конечном счете принимала все политические решения небольшая группа лиц. Это были воротилы банков и промышленных концернов, которые в то время еще сами засучив рукава «делали политику». Наиболее активно действовали руководитель клёкнеровского концерна Хенле, бывший директор «Стального треста» Динкельбах, представитель концернов Тиссена и Хёша Рёлен, руководитель концерна Маннесмана и член наблюдательного совета Немецкого банка Цанген, руководитель концерна Ханиэля Рейш, кёльнский банкир Пффердменгес, банкир и военный промышленник Абс, «король цветных металлов» Мертон, руководитель концерна «АЭГ» Шпеннрат, банкир Эрнст (два последних подвизались в Западном Берлине) и другие.

Названные лица, большинство которых были «фюрерами» гитлеровской военной экономики и после войны значились в списках военных преступников, теперь непосредственно управляли боннским государством, занимая высокие посты. Так, например, Хенле был одним из руководителей фракции ХДС, председателем правительственного комитета по вопросам стали и членом комитета по «плану Шумана». Абс возглавлял западногерманский «кредитный банк восстановления» и был боннским представителем на Лондонском совещании по германским долгам. Пффердменгес был депутатом бундестага и, как личный друг Аденауэра, оказывал решающее влияние на государственные дела. Печать сообщала, что тогдашний боннский кабинет был составлен Пффердменгесом. В него входило одиннадцать крупных капиталистов, банкиров или членов наблюдательных советов концернов. Пять министров в прошлом были нацистами или активно сотрудничали с нацистами. Три министра занимали высокие чиновничьи посты в нацистском аппарате.

В бундестаге тогда сидело 9 крупных промышленников и банкиров, 42 владельца или управляющих

фирм, 34 торговца, 51 крупный землевладелец, 3 бывших гитлеровских генерала. Все решения парламента исходили от двух-трех десятков лиц. А остальные депутаты (всего в бундестаге было тогда 487 депутатов)? Об их незавидной роли мне поведал в минуту откровения видный в то время парламентарий, руководитель одной из мелких фракций правительственной коалиции, с которым я часто встречался.

Он говорил:

— В бундестаге не более пятидесяти депутатов действительно занимаются политикой. Остальные голосуют, не вникая в суть вопросов. Да им и некогда вникать. У каждого масса бумаг по своему избирательному округу и по различным мелким внутренним вопросам. Большая политика — дело избранных. Главное для депутата — проголосовать так, как желает руководство его фракции. А думать ему не обязательно. За него думают другие.

Со временем короли угля и стали постепенно передали управление государственной машиной профессиональным политикам, профессорам и адвокатам, а сами вернулись к своим делам в фирмах.

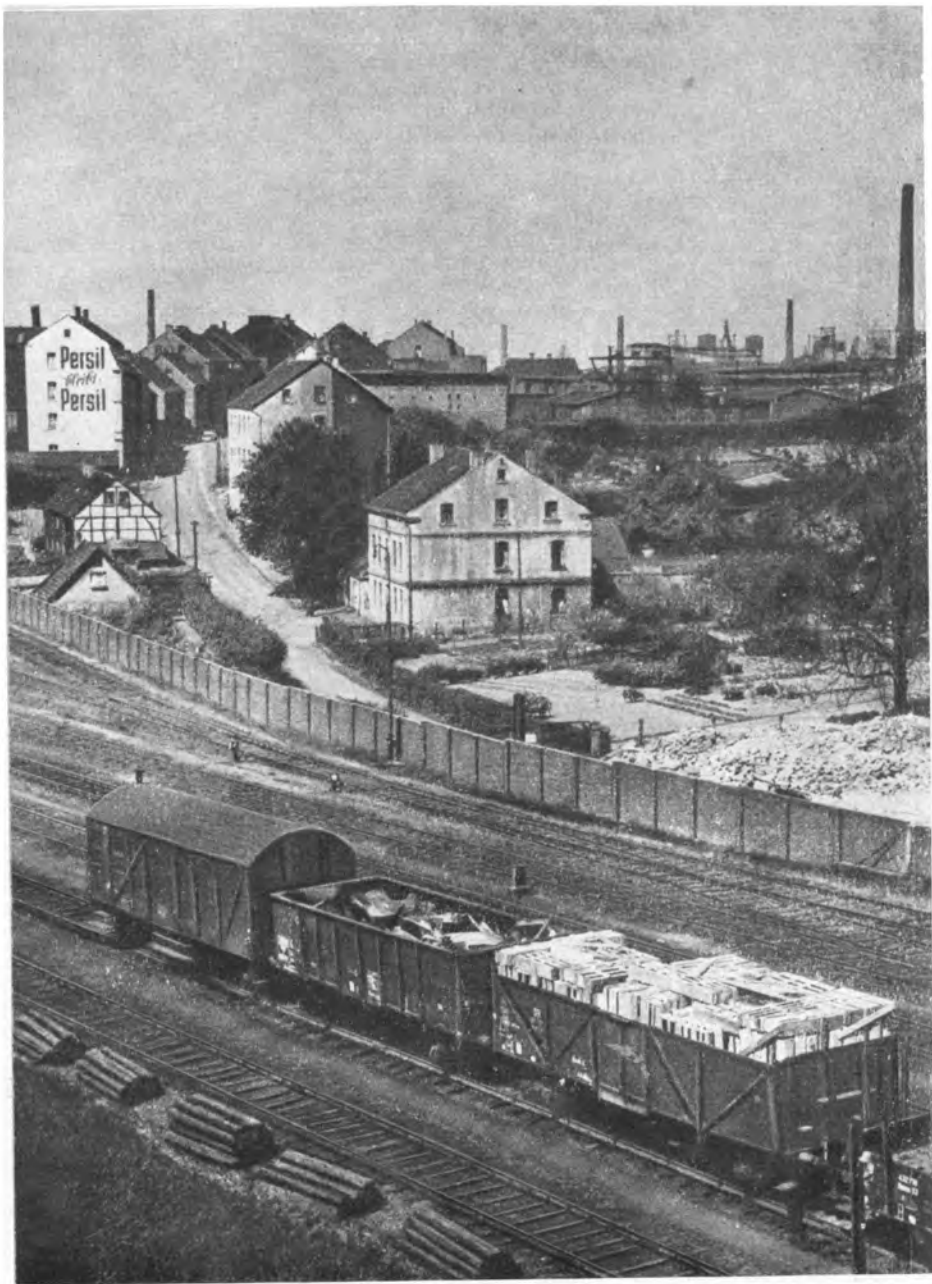
В то время мне довелось побывать во многих рурских городах: в Гамбурге, Ганновере, Франкфурте-на-Майне, Штутгарте. Я видел, как стирались следы войны, как быстро отстраивались города, как стремительно шло в гору промышленное производство, как внутренний рынок забрасывался добротными, красивыми товарами. В 1955 году промышленность ФРГ произвела продукции в два раза больше, чем в 1936 году. Это было время триумфа высокой конъюнктуры, время расцвета легенды о западногерманском «экономическом чуде».

ЛИЦО «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА»

В Дюссельдорф я в первый раз приехал поздним вечером. Чванливостью пахло на меня от гигантских витрин Граф-Адольфштрассе и Шадовштрассе, залитых

Рур. Перед спуском в шахту.

Рур. Вблизи Дортмунда.

Похороны горняка.

резким неоновым светом. Здесь можно было увидеть все, что давала возродившаяся машиностроительная промышленность, электротехника, химия Западной Германии, — от последней марки «опеля» до пластмассовой мыльницы. И каждая витрина как будто кричала: «Смотрите, у нас опять все лучше, чем у других».

Дюссельдорф издавна был конторой Рурской области. Здесь сосредоточены крупнейшие банки, торговые фирмы, страховые общества. И разумеется, управления рурских угольных и стальных концернов. В дюссельдорфских клубах испокон веков совершались международные экономические и политические сделки, определялась внутренняя политика.

В Дюссельдорфе есть свой Уолл-стрит — Брейте штрассе, улица банков и концернов. На ней бросается в глаза старое, из красного кирпича, грузное здание управления «Стального треста». Теперь неподалеку в небо взмыл изящный белый небоскреб тиссеновской стальной империи. Он стал символом и Брейте штрассе, и всего города. А в те годы маяком Брейте штрассе еще был дом Вильгельм-Маркс-хаус, с которого начинается улица. В этом мрачном доме после войны возобновила свою деятельность рейнско-вестфальская биржа.

В зале биржи я получил наглядное представление о том, в чьих руках в середине пятидесятых годов находилась Федеративная Республика Германии. В биржевой игре участвовали те же германские монополии, с именами которых связана вся история германского империализма. На восемь крупнейших концернов — «Стальной трест», концерны Маннесмана, Клёкнера, Круппа, Хёша, Ханиэля, Флика и Вольфа — тогда падало 72 процента всех производственных мощностей металлургической промышленности Западной Германии. Пятнадцать монополистических групп сосредоточили в своих руках 82 процента угольной добычи. Концерны «АЭГ» и Сименса владели 75 процентами основного капитала электротехнической промышленности.

Банковский капитал был представлен старыми немецкими банками, среди которых первые места зани-

225

мали Рейнско-Вестфальский банк (бывший Немецкий банк), Рейнско-Рурский банк (Дрезденский банк) и Банковское объединение Западной Германии (бывший Коммерческий банк). В октябре 1953 года общий капитал этих банков был на 59 процентов выше довоенного. В это время в главном зале биржи появилась новая табличка — «Банк Шахта и К^о». Гитлеровский финансист открыто вышел на арену.

Большинство старых военнопромышленных и финансовых магнатов Рура выступали на бирже под своими именами, а некоторые в результате так называемого разукрупнения концернов, проведенного по решению держав-победительниц, скрылись за новыми вывесками. В Дюссельдорфе мне попала книжка «Наследники рурских концернов», написанная тремя страстными почитателями «германского предпринимательского гения». Эта книга, против воли ее авторов, не оставляла камня на камне от чудовищного блефа декартелизации.

Вот один из многих примеров. По решению оккупационных властей «разукрупнению» подвергся «Стальной трест» — самое крупное угольно-стальное объединение гитлеровской Германии. Его предприятия вместе с некоторыми предприятиями других старых концернов образовали двенадцать самостоятельных акционерных обществ. Внешне это было похоже на декартелизацию, а на деле вся операция представляла собой чистейший обман.

Во-первых, каждое новое акционерное общество стало само по себе крупнейшей монополией. Например, акционерное общество «Дортмунд Хёрдер хюттен-унион», один из двенадцати наследников «Стального треста», уже в 1951/52 хозяйственном году выплавilo 2 203 000 тонн стали и 1 509 384 тонны чугуна. На предприятиях общества тогда было занято более 20 тысяч рабочих.

Во-вторых, и это особенно подчеркивалось в книге, реорганизация «Стального треста» была проведена так, как того хотели и даже частично осуществили сами его хозяева еще задолго до войны из соображений рентабельности и административных удобств.

В 1933 году «Стальной трест» был разбит на двадцать две «самостоятельные в правовом отношении» группы. Эта разбивка по существу и была положена в основу послевоенной «декартелизации». На деле произошел даже обратный процесс: не разукрупнение, а укрупнение. Вместо двадцати двух появилось двенадцать «самостоятельных обществ» «Стального треста». В ряде случаев в точности сохранилось даже название. Так, например, как и прежде продолжало существовать горнорудное акционерное общество «Гельзенкирхенер Бергверке-АГ». «Радует то, — говорилось в книге, — что в результате затяжных и сложных переговоров большая часть производственных единиц, входивших раньше в «Гельзенкирхенер Бергверке-АГ», при некоторой перегруппировке шахт полностью или частично осталась объединенной воедино. Оно остается самым крупным горнорудным обществом Федеративной республики». В книге приводились следующие цифры: на 1 августа 1954 года на предприятиях общества было занято почти 73 тысячи рабочих, компания давала 14,7 процента угля, 15,9 процента кокса и 10 процентов брикетов от производства всей Рурской области.

Владельцы акций «Стального треста» остались прежними. Львиная доля акций по-прежнему принадлежала членам семьи Тиссена — вдове умершего Фрица Тиссена, поставившего Гитлера у власти, о чем он откровенно рассказал в своей книге «Я платил Гитлеру», а также его дочери и другим родственникам. «Стальной трест» официально уже не имел общего центра управления, но директора его «самостоятельных обществ» сидели в старых зданиях на Брейтештрассе. Их имена известны всему миру еще с тех времен, когда они были «фюрерами» гитлеровского военного хозяйства. Это Динкельбах, Роланд, Шведе, Золь и другие.

Итак, те же владельцы акций, те же управляющие и директора, те же заводы и шахты. Так выглядела «декартелизация» «Стального треста». А ведь большинство западногерманских фирм, таких, как концерны Клёкнера, Маннесмана, Хёша, Ханиэля, вообще почти остались нетронутыми.

В первое время моего пребывания в Западной Германии меня особенно интересовала фирма Круппа, которая на протяжении почти столетия носила нелестное имя «кузницы оружия» германского империализма. Мне без труда удалось побывать на заводах фирмы, познакомиться с некоторыми ее директорами, а с тогдашним руководителем службы печати и рекламы фирмы, ныне покойным г-ном Дривером у меня со временем установился постоянный контакт.

Но сначала расскажу, что такое фирма Круппа.

В город Эссен вы въезжаете по Круппштрассе. Почти на каждом перекрестке вы видите стрелы, показывающие дорогу к «Хюгель» — фамильному дому Круппов. На вывесках многих магазинов буква «К», означающая, что магазин принадлежит Круппу.

Судьбу большого города, насчитывающего ныне 800 тысяч жителей, в сущности держит в своих руках одна семья. Большая часть городской земли является собственностью Круппа. Каждый дом, построенный на этой территории, приносит Круппу доход в виде арендной платы за земельный участок. Но Круппы никогда не довольствовались малым. Они сами застраивали свою территорию, дабы и квартирная плата жильцов текла в их карманы. Так в городе возникли целые районы и поселки, где все принадлежит Круппу: дома, магазины, коммунальные учреждения. Есть поселок, в котором все улицы названы именами членов семьи Круппа.

Угольная пыль постоянно окутывает город. За несколько месяцев стены новых домов покрываются густым слоем грязи, и их не отличишь от старых. Эссен — крупнейший центр угледобычи в Рурской области. Шахты расположены прямо в городе. Повсюду видны горы породы, вынудой из земли. Город медленно оседает. Пришлось изобрести специальные фундаменты, благодаря которым дома при оседании грунта могут накрениться, но не разрушаются.

На этих угольных богатствах Круппы и построили свою империю. Со временем она расширилась не только за пределы Эссена, но и за пределы Германии.

228 К концу второй мировой войны Крупп владел 110 пред-

приятиями в Германии и 41 предприятием за границей. Кроме того, Крупп был пайщиком в 127 немецких и 25 иностранных фирмах.

Появление на политической арене Гитлера тогдашний глава фирмы Густав Крупп фон Болен унд Гальбах приветствовал как благодать, ниспосланную богом. Как писал придворный биограф Круппа, «в сотрудничестве с фюрером Крупп фон Болен нашел воплощение идеалов, которые сохраняли ему веру в будущее во времена национального упадка и экономического паралича» (имеется в виду период Веймарской республики). В 1932 году на собрании трехсот промышленников в Дюссельдорфе Крупп подал свой голос за передачу Гитлеру власти. Перед выборами в рейхстаг в 1933 году он перевел на счет гитлеровской партии три миллиона марок, а в дальнейшем отчислял в кассу этой партии определенную долю с выручки за каждую тонну добытого угля и за каждую тонну выплавленной стали.

Гитлер не остался в долгу перед Круппами. Оба Круппа — отец, Густав, умерший в 1950 году, и его сын, нынешний глава фирмы Альфрид, — были назначены «фюрерами» имперского военного хозяйства. Концерн развернул производство вооружения на полную мощность. В годы войны и оккупации Круппы сумели прибрать к рукам многочисленные предприятия на территории Франции, Советского Союза, Голландии, Греции. Даровой труд 70 тысяч невольников, вывезенных из оккупированных стран, и 25 тысяч военнопленных принес Круппу колоссальные прибыли. К концу войны владения Круппов оценивались более чем в два миллиарда марок.

В 1946 году издававшаяся английскими властями в Германии газета «Ди вельт» писала: «Одно сегодня ясно: концерн Круппа больше не будет существовать». Так думали многие. Сама мысль о том, что рурский пушечный король Крупп может и на этот раз уйти от ответа, казалась кошунственной.

Альфрид Крупп был посажен оккупантами в тюрьму, а его отец по старости лет до самой смерти оставался на свободе. Суд признал Альфрида Круппа

виновным в преступлениях гитлеровцев и приговорил его к пятнадцати годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Однако верховный комиссар США Макклой заявил, что «конфискация имущества противоречит американскому понятию справедливости», и отменил эту часть приговора. В феврале 1951 года, сразу же после визита в Западную Германию главнокомандующего североатлантической армией Эйзенхауэра, Альфрид Крупп и его одиннадцать директоров были выпущены на свободу. Круппу возвратили всю его собственность.

К 1955 году концерн Круппа снова прочно стоял на ногах.

В проспекте фирмы рекламировалась продукция двадцати двух металлообрабатывающих предприятий концерна. Здесь были и паровозы, и тяжелое литье, и целые комплекты стальных мостов, и подъемные краны, и оборудование для добычи нефти, и тяжелые грузовики, и тончайшие инструменты из особокачественной стали.

Главным богатством Круппа оставались сталеплавильные заводы и угольные шахты. Официально Круппу было еще «запрещено» плавить сталь и добывать уголь. На базе его сталеплавильных заводов и каменноугольных шахт были созданы «самостоятельные акционерные общества». Но акции этих обществ принадлежали Круппу. Управляли ими люди Круппа. Доходы шли на банковские счета Круппа.

Правда, на Круппа было наложено обязательство в течение пяти лет распродать акции «самостоятельных обществ» (на чем он выручил бы 350 миллионов марок). Но прошло первое пятилетие, затем второе, а с распродажей акций дело так и не продвинулось.

Еще в 1952 году американский журнал «Уолл-стрит мэгэзин» писал по поводу «разукрупнения» концерна Круппа:

«Если не найдется покупателей, которые смогут предложить настоящую, разумную цену, то срок продажи акций может быть продлен. Для продления срока границы не предусмотрены. Поэтому имеется полная возможность того, что, несмотря на самые лучшие

планы специалистов по декартелизации, Альфريد Крупп сохранит свои угольные и металлургические владения».

Так оно и произошло.

С годами, несмотря на предписания оккупационных властей, фирма скупала новые предприятия, расширяла и модернизировала старые. Пользуясь тем, что «запрещение» производить сталь и добывать уголь распространялось только на Германию, Крупп развернул строительство сталеплавильных заводов в Индии, Пакистане, Египте, Бразилии.

В те годы Крупп тратил деньги не только на расширение «дела». Надо было вытравить из памяти людей дурную славу о доме Круппов. В вышедших тогда книгах возрождалась старая легенда о «предпринимательском гении» Круппов. Не обошлось и без попыток пустить в ход версию, будто Гитлер насильно заставил Круппа производить оружие.

Альфريد Крупп не пожалел своей фамильной виллы «Хюгель» для рекламных целей фирмы, а сам переселился в новый дом, построенный неподалеку. Он превратил «Хюгель» в роскошный музей. В нем периодически устраиваются выставки, часто и международные. Но главное назначение музея — популяризация фамилии Круппов.

В залах выставлены портреты Круппов всех поколений. Само собой, между ними портреты императора Вильгельма, Гинденбурга и других повелителей старой Германии, которые души не чаяли в Круппах. Демонстрируются спальни Круппов, гардеробные, библиотека. За 1953 год музей Круппов посетило 430 тысяч человек.

Судьба фирмы Круппа характерна для послевоенной капиталистической Германии. И все же концерн занял своеобразное место в западногерманской экономической жизни. Альфريد Крупп, возвратясь к руководству фирмой, заявил, что его фирма больше не будет производить оружие. Свое слово он держит, хотя многие западногерманские концерны давно возобновили военное производство.

Далее, фирма Круппа выступила пионером возобновления экономических связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. На высококачественном оборудовании некоторых наших заводов стоит клеймо крупповской фирмы. Плоды нашего сотрудничества с этой и другими западногерманскими фирмами могли быть значительно богаче, если бы тому не мешал Бонн.

Говорят, «особая позиция» фирмы Круппа объясняется тем, что западные державы слишком долго держали ее в «черном теле» и в известной мере оттолкнули от себя. Есть мнение, что Крупп олицетворяет попытку определенной части западногерманских монополистических кругов сделать реальные выводы из прошлого и настоящего Германии. Будущее покажет, кто прав. Во всяком случае пример фирмы Круппа говорит о том, что западногерманское хозяйство может обходиться без военного производства, хотя милитаристские круги и утверждают обратное.

За последнее десятилетие в структуре западногерманского хозяйства, в расстановке сил и средств многое менялось. Шел процесс гигантской концентрации капитала. Вершителями судеб Западной Германии стали 200 крупнейших монополистов, в руках которых сосредоточилось 85 процентов акционерного капитала ФРГ. Еще больше разбогател Флик, догнав, если не перегнав, Круппа. Сказочно умножились капиталы Амалии Тиссен, вдовы Фрица Тиссена, и дочери Тиссена графини Аниты де Цихи-Тиссен, предприятия которых ныне дают одну четвертую часть всей стали ФРГ. В категорию миллиардеров вошли Гельмут Хортен, сестры Бош, братья Квандты, семейства Рёхлингов, фон Штуммов и Ханизлей. В западногерманском деловом мире появилось много новых имен. Например, Макс Грундиг в 1945 году был еще никому не известным коммерсантом, а теперь он владелец гигантского радиотехнического концерна, продукция которого известна во всем мире. Более миллиона тупоносых, неказистых на вид, но неприхотливых и шустрых автомобильчиков выбрасывает в год на внутренний и мировой рынок фирма «Фольксваген», осно-

ванная еще гитлеровцами, но развернувшаяся по-настоящему только после войны. По данным социал-демократической партии Германии, к 1961 году в Западной Германии число миллионеров возросло до 10 тысяч, а известный западногерманский экономист Курт Прицколейт считает, что миллионеров тогда насчитывалось гораздо больше — от 14 до 18 тысяч. О старых и новых хозяевах Западной Германии написано много книг, часть их вышла и у нас*.

Все это, вместе взятое, пропаганда ФРГ и назвала «экономическим чудом». На протяжении десятилетия боннские идеологи внушали своему народу мысль об исключительных способностях воротил западногерманских монополий (за таких, мол, надо держаться!). На мировой арене «экономическое чудо» преподносилось как доказательство прочности капиталистической системы, как свидетельство «устарелости» марксизма.

На самом деле ничего загадочного в механике западногерманской системы «рыночного хозяйства» не было. Послевоенный промышленный бум в Западной Германии не опроверг, а подтвердил открытые марксизмом-ленинизмом законы экономического развития капиталистического общества.

СЕКРЕТ «ЧУДА»

Секрет западногерманского «экономического чуда» — это секрет источника денег. За восемь первых лет после сепаратной денежной реформы, проведенной в 1948 году, в хозяйство Западной Германии было вложено 240 миллиардов марок. Откуда они взялись?

На Западе часто слышишь, будто решающую роль при этом сыграла американская помощь по «плану

* Наиболее обширный и интересный материал о развитии западногерманских монополий в период 1950—1960 годов содержится в книге Курта Прицколейта «На золотой волне», которую выпустило в русском переводе Издательство иностранной литературы в 1963 году.

Маршалла». Безусловно, доллары, вложенные в хозяйство ФРГ, сделали свое дело.

Но нельзя забывать, что эта «помощь» отнюдь не была актом благотворительности по отношению к немецкому народу. По «плану Маршалла» и по другим каналам Западная Германия получила американской «помощи» в общей сложности 11 миллиардов марок, а на содержание американских и прочих иностранных оккупационных войск ФРГ до 1956 года выплатила 67 миллиардов марок. Еще более существенным является тот факт, что в общих суммах средств, вложенных в экономику Западной Германии, американская помощь выглядит каплей в море. В 1949 году, например, средства по «плану Маршалла» составили немногим более 1 миллиарда марок, а в хозяйство Западной Германии за этот год было вложено 15,7 миллиарда марок. В последующие годы размер американской «помощи» уменьшался, а капиталовложения в Западную Германию росли. В 1950 году они составили 19,3 миллиарда марок, в 1951 — 28,1, в 1952 — 29,6, в 1953 — 32, в 1954 году — 35,4 миллиарда марок. В 1956 году в хозяйство Западной Германии было вложено 47 миллиардов марок.

Экономистами подсчитано, что за счет иностранных кредитов и капиталов был покрыт всего лишь один процент капиталовложений Западной Германии за период с 1949 по 1956 год.

Итак, решающую роль сыграла не американская помощь.

А что же?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо взять за исходную точку следующий факт. Хотя война нанесла глубокие раны хозяйству Западной Германии, ее производственный аппарат в целом сохранился. Ввиду колоссальных потерь, понесенных всеми европейскими странами, промышленный потенциал Западной Германии, пополненный за счет грабежа в оккупированных странах, после войны оказался отнюдь не слабее потенциала других государств. В распоряжении западногерманских монополий оставалась самая крупная в Западной Европе промышленная область — Рур.

В ходе военных операций основные ее производственные мощности пострадали незначительно. Так, добыча угля в результате бомбардировок уменьшилась всего лишь на 2 процента, а выплавка стали — на 5 процентов. Многие предприятия нуждались лишь в небольшом ремонте. Надо также учесть, что в годы войны гитлеровцы перебазировали в западные районы страны огромное количество предприятий из Восточной Германии и из оккупированных стран. Так что промышленный потенциал Западной Германии к концу войны был выше, чем перед войной.

Это значило, что для запуска промышленного производства на полный ход после войны требовалось лишь одно — рабочие руки. Они-то и оказались в Западной Германии в избытке. На поиски работы двинулись миллионы женщин, юношей и девушек, потерявших мужей и отцов. Но главный резервуар рабочей силы составили те 10 миллионов немцев, которые были переселены в Западную Германию с чешских и польских земель. И те и другие были готовы работать за ничтожную заработную плату, чем и воспользовались предприниматели. Началась чудовищная, самая беспощадная в истории капиталистической Германии эксплуатация трудящихся. В первые послевоенные годы реальная заработная плата западногерманских рабочих была вдвое ниже довоенной и военного периода. Даже после того, как была проведена денежная реформа (1948 год), реальная заработная плата рабочих в Западной Германии все еще была на 35 процентов ниже довоенной.

А ведь при восстановлении предприятий были использованы самые новейшие достижения мировой техники, вступавшей в век автоматизации. Производительность труда не поднялась, а подскочила в невиданных размерах. Это значит, что, как только цех или завод вступал в строй, он при мизерных отчислениях на зарплату рабочим становился для владельца золотым дном, источником таких прибылей, каких германская буржуазия никогда не знала.

Научно-исследовательский институт западногерманских профсоюзов подсчитал, что прибыли монополий

возросли в 1957 году по сравнению с довоенным периодом более чем в семь раз!

Прибыли тут же превращались в инвестиционный капитал. Рядом со старым цехом, из которого они были извлечены, строился новый, еще более совершенный в техническом отношении, дававший еще больше прибылей. Так развивалась цепная реакция чудовищного обогащения монополий.

Но за счет прибавочной стоимости, непосредственно присваиваемой капиталистами, как потом было подсчитано, покрывалось лишь 42 процента капиталовложений в западногерманское хозяйство. Были и другие источники средств, среди которых самый крупный — государственный бюджет. Тридцать шесть процентов денег, затраченных на постройку новых и модернизацию старых предприятий, западногерманские монополии получили из государственной казны.

Концерн Круппа, например, в 1951 году (когда владелец концерна и его директора сидели еще в тюрьме как военные преступники!) получил из государственной казны 11 миллионов марок. На восстановление одного крупновского завода западногерманский Банк реконструкции предоставил 25 миллионов марок, а боннское правительство и правительство земли Северный Рейн-Вестфалия — еще по 10 миллионов марок.

Другие крупные фирмы еще глубже залезли в государственный карман.

Но щедроты Бонна этим не исчерпывались. Под предлогом поощрения «инвестиционной деятельности» предпринимателей боннские министры и депутаты провели через бундестаг ряд законов, которые позволили монополиям укрывать от налогов свои баснословные прибыли путем зачисления их в амортизационные и резервные фонды и превращать их в чистом виде в денежный капитал, который, будучи вложенным в высоко rentабельные предприятия, вскоре удваивался и утраивался.

В результате таких махинаций налоговое бремя перелagалось на плечи трудового народа. На протяжении всего периода «экономического чуда» в Западной

Германии было проведено восемь налоговых реформ, каждая из которых наложила на предпринимателей снижала, а на трудящихся повышала. По статистике, за восемь лет, с 1952 по 1960 год, налоговые ставки для капиталистов уменьшились вдвое.

Итак, монополии обирали рабочего дважды: сначала непосредственно при начислении зарплаты, а затем через государственную казну. К этому надо еще прибавить систему социального страхования и установления цен на товары широкого потребления и продукты питания. И то и другое было и остается инструментом дополнительной перекачки средств из кармана рабочего в сейфы монополий.

Этот способ восстановления и быстрого развития послевоенной экономики Западной Германии был назван «самофинансированием». На самом деле, если называть вещи своими именами, это был самый откровенный грабеж.

В быстром развитии хозяйства ФРГ сыграли роль и другие факторы. При проведении денежной реформы буржуазии удалось спасти свои капиталы путем заблаговременного превращения их в товарную массу, а трудящиеся потеряли свои сбережения, что усилило их зависимость от рабочего места. Монополии ФРГ хорошо заработали на корейской войне, когда цены на мировых рынках на промышленную продукцию резко повысились. Созданные таким способом большие валютные запасы стали прочным трамплином для экономической экспансии, обеспечившей монополиям рынки сбыта, а следовательно, и новые источники капитала. Далее, до 1957—1958 годов экономика ФРГ не была обременена военными расходами. Военные расходы, включая средства на содержание оккупационных войск, по удельному весу в национальном продукте ФРГ были до этих лет в два с лишним раза ниже, чем в Англии или Франции.

Таковы «секреты» западногерманского «экономического чуда». Из них главным является доведенный до совершенства механизм извлечения капитала путем эксплуатации рабочих в условиях небывалого технического процесса.

Однако капиталисты не могли бесконечно держать рабочих на положении полурабов. Когда экономика была восстановлена и возможности обмана народа уменьшились, монополиям пришлось начать раскошеливаться. В условиях послевоенной Западной Германии их к этому принуждали, во-первых, необходимость считаться с наличием Германской Демократической Республики, где была уничтожена эксплуатация трудящихся, во-вторых, стремление экономическими средствами парализовать народное движение против ремилитаризации, в-третьих, возраставшая решимость рабочих отстаивать свои экономические права. При стремительном росте производительности труда на базе модернизации производства монополиям было нетрудно находить средства на некоторое повышение зарплаты рабочим и служащим; ведь эти средства составляли небольшую долю прибылей.

Вынужденные идти на повышение заработной платы, предприниматели тут же спешили восполнить свои потери путем взвинчивания цен на товары. За период с 1950 по 1956 год покупательная способность марки упала почти на 20 процентов.

Западная Германия в те годы далеко отставала по жизненному уровню населения от Швеции, Швейцарии, Бельгии, Англии и Франции. По потреблению продуктов на душу населения ФРГ к тому времени еще не достигла довоенного уровня. Мяса в Западной Германии потреблялось на 10 процентов меньше, чем в 1935—1938 годах, масла — на 15 процентов, мучных изделий — на 16 процентов. Как и в гитлеровской Германии, народ питался неполноценными, малокалорийными продуктами. Это происходило в стране, вышедшей на второе место в капиталистическом мире по производству чугуна и стали и производившей в год миллион автомобилей!

В одну из поездок по Рурской области я побывал в доме у забойщика Манфреда Лемке, беседовал с ним и его женой Мартой. Вот как выглядела тогда картина бюджета одной рурской рабочей семьи.

Манфред Лемке за месяц отработал 25 смен. Ему **238** было начислено 582 марки. После вычетов налогов и

страховых взносов на руки он получил 488 марок и 2 пфеннига. Лемке заплатил 50 марок за квартиру (он пользовался удешевленной квартирой в доме, построенном за счет социальных средств), 18 марок за электричество и воду, 35 марок за топливо; 30 марок он оставил себе на сигареты и пиво. Остаток — 355 марок — он отдал жене Марте на хозяйство.

Марта Лемке высчитывала:

— Если на питание тратить в день только по 8 марок, то останется в месяц 100 марок на другие расходы. Но в 8 марок я не могу уложиться. Манфред говорит, что я неэкономная хозяйка. Может быть, и так. Но, сами посудите, много ли продуктов можно купить на 8 марок, когда все дорожает? За фунт моркови приходится платить полмарки!

По подсчетам Марты Лемке выходило, что приобретать одежду или предметы домашнего обихода семье шахтера может только при строгой экономии на питании. Мясные обеды у них бывали один или два раза в неделю, сливочное масло — большая редкость в доме. За четыре года совместной жизни супруги Лемке ни разу не провели отпуск за пределами города.

Между тем Лемке принадлежал к числу высокооплачиваемых рабочих. К тому же у них не было детей. Средний заработок рабочих Рурской области тогда составлял 420 марок в месяц. В других районах Федеративной республики заработки были значительно ниже. По официальной статистике, средний месячный заработок лиц, работавших по найму, по всей Западной Германии составлял около 374 марок, а после вычета налогов — 315 марок. Правление западногерманских профсоюзов указывало, что половина трудящихся ФРГ зарабатывает в месяц не более 300 марок.

После беседы с супругами Лемке мы посетили еще несколько квартир в горняцком поселке близ Реклингхаузена. Всюду мы слышали жалобы на то, что экономить приходится на всем. Наш вопрос о том, правильно ли пишут газеты, будто многие рабочие имеют собственные мотоциклы и даже автомобили, всегда вызывал у собеседников улыбку.

Так Манфред Лемке и миллионы ему подобных несли на своем горбе тяготы восстановления и стремительного развития западногерманского хозяйства, а лаврами творцов «экономического чуда» увешивали профессоров и политиков.

Монополии выжимали средства, где только было возможно.

Путешествуя в те годы по Рурской области, я всегда испытывал острое чувство недоумения. Бескрайняя панорама заводских труб, подвесных дорог, электросиловых линий. А рядом убожество жилых домов, особенно довоенной постройки. Беспорядочно сваленный лом и мусор, отсутствие заботы о чистоте улиц. Жители Рурской области дышали воздухом, отравленным угольной пылью и газом. Строгого законодательства против отравления атмосферы не существовало и концерны поступали так, как им вздумается.

В страшном запустении были дороги Рурской области. По заявлению правительства земли Северный Рейн-Вестфалия, 60 процентов шоссежных дорог земли нуждались в полном обновлении.

На многие недоуменные вопросы дала мне ответ поездка в Дортмунд — один из главных городов Рурской области. Есть там металлургический завод «Вестфаленхютте» — одно из крупнейших предприятий города, на котором тогда было занято 13,5 тысячи рабочих и служащих. Завод принадлежал концерну Хёша. В послевоенные годы он расширился, были построены две новые домны, переоборудованы мартены, появились новые прокатные станы. На все это было затрачено 760 миллионов марок.

В городском управлении мне сообщили, что половина школ, разрушенных в годы войны, еще не восстановлена. Количество больничных коек не достигло довоенного уровня, хотя население города увеличилось на сто тысяч человек. В городе плохо обстояло дело с канализацией.

В беседах с деятелями городского управления Дортмунда выяснилось, что кассы рурских городов в основном пополняются за счет налоговых сборов с на-

селения. Под предлогом поощрения «самофинансирования» предприятий, т. е. ради поддержания экономического бума, угольные и металлургические концерны специальным законом были освобождены от тех налогов, которые обычно поступают в местные бюджеты. Концерны платили лишь налоги в федеральную кассу, да и то с большими льготами. Так рурские города с их сложным коммунальным хозяйством были посажены на голодный паек, в то время как концерны жирели.

Промышленные монополии запустили свою руку и в деревню. Цены на сельскохозяйственные машины и другие товары, без которых деревня не может обходиться, стремительно росли. Западногерманская деревня увязала в долгах, сумма которых к лету 1956 года достигла огромной цифры — 8,2 миллиарда марок. Происходило массовое разорение мелкого крестьянства. Крестьяне и батраки бежали в город.

Я побывал в сельскохозяйственном районе, расположенном недалеко от города Мюнстера (Вестфалия). Представитель местного крестьянского объединения знакомил меня только с зажиточными крестьянами. Но даже от зажиточных крестьян, с которыми мне довелось беседовать (один из них владел 75 гектарами земли), мы слышали только жалобы.

В общине Вольбек я говорил с бургомистром Бройлем. Община тогда насчитывала 50 дворов, большинство из них имели земельный надел в 15—20 гектаров. Это уже довольно крупные хозяйства, считавшиеся экономически «здоровыми». И тем не менее общая сумма расходов крестьян общины значительно превышала сумму доходов.

— В город ушло столько народу, — говорил бургомистр Бройль, — что без машин крестьяне не в состоянии обрабатывать землю. А купить машину — значит залезть в долги и платить высокие проценты. Получается заколдованный круг, из которого никак не вылезешь.

Даже богатые крестьяне Западной Германии чувствовали себя незащищенными перед алчностью промышленных монополий, кредитных банков, государ-

ственных финансовых органов. Что же говорить о крестьянах, земельные наделы которых не превышали 10 гектаров? А ведь они, по официальной статистике, составляли тогда 78,3 процента всех крестьянских дворов Западной Германии.

В феврале 1957 года бундестаг принял программу помощи сельскому хозяйству, так называемый зеленый план, составленный правительством. По этому плану на год сельскому хозяйству отпускалось 1,25 миллиарда марок. Это была капля в море неотложных крестьянских нужд. К тому же львиная доля отпущенных средств предназначалась для кулаков в соответствии с курсом правительства на развитие крупных хозяйств. «Экономическое чудо» продолжало опустошать деревню.

Жертвы «экономического чуда» имелись во всех звеньях общества.

Так, например, по сравнению с довоенным временем число студентов в Западной Германии удвоилось, а профессорско-преподавательский состав был сокращен. В Баварии на каждого преподавателя приходилось 58 студентов, в то время как раньше их было 20. Во всех учебных заведениях не хватало аудиторий, лекционных и читальных залов, книг, наглядных пособий. Из 140 тысяч студентов Западной Германии, среди которых дети рабочих составляли всего 6 процентов, только 8,8 процента получали стипендию. Заболеваемость туберкулезом среди студентов была в три раза выше, чем в других слоях молодежи.

В бедственном положении находились народные школы и гимназии. В полном запустении была научно-исследовательская работа в университетах и других высших учебных заведениях. Театры, музеи почти не восстанавливались. Никто не заботился о духовном и эстетическом развитии масс. По данным опроса, проведенного одним институтом, половина взрослых граждан Западной Германии вообще не читала книг.

Такова оборотная сторона западногерманского «экономического чуда». Как видим, никакого «чуда»

не было. Был простой, далеко не новый для капиталистической системы факт: буржуазия выбралась из военной разрухи, в которую она толкнула народ, на спинах того же народа. При этом она воспользовалась естественным стремлением народа к преодолению послевоенных трудностей, его готовностью к жертвам во имя лучшего будущего. Эксплуатация трудящихся происходила под лжепатриотическим лозунгом «национального возрождения».

Буржуазия пустила в ход новые методы социальной демагогии. В частности, существенную роль сыграла иллюзия «участия рабочих в управлении предприятиями», в распространении которой неоценимую помощь буржуазии оказали руководство социал-демократической партии и профсоюзная бюрократия.

В середине пятидесятых годов трудовой народ Западной Германии начал сознавать, что его нещадно эксплуатируют. В республике стало усиливаться забастовочное движение. Грозным предупреждением монополиям была начавшаяся в конце 1956 года забастовка металлистов сорока предприятий Шлезвиг-Гольштейна, длившаяся почти четыре месяца. Такой продолжительной забастовки Германия не знала с 1909 года. В дни забастовки я побывал в Киле и видел, с какой решимостью рабочие отстаивали свои права.

«Штутгартер цейтунг» тогда писала: «Обе стороны рассматривают теперь трудовой конфликт в Шлезвиг-Гольштейне как решающий прецедент для дальнейших целей борьбы профсоюзов во всей Федеративной республике».

Газета правильно уловила веяние времени. В Шлезвиг-Гольштейне бастовало 35 тысяч рабочих, а шесть лет спустя в социально-трудовой конфликт в земле Баден-Вюртемберг, описанный в первой главе этой книги, было втянуто 400 тысяч человек.

В условиях бурно разворачивающегося забастовочного движения, носившего черты острой классовой борьбы, монополии увидели, что им не удастся держать народ и дальше на голодном пайке. Вторая по-

ловина пятидесятих годов прошла под знаком постепенного повышения уровня заработной платы трудящихся. Рурскому забойщику Манфреду Лемке стали начислять в месяц не 582 марки, а, по-видимому, более 700. Правда, и расходы значительно увеличились: дороговизна росла с каждым годом. И все же Марте Лемке стало легче вести хозяйство, чем в 1956 году.

НА ПАРУСАХ «ПОЛИТИКИ СИЛЫ»

Получив формальный суверенитет, правящие круги Западной Германии постарались воспользоваться им сполна. Они начали осуществлять внешнеполитическую программу, которая была намечена ими еще в годы подготовки договоров о ремилитаризации ФРГ и о создании Европейского оборонительного сообщества, а затем Парижских соглашений.

Усилия боннского политического и дипломатического аппарата после 1955 года направлялись по трем линиям:

1. Укрепление позиций ФРГ в западном мире путем быстрого восстановления вооруженных сил, энергичного проникновения в руководящие органы Североатлантического блока и экономической экспансии в сферы интересов своих союзников, в первую очередь в Латинскую Америку, Азию и Африку.

2. Обострение напряженности в отношениях между ФРГ и СССР, как и во всем мире, открытая враждебность к другим социалистическим странам, ярый антикоммунизм. **245**

3. Подрывная деятельность против Германской Демократической Республики.

После вступления в силу Парижских соглашений правительство Федеративной Республики Германии без промедления приступило к практическим шагам по возрождению армии. Не считаясь с тем, что конституционный статус новых вооруженных сил еще не был определен, правительство Аденауэра внесло в парламент законопроект о наборе «добровольцев». Речь шла о зачислении на службу 6 тысяч генералов и офицеров, а также младшего командного и рядового состава, которые после некоторой переподготовки должны были формировать и обучать части новой армии. В соответствии с этим законом правительство приступило к набору 3 тысяч офицеров (в том числе 275 полковников и 26 генералов), 1500 унтер-офицеров и 1500 рядовых солдат. В законе указывалось, что добровольцы предназначаются для замещения постов в военных штабах Атлантического блока, для укомплектования военных курсов, для приема иностранной «помощи» (имелось в виду вооружение, предоставленное США для оснащения новых германских вооруженных сил), для подготовки военных сооружений и для укомплектования аппарата министерства обороны. Иначе говоря, были сделаны первые шаги по созданию ядра нового офицерского корпуса.

Второй закон, принятый вместе с первым в середине июля 1955 года бундестагом, провозглашал создание так называемого персонального комитета, которому поручалось проверить «персональную пригодность» военнослужащих от полковника и выше для службы в новых вооруженных силах. Этот комитет рекламировался как средство предотвращения реставрации милитаристского духа в новой армии. Однако сам закон не определял, по каким признакам комитет должен устанавливать «пригодность» или «непригодность» того или иного полковника или генерала к службе в армии. «Персональный комитет и его члены не связаны какими-либо инструкциями», — говорилось в законе. По закону состав комитета должен был определяться федеральным президентом по представле-

нию правительства, которое предварительно представляло список членов комитета на утверждение бундестагу. Однако прения в бундестаге по составу «персонального комитета» не допускались.

В соответствии с указанной процедурой бундестаг вслед за принятием закона о «персональном комитете» утвердил состав этого комитета, предложенный правительством. В комитет вошло 38 членов, из них 14 бывших генералов и офицеров гитлеровского вермахта. Прочие члены комитета являлись в большинстве представителями государственного и административного аппарата.

Хотя «персональный комитет» и трудно было назвать демократическим органом, поскольку тон в нем задавали «бывшие», все же вскоре между ним и министром обороны Бланком разыгрался конфликт. Дело в том, что комитет решил не допустить к службе в армии ряд высокопоставленных офицеров, работавших до тех пор рука об руку с Бланком по составлению планов возрождения вермахта. В частности, была отклонена кандидатура одного из ближайших соратников Бланка, полковника Фетта, который в своих действиях руководствовался следующим принципом: «В новой армии муштра должна быть намного строже, чем раньше». Бланк встал на защиту Фетта, потребовав от комитета отмены принятого решения. В ссору пришлось вмешаться самому канцлеру. Комитет не изменил своего решения, однако полковник Фетт продолжал работать в министерстве обороны под покровительством Бланка.

Ободренные таким отношением со стороны высших властей, солдафоны совсем распоясались. В Вильгельмсхафене перед добровольцами, вступившими в военноморской флот, выступил начальник отдела военноморского флота боннского министерства обороны капитан Ценкер. Он восхвалял военных преступников гитлеровских адмиралов Редера и Деница, восхищался их «чистотой», «порядочностью» и «честностью», заявив, что они «ничем не запятнали себя» и занимались только тем, что «выполняли свой долг перед народом». Выступление Ценкера вызвало резкие протесты не

только в демократических слоях, но и среди бывших офицеров, которые извлекли уроки из прошлого. Однако и Ценкер был взят под защиту Бланком.

Как только на улицах Бонна появились первые добровольцы (это произошло в конце 1955 года), общественность Западной Германии забила тревогу. Дело в том, что в казармах совсем не оказалось того «нового, демократического духа», который долгие месяцы обещали народу Бланк и другие члены боннского кабинета. Репортеры и обозреватели, занимавшиеся этой проблемой, пришли к выводу, что порядки, господствующие в казармах новой армии, по существу ничем не отличаются от режима прусских казарм. Газеты сообщили, что уже к концу первого месяца существования новой армии 20 солдат подали рапорт об увольнении, поскольку им претила казарменная жизнь в старом, прусском стиле. И это было неудивительно: ведь среди их командиров, унтер-офицеров и офицеров не было ни одного человека, который не прошел бы школы физической и идейной муштры в гитлеровской армии.

В феврале 1956 года бундестаг принял закон о дополнениях к конституции в связи с созданием вооруженных сил и «закон о солдатах», определяющий обязанности и права военнослужащих новых вооруженных сил. Вокруг этих законопроектов в Западной Германии долгие месяцы кипели страсти. Дело в том, что для принятия закона о дополнениях к конституции требовалось большинство в две трети голосов. Общественные круги, отклонявшие идею ремилитаризации, ожидали, что социал-демократическая партия, которая голосовала в свое время против Парижских соглашений, выступит против предложенных правительством дополнений к конституции и вместе с другими оппозиционно настроенными депутатами из буржуазных партий провалит этот законопроект. Однако все произошло иначе. Социал-демократическая фракция проголосовала за законопроект. Это было начало соскальзывания социал-демократической партии с платформы оппозиции курсу Аденауэра к прямому сотрудничеству с реакционными силами.

Если в области перевооружения правящие круги Западной Германии имели перед собой «зеленую улицу», то в своей «самостоятельной» внешнеполитической деятельности они с первых же шагов столкнулись с трудностями. Дело в том, что, пока на протяжении нескольких лет разрабатывалась система соглашений, оформлявших вступление Западной Германии в Атлантический военный союз, обстановка в мире изменилась. Все больше приходили в движение могучие силы, вызванные проводимым Советским правительством курсом на разрядку международной напряженности, на коллективные поиски решения международных проблем, на осуществление ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Дипломатии ФРГ с самого начала пришлось столкнуться с фактами и событиями на международной арене, которые шли вразрез с ее концепцией.

В середине апреля 1955 года Советское правительство проявило инициативу в деле урегулирования австрийского вопроса. В результате переговоров между правительственными делегациями СССР и Австрии, происходивших в Москве, был намечен путь, который привел к заключению государственного договора с Австрией, к восстановлению суверенитета австрийского государства, провозгласившего нейтралитет.

Это событие вызвало живейший интерес в Западной Германии. Общественность ФРГ увидела в нем реальный плод политики поисков международных решений путем переговоров. Не так отнеслись к этому в официальных боннских кругах.

Газета «Нейе Рейн цейтунг» писала, что в боннском министерстве иностранных дел царит атмосфера «серьезной озабоченности тем, как бы под впечатлением соглашения между Советским Союзом и австрийским правительством не укоренились аналогичные настроения и в Западной Германии».

Аденауэр заявил на собрании избирателей в Миндене, что «заключение соглашения между Советской Россией и Австрией ничего не меняет в общей мировой обстановке». Отвергая возможность решения проблемы **249**

воссоединения Германии путем переговоров, с учетом интересов обоих германских государств, Аденауэр заявил, что воссоединение Германии должно произойти только путем поглощения ГДР Федеративной республикой, путем, как он выразился, «возвращения советской зоны Германии».

Следующим шагом в деятельности боннской дипломатии были попытки подорвать встречу глав правительств четырех великих держав, о созыве которой была достигнута договоренность между СССР, США, Англией и Францией. Как писали газеты, боннские дипломаты по указанию Аденауэра вели в столицах США, Англии и Франции агитацию за то, чтобы на предстоящей встрече разговаривать с Советским Союзом языком ультиматумов, чтобы не обсуждать с Советским Союзом никаких условий воссоединения Германии до тех пор, пока не будут проведены общегерманские выборы на условиях, продиктованных Бонном.

Как известно, Женевская встреча глав правительств внесла известный вклад в разрядку международной напряженности. Для обозначения этих новых веяний в международном обиходе появилось выражение «дух Женевы». Женевское совещание развенчало легенду о всемогуществе «политики силы», на которой строило свои расчеты правительство ФРГ. Обозреватель газеты «Нейе Рейн цейтунг» Иенс Феддерсен, находившийся в Женеве во время совещания глав правительств, писал:

«В Германии теперь начнется страстная дискуссия о дальнейшем пути. Встанут вопросы ...какое политическое значение еще имеет в мировом масштабе федеральное правительство, не наступит ли перемещение сил и не заставят ли нас события изменить отношение к восточногерманскому правительству. Серьезнее, чем до сих пор, нужно будет подумать, какую практическую ценность имеет для нас членство в НАТО в условиях всеобщей разрядки и не должна ли инициатива в деле воссоединения находиться прежде всего в наших руках, а не в руках западных держав».

В те же дни газета «Франкфуртер альгемайне цейтунг», выражающая взгляды определенных кругов за-

падногерманской буржуазии и близко стоящая к официальному Бонну, писала:

«После этих женевских дней мировая политика будет не такой, какой была до сих пор. Многие вещи пришли в движение. Трудно сказать, куда они будут двигаться. Но одно неоспоримо: американо-русский диалог, прерванный десять лет назад, возобновился. Это событие является большим поворотным пунктом, от которого теперь надо будет всегда отталкиваться в политическом мышлении».

Аденауэр не внял советам прессы. В своем политическом мышлении он по-прежнему отталкивался от постулатов «политики силы». Боннское правительство хранило гробовое молчание по поводу результатов Женевской встречи.

Но в западногерманской общественности дискуссия вокруг итогов Женевской встречи, как и предсказывал Иенс Феддерсен, развернулась широко. Она заполнила страницы газет по меньшей мере на полтора года.

К тому же произошло еще одно событие, которое совсем не входило в расчеты Бонна и на долгое время спутало его карты.

Советское правительство предложило правительству Федеративной Республики Германии установить дипломатические, экономические и культурные отношения.

С КАМНЕМ ЗА ПАЗУХОЙ

Когда весть о новой инициативе Советского правительства пришла в Западную Германию, она стала господствующей темой газетных статей, общественных дискуссий, частных разговоров. «Ди вельт» в своем первом комментарии заявила, что советская нота, «возможно, открывает путь, который принесет Германии и Европе единство и мир».

Другая влиятельная буржуазная газета, «Франкфуртер альгемайне дейтунг», в своих комментариях подчеркнула, что добрососедские отношения между советским и немецким народами являются решающим **251**

условием обеспечения мира в Европе. «Нам нужен мир, — писала газета. — Мы можем его сохранить на продолжительное время только в том случае, если у нас будут добрососедские отношения и с могучей русской страной. Уже сама возможность в личной беседе удостовериться в ее намерениях и изложить ей собственные воззрения может постепенно устранить недоверие. А надеяться на мирное воссоединение Германии можно только тогда, когда будет устранено недоверие. Аденауэр ничего не может потерять от разговора с русскими государственными деятелями; напротив, как и они, он может многое выиграть. Он может способствовать укреплению чувства безопасности на Западе и на Востоке и тем самым увеличить шансы на мир».

Правительство Федеративной Республики в своем официальном заявлении приветствовало предложение Советского правительства и выразило надежду, что встреча канцлера Аденауэра с государственными деятелями Советского Союза состоится. Вместе с тем федеральное правительство заявило, что, прежде чем дать окончательный ответ, оно будет консультироваться с правительствами западных держав. Аденауэр в интервью корреспонденту Юнайтед Пресс выразил мнение, что «встреча не может состояться сразу». Все это производило впечатление, что правящие круги в Бонне не собираются торопиться нормализовать отношения с Советским Союзом.

Появились признаки того, что противники нормализации отношений между Советским Союзом и ФРГ собираются оказать серьезное сопротивление. В газете «Рейнишер меркур», являющейся органом рейнских католических кругов, на которые опирается Аденауэр, в те дни появилась серия статей, в которых предпринималась попытка очернить Советский Союз, приписать ему фантастические «тайные» замыслы в отношении Германии и всей Европы. Газета, например, утверждала, что своим предложением о нормализации отношений между СССР и Западной Германией Советское правительство якобы старается натравить друг на друга немцев и французов. Газета усматривала в

советском предложении «доказательства того», будто Советский Союз стремится к сохранению раскола Германии и вынашивает планы «закабаления» всей Германии.

В те дни во время прений в бундестаге по государственному бюджету один из ближайших соратников Аденауэра, депутат Кизингер, рьяно защищал точку зрения, что с Советским Союзом можно разговаривать только «с позиции силы».

Аденауэр вскоре поехал в Соединенные Штаты Америки. В Нью-Йорке он, согласно сообщениям телеграфных агентств, заявил, что поедет в Москву только в том случае, если Советский Союз выполнит некоторые «предварительные условия». Правда, один правительственный чиновник в Бонне заявил на пресс-конференции, что «предварительные условия» — «неподходящее в данном случае выражение». Однако сам Аденауэр так и не опроверг сообщения телеграфных агентств. Все это внушало тревогу западногерманской общественности.

Наконец стало известно, что ведомство иностранных дел ФРГ подготовило и направило через советского посла в Париже ответную ноту Советскому правительству. Нота содержала согласие федерального правительства на установление дипломатических отношений с Советским Союзом и принятие федеральным канцлером Аденауэром приглашения о поездке в Москву, которая по предложению Аденауэра должна была состояться в начале сентября 1955 года.

Потянулись недели лихорадочной подготовки поездки Аденауэра в Москву. Главная тяжесть ее легла на политических сотрудников ведомства канцлера и ведомства иностранных дел. Они в поте лица трудились над тем, чтобы свести до минимума ущерб, которым грозила эта поездка аденауэровской «политике силы». Они придумывали замысловатые ходы, которые дали бы возможность Аденауэру продемонстрировать свое миролюбие и в то же время продолжить свою генеральную линию на обострение международной напряженности, на усиление гонки вооружений.

В моих бумагах хранится карточка салатного цвета, на которой написано, что я, как представитель «Правды», имею право входа в «район расположения» правительственной делегации Федеративной Республики Германии. Следующая фраза, набранная жирным шрифтом, предупреждает, что пропуск «недействителен для района расположения специального поезда».

Салатная карточка воскрешает в моей памяти жаркие в прямом и переносном смысле дни сентября 1955 года в Москве, детали столь необычного визита. Действительно, у делегации ФРГ в Москве было два «района расположения»: железнодорожный тупик, где стоял специальный поезд, доставивший из Бонна в Москву штаб Аденауэра, и гостиница «Советская» на Ленинградском шоссе. Для входа на территорию «расположения» требовался пропуск, выданный боннскими чиновниками. Мы, советские журналисты, как и большинство зарубежных журналистов, съехавшихся в огромном количестве в Москву, имели пропуски только в гостиницу «Советская». Здесь в большом концертном зале проходили официальные пресс-конференции правительственной делегации ФРГ. У западногерманских журналистов имелись особые пропуска для «района расположения» специального поезда. Там каждый вечер Феликс фон Эккардт в кругу своих приближенных подводил итоги дня и разрабатывал пропагандистскую тактику на завтра. Там оттачивались приемы и методы, которыми штаб Эккардта пользовался за полтора года до этого на Берлинском совещании министров иностранных дел, там накапливался опыт политических диверсий, который во всем блеске развернулся четыре года спустя в Женеве.

У журналистов днем, когда шли переговоры, было много свободного времени. В такси, на троллейбусах и метро они разъезжали по городу и, смотря по тому, какую газету или агентство они представляли, заходили кто на строительные площадки Юго-Западного района, а кто на задворки и в мусорные ямы деревянных в то время окраин Москвы. Для почти всех западногерманских журналистов это была первая поездка в СССР. И что бы ни говорил по вечерам Феликс фон

Эккардт, чего бы ни требовала от них «холодная война», журналисты жадно впитывали в себя московские впечатления, заново «открывали Москву» для западногерманского читателя, имевшего о ней самое дикое представление. Уже одним этим фактом сентябрьские дни 1955 года имели переломное значение.

Впрочем, «Москву открывали» не только журналисты, но и политики. Особую любознательность проявил член боннской делегации социал-демократ Карло Шмид, который вечерами любил побродить по улицам и закоулкам Москвы. Однажды ему даже удалось попасть на «русскую свадьбу», и он был потрясен тем, как его, «немца из Бонна», радушно приняли советские люди, как с ним просто и откровенно разговаривали, хотя с окончания войны прошло всего лишь десять лет.

Но об этом еще будет сказано дальше. А сейчас снова к «большой политике».

Она началась 8 сентября в 5 часов вечера по московскому времени на Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами СССР и ФРГ. Конрад Аденауэр, выйдя из самолета вместе с министром иностранных дел фон Брентано, статс-секретарями Хальштейном и Глобке и другими членами своей делегации, в ответ на приветственные слова встречавших советских руководителей сказал:

— Я искренне надеюсь, что первый контакт, который мы устанавливаем нашим пребыванием в Москве, будет началом установления нормальных, хороших отношений между Советским Союзом и Германией. Я твердо убежден, что мирное сотрудничество может принести много пользы народам Советского Союза и германскому народу и что сохранение и укрепление благосостояния и безопасности в Европе и во всем мире в значительной степени зависит от нормализации наших отношений. Нашу работу и наши переговоры здесь, в Москве, мы хотим целиком посвятить делу мира.

Не было недостатка в подобных миролюбивых заверениях и в первом выступлении Аденауэра на официальных переговорах, которые открылись в 11 часов **255**

утра 9 сентября в особняке Министерства иностранных дел СССР на улице Алексея Толстого.

— Прошу Вас поверить, г-н председатель Совета Министров, господа, — с надрывом говорил Аденауэр, — что я приехал с честным намерением вести эти переговоры откровенно.

Актерскими приемами Аденауэр старался придать приличный вид тем изготовленным на Кобленцштрассе булыжникам, которые он привез за пазухой в Москву. С притворной скорбью в глазах, чуть не рыдая, он выложил их на стол переговоров в первый же день. Их было два: вопрос об освобождении немцев, которые тогда еще, как военные преступники, находились в заключении в Советском Союзе, и вопрос о восстановлении единства Германии. Сам Аденауэр тут же заявил, что по второму вопросу он не намерен вести в Москве «двухсторонние переговоры», поскольку предстояла встреча четырех великих держав в Женеве, а хотел бы только показать «всю серьезность этого вопроса». Иначе говоря, вопрос единства Германии был привезен как дежурное пропагандистское блюдо, которому и сам Бонн не придавал большого значения. На столе переговоров остался только один булыжник — задерживаемые в СССР немцы. Его-то Аденауэр и попытался поставить в центр переговоров, заявив, что освобождение военнопленных «и есть сама нормализация» отношений между СССР и ФРГ. А фон Брентано пошел еще дальше, категорически заявив, что без решения этого вопроса он считает нормализацию отношений «весьма затруднительной».

В своих речах Аденауэр и Брентано оправдывали боннскую политику «с позиции силы», говорили о «беззащитности» ФРГ, прозвучно намекая на то, что ей-де угрожает Советский Союз.

Что касается установления дипломатических, экономических и культурных отношений между СССР и ФРГ, то Аденауэр в своем первом выступлении лишь в общей форме подтвердил готовность обсудить этот вопрос. Он не высказал своего отношения к внешнему правительством СССР предложению об установлении дипломатических отношений между обоими

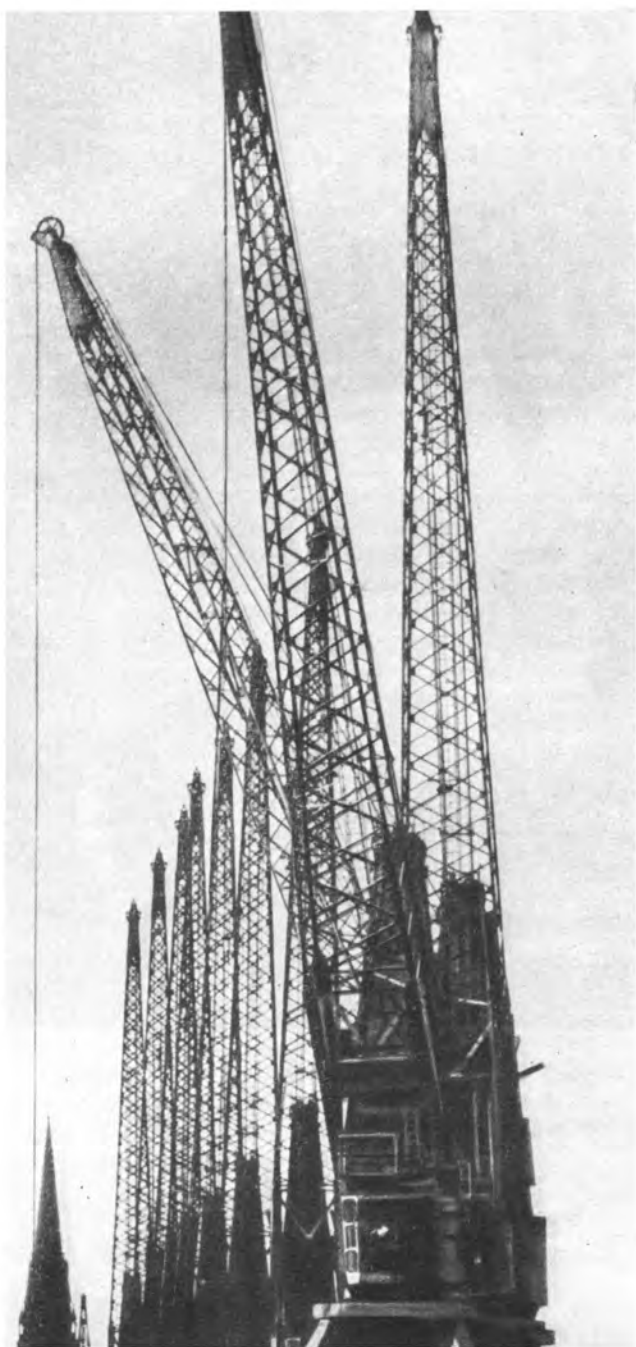

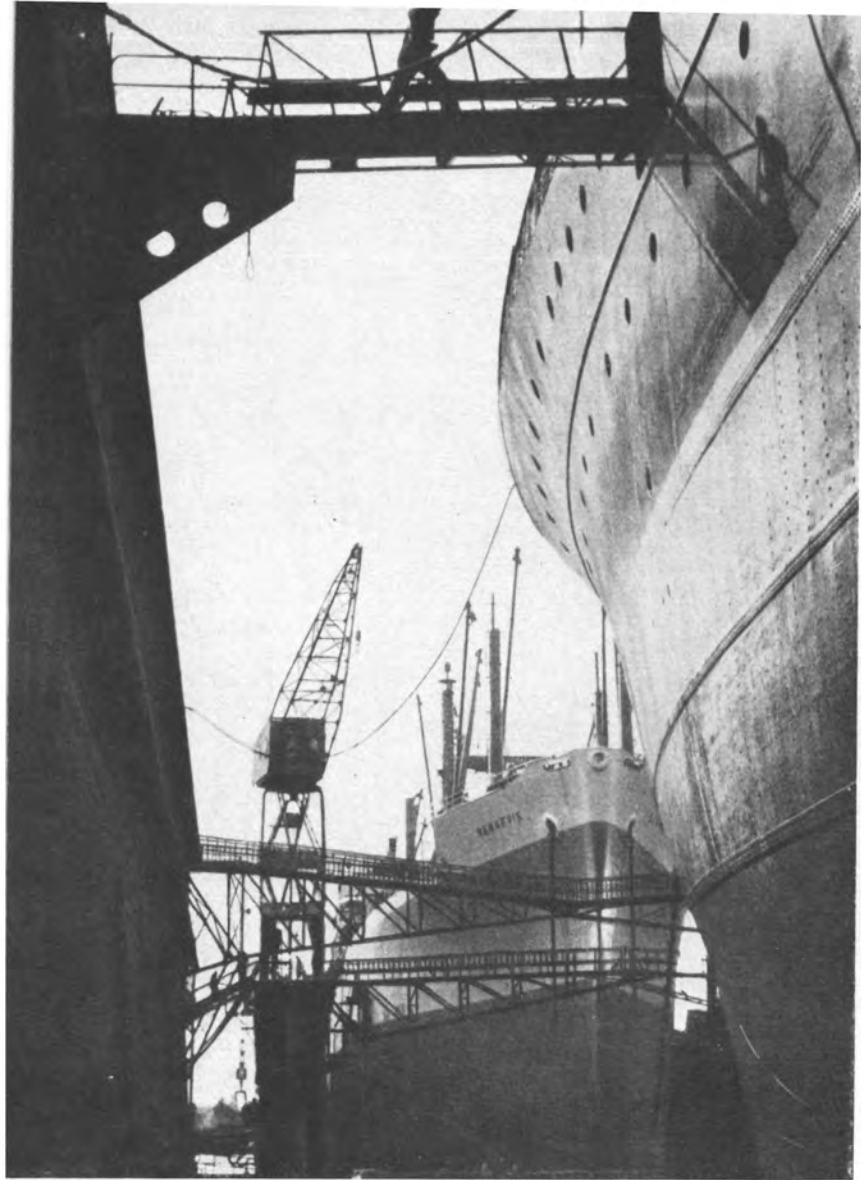
Гамбургский пролетариат идет в авангарде борьбы трудящихся ФРГ за свои демократические и социальные права. Здесь живы боевые традиции Тельмана.

Гамбург, порт. Более 20 тысяч океанских судов становятся ежегодно к его причалам.

Гамбург, порт.

Гамбург, порт.

государствами, об учреждении Советского посольства в Бонне и посольства ФРГ в Москве, а также об обмене послами.

Хотя Аденауэр подчеркнул, что вопрос освобождения немцев он выдвигает не в качестве «предварительного условия», было ясно, что делегация ФРГ с первого дня начала заниматься в Москве мелким шантажом.

Советские руководители на своеобразную боннскую «откровенность» отвечали откровенностью в общечеловеческом понимании этого слова. Они прямо указали на бессмысленность начавшихся переговоров, если кто-то из их участников думает, что с Москвой надо говорить «с позиции силы». Они подчеркнули, что некоторые заявления делегации ФРГ оскорбительны для советских людей. Они разъяснили, что в Советском Союзе давно нет немецких военнопленных, что на 1 сентября 1955 года в СССР имелось лишь 9626 немецких военных преступников, отбывавших наказание по приговорам советских судов. Они дали понять, что попытка боннских партнеров погреть руки на этом вопросе и осложнить переговоры выглядит непорядочно.

Слова, сказанные советскими руководителями, в известной мере отрезвили боннских государственных деятелей. На второй официальной встрече Аденауэр пустился в объяснения, стараясь срезать острые углы. Он заверял, что вопрос о лицах, задерживаемых в СССР, он поставил исключительно из побуждения установить действительно хорошие отношения с Советским Союзом, что немцы не забыли о злодеяниях гитлеровцев, что члены боннского правительства и парламента являются всего лишь «несчастливыми наследниками» «третьего рейха», думающими только о том, чтобы «снова завоевать доверие иностранных государств». Снова и снова возвращаясь к вопросу о военных преступниках, находившихся в заключении в СССР, Аденауэр взывал к «большому сердцу» и «большой душе» советского народа. Обращаясь к советским руководителям, он буквально умолял:

— Я очень прошу Вас обсудить все же с нами этот вопрос. Не дайте нам, пожалуйста, возвратиться **257**

домой с заявлением: Советское правительство отказалось вообще говорить с нами по этому вопросу.

Стараясь сгладить неблагоприятное впечатление, которое произвели на советскую и мировую общественность первые выступления боннской делегации в Москве, Аденауэр не упускал ни одной возможности, чтобы публично подчеркнуть свое миролюбие и дружественное расположение к советскому народу и его руководителям. На приеме, данном в Большом Кремлевском дворце Советским правительством в честь федерального канцлера ФРГ, Аденауэр сказал:

— Мы вернемся на родину с убеждением, что посещение Москвы было полезным делом и оставило у нас много приятных впечатлений... Мне хочется сказать, что мы здесь, у вас на глазах, вели очень важные и решающие переговоры.

Аденауэр поднял свой бокал «за хорошие, дружественные, не только дипломатические, отношения между нами — дипломаты не всегда бывают лучшими друзьями, — но и за дипломатические отношения», «за здоровье советского и германского народов».

В устах Аденауэра эти слова звучали искренне, но как ошиблись те, кто тогда ему поверил!

После первых двух встреч делегаций в полном составе тяжесть работы была переложена на плечи министров иностранных дел обоих правительств. На основе проведенного обмена мнениями они вырабатывали конкретные предложения. Время от времени делегации собирались, чтобы заслушать доклады министров о ходе их работы. В кулуарах переговоров было известно, что работа идет трудно. К тому же на полные обороты была запущена машина распространения слухов о том, что переговоры все глубже увязают в непроходимой трясине противоречий.

Особенно напряженным был последний день переговоров — 13 сентября. В 10 часов утра началось заседание делегаций в узком составе, а в 3 часа пополудни делегации встретились в полном составе. Они заседали до позднего вечера.

Весь день несколько сотен советских и иностранных журналистов с волнением ждали сообщений из

зала переговоров. Были среди журналистов и пессимисты, уверявшие коллег в том, что никакой прогресс невозможен и что переговоры результата не дадут.

Однако к полудню стало известно о первых признаках сближения точек зрения, а к вечеру появились слухи о том, что дело идет к соглашению. В наступивших сумерках журналисты помчались на улицу Алексея Толстого. Кто-то сказал, что по окончании переговоров корреспондентам будет разрешен доступ в зал в момент подписания документов. Но еще много часов им пришлось прождать на улице. В особняке все вечерние часы шла работа по согласованию деталей. Лишь в десятом часу вечера корреспондентов и фоторепортеров пригласили в зал. Там они увидели за большим столом усталые лица участников переговоров. Фотографы и кинооператоры принялись увековечивать на пленку исторический момент подписания документов встречи.

Этими документами были письма глав правительств, в которых они сообщали друг другу о решении своих правительств установить дипломатические отношения с другой стороной и обменяться дипломатическими представителями в ранге Чрезвычайных и Полномочных Послов.

В согласованном коммюнике говорилось:

«Обе делегации согласились в том, что установление дипломатических отношений будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой в интересах мира и безопасности в Европе.

Стороны исходят при этом из того, что установление и развитие нормальных отношений между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой будет содействовать решению неурегулированных вопросов, касающихся всей Германии, и должно будет тем самым помочь разрешению главной общенациональной проблемы немецкого народа — восстановлению единства германского демократического государства».

Стороны договорились также о том, указывалось в коммюнике, что в ближайшее время между Советским Союзом и Германской Федеративной Республикой

будут проведены переговоры по вопросам развития торговли.

Некоторое время спустя в Доме журналиста собралось около трехсот корреспондентов советских и иностранных газет, телеграфных агентств, радио и журналов. Несмотря на поздний час, на пресс-конференции господствовало приподнятое настроение. Официальные советские представители подчеркивали важность только что совершившегося акта для судеб советского и немецкого народов, для борьбы за мир и безопасность в Европе.

Иная атмосфера царила на пресс-конференции делегации ФРГ. Ознакомив журналистов с текстами достигнутых соглашений и подписанных документов, Феликс фон Эккардт попытался в своем комментарии к ним снова заслонить значимость установления дипломатических отношений второстепенными и третьестепенными деталями переговоров.

Но в тот вечер журналисты, находившиеся под впечатлением достигнутого соглашения, не придали большого значения высказываниям фон Эккардта. К тому же на другое утро на пресс-конференции, созванной в 8 часов перед отъездом на аэродром, сам канцлер Аденауэр постарался привести в унисон речи боннских представителей с общим приподнятым настроением. Однако уже здесь он сделал ряд оговорок, не нашедших отражения в подписанных документах. В оговорках отстаивалась линия боннской «политики силы» в вопросе границ Германии, а также тезис о том, что только боннское правительство представляет Германию. Но в целом Аденауэр в своем заявлении и в своих ответах на вопросы корреспондентов выразил удовлетворение достигнутым результатом. Он несколько раз подчеркивал, что достигнутые соглашения будут «способствовать укреплению мира в Европе и тем самым укреплению мира во всем мире». И перед тем, как сесть в самолет на Внуковском аэродроме, Аденауэр заявил перед микрофоном:

— Мы возвращаемся на нашу родину с сознанием того, что мы здесь, в Москве, поработали совместно на пользу мира во всем мире. Я убежден, что этот наш

труд принесет добрые плоды для наших обоих народов.

Так в атмосфере общего удовлетворения и новых больших надежд закончился визит государственных деятелей ФРГ в столицу Союза Советских Социалистических Республик.

Но как обманчивы бывают надежды!

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» — ИХ СТИХИЯ

По возвращении из Советского Союза Аденауэр, не теряя ни минуты, занялся устранением нежелательных для него последствий московских переговоров. Прения в бундестаге по поводу этих переговоров носили чисто формальный характер. С языка депутатов не сошло ни одной новой мысли, хотя они и напрашивались после установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Пропагандистская машина ФРГ заработала в совсем другом направлении. Она стала изображать дело так, будто Аденауэр ездил в Москву исключительно для того, чтобы... освободить из советских лагерей несколько тысяч немецких военнопленных.

Да, установлению дипломатических отношений с СССР не придавалось почти никакого значения, сладкие речи и клятвенные заверения, произнесенные в Москве, были отброшены как изношенные перчатки. Разбуженные этими речами в человеческих душах чувства приносились в жертву политической комбинации. В этом был весь Аденауэр.

Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев соответствующую просьбу президента Германской Демократической Республики, а также просьбу правительства Федеративной Республики Германии, своим Указом от 28 сентября 1955 года распорядился досрочно освободить и отправить на родину 8877 германских граждан, отбывавших наказания за совершенные ими во время войны преступления против народа **261**

Советского Союза, а 749 германских граждан, совершивших особо тяжелые преступления, передать в соответствии с их местом жительства правительствам Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии.

Как только началась репатриация освобожденных (это произошло в начале октября), боннские власти сделали все для того, чтобы раздуть новую антисоветскую истерию. Лагерь «Фридланд», где происходил прием возвращающихся на родину, был превращен в место антисоветских оргий, прославления бывших соучастников гитлеровских злодеяний. Туда специально прибыли заместитель федерального канцлера Блюхер и министр Оберлендер. Их призывы были обращены не к тем, кто искренне раскаялся в своих преступлениях, а к тем, кто «сохранил внутренние силы». Особенно развязно выступал в лагере Оберлендер. Он обратился к немцам с призывом боготворить возвращающихся преступников как «пример товарищества», необходимый, по его словам, для «создания великой германской общности».

Циничное злоупотребление гуманным актом Советского Союза, элементарная нечестность и непорядочность, проявленные боннским правительством, у многих в Западной Германии вызывали краску стыда. Газета «Зюддейче дейтунг» в те дни заявила, что у организаторов шумихи вокруг возвращающихся военных преступников жажда политического успеха затмила «политическое благоразумие».

Одновременно официальные боннские лица начали кампанию дискредитации внешней политики Советского Союза. Министр иностранных дел фон Брентано, только что вступивший на свой пост, произнес в Вашингтоне речь, в которой предостерегал от «смертельной опасности», якобы нависшей над западным миром. Эту «смертельную опасность» фон Брентано увидел в мероприятиях Советского Союза по ослаблению международной напряженности. «Следует предостеречь, что нельзя слишком сильно поддаваться под чары этой кампании за мир, — говорил Брентано. — Слишком большая готовность Запада пойти навстречу этой

чрезвычайно ловкой игре на его величайших надеждах таит в себе, по моему мнению, смертельную опасность».

Фон Брентано старался преуменьшить значение дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Он уверял американских слушателей, что «установление дипломатических отношений с Советским Союзом еще не привело к нормализации наших отношений с СССР». Более того, фон Брентано воспользовался недопустимым приемом и позволил себе грубый выпад против Советского Союза, заявив: «Как раз наш опыт, полученный в Москве, более чем когда-либо, укрепил нашу точку зрения, что наши цели могут быть достигнуты только в том случае, если свободный мир будет держаться солидарно и не ослабит внимания к собственной безопасности».

Однако все эти усилия не давали ожидаемого эффекта.

Установление дипломатических отношений с Советским Союзом, первый официальный контакт в послевоенное время с Москвой наложили глубокий отпечаток как на общественное сознание, так и на всю политическую жизнь Западной Германии.

Большое впечатление на западногерманскую общественность произвели очерки и репортажи, переданные из Москвы корреспондентами, сопровождавшими правительственную делегацию ФРГ. Эти очерки и репортажи серьезно поколебали стену ложных представлений о Советском Союзе, сложившихся под влиянием многолетней враждебной СССР пропаганды.

«Здесь, в Москве, — писал корреспондент газеты «Нейе Рейн цейтунг» Иенс Феддерсен, — мы сталкиваемся с вещами, которые для нас являются полнейшей новью, о которых мы до сих пор не имели ни малейшего представления. Одно скажу заранее: никто из нас не предполагал, что в частных беседах русские так открыто разговаривают, как они это делают с нами, открыто и дружественно, иногда даже подчеркнуто сердечно. Они напрямик высказывают то, чего хотят, а именно желание сотрудничать с Германией экономически и политически».

Корреспондент газеты «Ди вельт» Георг Шредер писал: «Нельзя обнаружить слезки за иностранцами. Здесь, в Москве, я еще не встретил ни одного русского, который побоялся бы беседовать со мной, когда я заговаривал с ним».

«Это же просто неправда, будто Москва является пролетарским городом, населенным бедно одетыми людьми, на лицах которых за сто метров якобы можно прочитать голод, нужду, — писал главный редактор газеты «Абендпост». — Надо освободиться от этой иллюзии, потому что она ложная и ведет к опасным, обманчивым выводам».

Все журналисты в той или иной форме отметили, что советский народ больше всего на свете хочет мира.

В самом Бонне мы, советские журналисты, также отметили перемены, начиная с появления в меню ресторана бундестага «русского борща» и кончая введением порядка, при котором тексты особо важных правительственных заявлений стало возможно получить и на русском языке. В те дни я зашел в книжный киоск бундестага. Было приятно отметить, что книги, содержавшие злостную антисоветскую пропаганду, были задвинуты на задние полки, а на передних витринах была выставлена литература, более менее объективно изображавшая советскую действительность.

— Книги о Советской России сейчас в ходу, — сказал мне продавец.

Еще одна деталь. После визита правительственной делегации ФРГ в Москву в Бонне стала проходить мода на выражение «политика силы». Эти слова стало неудобно произносить, подобно тому как обычно избегают называть имя покойника. Когда во время парламентских прений 23 сентября председатель фракции ХДС Кроне пытался доказывать, будто Советский Союз уважает только «твердость», со скамей социал-демократической фракции раздался возглас:

— Значит, все-таки политика силы?

— Нет, не политика силы, — нервно ответил Кроне, — а политика обеспечения собственной безопасности...

Политический Бонн был охвачен глубоким брожением, но об этом старались не говорить. Вот как описывала тогдашнее состояние умов в Бонне газета «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг»:

«Бонн живет сознанием, что германская политика, как внешняя, так и внутренняя, вступила в тяжелую, рискованную и беспокойную фазу. Этому способствовали многие моменты. Обретенный вновь суверенитет возбуждает желание испытать собственные силы... После московских переговоров во всех партиях распространяется мнение, что новое положение требует новых политических гипотез, которые, однако, должны быть сначала опробованы. Началось брожение, и пузыри, хотя еще и не лопаются, уже пробиваются на поверхность».

Далее газета писала: «Правительство, парламент и общественность стоят перед вопросом, каким образом можно было бы проводить умеренную и в то же время самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику в условиях, когда страна все еще остается расколотой, когда государство все еще стоит на довольно шатких основах и когда еще необходимо разрешить целый ряд внутренних, экономических и социально-политических проблем. Как указывают некоторые, задача состоит теперь в том, чтобы обрести национальное сознание, которое бы не зарывалось и в то же время не преклоняло колени, которое бы укрепляло демократическое государство и его свободу, не отпугивало бы от нас союзников и улучшало бы предпосылки к воссоединению. Этот путь полон опасностей и противоречий. Атмосфера насыщена проектами и планами на «день икс», на день, когда нужно будет найти не только персону нового канцлера, но и программу для нового правительства. Некоторые также считают, что силы нынешнего главы правительства израсходованы на то, что до сих пор сделано, и что он больше не может справляться с ситуацией, и даже в своей собственной партии».

Как видим, среди буржуазных кругов Западной Германии тогда были люди, которые трезво оценивали **265**

обстановку и реалистически видели возможности и интересы Федеративной Республики Германии.

Однако Аденауэр и его ближайшие соратники с упорством маньяков проводили свой «жесткий» курс.

К тому времени относится резкое усиление враждебности хозяев Западной Германии к Германской Демократической Республике. В декабре 1955 года в Бонне состоялось совещание западногерманских послов. На совещании была объявлена пресловутая «доктрина Хальштейна», названная так по имени тогдашнего статс-секретаря министерства иностранных дел ФРГ, принимавшего участие в ее выработке. Доктрина гласила: если какое-либо государство признает Германскую Демократическую Республику, то ФРГ порвет с ним дипломатические отношения. Исключение авторы доктрины сделали лишь для одного государства — Советского Союза, объяснив это тем, что СССР является одной из держав, войска которых расположены на германской территории, и что воссоединение Германии без его согласия не может быть достигнуто.

Разъясняя суть «доктрины Хальштейна», министр иностранных дел ФРГ фон Брентано позднее говорил:

«Мы ясно и четко заявили, что есть только одна свободная Германия, а государства свободного мира, признающие так называемую ГДР как независимое, суверенное государство, присоединяются тем самым к тезисам Советского Союза. Мы рассматриваем это как недружественный акт в отношении всего немецкого народа и делаем из этого необходимые выводы».

В последующие годы «доктрина Хальштейна» использовалась Бонном не только в целях нанесения максимального ущерба Германской Демократической Республике на мировой арене, но и как инструмент шантажа и оказания давления в первую очередь на молодые государства Африки, Азии и Латинской Америки. Она была и остается по сей день атрибутом боннской «политики силы».

Но история делала свое дело. В один промозглый осенний день в Бонне появилась первая группа советских дипломатов. После долгих мытарств, разъездов

по городу и его окрестностям, бесчисленных переговоров в боннских учреждениях им удалось снять под посольство старый трехэтажный отель на берегу Рейна, но не в самом Бонне, а в местечке Роландсэк, в 17 километрах от столицы. 31 декабря 1955 года в 10 часов вечера по местному времени в Роландсэке над Рейном поплыли звуки кремлевских курантов. Это советская колония, состоявшая из дипломатов и двух журналистов, приняла из Москвы по радио сигнал для новогоднего тоста. Небольшой, но жизнерадостный и энергичный коллектив советских людей собрался в доме посла: здание посольства еще ремонтировалось. Душой общества был посол Валериан Александрович Зорин, человек больших знаний и высокой культуры, прибывший в Бонн перед самым Новым годом. На берегу Рейна были подняты первые тосты за нашу Советскую Родину, за Москву, за Коммунистическую партию Советского Союза. Говорили о немцах, о предстоящей большой работе. Все горело желанием сделать все для развития хороших отношений и с буржуазным германским государством. Но никто не строил больших иллюзий: всем было ясно, что на пути будет много препятствий.

Это очень скоро подтвердилось. Не успели наши дипломаты разместиться в своих кабинетах в свежеотремонтированном отеле, как по страницам западногерманской печати поползла ложь о деятельности советского посольства. На книжном рынке появились творения «мемуаристов» о «тайнах» советских дипломатов. Кому-то в Бонне померещился «майор ГПУ» за рулем советской автомашины. Кого-то испугали фургоны с мебелью, доставленной для советского посольства. А в один прекрасный день газеты, как по команде, завопили: «Русские могут подслушивать все наши телефонные переговоры! В нескольких метрах от здания советского посольства пролегает телефонно-телеграфный кабель, связывающий Бонн с югом!» Специалисты «холодной войны» раздули антисоветский психоз до таких размеров, что самые обычные в дипломатической практике действия советского посольства становились предметом низкопробных инсинуаций.

И все же это были в сущности мелочи на фоне всеобъемлющей антисоветской кампании, которую в то время проводил Бонн.

Особенно яростно официальный Бонн обрушивался на настроения, получившие в те дни большое распространение в деловых кругах. Эти круги, делая практический вывод из установления дипломатических отношений с Советским Союзом, требовали немедленных шагов по развитию торговли с Советским Союзом. Так, например, крупная газета рурских промышленников «Индустрикурир» заявила, что «Федеративная республика в недалеком будущем действительно хочет иметь значительный товарообмен с СССР» и что из этого вытекает необходимость «как можно быстрее начать торгово-политические переговоры».

Авторитетный экономический журнал «Дер фолкс-вирт» считал, что Федеративная республика должна проявить инициативу в вопросе расширения торговли с Советским Союзом. Журнал призывал отказаться от взгляда на этот вопрос «сквозь очки сегодняшней политики» и напоминал, что «германо-русский товарообмен имеет многовековую традицию».

Газета «Ост-Вест курир» предостерегала, что из-за своей медлительности ФРГ может «упустить шансы» и оказаться в хвосте событий.

Официальные боннские власти всеми средствами пытались подавить эти настроения. Тогдашний министр экономики Эрхард заявлял, что «с торговлей с Востоком можно подождать». А министр иностранных дел фон Брентано в интервью американскому журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» заявил, что Федеративная республика не намерена вести переговоры с Советским Союзом о заключении торгового договора.

Борьба между сторонниками и противниками развития торговых отношений с Советским Союзом длилась более двух лет. Победителем из этой борьбы вышли те круги, которые выступали за торговлю с Советским Союзом. Под их нажимом правительство ФРГ было вынуждено начать переговоры с Советским Союзом, которые закончились в апреле 1958 года парафи-

рованием в Москве долгосрочного соглашения о товарообороте и платежах, соглашения по общим вопросам торговли и мореплавания, протокола о товарообороте на 1958 год, а также консульского договора.

Долгосрочное соглашение о товарообороте и платежах устанавливало списки товаров для экспорта и импорта Советского Союза и Федеративной Республики Германии на трехлетний период — с 1958 по 1960 год. В нем предусматривалось значительное увеличение из года в год объема товарооборота между обоими государствами. Намечалось, что в 1960 году товарооборот между СССР и ФРГ составит около 1,2 миллиарда рублей, что означало превышение товарооборота 1957 года примерно в два раза. Соглашение по общим вопросам торговли и мореплавания определяло некоторые наиболее важные торгово-политические правовые условия, на которых должны основываться отношения между СССР и ФРГ в области торговли и мореплавания, и прежде всего взаимное предоставление режима наиболее благоприятствуемой нации. В соответствии с этим соглашением в ФРГ учреждалось торговое представительство СССР. Консульский договор создавал возможность для защиты граждан обоих государств, а также интересов торговли и судоходства в другой стране, что имело большое практическое значение для развития делового сотрудничества между странами.

Для подписания указанных документов в Федеративную Республику Германии совершил поездку первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Его пребывание в ФРГ с 25 по 28 апреля 1958 года явилось крупным политическим событием в жизни ФРГ. Помимо подписания торговых соглашений и консульского договора была также достигнута устная договоренность по вопросам, связанным с выездом отдельных граждан из обеих стран.

А. И. Микоян в одном из своих выступлений подчеркнул положительное политическое значение подписанных соглашений, заявив, что эти соглашения позволяют продвигаться со ступеньки на ступеньку в направлении улучшения отношений между СССР и ФРГ, **269**

что имеет большое значение для ослабления международной напряженности.

В Дуисбурге, Ганновере и Штутгарте А. И. Микоян посетил ряд предприятий, беседовал с людьми различных профессий, различного образа политического мышления. Эти беседы показали, что широкие слои населения Западной Германии жаждали хороших, добрых отношений с Советским Союзом.

То же самое высказали представители деловых кругов ФРГ, с которыми А. И. Микоян имел многочисленные встречи.

Поездка А. И. Микояна в ФРГ подчеркнула несостоятельность боннской политики искусственного нагнетания враждебности к СССР, несоответствие этой политики чаяниям и желаниям населения Западной Германии.

Заключение торгового соглашения и консульского договора, достигнутое при противодействии группы Аденауэра — Брентано, показало ограниченность возможностей «политики силы», ее внутреннюю слабость. Проводникам этой политики пришлось расписаться в своем бессилии.

С тем большим остервенением они атаковали внешнеполитические акции Советского правительства, пытаясь свести на нет их воздействие на международную обстановку. Они приложили немало сил к тому, чтобы сделать безрезультатной Женевскую встречу министров иностранных дел четырех держав осенью 1955 года, а когда это не удалось, извратить ее итоги, принизить положительные моменты в ее работе. Они начали пускать свои торпеды с первого дня переговоров о разоружении, начавшихся в марте 1956 года в Лондоне. В противовес переговорам о разоружении они усиливали темпы собственного вооружения, выступили застрельщиками превращения НАТО «в инструмент политической и экономической солидарности западного мира».

Излюбленным занятием ведущих боннских политиков была клевета на Советский Союз, на его миролюбивую внешнюю политику. В 1956 году кампания антисоветской клеветы достигла особого размаха и приоб-

рела чудовищные формы. Телеграфному агентству Советского Союза в мае 1956 года пришлось выступить с опровержением в связи с утверждением официальных кругов, будто Советский Союз «военной силой угрожает свободному миру». Вслед за этим опровержением Аденауэр выступил с новыми грубыми измышлениями по адресу Советского Союза.

«Теория сосуществования, — говорил Аденауэр, — и советские попытки создать блок нейтральных государств в качестве третьей силы являются всего лишь обманым маневром. Сосуществование является ограниченным во времени, преходящим периодом». Далее Аденауэр утверждал, что Советский Союз якобы «до сих пор еще не обнаружил готовности уменьшить нынешнюю напряженность». И это говорилось в тот момент, когда Советский Союз объявил о сокращении в одностороннем порядке своих вооруженных сил на 1 миллион 200 тысяч человек!

Для характеристики методов и приемов, которыми тогда пользовался Бонн, очень выразительны следующие примеры.

Великие державы весной 1956 года прилагали усилия к тому, чтобы практическими шагами смягчить международную обстановку. В Лондоне побывала правительственная делегация Советского Союза. В Москву ездил премьер-министр Франции Ги Молле.

Премьер-министр Великобритании Иден после советско-английских переговоров в Лондоне заявил:

— Мы будем следовать политике, добиваясь соглашений, содействуя дружбе. Я убежден, что этот советский визит соответствовал такому духу и что в результате мир может считать себя в большей безопасности.

В тот же день Аденауэр охарактеризовал результаты лондонских переговоров как «провал» и заявил:

— Я думаю, что после этого лондонского совещания никто, даже в Германии, не будет думать, что можно добиться чего-то в результате прямых переговоров с русскими, по крайней мере в настоящее время.

Вернувшись из Москвы, премьер-министр Франции Ги Молле сказал на аэродроме:

— Пессимисты, которые говорили, что франко-советские переговоры не дадут никаких конкретных результатов, к счастью, обманулись в своих ожиданиях.

Боннская пропаганда тут же завопила, что Ги Молле будто вернулся из Москвы «с пустыми руками», что такие поездки вообще бесполезны.

Вскоре разыгрался еще один скандальный эпизод. Ссылаясь на заявление, якобы сделанное премьер-министром Франции Ги Молле в Люксембурге, Аденауэр заявил, будто Советский Союз не заинтересован в воссоединении Германии, что он якобы стремится к сохранению раскола Германии.

Из Парижа последовало официальное опровержение. Парижская газета «Монд» указывала, что в Бонне извратили высказывание Ги Молле о точке зрения советских руководителей по германскому вопросу, попросту отбросив некоторые его слова, меняющие смысл.

Бонн оказался, по выражению некоторых западно-германских газет, «в позорном положении». Однако Аденауэра, Брентано и других крестоносцев «холодной войны» это не смутило. Официальный Бонн выступил с заявлением, в котором вообще поставил под сомнение «ценность» французских опровержений.

Служба печати социал-демократической партии так раскрыла подноготную этого маневра аденауэровцев:

«Аденауэр по своему вкусу обработал замечания Молле и тем самым дал им неправильное толкование, поскольку они ему, очевидно, пришлось кстати перед полетом в Америку. По-видимому, они ему понадобились для того, чтобы подкрепить свое мнение о бесполезности серьезных усилий по налаживанию отношений с Москвой и снова сильнее повернуть американцев на их прежнюю линию твердой позиции по отношению к Москве».

Едва вступив на американскую землю (речь идет о поездке Аденауэра за океан в июне 1956 года), Аденауэр принялся поучать и запугивать американцев. «В течение многих лет, — заявил он на одной пресс-конференции, — положение не было настолько тяжелым, как теперь. Я не верю в горячую войну. Но ме-

тоды, применяемые в настоящее время Советами, опаснее... чем угроза горячей войны».

Аденауэр заклинал американцев «не предаваться иллюзиям», «не ослаблять бдительность».

Так протекала схватка Аденауэра с курсом на разрядку международной напряженности. В ходе этого сражения Аденауэр и его единомышленники в других странах знали минуты удач. Но в целом они терпели поражение.

Летом 1956 года Аденауэру пришлось пережить большие трудности у себя дома. Политическую жизнь ФРГ трясло как в лихорадке. Конфликты в коалиции, в правительстве, между Бонном и предпринимателями. Авторитет Аденауэра заметно пошатнулся.

По возвращении из-за океана федеральный канцлер выступил в бундестаге с правительственным заявлением. В прениях первым взял слово председатель социал-демократической партии Германии Эрих Олленхауэр.

Он заявил, что, как показало правительственное заявление, федеральный канцлер и правительство исходят из представления, что в последние месяцы в международном положении ничего существенного не произошло и что поэтому нет необходимости пересматривать прежнюю внешнюю политику Федеративной республики и искать новые отправные точки и задачи для активной внешней политики федерального правительства.

Мы, социал-демократы, заявил Олленхауэр, считаем эту тактику и эту политику неправильной и чрезвычайно опасной. Она означает отказ от возможностей включить Федеративную республику в нынешние переговоры о международной разрядке и найти при этом новые отправные точки для позитивного осуществления нашей главной задачи, а именно восстановления германского единства.

Олленхауэр отметил, что включение Федеративной республики в Североатлантический пакт существенно ухудшило виды на восстановление германского единства и чрезвычайно затруднило осуществление этой цели. В нынешней ситуации, заявил оратор, такая по-

литика означает отказ от воссоединения, и никакие заявления о мнимых успехах в вопросе воссоединения не могут скрыть этого факта. Они являются чистой декларацией, вводящей в заблуждение общественное мнение нашей страны.

Федеральный канцлер и федеральное правительство, сказал Олленхауэр, с упрямством держатся за внешнеполитическую концепцию, которая все больше вступает в противоречие с реальными фактами международной политики. Олленхауэр отметил, что даже в Америке раздаются официальные голоса в пользу новой ориентировки американской внешней политики.

Отметив, что в мире «все пришло в движение», Олленхауэр заявил, что Советский Союз, учитывая изменения в мировой обстановке, старается средствами широко задуманного дипломатического, политического и психологического наступления достигнуть мирного урегулирования отношений с западным миром, которое обеспечит ему наибольшую степень безопасности и сократит до минимума опасность третьей мировой войны. Отсюда вытекает, что сегодня больше, чем несколько лет тому назад, имеется возможностей для переговоров о разрядке в мире и для проведения политики мирного сосуществования народов независимо от внутренних систем народов. В этом, заявил Олленхауэр, состоит решающее изменение мировой обстановки по сравнению с временами корейской войны, из которого должны сделать соответствующие выводы в первую очередь немцы.

Вместо этого, заявил Олленхауэр, федеральное правительство упорно цепляется за принципы и представления политики, начатой американским правительством в совершенно иных условиях периода войны в Корее. Такая позиция может привести только лишь к полнейшей изоляции Федеративной республики в мировой политике.

Если федеральный канцлер и федеральное правительство, заявил далее Олленхауэр, не в состоянии приспособить внешнюю политику Федеративной республики к изменившейся обстановке, то эту задачу должны взять на себя новый бундестаг и новое прави-

тельство. Мы, социал-демократы, во всяком случае придерживаемся мнения, что настало время начать новую внешнюю политику федерального правительства. Она должна исходить из имеющихся в настоящее время фактов, и она не должна заключаться в простом повторении прежних формулировок и требований.

Заявив, что требование о проведении свободных выборов во всех четырех зонах и в Берлине по-прежнему остается правильным и неприкосновенным, Олленхауэр продолжал, что политика, настаивающая сегодня, после Женевского совещания, на том, чтобы Советский Союз заранее согласился на свободные выборы во всей Германии и на принадлежность воссоединенной Германии к НАТО, является нереалистической политикой, поскольку она, исходя из нынешнего положения вещей, не может привести к положительному результату.

Олленхауэр далее выступил за нормализацию отношений между Федеративной республикой и Советским Союзом. Он назвал «фантастическим» положение, при котором федеральное правительство, установив дипломатические отношения с Советским Союзом, старается в то же время их заморозить. Такое поведение со стороны федерального правительства, сказал Олленхауэр, может нанести только вред германским интересам, и прежде всего делу воссоединения. Мы требуем от федерального правительства, заявил оратор, чтобы оно незамедлительно нормализовало отношения, используя все возможности, имеющиеся в дипломатической области.

Новая внешняя политика Федеративной республики, продолжал Олленхауэр, должна также стремиться по-новому урегулировать отношения Федеративной республики с государствами «восточного блока», и в первую очередь с соседями Германии — Польшей и Чехословакией.

Олленхауэр охарактеризовал предпринятую тогда Советским правительством инициативу в вопросе разоружения как шаг, означающий облегчение положения, и заявил, что ни один человек, заинтересованный в использовании каждой возможности для достижения

разрядки и ограничения вооружений, не может игнорировать эту инициативу. Олленхауэр критиковал федеральное правительство за то, что оно поспешило высказать отрицательное суждение о советском предложении, и в этой связи напомнил слова одной американской газеты о том, что Аденауэр является «Даллесом больше, чем сам Даллес».

Заявление федерального правительства о готовности вместе со всеми заинтересованными партнерами на Западе и с Советским Союзом обсудить вопрос о сокращении предусмотренных для Федеративной республики вооруженных сил и об отказе от всеобщей воинской повинности, сказал Олленхауэр, явилось бы в нынешних условиях очень убедительным доказательством желания Федеративной республики сделать все, что в ее силах, для того чтобы способствовать разрядке и разоружению и устранить препятствия к воссоединению Германии.

Я привел столь пространное изложение речи Олленхауэра не только для того, чтобы показать размах критики, раздававшейся тогда в адрес федерального правительства. Не меньший интерес представляет и другое: речь Олленхауэра показывает, от какой реалистической и перспективной концепции отказались лидеры западногерманской социал-демократической партии, когда они на своем съезде в Бад-Годесберге заявили о своем полном согласии с внешнеполитической программой ХДС и стали подголоском аденауэровцев.

Внешняя политика федерального правительства подверглась тогда резкой критике со стороны Свободной демократической партии и со стороны Общегерманского блока. Особенно остро она критиковалась в широких кругах общественности.

Аденауэр и его единомышленники искали случая, чтобы укрепить свои позиции, продемонстрировав эффективность «политики силы». Такой благоприятный случай они усмотрели в событиях октября — ноября 1956 года в Венгрии.

Как только в Западную Германию пришли вести о контрреволюционном мятеже в Венгрии, официальные **276** боннские власти и их пресса целиком встали на сторону

путчистов. Подрывные эмигрантские организации, нашедшие приют на территории Западной Германии, получили полную свободу действий. Находящаяся в Мюнхене радиостанция «Свободная Европа» стала фактически штабом венгерских контрреволюционеров. Она круглые сутки вещала на венгерском языке, подбадривая мятежников фантастическими обещаниями «помощи» со стороны Запада. Под видом корреспондентов этой радиостанции, как и других органов печати и информации, в Венгрию в те дни проникло с территории Западной Германии очень много людей, в том числе и немцев. В Будапеште почему-то оказался депутат боннского бундестага Левенштейн. Вернувшись оттуда, он заявил: «За эти десять дней в Будапеште я пришел к твердому убеждению, что нам нельзя больше терять времени с перевооружением. Если не хватит казарм, пусть Штраус заставит их строить днем и ночью».

Левенштейн откровенно пояснил, в чем видит он ценность «венгерского опыта». «Если мы будем сильны, — сказал он, — если у нас будет достаточно вооруженных сил, то и в зоне (имелась в виду ГДР) дело дойдет до 23 октября, как в Венгрии».

Венгерских мятежников поощряли и официальные боннские лица. Именно в те дни федеральный министр обороны Штраус выступил с угрозой уничтожить Советский Союз. Он заявил, выступая в Хольфельде (Бавария): «Мы живем в век такой техники, когда объединенных союзнических сил достаточно, чтобы стереть с лица земли советское государство».

По всей Западной Германии развернулась шумная кампания в помощь венгерским мятежникам. В этой кампании активно участвовали официальные органы и лица вплоть до членов правительства.

Удивительно ли, что, когда контрреволюционный мятеж в Венгрии был подавлен, его главари побежали именно в Западную Германию. В те дни на улицах Бонна, на площадях перед фешенебельными отелями появились многочисленные автомашины со знаками венгерских мятежников. Путчисты чувствовали себя в Бонне как дома. Они наносили визиты в официаль-

ные учреждения и иностранные посольства, проводили открытые и тайные совещания, устраивали пресс-конференции.

На одной из таких пресс-конференций мне довелось побывать. Главными действующими лицами были три члена будапештского «повстанческого комитета», которым заблаговременно удалось убежать за границу. К удивлению всех собравшихся, они начали жаловаться на то, что радиостанция «Свободная Европа» слишком много наобещала венгерским мятежникам, что «военная помощь из различных государств Западной Европы», о которой кричала радиостанция, в действительности так и не пришла. Главари будапештских мятежников назвали действия радиостанции «Свободная Европа» безответственными.

В этот момент в разговор вмешались некие личности венгерского происхождения, отказавшиеся назвать свои имена и организации, которые они представляют. Они грудью встали на защиту радиостанции «Свободная Европа».

Невольно оказавшись свидетелями перебранки между разбитыми путчистами и их зарубежными руководителями, даже выдавшие виды журналисты почувствовали себя неловко. Корреспондент газеты «Франкфуртер альгемайне цейтунг» к тому же узнал среди присутствовавших на пресс-конференции несколько служащих боннской тайной полиции и представителя американского посольства в Бонне. «Вообще, — писал корреспондент в свою газету, — состав участников пресс-конференции был странным: журналистов было лишь около двадцати, а в зале всего находилось около пятидесяти человек».

Пока вожак венгерской контрреволюции подводил в своей боннской штаб-квартире печальные итоги провалившейся авантюры, по соседству, в ведомствах ФРГ, запускались моторы кампании, цель которой состояла в том, чтобы извлечь из венгерских событий побольше пользы для «политики силы». С этого момента антисоветская и антикоммунистическая пропаганда в ФРГ приобрела чудовищные размеры и формы. Провокационные призывы к акциям против Советского Со-

юза, против ГДР и других социалистических стран, проповедь «силы» как решающего политического фактора стали постоянным элементом в официальных выступлениях и документах правительственных кругов ФРГ.

Сессия совета Североатлантического пакта, состоявшаяся в конце 1956 года в Париже, прошла под знаком доминирующей активности боннских представителей. Боннский министр обороны Штраус в своем выступлении потребовал оснащения армий западноевропейских партнеров НАТО, в том числе и Западной Германии, атомным оружием. Штраус назвал атомное оружие «решающим фактором» боеспособности армий Атлантического блока и потребовал оснастить им соединения вплоть до дивизий. Он далее потребовал вынести зоны военных приготовлений Североатлантического блока «как можно дальше на Восток».

Министр иностранных дел ФРГ Брентано также заявил, что Североатлантический блок «должен усилить защиту Западной Европы как можно ближе к восточным границам». Он пугал своих партнеров некоей «усиливающейся опасностью» со стороны Советского Союза. Так же как и Штраус, Брентано призывал вооружить западноевропейские армии атомным оружием.

По настоянию Штрауса и Брентано совет НАТО на сессии в Париже принял решение оснастить вооруженные силы стран — участниц Североатлантического пакта ракетным оружием, способным нести атомные боеголовки.

В лихорадке разжигания «холодной войны», анти-советской истерии прошли в Бонне 1957 и 1958 годы. В этой угарной атмосфере в сентябре 1957 года состоялись очередные выборы в бундестаг, которые принесли партии Аденауэра больше половины голосов, сделав ее способной принимать в парламенте решения, не считаясь ни с мнением других партий, ни с мнением общественности.

Аденауэр и его соратники по «холодной войне» праздновали победу. Но жизнь очень скоро показала, насколько непрочной была эта победа.

ЖЕНЕВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Все эти годы Советский Союз неустанно боролся за мир, за разрядку международной напряженности. Он выдвигал конкретные предложения по разоружению, по урегулированию спорных вопросов, по созданию благоприятных условий для мирного сосуществования государств различных общественных систем.

В конце 1958 года Советский Союз внес предложение о нормализации положения в Западном Берлине.

Несколько месяцев спустя, развивая дальше свою идею, Советское правительство предложило провести мероприятие по нормализации положения в Западном Берлине в рамках заключения германского мирного договора. В начале 1959 года СССР представил западным державам проект такого договора и предложил обсудить его на международном совещании.

Запад принял в штыки новую мирную инициативу СССР. Особенно яростно ее атаковал Бонн. Поначалу правительства западных государств вообще не хотели обсуждать предложения Советского Союза. Но как уже нередко случалось и раньше, им пришлось изменить свое поведение под нажимом общественности, которая видела в этих предложениях реальный шанс укрепить мир.

В результате переговоров и консультаций было решено, что в мае 1959 года в Женеве состоится совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. Было также договорено, что в этом совещании примут участие представители Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии.

Более трех месяцев в Женеве шла напряженная работа министров иностранных дел и их советников, более трех месяцев длилась рукопашная схватка двух курсов в международной политике. Этот поединок разыгрывался то на открытых аренах пленарных заседаний, то на закрытых встречах, то во время бесед министров с глазу на глаз за чашкой кофе или чая. Западные министры несколько раз под предлогом уикэнда летали домой на совет со своими правитель-

ствами. Но официальных перерывов было только два: один — кратковременный — по случаю смерти Джона Фостера Даллеса, в похоронах которого участвовала часть заседавших в Женеве министров; другой — более продолжительный, трехнедельный (с 20 июня по 13 июля), как бы разрезавший совещание на две части.

Для двух сотен журналистов, собравшихся в Женеве, это были месяцы непрерывной охоты за новостями, блуждания в дебрях слухов и злонамеренной дезинформации, нудного и, как правило, бесплодного топтания в коридорах Дворца наций, бесконечных и бестолковых разговоров со смертельно надоевшими под конец друг другу «коллегами» в пресс-центре совещания.

Почти каждый день у журналистов наступали жуткие часы «пик». Это случалось тогда, когда в пресс-центр врывались взмыленные от многочасовых заседаний и бешеной гонки на дистанции Дворец наций — пресс-центр представители делегаций по вопросам информации. В шести залах пресс-центра они начинали рассказ о том, что принес этот день.

Больше всего журналистов всегда было в зале, в котором проходили пресс-конференции советской делегации. В этом зале журналисты могли получить наиболее обстоятельную информацию об очередном заседании, а главное, о новых идеях, с которыми не раз выступал на совещании Советский Союз. Журналистам импонировало то, что представители советской делегации относились с пониманием к их интересам и нуждам, помогали им разобраться в обстановке на совещании, а не запутывали их, как это нередко делали информаторы западных делегаций.

Но получить информацию было половиной дела. Журналисту надо было еще и обработать ее, и передать в редакцию, а на это времени не оставалось. Пресс-конференции всегда проходили к вечеру, когда работа над газетой в редакциях близится к концу. Особенно в невыгодном положении были мы, советские журналисты: в Москве время на два часа раньше женевского. Журналист обязан находить выход из любого, самого сложного положения, чтобы передать в газету или

телеграфное агентство информацию. И мы «выкручивались» кто как мог. Во всяком случае минуты ожидания связи с Москвой, которая часто прерывалась и далеко не всегда действовала блестяще, можно было сравнить только с муками Тантала.

Уж такова журналистская судьба: чем крупнее и значимее событие, тем меньше у журналиста времени на писание корреспонденций и статей. Он весь день на ногах, он смотрит и слушает, ибо он знает: журналисту могут простить все, кроме одного — неосведомленности. Так получается, что у журналиста к концу дня для работы над корреспонденцией остается какой-нибудь час, а то и считанные минуты. А ведь переданные с места важнейших событий статьи должны быть особенно богатыми мыслями и яркими по форме. Вечная и, к сожалению, неразрешимая проблема!

Впрочем, не все журналисты терзались в Женеве. Многие западные «коллеги» передавали с утра в свои редакции художочную подборку слухов и сплетен, которыми ломилась Женева, и преспокойно удалялись на пляж. Женевское озеро с его ледяной горной водой было сущим даром господним для обитателей и гостей знойной в то лето Женевы.

Но вернемся к совещанию министров. Его сенсацией было участие в работе делегации Германской Демократической Республики. Приглашение представителей обоих германских государств на совещание последовало по предложению Советского Союза. Но когда министры съехались в Женеве, делегации США, Англии и Франции по согласованию с Бонном на неофициальных процедурных переговорах стали настаивать на том, чтобы делегации ГДР и ФРГ выступали на совещании лишь в качестве советников-консультантов, чтобы они говорили лишь только тогда, когда их спросят. И посадить их в зале западные министры хотели в стороне от стола заседаний. Словом, представителям немецкого народа предлагалось довольствоваться не то ролью справочного бюро, не то положением людей, попавших на скамью подсудимых.

Добиваясь своего, представители трех западных держав упорно настаивали на том, чтобы министры

заседали не за круглым, а за четырехугольным столом. У стола, мол, четыре стороны, за ним могут сидеть только четверо, немцам за ним нет места. Значит, надо посадить их в другом месте.

Можно себе представить, какую богатую пищу дала эта «проблема стола» падкой на сенсации буржуазной прессе. Некоторые газеты успели протрубить на весь мир, что «совещание зашло в тупик раньше, чем открылось», что совещание вообще не открылось.

Но совещание открылось, хотя и с опозданием на два с половиной часа. Благодаря усилиям советской делегации, проявившей привычную для наших дипломатов выдержку и терпение, министры четырех держав сели за круглый стол, рядом с которым располагались столы Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии, а за ними — места советников и технического секретариата. Таким образом, представители Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии выступали не в роли советников-консультантов, они получили возможность эффективно участвовать в работе совещания. Им было предоставлено право излагать свою точку зрения по любому вопросу, стоящему на обсуждении.

Советская делегация предложила также пригласить на совещание Польскую Народную Республику и Чехословацкую Социалистическую Республику, поскольку обе эти страны особо заинтересованы в германском вопросе. Западные делегации не приняли это предложение.

Делегация Германской Демократической Республики заняла свое место на совещании в полном составе во главе с министром иностранных дел Лотаром Больцем. В ходе совещания делегация ГДР внесла ценный вклад в дискуссию, ее выступления носили конструктивный характер и были проникнуты стремлением содействовать решению поставленных на обсуждение проблем.

Совсем иначе повела себя делегация Федеративной Республики Германии. За ее столом ни разу не по-

явился министр иностранных дел Брентано, хотя он все три с лишним месяца находился в Женеве. Брентано отсиживался в своем женевском отеле, а в зал заседания посылал посла ФРГ в Вашингтоне В. Гreve. Это была вызывающая демонстрация нежелания Бонна участвовать в обсуждении жгучих проблем, касающихся в первую очередь немецкого народа.

Советский Союз пришел в Женеву с предложениями, которые давно были известны мировой общественности. На стол переговоров советская делегация положила проект основ мирного договора с Германией. Одним из важнейших последствий заключения мирного договора явилась бы ликвидация опасного очага напряженности и конфликтов, каковым является Западный Берлин. Советское правительство, внося проект основ мирного договора с Германией и предложения по нормализации положения в Западном Берлине, исходило из того, что безотлагательное решение этих вопросов оздоровило бы обстановку в Европе и проложило бы путь к урегулированию других важных вопросов как международного, так и внутригерманского характера. Оно облегчило бы сближение между Германской Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германии и тем самым содействовало бы решению задачи воссоединения страны.

Западные державы противопоставили советской позиции свой «комплексный план», или «пакет предложений», носивший пышное название «Западный план мира». Когда этот план был прочитан и изучен, оказалось, что это была совсем не «бомба», которую грозились взорвать западные державы в Женеве. Западный план представлял собой перелицовку старых идей и предложений Запада, несостоятельность которых уже была доказана жизнью и практикой международных отношений.

Западные державы предлагали обсуждать одновременно и вопрос европейской безопасности, и проблему разоружения, и вопрос объединения двух германских государств, и вопрос заключения мирного договора с Германией, и берлинский вопрос. Большинство из

ной арене, но без результата. И вдруг предлагалось все эти проблемы решить одним махом.

Мировой общественности стало совершенно ясно, что западные державы еще туже затягивают и без того тугой узел международных проблем, демонстрируя свое нежелание решить хотя бы одну из них.

Лондонская «Таймс» в те дни писала о западном плане, что «в его нынешнем виде план связывает так много больших проблем, что создается риск, что вообще трудно с чего-либо начать...».

Председатель социал-демократической партии Западной Германии Олленхауэр заявил, что западный документ «не дает базы для соглашения между четырьмя великими державами по вопросу воссоединения Германии и по вопросу европейской безопасности».

Касаясь Западного Берлина, «комплексный план» предлагал распространить оккупационный режим на весь Берлин и сохранить в городе иностранные войска до создания единого германского государства. Абсурдность этого предложения была особенно очевидной ввиду того, что Советский Союз предложил упразднить оккупационный режим в Западном Берлине.

За «новый элемент» в западном плане выдавалось предложение о создании «смешанного германского комитета», которому предлагалось подготовить проведение общегерманских выборов. По предложению западных держав в этот «смешанный германский комитет» должны были войти 25 представителей Федеративной Республики Германии и только 10 представителей Германской Демократической Республики. Эту, с позволения сказать, идею можно было назвать чем угодно, только не серьезным и разумным подходом к делу.

Западный «план мира» на поверку оказался планом сохранения международной напряженности, планом топтания на месте, что было особенно выгодно милитаристским силам Западной Германии, которым требовалось время для атомного вооружения бундесвера, для подготовки новой войны. Именно так расценивала западное предложение мировая демократическая общественность.

Нежизненность западного «комплексного плана» проявилась очень скоро. Уже к середине Женевского совещания он почти был забыт. Дискуссия на совещании под конец шла исключительно вокруг советских предложений, отвечавших потребностям дня. Дискуссия была полезной, она позволила участникам переговоров лучше понять точку зрения друг друга. Советская делегация проявила готовность не только понять точку зрения партнеров, но и пойти им навстречу. В ходе переговоров советская делегация выдвинула ряд новых идей, которые к концу переговоров вылились в форму единого предложения о заключении временного соглашения о Западном Берлине. Это соглашение о временном статусе Западного Берлина включало бы, согласно советским предложениям, договоренность по следующим вопросам: сокращение оккупационных войск западных держав в Западном Берлине до символических контингентов; прекращение подрывной работы из Западного Берлина против ГДР и других социалистических государств; неразмещение в Западном Берлине атомного и ракетного оружия.

Советская делегация предложила создать комитет в составе представителей США, СССР, Англии и Франции, который мог бы наблюдать за выполнением обязательств сторон, вытекающих из соглашения о временном статусе Западного Берлина. В течение периода действия временного соглашения три западные державы сохраняли бы за собой известные оккупационные права в Западном Берлине, а его связи с внешним миром были бы сохранены в том же виде, как они существовали в тот момент.

Тем временем были бы подготовлены условия для более кардинального решения берлинской проблемы на основе мирного договора с Германией.

Имея целью не допустить прекращения работы по подготовке мирного договора и вместе с тем на деле помочь сближению обоих германских государств, Советское правительство в своих новых предложениях высказалось за то, чтобы два германских государства создали на паритетных началах общегерманский комитет из представителей ГДР и ФРГ. В задачи

комитета входило бы расширение и развитие контактов между двумя германскими государствами, разработка конкретных мероприятий по объединению Германии, а также рассмотрение вопросов, связанных с подготовкой и заключением мирного договора с Германией.

Советское правительство предложило, чтобы соглашение о временном статуте Западного Берлина было рассчитано на полтора года. Имелось в виду, что к концу этого периода завершит свою работу и общегерманский комитет.

Если в течение срока действия временного соглашения оба германских государства в результате переговоров в рамках общегерманского комитета или в иной форме не придут к соглашению по вопросу мирного урегулирования и объединения Германии, то государства, представленные на Женевском совещании министров иностранных дел 1959 года, могли бы вновь вернуться к рассмотрению вопроса о Западном Берлине.

Таковым было основное содержание новых предложений Советского Союза.

Западные делегации не приняли их. Дело доходило до курьезных ситуаций. Так, например, в новых советских предложениях была использована идея создания общегерманского комитета, которая фигурировала в западном «пакете предложений». Правда, западные державы определяли срок действия общегерманского комитета в два с половиной года, а советская делегация предлагала ограничить этот срок до года, а потом до полутора лет. Но советская делегация ясно при этом заявила, что она не считает вопрос о сроке работы комитета принципиальным. Однако западные делегации, как только Советский Союз включил вопрос о создании общегерманского комитета в свои предложения, сразу же потеряли всякий интерес к собственной идее.

Единственным вкладом западных держав в копилку новых идей по германскому вопросу было их предложение сохранить существующий оккупационный режим в Западном Берлине в течение пяти лет, после чего снова рассмотреть этот вопрос. Вынужденные под давлением общественности пойти на это предложение, **287**

западные державы тем самым косвенно признали несостоятельность своей политики бесконечного сохранения оккупационного режима в Западном Берлине.

На совещании министров иностранных дел в Женеве ни один вопрос не был решен. И все же оно не было пустой тратой времени и сил. В принятом согласованном коммюнике министры констатировали, что откровенное и всестороннее обсуждение точек зрения обеих сторон привело к сближению их позиций по ряду вопросов. Совещание не оставило сомнений, что германская проблема в целом может быть решена путем переговоров. Месяц спустя мир отметил и конкретный результат совещания министров иностранных дел: на основании обмена мнениями, имевшего место в Женеве, было достигнуто соглашение о создании комитета по разоружению в составе представителей десяти стран.

Результаты Женевской встречи были бы, несомненно, более весомыми, если бы не подрывная деятельность Бонна против совещания. Эта деятельность носила чудовищные размеры и характер. Непосредственным дирижером выступал руководитель ведомства печати и информации правительства ФРГ Феликс фон Эккардт, являвшийся официальным членом делегации ФРГ. В Женеву он привез с собой около 40 сотрудников своего ведомства, в том числе почти всех начальников отделов и подразделов. Группа Эккардта составляла половину всей делегации ФРГ.

Людей Эккардта можно было видеть повсюду: на пресс-конференциях всех делегаций, в рабочих комнатах и вестибюлях пресс-центра, во Дворце наций, на улицах. Они с утра до ночи терлись среди журналистов, сотрудников и членов делегаций. Они собирали сведения, изучали настроения. Для корреспондентов у них всегда была наготове «интересная новость». Старые журналисты утверждали, что ни на одном международном совещании не распространялось столько слухов, как на этом. И не для кого не было секретом, что в этом была главная заслуга «штаба Эккардта».

Сам Эккардт в пресс-центре появлялся только во время официальных пресс-конференций. Отведенный ему там зал был лишь второстепенным плацдармом его деятельности. В своей резиденции он создал собственный пресс-центр. Это был командный пункт подрывной деятельности против совещания. В распоряжении фон Эккардта было 160 западногерманских журналистов. Почти каждый день Эккардт проводил с ними закрытые пресс-конференции, на которых выдумывались заголовки и аншлаги для завтрашних западногерманских газет, разрабатывались очередные пропагандистские диверсии.

Главное, над чем трудился фон Эккардт, — это не допустить какого-либо сближения точек зрения участников совещания. Как только в Женеве в оптимистическом тоне заговаривали о перспективах совещания, западногерманская официозная печать наполнялась призывами к западным державам «не уступать», «не идти на компромисс». Стоило кому-либо из западных министров произнести резкую речь по адресу советских предложений, как боннская печать ликовала, прославляя «единство» и «твердость» Запада.

Однажды в мировую печать было пущено сенсационное сообщение, будто государственный секретарь Соединенных Штатов Америки Гертер «потерял терпение» и немедленно уезжает из Женевы домой. Распространило это сообщение из Женевы западногерманское агентство ДПА. Сделано это было с явной целью внести нервозность в переговоры, оказать нажим на советскую делегацию. Американская делегация официально опровергла сообщение ДПА. Но ее авторы достигли того, чего хотели: под пикантным соусом прессы Запада еще раз преподнесла общественности выдумку о «несговорчивости русских».

Особенно яростными были атаки людей Эккардта на делегацию Германской Демократической Республики. Сначала они распространяли лживую версию, будто делегация ГДР в Женеве «потерпела поражение». Потом по Женеве поползли клеветнические слухи об «угрозе миру в Европе» со стороны вооруженных сил ГДР, о «злоупотреблениях» делегацией ГДР

289

своими правами в Женеве и т. д. Но это были жалкие потуги. Женева явилась славным этапом в развитии ГДР. Она подняла международный престиж немецкого рабоче-крестьянского государства. Именно в те дни известный американский журналист Сульцбергер писал в газете «Нью-Йорк таймс»: «Дипломаты могут уверять в противном, но по существу мы уже ведем дела с Восточной Германией».

Исход Женевского совещания давал Бонну повод для ликования, но жизнь делала свое дело. Колесница аденауэровской «политики силы» неудержимо катилась вниз.

НАЧАЛО «ЧЕРНОГО ГОДА»

К концу 1960 года в Федеративной Республике Германии было сформировано восемь дивизий бундесвера, еще три дивизии находились в стадии комплектования. Началось формирование двенадцатой, последней по Парижским соглашениям дивизии. Всего под ружьем находились более 272 тысяч солдат и офицеров. В состав НАТО были включены следующие вооруженные силы ФРГ: четыре мотострелковые дивизии, две танковые дивизии, одна горнострелковая дивизия, одна воздушно-десантная дивизия, подразделения войсковой авиации. Из военно-воздушных сил ФРГ командование НАТО получило в свое распоряжение следующее: четыре истребительно-бомбардировочные эскадры, одну истребительную авиационную эскадру, одну авиатранспортную эскадру, четыре крупные радиолокационные станции. Военно-морские силы ФРГ, представленные командованию НАТО, включали в себя одну эскадру эсминцев, три эскадры торпедных катеров, четыре эскадры минных тральщиков, **291**

одну десантную эскадру, подразделения авиации военно-морских сил.

В объединенных штабах НАТО работало около 1200 западногерманских офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Многие офицеры бундесвера занимали руководящие посты.

«Самоограничения», которые канцлер Аденауэр «добровольно» наложил на вооружение Западной Германии при подписании Парижских соглашений, к этому времени убедительно проявили свою призрачность. Так, например, по парижским протоколам ФРГ не должна строить военные корабли водоизмещением свыше 3000 тонн, а подводные лодки — свыше 350 тонн. Но в 1960 году щедротами командования НАТО Федеративная республика смогла довести водоизмещение своих военных кораблей до 6000 тонн. Ее подводные лодки выросли до 1000 тонн. В конце 1957 года Федеративная Республика Германии была включена в пресловутый план «МС-70», разработанный командованием НАТО. По этому плану бундесвер получил ракеты различных типов. Правда, план «МС-70» не предоставлял Западной Германии права производства атомных бомб, но это был план оснащения тактическим атомным оружием всех дивизий НАТО посредством предоставления им ракет-носителей атомных боеголовок. Федеративная Республика Германии сделала первый шаг к самому запретному плоду — ядерному оружию.

Бонн извлекал максимальные выгоды из того, что так называемое ведомство по контролю над вооружениями, создание которого предусматривали парижские протоколы в рамках Западноевропейского союза, осталось только на бумаге.

Западная Германия принимала самое активное участие в совместном производстве вооружения. На предприятиях ФРГ изготавливались части военных самолетов и ракет. За пять лет своего «суверенного» существования Федеративная Республика Германии превратилась в одну из наиболее мощных военных держав Западной Европы.

Во главе бундесвера стоял Франц-Иозеф Штраус, сын баварского мясника, в прошлом офицер гитлеров-

ского вермахта, сумевший вовремя вырваться из мясорубки битвы на Волге.

Впервые я увидел Штрауса в дни ратификации Парижских соглашений в бундестаге. Молодой, самовлюбленный, он несколько раз вскакивал на трибуну. Его речи отличались особой развязностью и воинственностью.

Журналисты говорили между собой:

— Видели Штрауса? Он опять сегодня «фотогеничен», в темно-синем костюме. Значит, снова собрался работать «на публику» перед телевизионными камерами.

Напористость, беззастенчивость, верность федеральному канцлеру обеспечили Францу-Иозефу Штраусу быстрое восхождение по политической лестнице. Вскоре он стал министром по делам атомной энергии, а в середине октября 1956 года занял пост министра обороны.

Последнее перемещение заслуживает того, чтобы о нем рассказать подробнее.

Предшественник Штрауса Теодор Бланк, став министром обороны, энергично взялся за дело. Он хотел уже к концу 1957 года поставить под ружье 270 тысяч солдат, а в 1958 году в основном закончить формирование полумиллионной армии. Он разработал обширную программу закупки вооружения за границей, главным образом в Соединенных Штатах Америки.

Но как только было набрано 70 тысяч «добровольцев», обнаружилось, что не хватает казарм. Союзники не проявляли ни малейшего желания освободить хотя бы часть занятых их войсками бывших казарм вермахта. Трудности еще больше увеличились, когда летом 1957 года бундестаг принял непопулярный закон о введении обязательной воинской повинности.

Но суть дела была даже не в военно-технических и не в политических последствиях «перегрева» машины ремилитаризации. Решающую роль при смене руководства в военном ведомстве сыграло то обстоятельство, что в боннских политических кругах к тому времени победила новая военная концепция.

Носителем этой концепции был Франц-Иозеф Штраус, опиравшийся на широкий круг единомышленников. Штраус считал, что в сложившихся к тому вре-

мени условиях не было смысла подхлестывать темпы увеличения численности бундесвера. Не видел Штраус смысла и в форсированных закупках оружия за границей. В век ядерной военной техники, по мнению Штрауса, решающее значение имела не огромная численность армии, вооруженной устаревшим оружием, а нечто другое. Разработанная им новая концепция состояла из трех элементов: борьба за обладание ядерным оружием, борьба за решающее влияние в штабах НАТО и борьба за участие Западной Германии в производстве оружия в рамках НАТО.

Став министром обороны, Штраус начал действовать в строгом соответствии со своей концепцией. Он растянул формирование полумиллионной армии на лишних пять лет — до 1963 года. Эту затяжку в сроках он ловко использовал в шантажистских целях, вырывая у командования НАТО уступки в других вопросах. В штабы НАТО хлынули бывшие гитлеровские офицеры и генералы. Все сухопутные силы НАТО в Европе попали под командование бывшего гитлеровского генерала Шпейделя. Несколько позднее другой генерал-нацист, Хойзингер, занял в Вашингтоне пост начальника отдела военного планирования НАТО. Западногерманская промышленность все больше и больше получала военные заказы бундесвера.

Но главным предметом вожделений Штрауса оставалась атомная бомба. Он нетерпеливо ждал того момента, когда можно будет снова поднять разговор об атомном оружии с большим успехом, чем после венгерского мятежа. Руки у него были развязаны: еще в марте 1958 года бундестаг принял закон, который поручал федеральному правительству добиваться ядерного оружия для бундесвера.

Большой «шанс» для себя Аденауэр, Штраус и вся их компания увидели в постановке Советским Союзом вопроса о заключении германского мирного договора и нормализации на его основе положения в Западном Берлине. Нагнетая психоз вокруг этого вопроса, они все ближе подбирались к ядерной бомбе.

В январе 1960 года Аденауэр, будучи в Ватикане **294** у папы римского, сделал заявление, вызвавшее бурю

возмущения во всем мире. Он сказал, что «бог ниспослал германскому народу особую роль в нынешние бурные времена, сделав немцев хранителями Запада...». Некоторое время спустя Аденауэр и Штраус в один голос начали требовать предоставления бундесверу баз на территории других партнеров НАТО. В мае 1960 года, после того как над территорией Советского Союза был сбит американский самолет-разведчик «У-2», Штраус потребовал «пойти на риск усиления напряженности и угрозы войны».

А несколько недель спустя Штраус, выступая в ассамблее Западноевропейского союза, заговорил о необходимости «создать в рамках НАТО сбалансированные вооруженные силы, оснащенные всеми видами оружия». В августе 1960 года Бонн окончательно раскрыл карты своих желаний. Там появился скандально известный меморандум генералов, которые потребовали оснастить бундесвер ядерным оружием.

В кругах мировой общественности никто не сомневался, что меморандум боннских военных выражал не только их личное мнение. И действительно, несколько дней спустя в Бонне состоялась беседа между Аденауэром и Штраусом, о которой было издано специальное коммюнике. В этом коммюнике указывалось, что правительство согласно с «деловым содержанием и идеями информационного меморандума, составленного штабом бундесвера». Мнение военных, указывалось далее в коммюнике, «в полной мере» соответствует политике правительства. В коммюнике была выражена благодарность бывшим гитлеровским генералам за «проделанную работу». В ходе беседы, добавляло агентство ДПА, канцлер выразил мнение, что требования военных «должны быть выполнены».

Выступая 1 ноября 1960 года, Аденауэр горячо поддерживал появившийся тогда американский план превращения НАТО в «четвертую атомную силу», потребовав «собственного атомного оружия для НАТО». В таком же духе действовали боннские министры Брентано и Штраус на декабрьской сессии НАТО. «Мы должны быть чрезвычайно благодарны Соединенным Штатам за новое предложение, которое указывает

путь в будущее», — заявил Штраус по возвращении из Парижа. Он добавил, что теперь «у НАТО есть большой шанс». Предвкушая скорое осуществление своей мечты об атомной бомбе, Штраус говорил в те дни, что в 1961 году произойдут «серьезные политические события».

1961 год стал действительно годом серьезных политических событий, но не тех, о которых мечтали боннские политики у своих рождественских елок. Боннский политический горизонт, несмотря на успехи, вскружившие кое-кому голову, был в действительности не так уж чист.

В республике было беспокойно. Христианско-демократический союз на местных выборах продолжал терять голоса. В газетах все чаще мелькало выражение «кризис авторитета канцлера». Злопыхательские речи Аденауэра, Штрауса и Брентано усиливали сомнения в правильности политики «холодной войны».

Но еще более зловещие раскаты доносились со стороны Атлантического океана. Дело в том, что в ноябре 1960 года в Соединенных Штатах Америки сменился президент. В Белом доме поселился Джон Кеннеди, молодой, энергичный политик с оригинальным мышлением. Его соперник на выборах, ярый сторонник даллесовской политики «балансирования на грани войны» Ричард Никсон, на которого делали ставку в Бонне, с треском провалился.

Как только до Бонна дошли вести об исходе президентских выборов в США, Аденауэр объявил о своем желании скорее встретиться с Кеннеди. Он даже назвал примерную дату встречи — февраль 1961 года. Но события стали развиваться не по графику, намеченному в Бонне.

Первыми оказались не боннские деятели в Вашингтоне, а американцы в Бонне. Это были министр финансов США Андерсон и заместитель государственного секретаря США Диллон. В Бонн их пригнала нужда. Да, богатые американцы прибыли в Бонн в роли просителей. Дело в том, что под руководством президента Эйзенхауэра за три последних года дефицит платежного баланса США составил около 10 миллиардов дол-

ларов. В результате США потеряли золота на сумму около 5 миллиардов долларов. Кроме того, сумма их краткосрочных финансовых обязательств перед внешним миром превышала весь 18-миллиардный золотой запас США. Началась катастрофическая уценка золота из США. Андерсон и Диллон приехали в Бонн для того, чтобы просить Аденауэра взять на себя часть финансового бремени по ведению «холодной войны» и по подготовке к горячей войне.

В Бонне они встретили нелюбезный прием и были вынуждены вернуться за океан с пустыми руками.

Потянулись недели томительного ожидания. Прошел старый год, наступил новый, а приглашения Аденауэра в Вашингтон не поступало. К середине января 1961 года в Соединенные Штаты Америки под каким-то предлогом удалось проникнуть Штраусу. На обеде членов экономического клуба в Нью-Йорке в присутствии около тысячи видных промышленников и финансистов Штраус попытался оправдаться за инцидент, имевший место в Бонне с министром финансов США несколько месяцев назад. Он убеждал, что Западная Германия уже делает очень многое, чтобы помочь Соединенным Штатам нести бремя военных расходов. Штраус назвал «опасным и вводящим в заблуждение» выражение «германское экономическое чудо», которое часто встречалось в те дни в американской печати. «Это выражение объясняется ошибочной идеей, что Федеративная республика — страна неистощимых богатств. Это ложная концепция», — заклинал Штраус.

Но слова не помогли. Вашингтон ждал от Бонна звонкой монеты. Вскоре Бонн, у которого стали сдавать нервы, изъявил готовность произвести досрочные платежи по долгам, а также по закупкам оружия в США на общую сумму 1 миллиард долларов. Иначе говоря, он по-прежнему отказывался предоставить прямую финансовую помощь Америке.

В Вашингтоне возмутились таким подходом к нуждам США. Президент Кеннеди на пресс-конференции в Вашингтоне прямо заявил, что американское правительство считает недостаточным финансовый «вклад» Западной Германии.

Резкое заявление президента США всполошило официальный Бонн. Газеты заговорили о «готовности правительства провести новые финансовые переговоры с Соединенными Штатами».

В Вашингтон срочно помчался министр иностранных дел Брентано. Ему повезло больше, чем Штраусу: он был принят новым президентом США. Итак, лишь четыре месяца спустя после президентских выборов в США состоялся первый контакт официального боннского лица с главой американского государства.

Генриху фон Брентано пришлось полностью капитулировать. Он не только согласился оказать Соединенным Штатам «единовременную помощь» в размере более 4 миллиардов марок, но и выразил готовность предоставлять финансовую помощь США в течение ряда лет. Было договорено, что львиная доля западногерманских денег пойдет на «помощь развивающимся странам», что должно было сократить утечку долларов из США.

За уступку Брентано Вашингтон тут же заплатил наличными — приглашением канцлеру Аденауэру прибыть в Вашингтон в середине апреля.

Началась лихорадочная подготовка к визиту. Составлялись меморандумы и инструкции. В Бонн то и дело наведывались специальные гонцы из Вашингтона, чтобы заранее устранить все «недоразумения» и дать старому канцлеру представление о том «новом духе», который воцарился в Вашингтоне после переселения Кеннеди в Белый дом.

В Бонне и слышать не хотели о «новом духе». Брентано как раз в дни подготовки визита Аденауэра в США призвал западные страны «взять на себя инициативу в холодной войне». Вслед за ним Штраус требовал от командования и от политических деятелей НАТО «разработать общую стратегию для холодной войны».

А между тем из-за океана приходили вести, что там разрабатывается «новая военная концепция», делающая упор на усиление обычных вооружений и означающая отход правительства США от прежнего плана превращения НАТО в так называемую четвертую атомную державу.

В атмосфере тревоги и неуверенности старый канцлер Аденауэр выехал 11 апреля в Соединенные Штаты Америки для встречи с президентом, который был моложе его на 40 лет.

Стараясь укрепить свои позиции в связи с предстоящими переговорами, он накануне отъезда в беседе с американскими журналистами в Бонне обратился к Соединенным Штатам с призывом продолжать осуществлять свою руководящую роль в НАТО и не отказываться от плана создания ядерных вооруженных сил Атлантического блока.

В Вашингтоне Аденауэру был оказан подчеркнuto теплый прием. Новый президент США назвал его «великим европейцем и выдающимся лидером своей страны». В Вашингтоне были сказаны и записаны в официальных документах слова о единстве и согласии обеих сторон по важнейшим вопросам. Однако вернулся Аденауэр из Вашингтона хмурый и подавленный. Несколько дней он молчал. В Бонне ходили противоречивые оценки итогов его поездки. Лишь одно было всем ясно: надеждам Бонна на скорое получение ядерного оружия не суждено сбыться.

«Вашингтон серьезно стремится к переговорам с Советским Союзом о разоружении и просил в этом вопросе поддержки у федерального правительства, — писала в те дни близкая к правящим боннским кругам газета «Рейншише пост». — На этом основании временно отложен проблематичный в политическом отношении план создания атомной державы НАТО, которая могла бы оказаться необходимой как второй центр устрашения вне пределов США».

Это был момент, когда Аденауэр имел возможность исправить очевидные упущения прошлого, трезво взглянуть на создавшуюся обстановку в Германии и во всем мире и начать приспосабливать свою политику к потребностям времени, к реальному положению вещей. Аденауэр этого не сделал. Напротив, поразмыслив вместе со своими соратниками, он решил продолжать старый курс. Не прошло и месяца после его возвращения из Вашингтона, как Аденауэр, выступая в Нюрнберге, вновь заявил, что вооруженные силы Западной

Германии, как и другие войска НАТО, должны быть оснащены ядерным оружием.

Отныне боннская «политика силы» приобрела новую черту: постоянный нажим на США и их новое руководство, непрерывное вмешательство в их дела с целью помешать каким-либо мероприятиям, идущим вразрез со старым, даллесовским курсом.

Два года спустя стало ясно, насколько Аденауэр переоценивал свои силы.

ИСТОРИЯ НЕ ПРОЩАЕТ

Весна 1961 года прошла под знаком подготовки встречи глав правительств Советского Союза и Соединенных Штатов Америки в Вене. На этой встрече президенту США была вручена памятная записка, в которой излагалась точка зрения Советского правительства по двум наиболее злободневным вопросам того времени: по вопросу разоружения и по германскому вопросу. Этот документ останется на страницах истории как свидетельство воли и готовности Советского Союза искать решения труднейших международных проблем путем сближения, согласования точек зрения сторон.

По ряду вопросов Советский Союз пошел навстречу западным державам, предложив новые решения. Так, например, подчеркивалось, что советское предложение не связывает заключение мирного договора с признанием ГДР или ФРГ всеми участниками этого договора. Если США не готовы подписать единый мирный договор с двумя германскими государствами, говорилось в меморандуме, то можно было бы осуществить мирное урегулирование на основе двух договоров. Идя навстречу пожеланиям, неоднократно высказывавшимся на Западе, Советский Союз предложил разместить в Западном Берлине символические контингенты войск США, Англии, Франции и Советского Союза, а также контингенты войск нейтральных стран под эгидой ООН.

В памятной записке были и другие предложения и идеи, которые свидетельствовали о том, что Советский Союз не намерен разжигать страсти вокруг Западного Берлина, что он исполнен решимости найти решение проблем Германии на путях взаимоприемлемых соглашений.

И тем не менее агрессивные, наиболее воинственные круги на Западе решили устроить «испытание нервов» Советскому Союзу. На страницах газет, в эфире, на экранах телевизоров поднялся истощенный вой. Кричали о решимости Запада отстоять «силой» свои «права» в Западном Берлине. Распускались слухи о сенсационных планах, разрабатываемых в Пентагоне и в штабах НАТО, о «военной обороне Берлина», о намерении послать в Западный Берлин танковые колонны и т. д.

Разумеется, особое рвение проявил Бонн. На новой волне военного психоза группа Аденауэра — Штрауса — Брентано рассчитывала спасти свою политику «крайнего риска» и доказать абсурдность политики «новых рубежей», провозглашенной администрацией Кеннеди. В угаре военной истерии им мерещилось атомное оружие в руках генералов бундесвера.

Штраус вопил, что целью Советского Союза является «ослабление, изоляция и захват Федеративной Республики Германии». Фальсифицируя историю, глумясь над памятью тех, кто отдал жизнь за освобождение своей родины от гитлеровской нечисти, Штраус заявлял, будто Советский Союз уже «с момента второй фазы второй мировой войны», т. е. с момента начала изгнания гитлеровских полчищ из Советского Союза, имел своей целью «установление контроля, т. е. политического господства над всей Германией, так как контроль над всей Германией был предпосылкой господства над Европой, был предпосылкой для дальнейшей экспансии на Запад, был предпосылкой для успешного осуществления мировой революции как конечной цели советской философии». Штраус призывал западных немцев «снова выполнить активную обязанность обороны», защитить «свободу Европы».

Каждый день газеты Западной Германии пестрели заголовками, возвещавшими, что «Бонн настаивает на жестком курсе в отношении Берлина». Газета «Франкфуртер рундschau» указывала, что по мнению, существующему в федеральной столице, «следует дойти до грани войны, а в случае необходимости перейти эту грань, чтобы защитить Западный Берлин».

Воинственные призывы министров, подстрекательские инсинуации разносили по стране тысячи ежедневных газет, еженедельников, двухнедельных и ежемесячных изданий. К тому времени социал-демократическая партия совсем перешла на позиции правительственного лагеря. Это значило, что и ее пресса активно включалась в кампанию по раздуванию военной истерии. К этому еще надо добавить миллионы телевизоров и радиоприемников, через которые население ежедневно и ежечасно получало порции такой пропаганды.

В те месяцы на помощь боннской пропагандистской машине пришло солидное подкрепление. На совещании министров иностранных дел трех западных держав и ФРГ в Париже было принято решение о создании совместного центра по ведению пропаганды. Этот центр боннская газета «Генераль анцейгер» назвала «генеральным штабом по вопросам холодного контрнаступления». Стало известно, что инициатором создания этого штаба был Штраус.

В странах Атлантического блока имелось немало людей, которых коробили безответственные призывы к использованию силы в Западном Берлине. К их числу относился британский фельдмаршал Монтгомери. Известный английский военный обозреватель Лиддел Гарт писал в те дни: «Если колонны союзнических войск прибегнут к насильственным действиям для того, чтобы расчистить себе путь, русские могут укрепить восточных немцев силами, намного превышающими силы, имеющиеся в распоряжении Запада, и легко отразить любую попытку к наступлению. Если союзники тогда применяют атомное оружие, русские могут ответить тем же, и их позиции будут менее уязвимы, чем позиции союзнических войск, продвигающихся по открытой местности. На каждом этапе союзникам

придется повышать ставки и идти дальше по роковому пути, ведущему к тотальной ядерной войне. Все дело в том, что русские занимают непреодолимую позицию, а союзники оказались в невозможной позиции в результате того, что союзники в 1945 году опрометчиво сунули голову в петлю».

Но подстрекатели в Бонне и Вашингтоне не хотели внять голосу рассудка. Они не удостоили своим вниманием и план мира, детально разработанный правительством и Народной палатой ГДР и направленный правительству и бундестагу Федеративной Республики Германии в начале июля 1961 года. Закусив удила, они шли напролом — «до грани возможного».

Для того чтобы правильно понять положение, сложившееся летом 1961 года в Германии, надо иметь в виду, что все радиостанции и значительная часть телевизионных программ Западной Германии доступны для слушателей и телезрителей Германской Демократической Республики. Две мощные радиостанции — РИАС и «Свободный Берлин» — находятся в самом центре Германской Демократической Республики — в Западном Берлине.

Но дело не только в пропаганде. В те летние месяцы через Западный Берлин были брошены колоссальные силы для ведения непосредственной подрывной работы в Германской Демократической Республике.

Комитет по вопросам единства Германии, действующий в Германской Демократической Республике, в конце июля опубликовал информацию «К положению в Западном Берлине». Согласно этой информации, в Западном Берлине к тому времени обосновалось более 50 шпионских и диверсионных организаций. Там действовало 40 союзов эсэсовцев и бывших военнопленных вермахта, которые регулярно проводили реваншистские сборища.

Провокационная пропаганда, активная деятельность агентуры, имевшей возможность свободно переходить границу ГДР в Берлине, не оставались без последствий. Вылазки врага действовали на слабенервных, политически неустойчивых и просто не принявших социалистического строя людей, сеяли неуверенность

и панические настроения. Увеличивалось число тех, кто уходил в Западную Германию. «Бегите, пока не поздно», — шептались гражданам ГДР подосланные «благодетели».

В этих условиях государства — участники Варшавского договора приняли решение предпринять необходимые меры для обеспечения своей безопасности, и прежде всего безопасности Германской Демократической Республики, в интересах самого немецкого народа. Они рекомендовали Народной палате и правительству ГДР, всем трудящимся Германской Демократической Республики установить на границах Западного Берлина такой порядок, который надежно оградил бы страны социалистического лагеря от подрывной деятельности, при котором вокруг всей территории Западного Берлина, включая его границу с демократическим Берлином, осуществлялась бы надежная охрана и эффективный контроль.

Это предложение было принято и выполнено. В ночь на 13 августа 1961 года на сорокакилометровой границе между Западным и Восточным Берлином были установлены проволочные заграждения, железобетонные блоки и другие защитные сооружения. Граница была закрыта. Постановлением Совета Министров ГДР вводился порядок, который обычно имеет место на границах любого суверенного государства. Переходить границу с той и другой стороны стало возможно только по предъявлении специального пропуска. Объявлялось, что реваншистским политикам и агентам западногерманского милитаризма вступать на территорию ГДР (демократический Берлин) не разрешается.

В результате принятых мер пострадали те немецкие семьи, члены которых жили в разных частях Берлина. Правительства государств — участников Варшавского договора понимали, конечно, что принятие защитных мер на границах Западного Берлина создает известные неудобства для населения. Однако в создавшемся положении повинны были исключительно западные державы, и прежде всего правящие круги ФРГ.

Уже в первые дни после возведения защитных сооружений на границе Западного Берлина стало оче-

видным, что западногерманские пропагандисты попытаются использовать акцию ГДР на своих границах для раздувания новой волны антикоммунистической истерии. И действительно, очень скоро вдоль границы с западной стороны появились помосты, смотровые площадки, на которые затаскивался каждый иностранный посетитель Западного Берлина. Сюда массами привозили — за счет государственной казны — детей, молодежь и взрослое население Западной Германии. «Стену» демонстрировали как символ «коммунистического насилия». Пограничные укрепления стали объектом постоянных провокационных вылазок со стороны агентов разведок, западноберлинской полиции и иностранных войск, оккупирующих Западный Берлин.

Но сейчас, три с лишним года спустя после законного акта правительства ГДР, можно видеть, насколько мизерными оказались пропагандистские успехи империалистов в Западном Берлине по сравнению с тем, что они потеряли в историческую ночь на 13 августа 1961 года.

Дело далеко не только в том, что пограничными сооружениями был прегражден путь для агентуры, для шпионов и диверсантов, беспрепятственно проникавших до тех пор на территорию Германской Демократической Республики. Главное в том, что закрытием границы в Берлине был нанесен сокрушительный удар по основам политики, которую проводила Федеративная Республика Германии со дня ее основания.

13 августа означало, что боннский курс на решение вопроса воссоединения страны средствами «политики силы» окончательно и бесповоротно провалился. Те, кто не верил в прочность социалистического строя Германской Демократической Республики, кто еще был в плену иллюзий, навеянных событиями 17 июня 1953 года, теперь увидели свои заблуждения. Решительная акция Германской Демократической Республики в защиту своих границ, своего суверенитета убедительно показала, что подорвать республику изнутри, средствами пропагандистских и экономических диверсий, никогда не удастся, а военное

нападение на нее означало бы атомную войну. Формула Аденауэра «к национальному единству через объединение с Западом» повисла в воздухе как мыльный пузырь.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Грусон передавал из Западного Берлина пять дней спустя после закрытия границы ГДР:

«Пока, видимо, не все понимают, что события, происшедшие на этой неделе в Берлине, серьезным образом изменили характер берлинской и германской проблем, которые стояли перед Востоком и Западом на протяжении последнего десятилетия. Таково единодушное мнение наблюдателей, находящихся в Берлине».

Несколько месяцев спустя известный западно-германский публицист Рюдигер Альтман в своей книге «Германский риск» дал августовским событиям оценку, к которой затем присоединились многие на Западе. Он писал: «Конечно, 13 августа не остановило германскую политику. Но по своему воздействию на самосознание Федеративной республики его значение равносильно сигналу, означающему конец послевоенного времени, конец эры Аденауэра. Все увидели то, что до этого дня замечали лишь немногие: режим Аденауэра миновал точку зенита».

Понимал ли все это сам Аденауэр? Конечно, понимал. Об этом говорит его поведение в те дни. Он бился до последнего патрона, пытаясь спасти свой престиж. Он требовал «принять чувствительные меры против советской зоны». Он предлагал своим союзникам ввести «полное эмбарго на торговлю со всем восточным блоком» и «интенсивно продолжать военные приготовления вместе с партнерами по НАТО». Генерал Хойзингер призывал нанести вооруженный удар по ГДР. Его поддерживали некоторые газеты ФРГ. Однако в США и других странах НАТО влиятельные круги смотрели на события в Берлине иначе. Эти круги понимали, что благодаря стараниям Аденауэра они уже оказались у черты, от которой до военного конфликта один шаг. Они не хотели делать этот шаг, представляя себе его последствия. Премьер-министр

Англии Макмиллан с классическим британским спокойствием удалился из своей столицы на охоту. Указывая на идентичность позиций США и Англии, корреспондент лондонской «Таймс» писал из Вашингтона, что «требования Западной Германии что-нибудь сделать (по-видимому, все равно что) не только вызывают недовольство, несмотря на понимание чувств западных немцев, но и считаются опасными». Вскоре эта точка зрения была подтверждена Бонну официально.

Западногерманская пропаганда подняла невообразимый шум, обвиняя союзников в том, что они бросили Бонн на «произвол судьбы». Особенно выходили из себя газеты, близко стоявшие к Штраусу. Так, например, «Бильдцейтунг» в те дни писала: «Восток действует. Запад бездействует. Что, собственно, принимают западные государственные деятели? Молодой президент Кеннеди молчит. Умудренный опытом премьер-министр Макмиллан отправился на охоту... Мы разочарованы. Мы согласились на участие в западном союзе, считая, что оно представляет собой лучшее решение вопроса как для Германии, так и для Запада. Однако до сего времени ничего не произошло, если не считать письменного протеста западных комендантов».

Но, как указывала в те дни газета «Зюддейче цейтунг», за этой истерикой, за «политической активностью» Бонна под девизом «ответные меры» скрывалась беспомощность. «Становится все яснее, — писала газета, — что за громкими фразами о том, что Запад не потерпит новых насильственных мер, не последует никаких действий».

Так и получилось.

Для Аденауэра это был первый удар «черного года». Второй удар обрушился на его голову месяцем позже. На выборах в бундестаг Федеративной Республики Германии, состоявшихся 17 сентября 1961 года, Христианско-демократический союз потерял много голосов. Он утратил абсолютное большинство в парламенте. Если до этого партия опиралась на 50,2 процента избирателей, то теперь ей пришлось довольствоваться лишь 45,4 процента голосов. Ее основной

соперник — социал-демократическая партия получила значительный прирост мандатов. В бундестаге сложилось такое положение, что партия Аденауэра могла дальше оставаться у власти только в коалиции с другой партией. Поскольку социал-демократическая партия была как партнер по коалиции неприемлема, то единственной возможностью для коалиции оставался блок со Свободной демократической партией.

ХДС и СвДП когда-то уже были партнерами по коалиции, но они разошлись в результате обострения разногласий между ними после ратификации парижских соглашений. Теперь предстояло забыть старые обиды и дать друг другу новые клятвы верности. Это сделать было нелегко. На первых порах руководство Свободной демократической партии во главе с Эрихом Менде поставило категорическим условием своего вступления в коалицию удаление Аденауэра с поста федерального канцлера. В результате закулисных переговоров свободные демократы в конце концов сняли это категорическое требование. Коалиция была сформирована, правительство стало действовать. Однако до конца 1961 года и весь 1962 год коалицию трясла лихорадка кризиса.

Но пожалуй, главную заботу Аденауэра составляли не внутренние, а международные дела. Советско-американские контакты развивались. Советский Союз сделал новые важные заявления, которые положительно сказались на дальнейшем ходе обмена мнениями между СССР и США по вопросу германского мирного урегулирования.

Весной 1962 года в Женеве во время работы комитета 18 государств по разоружению состоялись встречи министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с государственным секретарем США Динном Раском, на которых продолжался обмен мнениями по германской проблеме. Это были полезные встречи. А. А. Громыко докладывал в конце апреля на сессии Верховного Совета СССР, что в ходе встреч был достигнут некоторый процесс в деле выяснения областей, где имеется согласие, и областей, где имеются расхождения. Беседы показали наличие стремления к сближе-

нию позиций сторон с учетом реально существующих условий в Германии. Обмен мнениями в Женеве содействовал внесению ясности в вопрос об обеспечении беспрепятственного сообщения Западного Берлина с внешним миром, чему западные державы придавали и придают до сих пор особое значение. Американская сторона заявила, что не видит препятствий для того, чтобы сочетать свободный доступ в Западный Берлин с требованием уважения суверенитета Германской Демократической Республики. Это был шаг вперед. Американская сторона продемонстрировала понимание важности решения вопроса о недопустимости вооружения атомным оружием германских государств.

В ходе обмена мнениями между правительствами СССР и США в принципе было достигнуто взаимопонимание относительно необходимости заключения в той или иной форме пакта о ненападении между НАТО и организацией Варшавского договора.

Это были первые проблески, вселявшие надежду на возможность соглашений. Однако прав был министр иностранных дел СССР, заявляя с трибуны сессии Верховного Совета о необходимости проявить сдержанность в оценках и прогнозах.

Вопрос заключения германского мирного договора не решен до сих пор. Не урегулированы и частичные проблемы, связанные с Западным Берлином, хотя Советский Союз с тех пор внес ряд новых предложений, направленных на временное урегулирование положения в Западном Берлине. Застрял на мертвой точке и вопрос о заключении пакта о ненападении между НАТО и организацией Варшавского договора. Есть и другие вопросы, ждущие своего разрешения.

В том, что известные успехи весны 1962 года по ряду важных международных вопросов не были впоследствии развиты, немалая заслуга канцлера Аденауэра. Он с остервенением топтал первые хрупкие ростки взаимопонимания. Он сеял недоверие и подозрительность. По-прежнему на первом плане у него стояло требование атомного оружия для бундесвера.

В нелегкие для народов дни кризиса в Карибском море Аденауэр выступил в роли злобного подстрекателя

к войне. Он прибыл в Вашингтон на переговоры с Кеннеди, по выражению газеты «Вашингтон пост энд таймс геральд», «ощетинившись». Аденауэр, писала газета, «становится все более трудным другом, занимающим все более деспотичную и покровительственную позицию» по отношению к государственным деятелям США.

Встреча Аденауэра с Кеннеди прошла в холодной атмосфере, отражавшей, по словам «Нью-Йорк таймс», тот факт, что «эти два деятеля не могли подходить друг к другу». Касаясь существа переговоров, газета «Нью-Йорк таймс» писала, что Аденауэр «подтвердил концепцию своего правительства в области обороны, с которой Вашингтон не согласен. Сущность этой концепции сводится к тому, что на любую коммунистическую агрессию в Европе следует отвечать применением тактического атомного оружия. По мнению Вашингтона, это приведет к тому, что событие, которое могло бы не выйти за рамки обычного пограничного столкновения, может превратиться в ядерную катастрофу».

Аденауэр сделал попытку в Вашингтоне воспользоваться кубинским кризисом для того, чтобы толкнуть США на «силовые действия» в Западном Берлине. Однако в этом вопросе он не нашел понимания в Белом доме. Весь визит, как писали американские газеты, прошел в атмосфере натянутости.

Итак, отношения с главным западным союзником, на дружбе с которым Аденауэр строил свою политику, дали трещину. Это был третий удар.

А через несколько недель последовал четвертый. Аденауэру пришлось расстаться со своим министром обороны Штраусом.

Этот честолюбивый человек, уже не скрывавший своего желания занять канцлерское кресло, к тому времени перешагнул все границы приличия. Были раскрыты его темные финансовые махинации, расследование которых стало сенсацией на протяжении многих месяцев. Кроме того, он захотел вновь показать себя как «сильную личность». По его инициативе и при его участии была проведена террористическая акция

пшигель», много раз выступавшего с критикой политики боннского правительства и действий самого Штрауса. Арест шести руководящих сотрудников редакции журнала во главе с главным редактором Рудольфом Аугштейном вызвал огромное возмущение западногерманской общественности. Атмосфера накалилась до такой степени, что развал боннской правительственной коалиции казался неминуемым. Свободные демократы решительно потребовали удаления из кабинета Штрауса. Аденауэру пришлось удовлетворить это требование.

Прощаясь со Штраусом в кругу генералов бундесвера в клубе авиабазы Ван близ Бонна, Аденауэр восхвалял «одаренность, энергичность» уходящего министра обороны и выразил твердую уверенность, что Штраус еще будет играть в политической жизни ФРГ большую и решающую роль.

На рождественских и новогодних праздниках в Бонне лежала печать тревоги и уныния. Аденауэр попытался разрядить обстановку в день своего рождения, 5 января 1963 года, когда ему исполнилось 87 лет. Семичасовую церемонию чествования юбиляра во дворце Шаумбург он провел так, как будто ничего не случилось. Для каждого у него нашлось острое словцо. Своего любимца Штрауса он встретил вопросом: «Что, опять у вас что-нибудь стряслось?» Эрхарда, уже совсем нацелившегося на канцлерское кресло, он озадачил двусмысленным замечанием: «Никто не застрахован от сюрпризов, господин профессор». А когда фон Брентано от имени парламентской фракции ХДС преподносил юбиляру 30 бутылок мозельского вина со словами: «По бутылке на каждый будущий год вашей жизни, господин федеральный канцлер», Аденауэр быстро парировал: «А что же я потом буду пить?»

Гости улыбались. За окном гремел оркестр бундесвера. Веренице поздравляющих не было видно конца: шли дети из сиротских приютов, певчие кёльнского мужского хора, посланцы НАТО и управления «Общего рынка», генералы бундесвера и дипломаты, члены рейнского клуба автомобилистов и руководительницы федерального объединения христианских женщин...

И всем было ясно, что свой следующий день рождения Конрад Аденауэр будет тихо отмечать не здесь, а в Рёндорфе, в кругу своих родных и самых близких людей.

Три с половиной месяца спустя в Бонне развернулись события, которые описаны в первой главе этой книги.

Но за эти три с половиной месяца Аденауэр успел сделать важный шаг — подписать с президентом Франции де Голлем соглашение о сотрудничестве. Готовясь к уходу, Аденауэр старался приковать своего преемника железными цепями к колеснице «политики силы», к политической линии, преследовавшей цель не допустить ослабления напряженности в отношениях между Советским Союзом и США. Аденауэр до конца остался верен себе.

БАЛАНС И ПРОГНОЗЫ

Многие в Западной Германии считают, что Аденауэру следовало бы уйти в отставку года на два — три раньше, т. е. в 1960 или уж самое позднее в 1961 году. Именно это время принято сейчас считать концом «эры Аденауэра». Во всяком случае тогда на прилавках в Западной Германии появились первые книги, подводившие итог этой «эры». К моменту прощальных торжеств в Бонне в честь уходящего канцлера эта литература составляла целую библиотеку.

Авторы были разные, и оценки были разные. Но характерная деталь: не появилось ни одной книги, которая безоговорочно поддерживала бы аденауэровский курс. Даже его известные почитатели сочли нужным сказать ему в напутствие немало неприятных слов.

Заглянем в три книги, которые вышли в 1963 году и интересны тем, что их авторы не были непримиримыми противниками режима Аденауэра. Каждый из них в разное время и в разной мере критиковал боннское правительство, но в целом они себя считают верными сынами «второй республики».

Это Карл-Герман Флах, автор книги «Тяжелый путь Эрхарда», в недавнем прошлом заметный деятель Свободной демократической партии, а ныне журналист; это Клаус Беллинг, известный гамбургский радиокомментатор, написавший книгу «Вторая республика», на которую мы уже ссылались; наконец, небезызвестный философ Карл Ясперс, новый сборник статей которого вышел под названием «Жизненные вопросы германской политики».

«Когда размышляешь над положением Федеративной республики — пишет Карл-Герман Флах, — когда ощущаешь силу окружающих ее мировых политических течений, чувствуешь серьезность подстерегающих всюду опасностей, когда видишь преобразования в немецком народе, духовные движения и, более того, движения вспять, когда осознаешь общественные изменения, тогда начинаешь понимать, насколько нелепы мысли, сидящие в головах многих наших политиков, и мотивы, стоящие на переднем плане их интересов. Неужели мы на самом деле не доросли до уровня требований нашего времени?»

Вот он, роковой вопрос, который со всей своей беспощадностью встал перед думающими западными немцами к концу двадцатилетия послевоенного развития капиталистической Германии!

Пытаясь найти на него ответ, авторы книг вынуждены копаться в болячках своего общества.

Карл Ясперс заявляет: «Наша надежда на возрождение из нужды в духе лучших немецких традиций сегодня кажется наивностью детей, не посвященных в политику... Экономическое чудо, вермахт — это великолепно, но совершенно недостаточно для того, чтобы обеспечить продолжительность существования и стабильность свободного государства».

Клаус Беллинг, старательно подчеркивающий свою приверженность существующему в Западной Германии режиму, пишет о западных немцах: «Они называют себя гражданами Федеративной республики. Они это делают с иронией и чувствуют себя при этом неважно. У них хватает силы признать это государство

своим. И все же они считают, что полная приверженность ему постыдна».

Карл-Герман Флах заявляет, что, несмотря на благополучие в экономическом положении страны и сравнительно высокий жизненный уровень, народ постоянно испытывает «неприятное чувство». «Люди, мысленно заглядывающие в завтрашний день, не могут освободиться от внутреннего беспокойства, — констатирует он. — Их гнетет ощущение, что в Федеративной республике сверкающий фасад покоится на слабом фундаменте. У них такое впечатление, что политически мы перебиваемся с хлеба на воду».

Авторы считают, что Западная Германия все еще купается в лучах пресловутого «экономического чуда», однако они не уверены, что так будет продолжаться долго. Оснований для таких опасений, кстати сказать, более чем достаточно: в последние годы канцлерства Аденауэра экономические трудности в ФРГ увеличивались. Резко замедлились темпы индустриального развития: с 10,7 процента в 1960 году они упали в 1962 году до 4,9, а в 1963 году, по официальным данным боннского правительства, — до 3 процентов. Западногерманским товарам все труднее приходится на мировом капиталистическом рынке, и перманентные шумные сражения в Брюсселе с партнерами по «Общему рынку» показывают, что улучшения не предвидятся. Но особенно беспокоит авторов проблематика, связанная с производственными отношениями в Федеративной республике, очевидное банкротство социальной политики правящего класса. Они уже не в состоянии пройти мимо очевидного факта: под солнцем «свободного рыночного хозяйства» кучка монополистов и новых ловкачей неслыханно богатеет за счет беззастенчивой эксплуатации рабочих и крестьян, она захватила экономическую и политическую власть в стране и чинит произвол, презирая общественное мнение, игнорируя интересы и волю народа. К. Беллинг констатирует: «Жизненный уровень повышался, но и увеличивалась дистанция между низким и высоким доходом, и обещанное правительством богатство для всех слоев народа остается до сих пор недостижае-

мым для очень большой части граждан... От цели социально справедливого государства, каковым Федеративная республика должна быть по ее конституции, она еще довольно-таки далека».

К. Беллинг пишет о крахе попыток разрешить социальные проблемы с помощью фальшивых атрибутов «народного капитализма». «Различные попытки создать условия для образования богатства и у рабочих, — пишет он, — застряли на полпути. Народная акция, введенная правительством с огромным пропагандистским шумом, не смогла убедить население. Слишком часто мелкие акционеры сталкивались с тем фактом, что доминирующие на рынке акций крупные фирмы и банки не принимают их всерьез. Реформа акционерного права разбилась о сопротивление богатых заинтересованных лиц». В результате произвола объединений предпринимателей, перед которыми, как пишет автор, правительство оказалось бессильным, «из года в год повышались цены, а покупательная способность немецкой марки начиная с 1950 года постоянно понижалась».

Теневые стороны «экономического чуда» и системы «свободного рыночного хозяйства», лозунги «равных возможностей» и «собственности для всех» особенно убедительно разоблачает К.-Г. Флах. Он заявляет, что в Западной Германии образовалось «закрытое общество», судьбы которого вершит кучка миллионеров. Проникнуть в него «новым людям» практически невозможно. «Талантливый механик-изобретатель, основывающий мировой концерн, ныне существует только в книжках сказок», — иронически замечает автор. Он предупреждает о большой опасности, таящейся в этой ничем не ограниченной свободе действий монополий, у которых на первом плане нажива.

Предаваясь иллюзиям «гражданского мира», якобы царящего в ФРГ, западногерманские буржуазные публицисты в то же время не могут не ощущать, что корни внутренних неурядиц их общества кроются в непримиримости противоречий между трудом и капиталом, в несовместимости интересов кучки монополистов и многомиллионной массы трудового народа. **315**

В их рассуждениях то и дело прорывается мысль, что главная угроза устоям боннского государства исходит от собственного народа, ибо это государство монополий, а не народа. С трогательной наивностью К. Беллинг пишет: «Едва ли в Федеративной республике еще найдется пролетарское классовое самосознание; однако критически настроенные исследователи в области социальной политики сделали такое наблюдение: рабочие Рурской области еще и сегодня испытывают чувство, что они являются лишь попутчиками в западногерманском обществе и, собственно, не принадлежат к нему».

Идеологам западногерманского капитала приходится задумываться и над другой неприглядной стороной боннской действительности. К. Ясперс заявляет, что «в политическом отношении Западная Германия сейчас находится в состоянии, которое, собственно, не является демократией демократически мыслящего народа». А К.-Г. Флах с горькой иронией называет боннский режим «демократией без демократов», «государством начальства». При этом он прямо указывает, в чем корень зла: «От самых лучших парламентов, от самых квалифицированных партий и от честнейшей публицистики мало толку, если ключевые позиции заняты людьми, деловые качества и характер которых сложились в администрации оккупированных областей или в других управленческих органах фюрерского государства Гитлера». Главной ошибкой Аденауэра, от «последствий которой Федеративная республика страдает с первого дня своего существования и еще долго будет страдать», К.-Г. Флах считает включение в конституцию статьи 131 о правах бывших государственных служащих. В результате «даже комиссары гестапо, высокопоставленные эсэсовские служаки главного ведомства имперской безопасности, прокуроры спецсудов и управляющие гетто в оккупированных восточных областях снова возвратились на государственную службу как пожизненные чиновники и даже судьи». Основную долю вины за это несет лично Аденауэр, вложивший в руки бывшего высокопоставленного чиновника гитлеровского мини-

стерства внутренних дел Ганса Глобке вожжи кадровой политики государства. «Приходится ли удивляться тому, что старая клика из берлинских министерств вскоре заняла ключевые позиции в федеральном правительстве и пропитала его своим духом», — пишет К.-Г. Флах.

К. Беллинг видит истоки антидемократизма в самой основе боннского государства. «Факт остается фактом, — пишет он, — что сильная группа менеджеров, управляющих западногерманским хозяйством, мало заинтересована в судьбе демократии в этой стране. Свобода, как они ее представляют, — это свобода неумного загребания денег, свобода сосредоточения в своих руках такой власти, чтобы никто не посмел вмешаться в их гешефт».

К.-Г. Флах подробно анализирует «тяжелое наследие» Аденауэра. Молодежь не имеет примера для подражания, пишет он, права народа попорчены, общество не располагает настоящей «духовной элитой», политическая мораль в упадке. Правящий слой живет в строгой изоляции от масс. Сохраняется опасность захвата власти в стране группами «неисправимых». Автора особенно угнетает жалкое состояние самого правящего слоя, погрязшего в «духовной нищете». Все, что связано со столицей республики — Бонном, заявляет он, ассоциируется с «узостью, мелкотравчатостью, мешанской ограниченностью горизонта... Все имеет чахоточный вид, всюду искусственность, отсутствие юмора, впадение в крайности — от чрезмерной надменности до подобострастной покорности, особенно в общении с иностранцами. В общественном смысле мы — глубокая провинция».

Нелегко и небезопасно выносить такой жестокий приговор своему обществу. Но К.-Г. Флах отваживается на это. Воинствующий защитник своего класса, он хочет любыми средствами расшевелить его вожжаков, открыть им глаза на то, что он наконец-то увидел сам. Он бьет в набат, напоминая о вызове, брошенном историей капитализму, о вызове, от которого, по его словам, «не удастся уклониться» и германскому капиталу. «Рано или поздно, — заявляет он, — соревнование между

Западом и Востоком за переустройство современного общества на новых началах захватит и немецкую землю... От истории нельзя уйти в отпуск».

Особенно резкой критике подвергается внешнеполитическое наследство Аденауэра.

К.-Г. Флах называет внешнеполитическую концепцию Бонна — в том виде, как ее развивали Аденауэр и его пропагандисты, — «неогерманской сказкой», «шизофренией», политикой, «ориентирующейся исключительно на иллюзорные цели». «Звучные дворянские титулы дипломатов, — пишет он, — не могут прикрыть того факта, что германская внешняя политика преимущественно делается и представляется немецким обывателем, если вообще позволено говорить о германской политике. Ее, собственно, и не существует».

Автор книги «Тяжелый путь Эрхарда» решительно отвергает фальшивый лозунг «самоопределения» в его аденауэровской интерпретации. «Для гитлеровской Германии, — пишет он, — право других народов на самоопределение было клочком бумаги, который в любое время разрывали, да к тому же под бурные аплодисменты немецких масс. Таким образом, у нас есть основания лишь терпеливо, бережно, осторожно агитировать за наше право на самоопределение. Мы не имеем права требовать его. Мир так быстро не забыл, что в угаре силы немцы отказывали другим народам не только в праве на самоопределение, но и в самом простом праве на жизнь. Какой парадокс: лица, участвовавшие духовно или практически в уничтожении прав других народов, теперь, после крушения своих планов, требуют безапелляционно этих прав для Германии!»

«Недоработки» и «упущения» внешней политики Аденауэра вызывают досаду и у К. Беллинга, хотя он в целом старается оправдать боннский курс. Он констатирует, что «даллесовская концепция вытеснения коммунизма», которая была с восторгом принята Конрадом Аденауэром и оказала влияние на его мышление, провалилась еще при жизни Даллеса. Он упрекает Аденауэра в том, что тот смотрел на отношения с Востоком как на «проблему второго сорта».

Все критики Аденауэра сходятся в одном: нужно сказать всю правду народу о том тупике, к которому пришла внешняя политика Бонна. «Глупо думать, что немцы не вынесли бы всей правды, — пишет К.-Г. Флах. — Она распространена шире, чем предполагает высокая политика. В действительности авторитет государственных мужей страдает, когда они с относительно взрослым народом поступают как со школьниками».

Авторы ищут ответа на вопрос, который и по сей день задает себе каждый политически мыслящий западный немец: куда идти?

«Германская политика в тупике, — констатирует К.-Г. Флах. — Речь идет не только о новом стиле! Недостаточно изменить кое-где и кое-что. Все аспекты германской ситуации должны быть продуманы совершенно по-новому. Нужны свежие силы, новые идеи».

К. Беллинг считает, что во внутренней жизни «одной из важнейших задач является борьба с чрезмерной концентрацией экономической силы», и высказывается за «определенную форму общественного контроля», некую систему «планирования» хозяйства. Те же идеи, только более широко и страстно развивает К.-Г. Флах. В целях противодействия «эгоизму» монополий он предлагает ввести систему «общего народнохозяйственного учета», «координации потребностей государства с возможностями народного хозяйства» (автор особенно решительно осуждает безудержное раздувание военных расходов). Он считает необходимым добиться единства экономической и социальной политики, составить «разумный» пятнадцатилетний план развития сельского хозяйства и генеральный план развития науки и исследований, провести финансовую и налоговую реформы. Неотложную задачу автор видит в том, чтобы осуществить «просвечивание насквозь» всего государственного аппарата, приспособление его к нуждам будущего.

Требуя далеко идущих реформ (которые, разумеется, не должны затрагивать основ капиталистического общества), западногерманские буржуазные публицисты заботятся о способности своего государства выдержать соревнование с социализмом. К. Беллинг без обиняков

заявляет, что внутриполитические задачи ФРГ вытекают прежде всего из факта наличия Германской Демократической Республики. Ругая воротил западногерманской экономики за консерватизм и узколобость, он пишет: «До этого руководящего слоя не доходит, что спор с коммунистическим блоком надо вести не военными, а другими аргументами. Этот слой уповает на превосходство общества благоденствия, но он не понимает, что в более отдаленной перспективе Федеральной республике еще придется по отношению к зональному государству (так автор называет ГДР) доказать, что она действительно является безупречным социально-правовым государством, каким она должна стать согласно Основному закону».

К.-Г. Флах особенно обеспокоен состоянием западногерманских партий, которые, по его словам, «позволили низвести себя практически до положения верноподданных мощных групп». Он требует от Эрхарда разработки закона о партиях, который позволил бы ему сплотить «демократические группы», имеющиеся во всех партиях, «в единый государственно-гражданский фронт для того, чтобы начать внутриполитическую пробу сил с промышленными объединениями».

Сколь ни курьезна такая схема (представитель монополий Эрхард во главе «демократических групп» из всех партий против монополий!), она показывает глубину тревоги тех, кто видит неуклонную деградацию своей общественной системы.

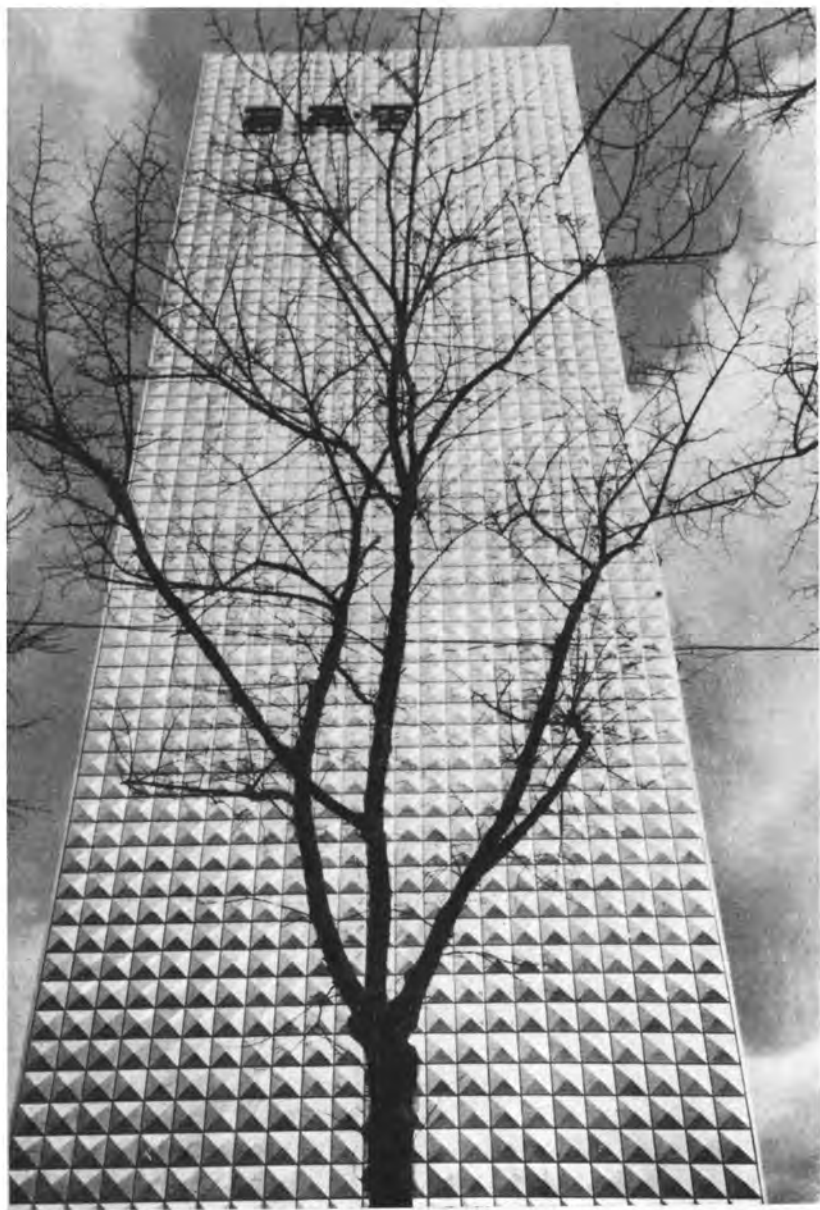
Еще острее вопрос «куда идти» стоит в области внешней политики боннского государства.

К. Беллинг, ратуя за ликвидацию «упущений» и «недоработок» Аденауэра, выступает за то, чтобы принимать все меры к улучшению отношений «со странами восточного блока», не отказываясь в то же время от идеи поглощения ГДР под флагом «права немцев на самоопределение».

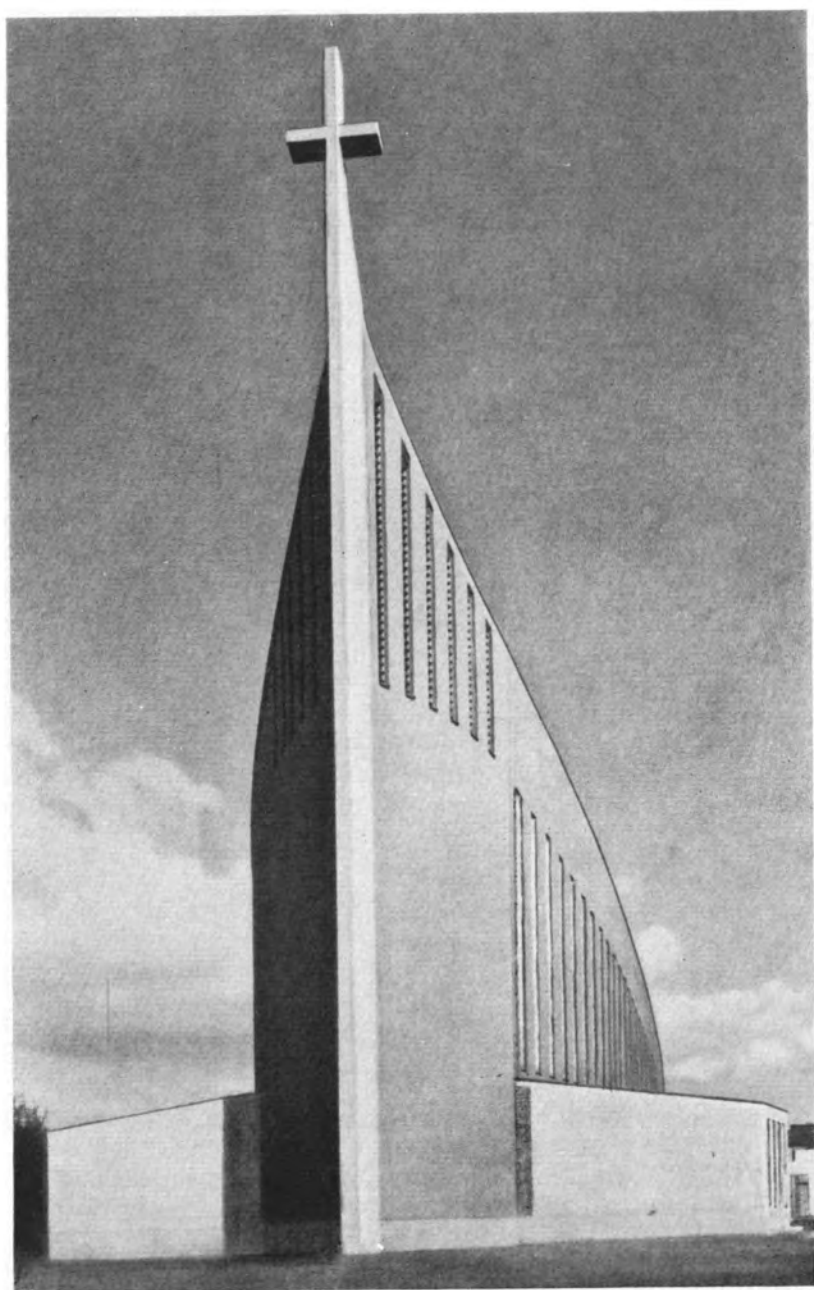
К.-Г. Флах — решительный противник полумер, он считает, что при Эрхарде ситуация «должна быть продумана заново без всяких предрассудков» и что следует положить начало политике, опирающейся на реальные факты.

В послевоенное время в Западной Германии построены сотни новых километров автострад. На снимке — перекресток автострады вблизи Франкфурта-на-Майне.

Подобные постройки (церковь во Франкфурте и административное здание в Гамбурге) все больше вторгаются в панораму западногерманских городов.

Уголок старого Вюрцбурга, еще не затронутый новыми архитектурными ветрами.

«Конрад Аденауэр, — пишет К.-Г. Флах, — уходит корнями еще в XIX век. В Федеративной республике он пришел к власти, когда Хиросима уже была уничтожена, но когда еще не были поняты масштабы влияния супербомбы с ее невообразимой силой. Он не переучился... Людвиг Эрхард стоит перед трудной задачей обеспечить Федеративной республике возможность приобщиться во внешней и внутренней политике к атомному веку».

Идею «приобщения» к новому веку на свой манер высказывает и К. Ясперс. «Отправная точка наших морально-политических возможностей, — заявляет он, — кроется в опыте прошлой катастрофы и того, что к ней привело; далее, она кроется в опыте угрозы будущей мировой катастрофы. Оба опыта могут привести к повороту в образе политического мышления, чего, однако, до сих пор в целом не произошло».

На какой же основе, по мнению западногерманских авторов, должен произойти этот поворот, это «приобщение» Федеративной республики к атомному веку? Что касается К.-Г. Флаха, он высказывается вполне определенно: на основе политики мирного сосуществования. Он рекомендует Эрхарду снять ФРГ «с фронтовой линии холодной войны», не идти в одной шеренге с сенатором Голдуотером, Чан Кай-ши и другими «бешеными». «Именно немецкий народ, чей фюрер принес в свое время неисчислимые страдания другим народам и который сам так пострадал под бичом двух мировых войн, в высшей степени обязан постоянно и конструктивно трудиться над стратегией мира». ФРГ, по мнению К.-Г. Флаха, должна заявить о своем отказе от территорий, расположенных восточнее линии Одер — Нейссе. «Если бы немцы, именно немцы, впервые от чего-то отказались, это подняло бы их цену как нации», — пишет К.-Г. Флах.

Подходя к вопросу о путях воссоединения страны, К.-Г. Флах смело поддерживает идею создания конфедерации германских государств. «Обе части Германии, — пишет он, — интегрированы в двух различных системах блоков. Это привело не только к их обособленному существованию в духовном и общественном

321

смысле, но и к такому экономическому развитию, которое абсурдно с точки зрения учения о размещении общегерманского хозяйства... В Средней Германии построены отрасли промышленности (нефтеочистительная, сталеплавильные и прокатные заводы, верфи и т. д.), которые у нас уже имеются в больших мощностях, а Федеративная республика создала промышленность (текстиль, оптика, машиностроение), классическим местом расположения которой была Средняя Германия. Уже из этих соображений общегерманский процесс должен быть конфедеративным». Доказывая перспективность идеи конфедерации, автор заявляет: «Если бы Эрхард смог предложить создание на определенных условиях конфедерации Федеративной республики с ГДР, то вся германская политика снова пришла бы в движение».

Новому канцлеру Людвигу Эрхарду придется заново продумать боннскую политику в отношении ГДР, поскольку все, включая и союзников ФРГ, ждут германского вклада в дело обеспечения мира в атомный век, подчеркивает К.-Г. Флах. Вопрос отношения к ГДР — это вопрос выбора между миром и войной, вопрос участия или неучастия в усилиях, направленных на предотвращение ядерной войны. Ибо в случае такой войны «мертвые, — как пишет он, — и те немногие выжившие, которые еще позавидуют мертвым, не станут спрашивать, была ли ГДР государством или нет». Ни одно соглашение в области всеобщего контролируемого разоружения невозможно без участия ГДР, констатирует он далее. Поэтому Бонну следует отказаться от всякого рода «мелочных» и «провинциальных» выходов в отношении ГДР.

К.-Г. Флах предостерегает, что мир может «плюнуть на боннские принципы», если в ФРГ не сменят пластинку.

Такой баланс подвели «эре Аденауэра» сами немцы, живущие в Западной Германии.

А что думали на сей счет их западные союзники?

Официальные круги старались молчать. Но публицисты высказали немало любопытных суждений, из которых приведем два наиболее характерных.

Одно из них принадлежит известной американской журналистке Флоре Льюис, работавшей долгое время в Бонне. У нее острый глаз и цепкий аналитический ум. В статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс мэгэзин» 18 ноября 1962 года, Ф. Льюис сначала делает ряд обобщений, касающихся нынешней психологии западных немцев. «Вера в себя вернулась, — пишет она. — О национальных интересах снова говорят с гордой уверенностью, а не с унижительной неловкостью. Немцы больше не боятся и не стыдятся выступать с мировых трибун...»

Западная Германия находится на пороге новой эры, пишет Ф. Льюис. «Начинается период определения курса для очередного этапа. Далеко не всякие решения здесь возможны. Международные обстоятельства, которые немцы не в состоянии изменить, ограничивают возможности в этом отношении. Но тем не менее круг возможностей обширен».

Это очень точное определение сути исторического момента, переживаемого Федеративной Республикой Германии.

Особенностью положения Германии, пишет Флора Льюис, является то, что она находится «между Востоком и Западом». С самого начала послевоенного периода, говорится в статье, существовала многочисленная группа, считавшая, что будущее зависит от соглашения с Россией. Это течение представляет собой результат слияния противоречивых чаяний.

Одни, левые, боролись за облегчение бремени национальной власти с помощью той или иной формы нейтрализма — «австрийского решения», которое принесло бы национальное единство и безопасность на базе отклонения всякого влияния извне.

Вторым источником движения за ориентацию на Восток являются правые круги, базирующиеся на старых, бисмарковских принципах опоры на могущество России. Эта группа смотрит на Восток, стремясь укрепить свою власть, а не отказаться от нее.

Рядом с этим двойным течением, но не слитно с ним, продолжает американская журналистка, существует более осторожное течение, сторонники которого **323**

ратуют за более ограниченные соглашения с русскими, которые могли бы то ослабить напряженность, то создать противовес на случай, если американцы запросят слишком многого.

По словам Ф. Льюис, Аденауэр «построил дорогу на Запад, чтобы отгородиться от Востока, а вместе с тем и от трудной проблемы немцев, живущих по ту сторону железного занавеса». Однако в предстоящий период, пишет автор, следует ждать более гибкого подхода со стороны ФРГ к Востоку.

Касаясь роли ФРГ в западноевропейском альянсе, Ф. Льюис пишет, что «с каждым годом отказ от национальных прерогатив становится для немцев все более невыгодным». «Чем дальше война будет уходить в прошлое, — заявляет американская журналистка, — тем сильнее, вероятно, будет борьба немцев против английской или франко-английской попытки добиться неоспоримого руководства в Европе».

Ф. Льюис считает, что «требование о создании общеевропейских атомных сил, в котором участвовали бы немцы, по всей вероятности, усилится. Если оно ни к чему не приведет и другие страны при отсутствии соглашения между Востоком и Западом будут создавать атомные арсеналы, то следует ожидать, что немцы изменят свою позицию и будут открыто или завуалированно требовать собственного ядерного оружия». Усиление требования ядерного оружия для немцев Ф. Льюис связывает с тезисом де Голля о том, что национальный престиж в наши дни определяется атомом.

В заключение Ф. Льюис ставит вопрос: может ли Западная Германия «снова стать на путь нацизма или милитаризма?» Вот ее ответ: «Почти нет сомнения в том, что с нацистами покончено, несмотря на еще сохранившиеся пережитки, точно так же как после 1918 года было покончено с империей. Последовавшая за этим перетряска в Германии не восстановила империю, а принесла нечто другое — фашизм».

Таким образом, пишет Ф. Льюис, вопрос нужно ставить так: вероятно ли, чтобы немцы, пользуясь каким-то новым именем и новой доктриной, вновь прибегли к грубой силе, чтобы ускорить приход тирании

в собственной стране и добиться господства над соседями? Психологически и идеологически немцы по-прежнему тяготеют к сильной власти и ценят строгий порядок много выше, чем другие страны, которым дорога свобода.

Но сейчас в Германии нет мрачной романтики завоеваний, утверждает американская журналистка. Культ славы заменен культом финансового успеха. Поражение было не только полным, но и совершенно ясным для каждого, и оно навсегда уничтожило многие иллюзии.

Проблема в том, говорит Ф. Льюис, что существует большой разрыв между гибелью порочных старых идей и внедрением надежных новых взглядов и привычек. В общем смысле до нового рождения демократического инстинкта все еще очень далеко. Немцы выходят из послевоенного периода с восстановленной страной, но еще твердо не внедрив новых принципов того, как дальше жить.

А вот мнение известного американского публициста Уолтера Липпмана. Комментируя уроки выборов в бундестаг в 1961 году, он писал, что «со времени основания Федеративной республики с д-ром Аденауэром в качестве канцлера западная и западногерманская политика была основана на двух несовместимых обещаниях. Одно заключалось в том, что Западная Германия будет включена в НАТО и в «Общий рынок» и даже в политические институты Западной Европы. Смысл другого в том, что Западная Германия сможет абсорбировать Восточную Германию и воссоединиться с ней».

Поскольку оба эти обещания не могут быть выполнены ни сейчас, ни в недалеком будущем, Уолтер Липпман считает, что сейчас неизбежен выбор между двумя обещаниями Аденауэра «и все ответственные и осведомленные немцы знают это очень хорошо».

«Решение, стоящее перед западными немцами, — продолжает У. Липпман, — заключается в том, захотят ли они целиком и полностью связать себя с Западом — с НАТО, с «Общим рынком», с Организацией Объединенных Наций и с существующей сетью культурных и политических ассоциаций, образующих

западное общество. Или же они хотят остаться с Западом, но с некоторыми мысленными оговорками...»

Уолтер Липпман призывает Запад не бояться поворота боннской политики в сторону Востока.

«Если немцы, признав факт раздела, — пишет он, — изменят свою нынешнюю политику и будут добиваться лучших отношений с Восточной Европой, то они окажут всему миру большую услугу».

Итак, «новая эра», «поворот», «выбор». С ними связывался уход Конрада Аденауэра из дворца Шаумбург. Единодушие на этот счет было поразительным как среди мыслящих людей Западной Германии, так и в политических кругах стран — союзников ФРГ по НАТО.

Посмотрим, оправдываются ли эти надежды и прогнозы.

БЕЗ АДЕНАУЭРА

И вот я снова в Федеративной Республике Германии вместе с шестью коллегами из «Правды» и «Известий», из журналов «За рубежом», «Новое время» и «Международная жизнь», из Телеграфного агентства Советского Союза. Апрельское солнце щедро прогревает немецкую землю, на наших глазах одеваются в зелень леса и поля, закипают белой пеной цветения вишневые и яблоневые сады. Мы мчимся по роскошным автострадам в «мерседесах» и «опелях», а на большие расстояния пересаживаемся в самолеты и поезда. Гамбург, Дюссельдорф, Эссен, Мюнхен, Штутгарт, Фрейбург, Франкфурт-на-Майне, Бонн... Мы разговариваем с политиками и банкирами, писателями и журналистами, осматриваем города, заводы и стройки, ходим в театры и музеи.

На этот раз я не корреспондент, с трудом получивший визу на въезд в страну. Перед тем, как сделать очередной шаг, мне не надо долго раздумывать: а что скажут власти? Я не слышу в телефонной трубке

уклончивые ответы на мою просьбу встретиться. Я не вижу в глазах людей мущения, когда с ними заговаривает журналист из Москвы.

На этот раз я здесь званый гость. Мы находимся в Западной Германии по приглашению Союза журналистов ФРГ. Нас опекает ведомство печати и информации федерального правительства. Мы в надежных, опытных руках финансируемой из государственного бюджета организации по обслуживанию иностранных гостей — «Интер национес», которая ежегодно показывает «чудеса» своего государства тысячам зарубежных политиков и журналистов.

Сам факт нашего пребывания в ФРГ — примета времени. Ведь журналисты СССР находятся в Западной Германии впервые по приглашению, хотя дипломатические отношения между нашими государствами существуют почти десять лет. И это происходит полгода спустя после того, как канцлером Федеративной Республики Германии стал Людвиг Эрхард.

Правда, приглашение было послано еще при Аденауэре. Но насколько нам удалось понять, он к нему не имел никакого отношения. Приглашение поступило в Москву в те суматошные месяцы, когда Аденауэр, уже получив увольнительную от своей партии, готовился к прощальным торжествам. Идея посылки приглашения советским журналистам, несомненно, была данью новым веяниям. Не знаем, кто ее автор. Возможно, новый руководитель ведомства печати и информации фон Хаза, который, по-видимому, торопился проложить дорогу «новому стилю» в деятельности ведомства, долгие годы управлявшегося аденауэровским оруженосцем фон Эккардтом. Во всяком случае ведомство печати и информации и лично фон Хаза, побывавший у нас в плену и неплохо говорящий по-русски, оказали делегации самое большое внимание. Мне, тщетно ожидавшемуся когда-то два с половиной года приема у господина фон Эккардта, все это было непривычно, удивительно и... приятно.

С первого шага по земле Западной Германии мы стали присматриваться к жизни, к людям, стараясь

328 найти ответ на вопрос, что же изменилось там после

отставки Аденауэра. Отправными точками наших поисков были следующие факты. Новый канцлер Эрхард в своей программной речи в бундестаге в октябре 1963 года сделал заявления, которыми заинтересовались многие в Германии и за границей. Хотя он и объявил своим намерением «хранить и множить наследие» Аденауэра, все же он механически не перенял аденауэровскую формулу «политики силы», а дал собственное имя своему курсу, назвав его «политикой середины и взаимопонимания». Обратили на себя внимание его призывы «смотреть вперед», считаться с тем фактом, что «не только Федеративная республика, но и весь мир сейчас выходит из послевоенного периода» и что «народы пришли в движение». Целью своей политики Эрхард объявил стремление «помочь покончить с холодной войной». «И мы постоянно будем стремиться также к нормализации в наших отношениях с Советским Союзом, которая была бы основана на взаимном уважении жизненных прав обоих народов», — сказал Эрхард. Он обещал «посвятить все свое внимание дальнейшему улучшению отношений между Федеративной Республикой Германии и восточноевропейскими государствами». В газетных комментариях многократно приводились слова из последней части заявления Эрхарда, где он призвал «думать в масштабах поколений» и заявил: «В постоянно меняющемся мире мы не должны превращаться в нечто застывшее». В этих словах чуткие уши уловили прямой намек на закостенелую политику Аденауэра и намерение Эрхарда отказаться от нее как не соответствующей больше потребностям времени.

Правда, некоторое время спустя в своих выступлениях Эрхард говорил более «жестким», почти аденауэровским языком, вызвав аплодисменты на реваншистских галерках. А годовой отчет правительства ФРГ за 1963 год был настолько пропитан старым духом, что ТАСС пришлось напомнить Бонну о границах разумного и предостеречь его от сползания на опасный косогор обанкротившейся «политики силы».

И все же в западных газетах в то время можно было часто читать, что Эрхард — это не Аденауэр, что

«новый стиль» политического руководства в Бонне стал действительностью, что Эрхард еще только делает «разминку» и скоро по-настоящему покажет себя.

Вот нам и хотелось поскорее узнать, так ли это.

Надо прямо и откровенно сказать: мы почувствовали в Западной Германии дыхание нового, хотя и слабое. Это было заметно особенно мне, побывавшему в Западной Германии ровно за год до этого.

Прежде всего бросилось в глаза, что общественная дискуссия по вопросу «куда идти» развернулась еще шире. Раньше беседа на политическую тему в Западной Германии кончалась обычно тем, что немецкий партнер вроде бы соглашался с твоими доводами, но тут же пожимал плечами и беспомощно показывал пальцем вверх: дескать, Бонн все равно не позволит. Теперь чувствовалась определенная раскованность мысли, тяга к оригинальному суждению, к поиску независимого решения. Мы то и дело слышали смелые, подчас даже резкие рассуждения о плюсах и минусах членства Западной Германии в НАТО, о достоинствах и недостатках пакта с де Голлем. И об американцах теперь в Западной Германии говорили иначе. Исчезло прежнее преклонение перед их «образом жизни», перед их «техническим гением», финансовой и промышленной мощью. Над американцами в Западной Германии теперь часто иронизируют.

Мы почувствовали, что новые мысли и идеи, рожденные крушением «эры Аденауэра», в сущности концентрируются теперь вокруг одного вопроса: как по-новому наладить взаимоотношения с Советским Союзом, с социалистическими странами, и не в последнюю очередь с Германской Демократической Республикой.

Я хочу внести полную ясность: эти впечатления у нас сложились из бесед с политическими и общественными деятелями, журналистами, писателями и художниками, представителями делового мира — короче, с теми, кто «делает» политику и общественное мнение ФРГ. Именно из этих бесед нам стало понятно, почему новый канцлер в своем программном заявлении уделил так много внимания восточным соседям. Мы зафиксировали очевидный факт: в сознании западногер-

манского общества заняла прочное место мысль, что без налаживания взаимоотношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами, без нового подхода к «проблеме зоны», т. е. к Германской Демократической Республике, внешняя политика ФРГ не может идти вперед, она обречена на топтание на месте.

...И вот мы во Фрейбурге — средневековом южно-германском городке, расположившемся у края горного массива Шварцвальд. Поздно вечером мы бродим вдоль проложенных по улицам бетонных канавок, в которых журчит ледяная вода, вокруг ажурных башен средневекового собора, у ратуши и памятника монаху Бертольду Шварцу, который изобрел порох и который, по мнению фрейбуржцев, всем своим видом словно говорит: «Да, я, к сожалению, изобрел порох», и нам кажется, что и канавки, и собор, и памятник печально знаменитому монаху, и все остальное здесь выставлено на продажу, а сам город — это большой, никогда не закрывающийся антикварный магазин.

А утром мы в автобусе мчимся через сады, покрытые белым цветением, через зеленеющие молодыми всходами поля в Баденвейлер.

В городишке Штауфене мы любимся домиком, где, по преданию, жил доктор Фауст, легенда о котором нашла свое совершенство в гениальном творении Гёте.

В одной деревне нас потрясает вид процессии крестьян, которые вместе с женами, стариками и детьми, с иконами и хоругвями в руках, в пестрых национальных одеждах шли в поле молить небо ниспослать хороший урожай винограда. Сверкающие лаком автомобили у домов, совершенные сельскохозяйственные машины в сараях, видимые через окна телевизоры в гостиных, истребитель бундесвера, пронесшийся со сверхзвуковой скоростью в небе, — и крестный ход. Такова западногерманская действительность.

Но действительностью было и то, что группа советских журналистов мчалась в городок Баденвейлер на встречу с федеральным канцлером Людвигом Эрхардом по приглашению последнего. Канцлер оказался там потому, что в это время в земле Баден-Вюртемберг готовились местные выборы в ландтаг, и он

выступал здесь, чтобы помочь своим единомышленникам по партии одержать победу.

Мы в небольшом круглом зале отеля «Ремербад», разглядываем пышную старинную отделку стен и мебели. Кто-то из немцев говорит, что в этой гостиной сживал Антон Павлович Чехов. Но мы не успеваем поговорить о великом земляке. Высокая дверь распахивается, и в зал входит канцлер Федеративной Республики Германии Людвиг Эрхард.

Он приближается к нам тяжелой, медленной походкой, хотя он отнюдь не настолько тучен, как его привыкли рисовать карикатуристы. На лице легкая отеческая улыбка. Прямой, слишком короткий для большого круглого лица нос. Каждому из нас он жмет руку, затем садится в кресло, и на какое-то мгновение в гостиной воцаряется мертвая тишина. Канцлер оглядывает нас, мы смотрим на него. Так вот каков он, немецкий политик, имя которого связано со стремительным взлетом разгромленной в войне капиталистической Германии, человек, которого называют «отцом экономического чуда».

Он родился в 1897 году в баварском городе Фюрте. Его отец владел магазином текстильных товаров. Он протестант. В 1916 году Эрхард был призван в армию, попал на западный фронт, где служил сначала солдатом, а затем унтер-офицером, получил ранение и в 1919 году демобилизовался. Потом он учился в Высшей торговой школе в Нюрнберге и во Франкфуртском университете на факультете экономики и социологии, получил докторское звание. Затем карьера коммерческого служащего, после чего он стал работать в Нюрнбергском институте экономики.

Слава большого эксперта по вопросам экономики и экономической политики пришла к нему в годы нацистского режима, когда Эрхард стал руководителем института. После войны газеты писали, что Эрхард был связан с участниками заговора 20 июля 1944 года против Гитлера. Может быть.

Уже в мае 1945 года Эрхард стал советником по экономическим вопросам американской военной администрации в Баварии, а в декабре министром эконо-

мики Баварии. В 1947—1948 годах он руководил бюро по вопросам валюты и кредитов Бизонии. Был автором и исполнителем плана проведения сепаратной денежной реформы в западных зонах, положившей начало расколу Германии.

Когда образовалась Федеративная Республика Германии, Эрхард, являясь одной из видных фигур Христианско-демократического союза, стал министром экономики, а с октября 1957 года и вице-канцлером ФРГ. Все эти годы он был также профессором Мюнхенского и Боннского университетов, опубликовал ряд работ по вопросам экономики. Среди журналистов говорят: если вы хотите доставить Эрхарду удовольствие, назовите его «господин профессор».

Аденауэр говорил об этом человеке, что в политике он нуль. Нам интересно получить подтверждение или опровержение этой нелестной характеристики. С этой мыслью мы и вступаем в беседу с федеральным канцлером.

Он приветствует нас, выражает удовлетворение тем, что мы приехали в Федеративную Республику Германии. Он надеется, что мы увидели много интересного.

Затем он просит нас задавать вопросы.

Первый наш вопрос, конечно, касается отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии. Канцлер явно готов к нему. Он говорит:

— В течение шестнадцати последних лет я был министром экономики и знаю, насколько ценны отношения с Россией и странами Восточной Европы. Я хочу вас заверить, что в немецком народе нет чувства вражды или чувства ненависти к русскому народу. Немецкий народ искренне хотел бы найти путь для установления добрососедских отношений.

Канцлер говорит, что над Европой всегда висел кошмар франко-германской вражды и эта вражда между Францией и Германией отравляла всю атмосферу. Теперь этот кошмар исчез и между французами и немцами установилась подлинная дружба, произошло примирение.

Поначалу нам кажется нелогичным этот переход от одной темы к другой. Но скоро мы улавливаем ход

мыслей канцлера. Он даст понять, что, подобно тому как Аденауэр достиг примирения с Францией, свою миссию он видит в поисках подходящих форм «совместной жизни, сосуществования с народами, живущими к востоку от Германии, невзирая на различие в строе». Канцлер, быть может, говорил несколько в иных выражениях, но слова «сосуществование» и «невзирая на различие в строе» он употребил. Он высказался за то, чтобы уважать принципы строя и системы, избранной тем или иным народом. При этом он, конечно, не забыл напомнить о «принципе самоопределения». Этот лозунг служит в боннской политике громоотводом против предложений СССР и ГДР, направленных на заключение германского мирного договора.

Канцлер излагает известную боннскую точку зрения, что Германия была разделена по воле союзных держав и что они, дескать, и должны воссоединить ее. Он при этом подчеркивает, что программа воссоединения, как ее представляет Федеративная Республика Германии, не предусматривает никаких форм насилия. Мы отказываемся от применения силы, говорит канцлер, так как прекрасно сознаем ужасы войны.

— Я надеюсь, — говорит канцлер, — что вы видели во время вашей поездки, что немецкий народ не является реакционным и реваншистским. Я сам перенес страдания войны, был противником Гитлера. Я ничем не отягощен, и можете мне поверить, что мне чужды реакционность и реваншизм. И мы заняты тем, чтобы построить новую Германию, которая сделала бы выводы из уроков истории.

Канцлер говорил проникновенно и по-человечески просто. Нам хотелось верить ему. И вдруг в наступившей тишине мы услышали чей-то настойчивый шепот: «Западный Берлин». По лицу канцлера пробежала злобешая тень, и он заговорил о Западном Берлине. Эрхард выразил сожаление, что мы не заехали туда и тем самым упустили возможность «почувствовать большую проблему, когда разделена не только страна, но и разделен город». На наших глазах произошло превращение человека в холодного политика, которому дозволено мыслить только раз и навсегда данными формулами.

Мы говорим Эрхарду, на чем основана наша убежденность в наличии угрозы миру со стороны милитаристских сил ФРГ. Мы напоминаем о неоднократных заявлениях видных деятелей ФРГ, в которых выдвигались претензии на «восточные территории». Мы говорим, что при всем желании трудно совместить эти претензии с заверениями в мирных намерениях ФРГ.

Эрхард отвечает: воссоединение Германии мыслится нами не военным путем, а через мирное урегулирование. Вопрос границ Германии также подлежит окончательному урегулированию в мирном договоре. Каких границ, спрашиваем мы. Разумеется, границ 1937 года. С точки зрения международного права, говорит Эрхард, пока не урегулирована проблема Германии, она существует в границах 1937 года.

— Вы не можете толковать это как реваншизм, — говорит Эрхард.

Эрхард призывает нас также не видеть реваншизма в призывах переселенческих организаций вернуть им родину, т. е. территории Чехословакии и Польши. Мы не спорим с канцлером. Мы задаем ему еще один вопрос: если дело дойдет до мирного урегулирования, будет ли ФРГ выступать за подтверждение нынешних границ или за их пересмотр?

Канцлер уходит от ответа. Трудно дать ответ на этот вопрос. И вообще канцлеру было трудно отвечать на вопросы, связанные с требованиями возврата Германии границ 1937 года, с требованиями права на родину и т. д. Это те вопросы, где у боннской политики не сходятся концы с концами.

Эрхард не видит возможности достижения какого-либо прогресса в оздоровлении обстановки в центре Европы, пока существуют два германских государства. Он не мог дать нам честного и ясного ответа на вопрос о том, правомерно ли и дальше сохранение запрета Коммунистической партии Германии: он сделал вид, будто этот вопрос не касается правительства ФРГ, а входит целиком в компетенцию юристов. В заключение Эрхард снова говорит:

— Вы видели, как трудится наш народ, я знаю, что и вы придаете большое значение развитию экономики, **335**

процветанию народа. Каждый идет своим путем к выполнению собственных задач. Я полагаю, что мы можем постепенно двигаться к улучшению наших отношений. Возможно, нам следовало бы начинать с некоторых периферийных проблем. Например, я приветствовал бы заключение соглашения по культурному обмену. Вы знаете, ведь нельзя все решить одним прыжком, так просто историю двадцати лет не очистишь. Нельзя сразу перепрыгнуть через все трудности, надо устранить все наслоения, появившиеся в отношениях между нашими государствами после войны. Мы хотим обсуждать проблемы, не руководствуясь старыми представлениями. У меня, господа, нет предрассудков, я не застыл на одном месте, я понимаю все сложности. Вы понимаете, что эта беседа является свидетельством желания обсуждать проблемы.

Нам хотелось верить канцлеру. Были минуты, когда он говорил взволнованно, с неподдельной искренностью. Он старался нас убедить. Мы видели его «желание обсуждать проблемы».

И все же тогда, в теплый апрельский день 1964 года, нам многое мешало надеяться, что уже ближайшее время внесет что-то новое в наши отношения. Слишком скрупулезно канцлер и его помощники старались выложить перед нами аденауэровские доспехи и регалии «холодной войны». Канцлеру полусшепотом напоминали: «Западный Берлин», «границы 1937 года». «Как бы чего не забыть», — читали мы на лицах членов свиты Эрхарда. А нам казалось, что после всех тех хороших слов, которые мы слышали из уст канцлера, логично было бы кое-что из аденауэровского наследия забыть, а кое-что по крайней мере переосмыслить и изложить по-своему.

Получилось, что, простившись с федеральным канцлером, мы так и не узнали, прав или не прав был Аденауэр, давая нелестные характеристики своему преемнику.

В метрах трехстах от отеля «Ремербад» находится «Парк-отель», трехэтажная постройка девятнадцатого века. Под одним из окон второго этажа прибита досочка. Она сообщает, что в комнате за этим окном жил

русский писатель А. П. Чехов. Написано: «жил». Законы рекламы не позволили хозяину отеля написать «умер». Но именно эта балконная дверь, до которой мы с улицы могли почти дотянуться рукой, была свидетельницей того, как в роковую ночь изнуренный недугом Антон Павлович сел на кровати, громко, как-то значительно сказал доктору по-немецки: «Ich sterbe», взял бокал шампанского, приготовленный по совету врача, улыбнулся своей удивительной улыбкой жене Ольге Леонардовне, потом сказал: «Давно я не пил шампанского», выпил все до дна, тихо лег на левый бок и умер. А еще за четыре недели до этого он писал отсюда в Россию: «Здоровье в меня входит не золотниками, а пудами».

Как много для одного дня! Иметь часовой разговор, разбередивший душевные раны, потребовавший немалых усилий, чтобы подавить в себе чувства обиды за родину, которую не так давно топтал кованый сапог чужеземца. И тут же столкнуться с другой русской трагедией, страшной своей нелепостью и неотвратимостью.

Перед «Парк-отелем» в тени деревьев, в окружении подстриженной и причесанной природы — каменная плита с надписью: «Доброму человеку и врачу, великому писателю Антону П. Чехову. Род. 29.I. 1860 в Таганроге. Ум. 15.7. 1904 в Баденвейлере». Плита новенькая, стоит здесь немногим больше года.

Мы положили к плите цветы, сфотографировали ее, постояли, помолчали.

А потом через толпу, собравшуюся приветствовать федерального канцлера, мы пробились в ресторан отеля «Ремербад» пообедать. Баденвейлерская пища, которой так восхищался А. П. Чехов, кажется, действительно превосходна. Но мы ее не заметили, наше внимание привлекали другие вещи.

Слева, в нескольких метрах от нас, сидел со своей свитой за обеденным столом канцлер самого сильного государства капиталистической Европы. Он говорил со своими приближенными, вероятно, о «большой политике». За окном на горизонте синели Вогезы — горы, о которых кто-то сказал, что они состоят из костей

немецких и французских солдат. В ушах звучали то эрхардовский голос: «Мы не реваншисты», то чеховское: «Ich sterbe».

Жуткий калейдоскоп великого и будничного, фантастического и реального! А все вместе — это Европа, где все сплелось, где очень многое зависит от того, поймут ли вершители судеб народов, что на нашем старом и в сущности очень тесном континенте надо жить мирно.

КТО С КЕМ

В Мюнхене, столице Баварии, мы пережили, пожалуй, самые приятные дни нашего путешествия. Нам показали много интересного. С нами хорошо, очень откровенно говорили. А главное, нас тепло, по-настоящему радушно приняли местные журналисты.

В Мюнхене же мы лицом к лицу столкнулись с тем, о чем раньше читали лишь в газетах, — с расприями в верхушке правящей партии ФРГ. Вот как это произошло.

В программе нашего пребывания в столице Баварии была предусмотрена встреча с местными лидерами политических партий. Председателем главной баварской партии — Христианско-социального союза (ХСС) — является бывший федеральный министр обороны Франц-Иозеф Штраус. Он изъявил желание принять участие во встрече с советскими журналистами. Но на встречу не пришел.

От баварских политиков мы узнали, что Штраус срочно выехал в Бонн улаживать очередную семейную ссору христианских демократов.

За несколько дней до этого в газете «Байернкурир» («Баварский курьер») появилась статья, отрывки из которой на другой день под крупными заголовками были приведены во всех западногерманских газетах. В статье уничтожающей критике подвергалась внешняя политика правительства Эрхарда, и в частности деятельность министра иностранных дел Герхарда Шредера.

Говорилось прямо, что «Герхард Шредер не представляет точку зрения большинства немецкого народа в вопросах внешней политики».

Издателем «Баварского курьера» является Франц-Иозеф Штраус. Статья было по форме и содержанию грубой атакой на внешнюю политику правительства ХДС со стороны руководителя ее баварского филиала.

В правящей элите ФРГ разразился скандал. Эрхарду пришлось отложить важные государственные дела и заняться его улаживанием. Прежде всего он выступил с заявлением в защиту своего министра иностранных дел Шредера, выразив ему «полное доверие».

Но тут всполошились баварские христианские демократы («Шредеру доверие, а нам недоверие?»). Штраус помчался в Бонн с клятвенными заверениями, что не имеет к статье никакого отношения. Опять у Эрхарда пропал день. Ему пришлось принять по очереди Штрауса, председателя фракции ХДС в бундестаге Барцеля, министра внутренних дел Хехерля. И еще к тому же выступить с заявлением, что и к Штраусу он питает «полное доверие».

Буря вроде бы улеглась, но не прошло и пяти недель, как она грянула вновь. На этот раз канцлеру пришлось созывать главные фигуры ХДС в своей летней резиденции на Тегернзее и беседовать с ними два дня.

И опять было объявлено, что разногласия «успешно» улажены. А в середине сентября газеты вышли под тревожными аншлагами: «Осенняя буря вокруг Эрхарда». И опять на газетных страницах замелькали знакомые имена: Шредер, Барцель и, конечно, Штраус.

Франц-Иозеф Штраус... Где бы и с кем бы мы ни разговаривали, мы слышали это имя. Помню, как один мюнхенский журналист, сопровождавший нас в поездке по Баварии, говорил, когда мы как-то остались с ним с глазу на глаз:

— Главная проблема Федеративной Республики Германии — Штраус. Все со страхом думают, что он вернется в Бонн. И уж если вернется, то надолго. Народ его не приемлет, чувствует, что он принесет несчастье. И все же его все боятся. У немца есть плохая

черта в характере: перед властным человеком он лишается сил и способности сопротивляться. Знаете, как кролик перед удавом...

В дни поездки по Западной Германии я часто вспоминал об одном разговоре, которому я поначалу не придавал большого значения, но в блокноте по привычке тогда кое-что пометил. Он произошел годом раньше в вагоне поезда, которым я возвращался в Москву из Бонна. В дороге я познакомился с господином средних лет, крепкого спортивного телосложения, с умным и очень располагающим к себе лицом. Фламандец по происхождению, он был коммерческим директором крупной немецко-голландской фирмы, производящей оборудование для научно-исследовательских институтов. Он ехал заключать какую-то сделку в Москву, и мы с ним разговорились.

— Знаете, кто будет следующим канцлером ФРГ? — интригующим тоном спрашивал он меня.

— Эрхард. Теперь это уже решено, — отвечал я, имея в виду решение руководства ХДС о назначении Эрхарда преемником Аденауэра.

— Эрхард? Нет, я имею в виду настоящего канцлера, на долгие годы, как Аденауэр.

И, просверлив меня насквозь торжествующим взглядом, закончил:

— Франц-Иозеф Штраус!

Потом еще помолчал, улыбнулся и резко протянул мне руку.

— Хотите пари? На 20 бутылок водки. Я редко заключаю пари, но на этот раз смело иду на риск.

Пари не состоялось, но проговорили мы долго. Мой собеседник, оказавшийся исключительно осведомленным человеком, говорил:

— Вы должны иметь в виду: Эрхард — переходная фигура. Шредер выпадает из седла, потому что он слишком проамерикански и пробритански настроен. Он уже проиграл, на него ставок нет. Он не уловил того, что носится в воздухе.

И, понизив голос, мой собеседник доверительным тоном принялся рассказывать, что же «носится в воздухе». Де Голль? Конечно, это сильная фигура, но дело

не в одном де Голле. Дело в том, что французский капитал решил показать себя. Большая его часть сконцентрировалась в руках сильной группы молодых и энергичных людей, которые намерены вернуть величие Западной Европе, и в первую очередь Франции. Имена этих людей известны лишь в узком кругу. Они думают так: Западная Германия опутана послевоенными сетями, ей трудно подняться до роли соперника, она скорее станет союзником. Настоящие соперники — Англия и США. Им и объявлена война. Она идет уже много лет, идет невидимо, тайно, но не на жизнь, а на смерть.

— Видели бензоколонки «Калтекс»? — спрашивал мой собеседник. — Это была американская фирма, теперь ее скупили французы. «Юнилевер», этот монстр, опутавший весь мир, постепенно переходит из англо-голландских рук во французские пальчики. А попробуйте вы увидеть хоть в одном французском учреждении канцелярскую аппаратуру фирмы «Филипс». Учреждениям запрещено покупать изделия этой фирмы. «Филипс», хотя и считается немецко-голландским концерном, по существу перешел в руки американцев. Ему и объявлена война.

— Я вам скажу больше, — продолжал мой спутник. — Я выдам вам секрет моей фирмы. Раньше Европа аппаратуру для исследований в области физики покупала в Америке. Теперь баста. Долой американцев из Европы. Французы совсем отказались от американской аппаратуры. Наша фирма получила огромные заказы. Вы этого не знаете. Это знаю я.

От моего собеседника я услышал еще много названий концернов, которые целиком или частично попали в сети французского капитала. Из его убедительного, пересыпанного редкими подробностями рассказа возникла потрясающая картина гигантской схватки могущественных финансовых групп. А когда картина, казалось, была закончена, он вдруг неожиданно спросил:

— А знаете, кто сейчас главная сила, подыгрывающая французам?

И, переждав, чтобы насладиться моим невежеством, торжествуяще выпалил:

— Немцы. Некоторые банки и некоторые рурские концерны, которым американцы здорово насолили. Немцы, как и французы, решили пойти в контрнаступление в союзе с французами. Произошло франко-германское сплетение капитала. И самое главное, наступление идет успешно. Вот увидите, через несколько лет американский капитал в Европе будет поставлен на колени. А об английском и говорить не приходится: он капитулирует раньше. Англией будут управлять из Парижа, а может быть, из Дюссельдорфа.

Наконец мой спутник подошел к самому главному.

— Есть только один в Федеративной республике человек, который понимает нынешнюю ситуацию, — говорил он. — Это Франц-Иозеф Штраус. Другие политические деятели или связаны с англосаксами, или слабы. А Штраус — европеец, и у него твердый как сталь характер. На него и сделана ставка. Это решенный вопрос. Правда, Штраус по неосторожности подмочил себе репутацию. Но он выкарабкается. Вот увидите.

Совсем приблизившись ко мне, собеседник зашептал мне на ухо:

— Есть еще одно обстоятельство. Штраус готов перегрызть глотку любому англичанину. Это ведь англичане тогда подкинули журналу «Шпигель» компрометирующий материал о Штраусе. Штраус это знает. Он им никогда не простит. Помогите мое слово.

Мне и сейчас трудно сказать, что из всего этого было правдой, а что плодом фантазии моего собеседника. Данные о принадлежности капитала концернов трудно проверить: они тщательно скрываются. И все же многое из того, что я услышал в том многочасовом и прямо-таки захватывающем разговоре, похоже на истину.

Правдоподобие особенно усилилось тогда, когда Штраус с первого же дня повел систематические атаки на нового федерального канцлера в Бонне и его министра иностранных дел. Главные пункты, по которым Штраус бьет Шредера (самого канцлера он старается по возможности не называть по имени), касаются европейской политики Бонна. Он упрекает Шредера в

том, что тот якобы изменил дружбе с Францией. Он требует неукоснительного соблюдения договора де Голля — Аденауэра, а в экономической области — еще более тесного сотрудничества в рамках «Общего рынка», т. е. с Францией, и никаких поблажек англичанам. И разумеется, он против всякой активизации «восточной политики» ФРГ, видя в ней опасность для всей политической концепции Бонна.

Западногерманская пресса теперь прямо называет Штрауса и его единомышленников немецкими «голлистами» или «европейцами». Это уже совсем переключается с тем, что я когда-то услышал в вагоне поезда.

Сам Штраус так определяет суть своей политической деятельности: «Речь идет о сформировании исторической картины, в которой по-новому определяется роль Европы и в которой проявляется позиция Германии, взаимодействующей с Францией».

За Штраусом стоит по-прежнему мощная фигура Аденауэра. Уйдя из дворца Шаумбург, «рёндорфский старец» отнюдь не отошел от политической деятельности. Он часто выступает по телевидению, на собраниях, без конца дает интервью. Он — председатель Христианско-демократического союза. Его овечьим легендами имя продолжает оказывать магическое действие на многих. Но, несмотря на феноменальное здоровье, силы Аденауэра теперь ограничены. Его «жесткий курс», признающий в политике только военную силу, пробивает Франц-Иозеф Штраус, деятель «с волчьей хваткой», как о нем говорят на Западе.

В руководстве ХДС в последние годы появились и другие «пробивные» люди: Райнер Барцель, в недавнем прошлом министр по общегерманским вопросам, теперь председатель парламентской фракции в бундестаге; Иозеф-Герман Дуфус — постоянный исполняющий обязанности председателя ХДС (поскольку Аденауэр стар). Следует еще упомянуть министра по особым поручениям Генриха Кроне, депутата бундестага барона цу Гуттенберга. Все это сторонники «европейского» курса в боннской политике, опора Аденауэра и Штрауса.

А на кого опирается Эрхард со своей «политикой середины», со своим «атлантическим курсом»? Рядом с ним обычно фигурирует единственное имя — Герхард Шредер, министр иностранных дел. Иногда называют еще министра обороны Кай-Уве фон Хасселя. Шредера считают «хорошим тактиком». Но ему явно приходится туго. Штраус атакует в первую очередь лично Шредера, что истолковывается как свидетельство желания сына баварского мясника сначала стать министром иностранных дел, а потом уже готовиться к прыжку в канцлерское кресло.

Одной из причин слабости сторонников «атлантического курса» считается то, что Эрхарду не принадлежит пост председателя ХДС. Говорят, что Эрхарду в этом надо винить самого себя. Он допустил серьезную ошибку. На съезде ХДС в начале 1964 года он мог настоять на том, чтобы сохранилось прежнее положение, как при Аденауэре, когда федеральный канцлер одновременно председательствовал в ХДС. В тот момент партия, катившаяся вниз по наклонной плоскости из-за банкротства Аденауэра, нуждалась в имени «творца экономического чуда» Эрхарда. В нем было ее спасение. И Эрхард смог бы диктовать ей свои условия. Но он этого не сделал, уступив нажиму аденауэровцев.

Итак, Эрхард, Шредер — на одной стороне, Аденауэр, Штраус, Барцель, Дуфус, Кроне и т. д. — на другой. Силы явно неравны. И все же Эрхард остается канцлером, Шредер — министром иностранных дел.

Когда миновал год их правления, многие задумались над его итогами. И вот что бросилось в глаза: если не считать некоторых свежо прозвучавших заявлений в адрес восточных соседей Германии и известного охлаждения отношений с Францией, политика Аденауэра при Эрхарде по существу не претерпела изменений. Можно сказать больше: в некоторых вопросах, как, например, в вопросе получения доступа к ядерному оружию, Бонн стал еще более напористым.

Многие международные наблюдатели высказывают предположение: а не является ли «новый стиль» Эрхарда лишь двуличной игрой? Не имеет ли место в

Бонне некое распределение ролей, при котором добиваются прежних целей и в то же время вроде выглядят «гибкими», идущими «в ногу со временем»?

Трудно пройти мимо таких подозрений.

Что можно еще сказать о нынешнем боннском руководстве?

Политика ФРГ по-прежнему нацелена на реванш, на пересмотр итогов второй мировой войны. Новый канцлер и его министр иностранных дел при всяком удобном случае подтверждают притязания Бонна на довоенные границы Германии. Подобно Аденауэру Эрхард активно участвует в опасной игре переселенческих объединений, лидеры которых — махровые гитлеровцы — проповедают реваншистскую идею «права на родину». Натравливание немцев на чехов и словаков, на поляков и русских продолжается. Данное в программном заявлении Эрхарда обещание «посвятить все свое внимание дальнейшему улучшению отношений между Федеративной Республикой Германии и восточноевропейскими государствами» осталось пустым звуком. А если в Бонне и начинают размышлять о каких-либо шагах в своей «восточной политике», то исходной точкой берутся не добрые намерения, а стремление навредить социалистическим странам, реставрировать в них капиталистические порядки.

Во внутренней жизни страны «либерализации», на которую так рассчитывали, не чувствуется. По-прежнему преследуются инакомыслящие, чрезвычайные законы не сняты с повестки дня. Более того, под сенью «мягкой демократии» Эрхарда в кругах западногерманской буржуазии развивается течение, которое уже приобрело ярко выраженные националистические, экстремистские очертания. Организующим центром этого течения является «европейское» крыло в руководстве Христианско-демократического союза, а его главарем и кумиром — Франц-Иозеф Штраус. Под знаменем воинствующего реваншизма, антикоммунизма и реакции собираются старые и молодые нацисты, озлобленное юнкерство, потерявшее владения на Востоке, клерикальные круги Рейна и южных районов Западной Германии, битые генералы и офицеры, идеологи

«третьего рейха». Это течение сродни американской голдуотеровщине. Но на немецкой земле, в условиях существования двух государств, ввиду чрезвычайной озлобленности реакции, потерпевшей недавно военное поражение невиданного масштаба, оно носит характер особой необузданности и поэтому крайне опасно для мира в Европе.

Нам довелось увидеть некоторых западногерманских голдуотеровцев. В Бонне мы встретились с группой депутатов бундестага. Хотя группу возглавлял председатель внешнеполитической комиссии бундестага Майоника, разговор с нами вел в основном барон цу Гуттенберг, эксперт по внешней политике штраусовского Христианско-социального союза. Молодой, глаза навывкате, с черными усиками, с модными подтяжками, выглядывающими из-под распахнутого пиджака, он не давал никому сказать слова. Каждым своим жестом, манерой говорить он лепил созданный в своем воображении образ «современного фюрера». Он выложил перед нами весь свой пропагандистский товар. Венцом его рассуждений было требование к Советскому Союзу... отказаться от своей политики.

Несколько недель спустя после нашей встречи вышла книга барона Гуттенберга под названием «Если Запад того пожелает. Введение в мужественную политику». Эта книга — «Майн кампф» современных западногерманских «бешеных». В ней излагается идея создания «европейского центра» ядерной силы на базе французских (пока!) атомных бомб. У спусковой кнопки этого центра, разумеется, должны стоять не только французы, но и боннские министры и генералы. Опираясь на эту «европейскую ядерную силу», барон Гуттенберг рекомендует проводить «наступательную политику» до тех пор, пока на земле не будет «восстановлено право, нарушенное коммунистами». Комментируя этот баварский вариант пресловутой даллесовской «политики отбрасывания коммунизма», известный западногерманский ученый и публицист профессор Гарольд Раш указывает, что концепция Гуттенберга означает не что иное, как попытку, ведя игру с огнем, отменить результаты второй мировой войны.

Другая встреча с немецкими «бешеными» произошла в Гамбурге, в доме газетного концерна Акселя Шпрингера. Концерн издает самую большую в ФРГ ежедневную газету «Ди вельт». Вторым изданием, через которое оказывается влияние на массового читателя, является иллюстрированная бульварная газета «Бильдцейтунг», выходящая непревзойденным в стране тиражом в 3,5 миллиона экземпляров. Третье по степени воздействия на массы шпрингеровское издание — журнал радио- и телепрограмм. С ротационных машин концерна сходит еще несколько газет и журналов.

Когда вы, миновав стеклянные двери главного входа, попадаете в необъятный вестибюль новенького небоскреба Акселя Шпрингера, вы видите перед собой только один предмет — доску, укрепленную в середине зала на подставке, напоминающей нотный пюпитр. На доске контурами изображена Германия, с севера в нее вонзился клин, раскалывающий страну пополам. А внизу — черные буквы: «Нет!»

Не знаю, какое действие это произведение театрального декоратора оказывает на других, а мы испытали такое ощущение, словно прочли табличку: «Осторожно, злая собака». И действительно, не успели мы усесться в кресла в просторном зале, в котором собрались редакторы шпрингеровских изданий, как на нас обрушились озлобленные атаки. Нас, советских людей, обвиняли в «жестокости», в негуманности, в похищении у немцев «права на самоопределение», в том, будто мы клеветаем на немцев, называя их реваншистами.

— Какие мы реваншисты? Мы только требуем своих прав! — шумели шпрингеровцы.

Мы спокойно объяснили, почему мы кое-кого в Западной Германии считаем реваншистами. В ответ — никаких доводов, а только еще большее озлобление. Особенно кипятился главный редактор бульварной газеты «Бильдцейтунг» Петер Бениш, надменный детина с громовым голосом («Поклонник и личный друг Штрауса», — сказал нам кто-то позднее).

— Нас заставили безоговорочно капитулировать один раз, второй раз мы не капитулируем! — кричал

он. — Нет, второй раз капитуляции вы от нас не добьетесь!*

Вот каково лицо иных западногерманских «европейцев».

БЕДНЫЙ ИЗБИРАТЕЛЬ!

В парламенте ФРГ кроме Христианско-демократического союза представлены еще две партии: социал-демократическая и Свободная демократическая. Первая имеет 190 мандатов, вторая — 67 (против 240 мандатов ХДС/ХСС).

Социал-демократы выступают как официальная оппозиция в парламенте. Но они после своего годесбергского съезда в конце 1959 года присоединились к внешнеполитической программе правительства Аденауэра. Если они теперь, вспоминая о своем долге официальной оппозиции, иногда выступают с критикой по адресу правительства Эрхарда, то их критика идет справа, они смыкаются с «бешеными». Положение поистине незавидное для партии, претендующей на положение представителя интересов трудового народа.

А свободные демократы, участвующие в правительственной коалиции с ХДС, напротив, в ряде вопросов тянут правительство влево, хотя они и партия предпринимателей. В частности, они решительно выступают за нормализацию отношений с Советским Союзом, с другими социалистическими странами Европы и дальше своего партнера по коалиции идут в вопросе развития отношений с Германской Демократической Республикой. Получается, что главная опора у Эрхарда — Шредера (если их считать «левыми» в ХДС) не внутри своей партии, а на стороне — у свободных демократов.

Таковы боннские парадоксы.

Они хорошо видны на страницах западногерманской прессы. Линию Аденауэра — Штрауса поддерживают кроме концерна Шпрингера вторая по влиянию в стране буржуазная газета «Франкфуртер альгемайне цейтунг», хотя она проявляет известную осторож-

ность и гибкость, а также несколько партийных газет ХДС и нередко официальная социал-демократическая пресса.

Эрхарда и Шредера от наскоков «европейцев» защищают мюнхенская либеральная газета «Зюддейче цейтунг» и примыкавшая в недавнем прошлом к социал-демократам, потом к свободным демократам, а ныне «полностью независимая» «Франкфуртер рундшау».

Читатель уже имеет представление о расприх внутри ХДС. Но такая же, если не больше, сумятица творится и в социал-демократической партии. В ее руководящей верхушке тоже есть свои «горячие головы» и свои сторонники «уравновешанного курса». К первой категории относятся оба заместителя председателя партии, Герберт Венер и Фриц Эрлер. Ко второй причисляют председателя партии Вилли Брандта, который выставлен своей партией кандидатом на пост федерального канцлера. Он не только призывает «разорвать призрачный туман» и «прекратить боксировать с тенями» в германском вопросе, но и с завидной настойчивостью добивается от Бонна согласия на практические шаги в этом направлении. Заключение соглашения с правительством ГДР о пропусках для западных берлинцев, желающих посетить своих родственников в Восточном Берлине, приводится как пример «успеха» Брандта. Председатель СДПГ, как писали газеты, в свое время хорошо «сошелся характером» с президентом США Дж. Кеннеди, и их взаимным симпатиям придавали большое значение.

В земельных организациях СДПГ и на местах разногласия еще острее, чем в руководящей верхушке. Особенно беспокойно в гессенской и баварской организациях, где оппозиция соглашательскому курсу Венера — Эрлера приняла угрожающие размеры.

Обстановку в социал-демократической партии характеризует следующая деталь. В Эссене располагается редакция газеты, которая выходит под двумя названиями в зависимости от области распространения: «Нейе Рур цейтунг» и «Нейе Рейн цейтунг». Раньше это была единственная крупная ежедневная

газета социал-демократической партии, имевшая распространение по всей Западной Германии. Теперь главный редактор газеты Иенс Феддерсен и его редакторы говорят:

— Мы не знаем, что думают в правлении социал-демократической партии. У нас с ними нет тесной связи. Мы толком не знаем, кто там руководит. Конечно, у нас есть друзья в правлении, но мы их часто критикуем. Мы полностью независимы от правления социал-демократической партии.

Действительно, политическая линия СДПГ и взгляды газеты ныне сильно расходятся. «Нейе Рур дейтунг» энергично выступает за улучшение отношений с социалистическими странами, за признание реальности существования ГДР. Газета пишет название ГДР без кавычек и без «так называемая», что в условиях Западной Германии является большой смелостью. Она решительно требует найти «новые пути» в отношениях с ГДР. Она заявляет, что «официальные линии партий больше не совпадают с мнением граждан», которые, по словам газеты, хотя «помириться с ГДР».

Состоявшийся в конце 1964 года съезд социал-демократической партии Германии подтвердил старую линию «общности» с ХДС. Съезд поддержал и план создания многосторонних ядерных сил с участием ФРГ, и реваншистское требование о германских границах 1937 года, и чрезвычайные законы. Но эти решения партии навязаны руководящей верхушкой. В социал-демократических массах мнения другие, о чем свидетельствовали некоторые выступления на съезде, а также многочисленные резолюции, представленные съезду местными организациями. В них были и требования об отказе от ядерного оружия, и протесты против чрезвычайных законов. Режиссеры съезда сумели утопить эти голоса в шумовом оформлении, но тем самым проблема не разрешена, разногласия остались.

Итак, в двух крупнейших партиях — калейдоскоп взглядов. У третьей — Свободной демократической партии — ориентация на развитие связей с «Востоком» выражена ясно, но зато в других вопросах ее программы тоже разобраться трудно.

Западногерманского избирателя можно только пожалеть. Никогда еще ему не приходилось решать задачу с таким количеством неизвестных. В любом случае он не будет знать, за что отдал свой голос. Его судьба будет зависеть не от исхода выборов, а от того, какое направление победит в междоусобной борьбе власть имущих.

Эта борьба сейчас сломала партийные границы и вылилась на широкую арену общественной жизни государства. Если правое, реакционно-реваншистское, течение имеет свой организационный центр — группу «бешеных» — в правлении Христианско-демократического союза, то его соперники рассыпаны по всем партиям, включая и сам ХДС. Человек, от которого вы слышите суждения, далекие от официальной точки зрения, может оказаться и христианским демократом, и социал-демократом, и свободным демократом.

В Западной Германии сейчас многие политические и общественные деятели любят называть себя либералами. Эти люди стараются как можно дальше оторваться от того, что записано в партийных программах. Они ищут новые пути, отталкиваясь от реально существующих вещей. Для них исходной точкой является в первую очередь тот факт, что боннский курс не приближает немцев к воссоединению страны, что он остается неизменным, в то время как мир и положение в самой Германии меняются. Либералы хотят действовать, а не топтаться на месте, думать, а не повторять зады боннской пропаганды.

Взгляды этих кругов находят отражение на страницах уже упомянутых выше газет «Зюддейче цейтунг», «Франкфуртер рундшау», «Нейе Рейн цейтунг». Но у них есть и собственные газеты, и собственные журналы. Наиболее значительные из них — это выходящие в Гамбурге еженедельная газета «Ди цейт» и еженедельный журнал «Дер шпигель».

Газету «Ди цейт» издает Герд Буцериус. Это богатый человек, в недалеком прошлом был депутатом боннского бундестага от ХДС. Не найдя приложения своим идеям в недрах этой партии, он стал пропагандировать их через свою газету.

В Гамбурге мы получили приглашение провести вечер среди немецких журналистов в доме Буцериуса. Хозяин, несколько суматошный, но обаятельный, гостеприимный человек, встречал нас на крыльце своей виллы в аристократическом квартале, энергично брал каждого гостя за руку и сильным рывком втаскивал в дом.

Там собрался цвет «ищущей журналистики». Душой общества был, конечно, сам хозяин. Он собственноручно разливал гостям по тарелкам рыбный суп, он же и дирижировал беседой.

Первых два-три часа она шла в общем кругу, а остальных два-три часа — по углам, парами или маленькими группами.

Казалось, не было вопроса, который не был бы затронут. Столкнулись мнения самые разные — от воззрений, которых придерживается официальный Бонн, до самых «крамольных».

Мы имели возможность познакомиться с концепцией самого Буцериуса. Она в сущности очень проста. Оставаясь приверженцем западной демократии, не отвергая основных целей официальной политики ФРГ — «воссоединение в условиях свободы», союз с Западом и т. д., Буцериус выступает одновременно за широкое развитие отношений с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Он за политику, исходящую из «срединного положения» Германии. Он без устали призывает «говорить с русскими» и сам старается показывать пример. В его доме в Гамбурге побывали многие советские писатели, журналисты, деятели искусства.

После встречи с нами Буцериус поместил в своей газете статью под заголовком «Говорить с Советами!».

«Продолжать дискуссию! — писал он. — Бундестаг приглашен в Москву. Он должен скорее послать делегацию таких людей, которые могли бы вести дискуссию независимо от идеологии. Надо предложить проведение немецко-русских бесед, подобных немецко-английским в Кёнигсвинтере, по нескольку дней подряд вести упорную дискуссию обо всем: плановое хозяйство и эксплуатация, европейские вопросы, Азия, Совет Экономической Взаимопомощи, Общий рынок. Моск-

вичи могут ведь от нас кое-чему научиться, а разве нам у них нечему поучиться? Пусть Эрхард едет в Москву... Без разговора мы не обойдемся. И нам он нужен больше, чем им, если мы хотим воссоединения».

В этих словах — весь Герд Бударюс. Он тоже не боится писать слова «Германская Демократическая Республика» без кавычек и без «так называемая». Он входит в число тех, кого «европейцы» презрительно называют «раскавычивателями».

В доме у Бударюса мы познакомились с другим «раскавычивателем» — Рудольфом Аугштейном, издателем и главным редактором журнала «Дер шпигель». Имя Аугштейна еще более известно. Почти все послевоенные годы он возглавляет журнал, преподнесший Бонну не одну горькую пилюлю. Аугштейн начал издавать журнал совсем юношей. За плечами у него был горький опыт немецких мальчишек, защищавших «тысячелетний рейх» до последнего фаустпатрона на улицах родных городов. Им говорили, что исход может быть только один — победа. Но Германия оказалась поверженной. Поиски виновных, жажда переделать в Германии все по-новому, разумеется в рамках капиталистического строя, сделались целью жизни группы молодых, даже очень молодых журналистов, начавших выпускать на манер американских журналов «Тайм» и «Ньюсуик» политический журнал «Дер шпигель» («Зеркало»).

Рудольф Аугштейн и сейчас молод, стрижется и одевается по последнему слову юношеских мод. Среднего, пожалуй, даже чуточку ниже среднего роста, изящный, спортивного сложения, он мог бы сойти за такого салонного красавчика. Но глаза выдают неусыпную работу мысли, недюжинное мужество борца, готового вступить в рукопашную с кем угодно. Р. Аугштейн вступал в схватки с самим Аденауэром. А со Штраусом драка была перманентной. Кончилось тем, что Штраус посадил в тюрьму Аугштейна вместе с пятью его редакторами, а потом ему самому пришлось оставить пост министра обороны, так как общественность не захотела терпеть произвол. Аугштейн знает, что Штраус ему этого никогда не забудет.

353

Мы проговорили больше часа с Аугштейном в доме Буцериуса. Как мне показалось, он обходит стороной марксистскую идеологию не потому, что считает себя ее противником, а потому, что боится не найти в себе сил сопротивляться ей.

Он ни разу не был в Советском Союзе. А из других социалистических стран Европы побывал только в одной — кажется, в Венгрии. Но это человек бурной, оригинальной мысли, умеющий рвать паутину привычного, мешающего движению вперед.

В статьях, появившихся в «Шпигеле» (Р. Аугштейн часто подписывает свои статьи псевдонимом Иенс Даниэль), я вскоре после нашей беседы нашел многие мысли, которые автор излагал мне в тот памятный вечер. Требования о восстановлении Германии в границах 1937 года он называет «бескровным реваншем», свидетельством того, что «Федеративная республика идет курсом войны». «Без войны, — пишет он, — нельзя добиться той ревизии, о которой говорит Штраус».

«Германия, — продолжает он, — воссоединенная в границах 1937 года, захотела бы избавить поляков и чехов от коммунизма, открыть Балканы и бассейн Балтийского моря для христианства и мирной экономической экспансии, имела бы целью низвести Советскую Россию до положения второразрядной державы. Спрашивается, как можно требовать от Советов отстранения Ульбрихта и ликвидации (берлинской) стены и одновременно восстановления границ 1937 года? Существование Ульбрихта и стены абсолютно оправдано перед лицом требования о восстановлении прежней территории рейха».

О самом Штраусе Р. Аугштейн пишет: «Можно ли защищать политика, который носится в воинственном танце, добиваясь места в федеральном правительстве? А кто даст гарантию, что Штраус не станет продолжать свою игру, что зараженные им партии окажут тогда достаточное сопротивление? В деле со Штраусом решается вопрос не только о том, управляет ли нами государство или какая-то компания, но в первую очередь о том, стремимся ли мы к мирному развитию

Р. Аугштейн в последнее время много размышляет над фактом существования Германской Демократической Республики. Он констатирует, что «уже в течение длительного времени нацеленный на Восток германский натиск («восстановить Германию в границах 1937 года всеми возможными политическими средствами») сдерживается и тормозится только Германской Демократической Республикой».

Касаясь боннских надежд, что ГДР со временем «потерпит крах», Р. Аугштейн пишет: «ГДР не потерпит краха, поскольку ее существование — признано оно с точки зрения международного права или нет — необходимо для сохранения внутреннего равновесия между образующимися на Востоке и Западе европейскими системами, а также для развивающегося внешнего равновесия между обеими системами. ГДР существует не только благодаря русскому диктату, но и как составная часть формирующихся европейских систем. Ее исчезновение в данный момент принесло бы с собой ряд осложнений, которые кажутся всем бывшим державам-победительницам более опасными, чем те проблемы, которые проистекают из факта ее существования. Ее презирают, но в действительности не желают ее устранения».

Заявляя, что время «доктрины Хальштейна» прошло и что непризнание ГДР является нелепостью, Р. Аугштейн пишет: «В условиях изменяющегося мира, который идет на сделки с коммунистами всех мастей, на нашу долю выпала бы неблагодарная миссия, если бы мы попытались доказать, что одни только германские коммунисты являются зловердными, аморальными существами, недостойными того, чтобы идти с ними на сделку».

По очень острому вопросу Р. Аугштейн с присущей немногим в ФРГ смелостью говорит: «Воздвигнутая в Берлине стена бесчеловечна, но она является следствием проводимой нами политики».

Р. Аугштейн ободряет себя надеждой, что в Германской Демократической Республике утвердится со временем «национальный коммунизм» и тогда-де будет легче с ней договориться на «национальной основе». **355**

Оставим в стороне эти грезы многих в Западной Германии и посмотрим, как Р. Аугштейн представляет себе будущую единую Германию. Он пишет: «В наших интересах было бы создание процветающего образцового государства, которое открыто для любого столкновения идей, в том числе в религиозной сфере, которое располагало бы образцовыми системами школьного и университетского образования, которое считало бы себя достаточно сильным, чтобы признать ошибки прошлого и залечить нанесенные таким образом раны».

Во взглядах Г. Будиуса, Р. Аугштейна и им подобных привлекательны прежде всего сами поиски новых решений. Но эти поиски идут с позиций антикоммунизма, хотя авторы и видят необходимость сосуществования с социалистическими государствами. Это поиски новых средств спасения старого капиталистического строя и его политических идеалов и целей.

В идеях западногерманских буржуазных либералов нет сколько-нибудь четкой альтернативы нынешнему политическому курсу ФРГ.

Над подлинной альтернативой этому опасному курсу думают в других кругах западногерманского общества, в кругах преследуемых и гонимых, не представленных ныне в парламенте.

АЛЬТЕРНАТИВА — МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

В Гамбурге мы посетили редакцию газеты «Блинкфюр». В одной небольшой комнате расположено все: досье и фотоархив, рабочие столы журналистов и канцелярия. Наша группа вместе с сопровождавшими нас лицами из «Интер национес» оказалась больше коллектива сотрудников газеты. В комнате было тесновато, но мы отлично побеседовали. Немецкие коллеги нам рассказали о своей газете, о своей работе и о своей нелегкой жизни.

«Блинкфюр» (на гамбургском диалекте это означает «маяк») первоначально была газетой гамбургских

рыбаков и портовых рабочих, а теперь ее читает трудовой народ всех профессий. Она защищает интересы рабочих, пишет о его борьбе с произволом хозяев, его успехах и неудачах. Газета отстаивает демократические права народа, предусмотренные конституцией, выступает против чрезвычайных законов, против засилья «бывших» в государственном аппарате. В области внешней политики она отстаивает принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Первоочередной задачей она считает обеспечение мирного сосуществования двух социальных систем на немецкой земле, устранение «политики силы», обуздание западногерманского милитаризма, особенно его аппетитов на атомную бомбу.

За пропаганду этих идей газету преследуют. Ее редактор Эрнст Ауст незадолго до нашего визита в редакцию прошел сквозь тернии длительного судебного процесса. И хотя следственным органам так и не удалось доказать причастность газеты к «продолжению деятельности запрещенной Коммунистической партии» (это наказуемо в ФРГ), Ауст был осужден на год лишения свободы. Каждый день приговор мог быть объявлен вступившим в силу, а пока Ауст, энергичный и непреклонный борец, разговаривал с нами. Эти полтора часа нам дали много. Мы узнали, что подлинники демократы и патриоты Западной Германии, связанные с народом, плоть от плоти и кровь от крови его, не помышляют о полумерах, не гоняются за призраками, не ждут милости от «случая». Они отдают себе отчет в том, что единая и миролюбивая Германия не может появиться как результат «особой ситуации» на международной арене, о чем толкуют в Бонне. Они знают, что воссоединение — дело только самого немецкого народа, его борьбы с дурным наследием прошлого, с силами реакции и милитаризма, за перестройку общественно-политической жизни во всей Германии на новой основе.

Те же впечатления мы вынесли из беседы в Дюссельдорфе в редакции газеты «Дейче фольксцейтунг». Газету издает Союз немцев, основанный в начале пятидесятых годов бывшим рейхсканцлером Иозефом Виртом. Союз, объединяющий общественно-политических

деятелей, интеллигентов, стоящих на платформе демократии и мира, на первый план в своей работе ставит общегерманские проблемы: взаимоотношения между двумя германскими государствами, пути объединения страны. Исходной точкой политических взглядов Союза является тезис, что воссоединение Германии отныне возможно только на путях сближения двух германских государств.

По всей Западной Германии есть точки, где бьется творческая мысль людей, ищущих подлинную альтернативу боннскому курсу реванша. Чаще всего это редакции независимых газет или журналов, выходящих небольшими тиражами. Их делают и, как правило, сами несут читателям энтузиасты, убежденные в своей правоте и полезности своей работы для народа. В Рурской области, например, выходят газета «Татзахен», журналы «Элан», «Плене» и другие издания. Среди людей труда известны газеты «Франкфуртер боте» (Франкфурт-на-Майне), «Унзере дейт» и «Оффен унд фрей» (Штутгарт), «Саар-вохэ» (Саарбрюкен), «Нейес эхо» (Бремен), «Фрейес ворт» (Киль), «Бауэрнруф» (Дюссельдорф), «Касселер боте» (Кассель) и другие.

В Гамбурге выходит газета «Ди андере цейтунг», издателями которой являются левые социал-демократы, исключенные правосоциалистским руководством из рядов СДПГ за инакомыслие. Левые социалисты издают также в Гамбурге свой журнал. В Кёльне группа ученых, публицистов и общественных деятелей издает теоретический журнал «Блеттер фюр Дейче унд интернационале политик» («Листки по вопросам немецкой и международной политики»), пользующийся вниманием в широких общественных кругах Западной Германии и за границей. Во Франкфурте важными центрами прогрессивной демократической мысли являются правление Объединения лиц, преследовавшихся нацистским режимом, и редакция газеты этого объединения «Ди тат».

Компартия Германии запрещена, но боннская конституция не позволяет властям объявить вне закона марксизм как идеологию. Изучение марксизма-ленинизма как теории в Западной Германии формально не

запрещено. Поскольку тяга к передовому учению современности о законах развития человечества в Западной Германии велика, в ряде мест имеются постоянно действующие кружки и общества, члены которых занимаются изучением теории марксизма-ленинизма. Недавно во Франкфурте стал выходить теоретический журнал «Марксистише блеттер».

В Западной Германии с декабря 1960 года существует партия Немецкий союз мира (НСМ), который поставил своей целью сплочение всех миролюбивых сил страны. Создание единой демократической партии поддерживали такие прогрессивные организации ФРГ, как Союз немцев, Немецкий клуб 1954 года, Объединение независимых социалистов, Немецкий демократический союз (Саарская область), Международная организация противников военной службы, Френкишер крейс, Демократический союз избирателей (Северный Рейн-Вестфалия), партия центра (Северный Рейн-Вестфалия), Объединение за мир и социальную обеспеченность (Баден-Вюртемберг) и ряд других организаций и отдельных лиц. На учредительном съезде этой партии докладчик граф фон Вестфален говорил: «Вопрос стоит не так — коммунизм или свободный мир, вопрос стоит так — мирное соревнование или истребительная война». Главные пункты программы Немецкого союза мира: немедленное прекращение вооружения и отказ от атомного вооружения ФРГ; переговоры о создании в Европе зоны, свободной от атомного оружия, в качестве первого шага по пути всеобщего разоружения; нейтралитет Германии; прекращение «холодной войны»; разрядка напряженности во внутригерманских отношениях.

На парламентских выборах 1961 года Немецкий союз мира собрал 610 тысяч голосов, что составило 1,9 процента всех голосов, поданных на выборах. Союз не получил ни одного мандата в бундестаг: по боннскому законодательству партии, получившие менее 5 процентов голосов, лишаются права на мандат.

После того как новый канцлер ФРГ Людвиг Эрхард провозгласил, что он будет проводить политику «середины и взаимопонимания», Немецкий союз мира поставил

перед западногерманской общественностью вопрос: что практически должна означать такая политика для немецкого народа? По инициативе ряда деятелей Немецкого союза мира летом 1964 года во Франкфурте-на-Майне состоялся форум западногерманской общественности под лозунгом «За немецкую политику середины и взаимопонимания». На форуме выступил с большой речью известный в Западной Германии буржуазный публицист Себастьян Хафнер. Он заявил, что в нынешних условиях политика «середины и взаимопонимания» должна означать политику взаимопонимания с Востоком, и прежде всего с крупнейшим государством Востока — Советским Союзом. Политика «середины и взаимопонимания» в отношении Востока предполагает как в международной, так и во внутренней области разрыв с «эрой Аденауэра», ибо основы политики Аденауэра — «холодной войны» — ныне уже не существует, сказал Хафнер. К сожалению, отметил докладчик, провозглашенная канцлером Эрхардом при вступлении его на пост главы западногерманского правительства политика «середины и взаимопонимания» не нашла до сих пор своего конкретного выражения.

В своих решениях съезд Немецкого союза мира, состоявшийся вслед за форумом, осудил реваншистские притязания Бонна по отношению к восточным соседям ФРГ и подчеркнул необходимость установления тесных политических, культурных и экономических отношений ФРГ со странами Восточной Европы. В резолюции по вопросам внутригерманского сближения делегаты съезда заявили, что германский вопрос может быть решен лишь на пути обеспечения мира, ликвидации напряженности и сближения между обоими германскими государствами. В этой связи, говорилось в резолюции, правительство ФРГ должно согласиться на создание общегерманских технических комиссий — первого шага по пути германской конфедерации, в органах которой будет осуществляться подготовка к постепенному воссоединению. По мнению съезда Немецкого союза мира, в ходе подготовки к парламентским выборам 1965 года должны объединиться в ФРГ все силы, выступающие за политику благоразумия, умеренности и внутригер-

манской разрядки. Съезд потребовал отказа от планов принятия чрезвычайных законов, поскольку эти планы представляют собой большую угрозу демократии в ФРГ.

Среди членов и сторонников Немецкого союза мира — рабочие, крестьяне, ремесленники и представители «среднего слоя». Но пожалуй, наиболее активную часть его составляет демократически мыслящая интеллигенция.

Положение западногерманской интеллигенции весьма сложное. Едва освободившись от кандалов гитлеризма, она попала в жернова боннской псевдодемократии, которая, собственно, мало что изменила в ее судьбе. Значительная часть интеллигенции Западной Германии стала поставщиком материала для боннской пропагандистской машины. Геттингенский социолог Ганс Вардт пишет, что западногерманская интеллигенция быстро забывает о своих революционных идеалах и становится «консервативной сторонницей традиций с того момента, как она обретает хоть немного власти и добивается известного благосостояния».

Деятельность Немецкого союза мира доказывает, что эта характеристика относится только к части западногерманской интеллигенции.

По собственному опыту скажу: среди западногерманских интеллигентов я встречал людей, свободных от предрассудков, внушенных официальной пропагандой, мыслящих беспристрастно и реалистично, людей, тянувшихся к нашей социалистической культуре. Западногерманской интеллигенции мы обязаны тем, что в последние годы в ФРГ издано много книг советских писателей и поэтов. В Мюнхене мы встретились с писателями, группирующимися вокруг «Общества 1947 года» во главе с известным романистом Гансом Вернером Рихтером. Эта встреча оставила у нас самое лучшее впечатление. Эти писатели стоят в стороне от Немецкого союза мира. Это не политические борцы и не трибуны, но их мысли — ценный вклад в идейную сокровищницу, очищающую сознание народа от балласта прошлого.

Хотелось бы верить, что интеллигенция Западной Германии, работающая как в рамках Немецкого союза **361**

мира, так и вне его, покажет еще более яркие образцы понимания своего долга и ответственности перед народом.

Коммунистическая партия Германии, работающая в тяжелых условиях подполья, анализирует и обобщает мысли и настроения различных слоев общества, отдельных групп и личностей, изучает нужды рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, проникает мыслью в процессы, происходящие в различных слоях буржуазии. Верная своему принципу «Всегда с народом, все для народа», компартия смело идет в массы, помогает им разобраться в обстановке, указывает правильный путь. Она говорит трудящимся, что «политика силы» вступила в противоречие с мирными национальными и социальными интересами народа. Эта политика принесла с собой не безопасность, а возросшую военную угрозу, не «благополучие для всех», а колоссальные прибыли крупному капиталу, трудящемуся же народу — растущее бремя вооружений и социальную неустойчивость. Она привела не к воссоединению, а к углублению пропасти, которая разделяет оба германских государства.

Компартия призывает идти новым политическим курсом, учитывающим реальные факты и исходящим из жизненных интересов народа.

«Необходимо положить конец роковому курсу на атомное вооружение и чрезвычайное законодательство, — говорится в Программном заявлении, принятом на съезде партии 1963 года, — проводить политику мирного сосуществования и взаимопонимания с ГДР, защищать конституцию и демократические конституционные права. Жизненные вопросы и историческая ответственность рабочего класса требуют установления единства его действий и сотрудничества со всеми народными силами в борьбе за эти цели».

Коммунистическая партия на своем съезде выдвинула следующие положения реалистической политики, отвечающей требованиям нашего времени:

— Собственная инициатива Федеративной республики в вопросе о разоружении, заключение соглашений между двумя германскими государствами об отказе

от атомного оружия и о включении их в безатомную зону и зону разъединения вооруженных сил в Центральной Европе.

— Установление деловых отношений между двумя германскими государствами и правительствами на основе мирного сосуществования.

— Мероприятия Федеративной республики для достижения германского мирного урегулирования, ликвидации опасного очага в Западном Берлине путем создания нейтрального вольного города Западный Берлин.

— Улучшение отношений с Советским Союзом, отказ от «доктрины Хальштейна», установление дипломатических отношений с социалистическими государствами.

— Установление корректных отношений между Федеративной республикой и ГДР, постепенное сближение обоих германских государств путем заключения соглашений о разоружении и расширения сотрудничества во всех областях.

Для защиты конституции, демократических и социальных прав народа компартия выдвигает следующие требования:

— Недопущение принятия каких бы то ни было законов о чрезвычайном положении, защита тарифной автономии, права на забастовки и создание союзов, свободы слова и печати.

— Очищение государственных и общественных учреждений от лиц, ответственных за преступления нацистской диктатуры.

— Защита граждан от произвола полиции и юстиции, амнистии жертвам судебных преследований за политические взгляды, свобода деятельности всех демократических организаций.

— Снижение военных расходов и использование высвободившихся средств на социальные и культурные цели, на строительство жилищ, школ, больниц и спортивных сооружений; снижение налогового бремени, которое несет народ, защита западногерманской марки от дальнейшего обесценения; борьба против роста цен, квартплаты и тарифов.

— Проведение экономической политики, отвечающей интересам народа, ограничение прибылей концернов, увеличение доли трудящихся в социальном продукте и народном достоянии, обеспечение работой, повышение покупательной способности рабочих и служащих за счет увеличения зарплаты, осуществление права рабочих и их профсоюзов на участие в управлении предприятиями и экономикой.

— Защита крестьян от их разорения монополистическим капиталом и от воздействия «Общего рынка».

— Свободная торговля со всеми странами без всякой дискриминации.

С такой расстановкой политических сил, с таким арсеналом общественных идей Федеративная Республика Германии вступила в 1965 год. Для нее это ответственный год. Он отмечен вехой двадцатилетия разгрома нацистской Германии. Это год новых парламентских выборов — первых после ухода со сцены Аденауэра в результате краха его «политики силы».

Как и в год крушения «эры Аденауэра», Федеративная Республика Германии стоит перед выбором между политикой мира и политикой военных авантур. От этого выбора зависит, станет ли Западная Германия одной из важных опор мира в Европе, или она подобно гитлеровской Германии безрассудно сыграет роль детонатора ядерной катастрофы, в огне которой в первую очередь сгорит она сама.

ОНИ И МЫ

Исторические рубежи побуждают людей к размышлениям над уроками прошлого, к поискам правильных решений на будущее.

Двадцатилетие разгрома гитлеровской Германии — особый исторический рубеж. Политические деятели и публицисты, разумеется, оценивают смысл минувших событий, прикидывают, сколько и когда было совершено ошибок и как пойдет дело дальше. Но для миллионов солдатских вдов это было двадцатилетие, лишенное счастья и радостей, для миллионов юношей и девушек — двадцатилетие нелегкой жизни без кормильца, без отцовской ласки, для миллионов матерей — двадцать лет воспоминаний о погибших сыновьях.

Время сглаживает душевную боль. Трудно упрекнуть какой-либо народ Европы в злопамятстве. И все же, оглядываясь на послевоенное **365**

двадцатилетие, бывший советский солдат, бывший итальянский партизан или бывший варшавский подпольщик по праву задают себе вопрос, идущий не столько от рассудка, сколько от чувства: «Не зря ли пролит океан крови, не сыграла ли история злую шутку над миллионами сложивших голову?»

Что ж, вопрос законный, и на него нелегко ответить. В самом деле, разве наследница гитлеровского рейха Федеративная Республика Германии похожа на государство, тяжело расплачивающееся за злодеяния своих предшественников? Разве ныне там не самый высокий жизненный уровень в Европе? Разве в Западной Германии не плюют в лицо тем, кто чудом избежал гимmlеровских газовых камер? Разве совесть человеческая не может не содрогнуться, когда на трибуну поднимается бывший нацистский обер-лейтенант Франц-Иозеф Штраус и кощунственно изрекает, что за вторую мировую войну вина лежит на ком угодно, только не на немцах?

Все это так. И все не так. Конечно, у поколений, переживших войну, нельзя отнять право откликаться душевной болью на все, что связано с кошмарным прошлым. Но эти поколения живут не в прошлом, а в настоящем и видят свою высшую цель в том, чтобы предотвратить новую войну. А этой цели можно достигнуть, если чувство будет помножено на разум, боль — на ответственность, воспоминание — на перспективу. Мы не должны соглашаться с примитивной мещанской формулой: «А побежденные живут лучше победителей...»

Ленин любил повторять слова Чернышевского о том, что исторический процесс не мостовая Невского проспекта. История позволяет себе крутые повороты и **366** зигзаги, за которыми не сразу виден смысл событий.

Но, выйдя на определенный исторический рубеж — а таким рубежом является двадцатилетие разгрома фашизма, — мы можем умственным взором увидеть многое.

Минувшее двадцатилетие было великой проверкой прочности и жизнеспособности того, что народы завоевали в смертельной схватке со злейшим врагом. И главное, о чем мы с гордостью можем сейчас думать, состоит в том, что это испытание выдержано с честью.

Двадцать минувших лет подтвердили, что в 1945 году германский империализм понес самое тяжелое в своей истории поражение, от которого он никогда не сможет оправиться. Решающее значение имеет следующий факт: германский империализм утратил безраздельное господство в собственной стране. «У себя дома» он лицом к лицу столкнулся со своим антиподом и могильщиком — социализмом. Возникла и окрепла Германская Демократическая Республика. Ничего подобного в истории германского империализма не было. Общий кризис капитализма, резко обострившийся с возникновением мировой социалистической системы и крушением колониальных империй, затронул корни, национальную базу германского капитала, сковав его силы изнутри.

С разгромом гитлеровского рейха германский империализм лишился своей опоры — вооруженных сил мирового значения. Сравним: к концу двадцатилетия со дня поражения кайзеровской армии Германия снова имела полностью отмобилизованную для мировой агрессивной войны армию. Она даже приступила к разбойничьим набегам на европейские страны. Через двадцать лет после окончания войны Федеративная Республика Германии не способна на это, хотя в Бонне есть немало генералов и политиков, которые хотели бы повторить опыт Гитлера.

Послевоенный период подтвердил прочность и невыблемость нашей победы над фашизмом. Вспомним, как силы международной реакции пытались воскресить фашизм в США (бёрчисты), Франции (оасовцы), Италии (неофашисты). В их руках были сильно действующие средства: психоз «холодной войны», пугало «коммунистической опасности», расистский бред о «цветной угрозе» и много денег. И все же ни в одной из этих стран труп фашизма оживить не удалось.

А в Западной Германии? Казалось бы, там для фашизма создана самая подходящая питательная среда: государственный аппарат находится в руках нацистских чиновников, вооруженными силами командуют гитлеровские офицеры, общественное мнение «делают» выученики Геббельса, коммунистическая партия и десятки прогрессивных организаций запрещены. И все же за двадцать лет германский фашизм не сделал серьезной попытки подняться во весь рост и потребовать себе власти. Мелкие группки одержимых, действующие на свой страх и риск, в счет не идут. Неонацисты вынуждены сидеть смиренно, реакция втянула голову под демократический панцирь.

А может быть, ей и нет нужды сбрасывать маскировку? Может быть, боннская демократия с успехом выполняет функции фашистской диктатуры и вполне устраивает реакцию?

Думать так — значит упрощать дело. Боннский режим и фашистская диктатура не одно и то же. Буржуазно-демократическая форма правления дает народу определенные возможности защищать свои права и интересы, она связывает руки реакционным кругам. Лучшее тому подтверждение — стремление этих кругов урезать права народа с помощью чрезвычайного законодательства.

Правящему классу ФРГ не удалось изолировать народ от передовых идей нашего времени. Борьба человечества за мирное сосуществование государств различных общественных систем, за свободу и социальный прогресс не проходила бесследно и для Западной Германии. Такие процессы, как разрядка международной напряженности и ослабление психоза антикоммунизма, глубоко проникают в общественное сознание ФРГ, несмотря на бешеное сопротивление поборников «холодной войны».

В Западной Германии, как и во всех без исключения странах, в послевоенный период произошло общее усиление роли масс в общественно-политической жизни. Что бы ни говорили Штраус и ему подобные об «аполитичности толпы», им значительно чаще, чем до войны, приходится оглядываться на общественное мнение, на народ. Это обстоятельство имеет большое значение для современности, но еще большее — для будущего.

Фашизм повержен не только кровью солдат второй мировой войны, но и бдительностью народов в послевоенные годы. Ядовитые побеги фашизма могут в любое время зазеленеть вновь и пойти в рост. Такая опасность сохранится до тех пор, пока существует капитализм. Поэтому двадцатилетие окончания войны — это и триумф нашей победы над фашизмом, и призыв к неослабной бдительности.

В результате коренных изменений, происшедших на немецкой земле после второй мировой войны, баланс двадцатилетнего пути германского империализма выглядит следующим образом.

Хозяевам западногерманских монополий удалось после войны быстро восстановить свой промышленный потенциал, за короткий срок вывести ФРГ на второе **369**

место в капиталистическом мире по промышленному производству (после Соединенных Штатов Америки), отвоевать сильные позиции на мировом капиталистическом рынке, потеснить конкурентов. Они сумели с максимальным эффектом воспользоваться мировой технической революцией и создать более изощренную, чем прежде, систему эксплуатации трудящихся. Достигнутый такими средствами небывалый рост капитала дал монополиям возможность и расширять производство, и повышать в определенных размерах жизненный уровень народа, без чего капиталисты в современных условиях не смогли бы господствовать в государстве. Один факт существования ГДР вынуждал их идти на уступки рабочему классу.

Далее, германский империализм сформировал полумиллионную армию, вступил в военно-политический союз со своими бывшими противниками на Западе, в короткие сроки добился отмены наиболее неудобных для себя условий этого союза и приобрел рычаги, с помощью которых он может давить на партнеров, навязывать им свою волю. Тем самым была создана военно-политическая база для политики реванша, цель которой — ревизия итогов второй мировой войны. Правящие круги ФРГ рассчитывают, опираясь на собственные вооруженные силы и на военную мощь Североатлантического пакта, навязать такое послевоенное урегулирование с Германией, которое привело бы к ликвидации Германской Демократической Республики и восстановлению рейха в границах 1937 года.

Основной инструмент внешней политики ФРГ — игра на противоречиях. Сначала германский империализм извлекал для себя пользу из противоречий между державами-победителями. Результатом было восстановле-

370 ние его вооруженных сил. Затем, продолжая натрав-

ливать западные державы на Советский Союз, он стал запускать свои пальцы в трещины Североатлантического пакта, подбираясь к ядерному оружию.

Для оказания давления на своего главного партнера — Соединенные Штаты Америки — Бонн пользуется самыми разнообразными средствами. То он шантажирует США пугалом оси Бонн — Париж, то на сцену появляется «призрак Рапалло» — делаются туманные намеки на возможность переориентации на сотрудничество с Советским Союзом в ущерб Западу. Европейских партнеров по НАТО, в первую очередь Англию и Францию, Бонн шантажирует своей особо тесной дружбой с США, он давит на них своими мощными позициями в западноевропейском экономическом блоке и ... опять же «призраком Рапалло». Искусные мастера политической интриги, отнюдь не щепетильные в выборе средств, боннские министры и дипломаты располагают большой свободой маневра на внешнеполитической арене. Пока Соединенные Штаты Америки будут делать ставку на ФРГ как на ударную силу Североатлантического блока в Европе, до тех пор Бонн шаг за шагом будет продвигаться вперед к своим реваншистским целям.

Как видим, в послевоенный период германский империализм продемонстрировал недюжинную силу, цепкость, волчью изворотливость, умение приспосабливаться к новым условиям, блеснул своим организаторским талантом и деловитостью, чем он отличался всегда.

И все-таки это уже не прежний германский империализм. Невосполнимые потери, понесенные в результате поражения во второй мировой войне, не лишили его агрессивности, но резко ограничили его возможности.

В экономической области Федеративная Республика Германии, зависящая от внешней торговли намного **871**

больше, чем довоенная Германия, открыта всем ветрам и бурям мировой капиталистической конкуренции. Ей некуда спрятаться, она всюду в чужом доме. Пока экономические реки после войны входили в свои берега, Западной Германии позволяли заниматься коммерческой деятельностью. Во многих странах позиции рейнско-рурского капитала намного улучшились по сравнению с довоенными годами. Но предел уже наступил. Сейчас Федеративной республике приходится драться за каждую тонну своего экспорта, что особенно наглядно демонстрируют перманентные бои в органах Европейского экономического сообщества. Сложность положения усугубляется внутренними трудностями: во-первых, немецкие монополии должны тратить силы на конкурентную борьбу с американским капиталом, проникшим в западногерманскую экономику; во-вторых, с каждым годом усиливается напор трудящихся масс, требующих своей доли социального продукта.

Общеизвестно пагубное влияние ФРГ на внешнюю политику Запада. Но это влияние ограничено определенной сферой, главным образом германской проблемой и НАТО. В коренных вопросах мировой политической стратегии Федеративная Республика Германии не играла и не могла играть существенной роли: сказывается отсутствие у германского империализма прежней национальной базы и подлинного суверенитета. Размещение иностранных войск на территории какой-либо страны и суверенитет этой страны в условиях капитализма — понятия несовместимые. Заблуждение на этот счет дорого стоило Аденауэру: одной из главных причин падения старого канцлера был отпор со стороны Соединенных Штатов Америки его попыткам навязать свою концепцию мировой политической стратегии.

372 Шумная подрывная работа Бонна против принципа

мирного сосуществования государств с различным общественным строем всегда выглядела как жалкие потуги пигмея.

Принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, идея разрядки международной напряженности триумфальным маршем шагают по земле. Это значит, что Бонну с его «политикой силы» грозит перспектива растерять последние шансы и оказаться на задворках мировой политики.

Но еще нагляднее ограниченность возможностей современного германского империализма проявляется внутри страны. Общее усиление роли масс в общественной жизни государства на протяжении двадцати послевоенных лет выражалось в конкретных делах. Народ сорвал первоначальный график ремилитаризации и задержал ее на несколько лет. Народ затруднил борьбу своих правителей за обладание ядерным оружием. Народ не дал поднять голову оголтелому фашизму, он не допустил открытого возрождения методов и нравов гестапо. В течение уже многих лет общественность блокирует принятие чрезвычайных законов наперекор усилиям всех политических партий, представленных в бундестаге.

Народ Западной Германии черпает свои силы, политические знания и опыт из надежного источника, который с годами не иссякает, а, напротив, становится глубже и богаче. Этот источник — Германская Демократическая Республика. Социалистическое германское государство является политическим университетом всего немецкого народа. Личная явка на лекции совсем не обязательна. Тем не менее каждый немец, чаще всего сам того не замечая, проходит курс наук. Следы этого учения в росте социальных требований и политической активности народа Западной Германии, в **373**

антимилитаристских резолюциях профсоюзных организаций, в пасхальных походах противников ядерного оружия, в выступлениях за легализацию компартии, в требованиях покончить с антикоммунизмом, с политикой «холодной войны», в тяге к добрым отношениям с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Многим людям в Западной Германии эти новые явления не видны. Но боннские политики их отлично видят. Они видят и другое: с каждым годом последствия влияния ГДР становятся все более серьезными. На борьбу с Германской Демократической Республикой внутри и вне страны отвлечена колоссальная доля сил германского империализма. А ГДР между тем экономически укрепляется, ее международный вес растет. «Доктрина Хальштейна» дышит на ладан. Недалеко то время, когда Бонн столкнется с полным крахом своей политики в отношении ГДР и будет вынужден расписаться в своей бессилии внести какой-либо вклад в решение задачи национального воссоединения.

Судя по началу деятельности Людвиг Эрхарда на посту федерального канцлера, круги, определяющие политику ФРГ, решили следовать старым курсом. Между политикой мира и политикой бряцания оружием они сделали свой выбор в пользу последнего. Но закончился ли на этом выбор пути ФРГ, о котором так много и так страстно писали западногерманские публицисты в дни крушения «эры Аденауэра»? Нет, не закончился.

Западногерманское общество находится в состоянии перманентного брожения. Несмотря на кажущуюся прочность позиций господствующего класса, ему все труднее справляться с противоречиями в собственном доме, труднее держать в узде народ, править старыми методами. Неустойчивость — самая существенная черта современного положения германского империализма.

Руководство Западной Германией вынуждено лавировать между тысячами рифов и айсбергов.

Политические обозреватели в один голос заявляют, что подземный толчок серьезного экономического потрясения имел бы катастрофические последствия для боннского режима. Это косвенное признание того факта, что боннский режим политически непрочен. Трудно себе представить другой случай, когда столь глубокой была бы пропасть между политикой правящего слоя и интересами народа. Эта пропасть до сих пор прикрывалась целлюфановой пленкой материального благополучия. Но прорви прозрачную пленку, и последствия трудно себе представить...

Политическая неустойчивость всегда таит в себе опасность оживления сил реакции, она лучшая теплица для фашизма. Это показала Германия двадцатых и тридцатых годов. Это подтверждает и современная западногерманская действительность. Не зря со страниц мировой печати не сходят тревожные сигналы о росте национализма в Федеративной Республике Германии. Активизация экстремистских кругов, избравших своим кумиром Штрауса, свидетельствует о том, что национал-шовинизм ищет новые формы своего существования и всерьез делает заявку на власть в Западной Германии. Это крайне опасное явление в общественной жизни ФРГ, которое никак нельзя недооценивать. На него должно нацелиться бдительное око народов, в первую очередь немецкого народа.

Таково положение современного германского империализма. Он еще силен и живуч, он способен поджечь фитиль нового мирового пожара. Но разгром гитлеровской Германии и двадцатилетие послевоенного развития человечества поставили его в определенные рамки, перед которыми он бессилен. Отсюда вытекает, что **375**

борьба против западногерманского милитаризма, против его политики реванша не безнадежное дело. Совместными усилиями народов его можно обуздать и тем самым обеспечить устойчивый мир в Европе.

Советский Союз сделал все для того, чтобы послевоенное переустройство жизни немецкого народа на новых началах прошло без болезненной ломки национальных устоев и традиций. Когда же по вине империалистических кругов Запада Германия распалась на два противоположных по социальной сущности государства, СССР взял курс на установление нормальных отношений не только с Германской Демократической Республикой, но и с Федеративной Республикой Германии. По инициативе Советского Союза вот уже десять лет существуют дипломатические отношения с Бонном. Мы торгуем с Западной Германией, обмениваемся артистами, спортсменами, учеными. Мы знаем, как и чем живут западные немцы, так же как и они все больше узнают правду о нас.

Мы оцениваем положение трезво: мы видим враждебность к нам со стороны кругов, которые правят Западной Германией. Нам понятны истоки этой враждебности. Для генералов бундесвера, для правящей элиты ФРГ мы по-прежнему их военный «противник», тот самый, от которого они двадцать лет назад потерпели тотальное поражение. Разумеется, они не хотят ни дружбы с нами, ни мало-мальски сносного сосуществования.

И все же мы готовы и дальше развивать отношения с Федеративной Республикой Германии вплоть до самых дружественных. Советское правительство об этом не раз заявляло.

Мы готовы к этому не из желания получить что-то для себя «про запас». Нет, дружба с западногерман-

ским капиталом ныне была бы для нас не таким уж большим приобретением. Если мы положительно говорим о «духе Рапалло», то это отнюдь не потому, что видим какое-то сходство с обстановкой начала двадцатых годов. Сходства тут никакого нет. Советский Союз сегодня не нуждается в такой поддержке, какую ему принесло соглашение, заключенное с Германией в Рапалло в 1922 году. Он стал могучей мировой державой. А если говорить о капиталистической Германии, то она с тех пор скатилась вниз. Говоря о «духе Рапалло», мы имеем в виду победу благоразумия, имевшую место в политических кругах Германии в начале двадцатых годов. А благоразумие — это как раз то, чего не хватает Бонну.

В Бонне любят набивать себе цену. Некоторые деятели ФРГ даже всерьез думают, что в политике Советского Союза большую роль играет «страх» перед Западной Германией. Мания величия, как известно, застарелая болезнь германских империалистов. А между тем от этой болезни давно пора излечиться. Ведь от прежнего величия германского империализма мало что осталось.

Мы, марксисты-ленинцы, привыкли в любой стране видеть прежде всего народ. В Западной Германии его 55 миллионов, в ГДР — 17 миллионов, в Западном Берлине насчитывается более 2 миллионов. Это намного больше, чем в Англии, Франции, Италии. Из истории и опыта многих поколений русского народа мы имеем представление о трудолюбии, творческих способностях и организованности немцев. Двадцать лет назад был сокрушен фашизм, но не были потрясены потенции великого немецкого народа, его способность к свершениям больших исторических масштабов.

В этой книге рассказано, как складывалась судьба западных немцев после войны. Это нелегкая судьба. И дело не только в том, что буржуазной пропаганде снова удалось забить головы многих людей лживыми представлениями о нас, обо всем мире. И не в том, что высокая экономическая конъюнктура облегчает хозяевам монополий и их политическим прислужникам задачу отвлечения рабочих от политической борьбы. Дело еще и в том, что с образованием двух германских государств вступили в действие многие, подчас незаметные факторы, влияющие на морально-политическое состояние народа в Западной Германии, мешающие ему до конца почувствовать и развернуть свои силы.

В истории народов немного найдется случаев, сходных с нынешней обстановкой в Германии. Страна разрезана границей. Разорваны многие естественные экономические связи, значительно затруднена духовная жизнь нации, беспрестанно бушует пламя идеологической войны. Социализму нелегко пробиваться по тернистым дорогам страны столь развитого капитализма, обладающего богатейшим опытом социальной и национальной демагогии.

Но время открывает людям глаза. Федеративная Республика Германии — это не остров, отрезанный океанами от земли. Бурные ветры перемен, обновляющие нашу планету, доходят и до Рейна, и до Везера, и до верхнего Дуная.

За послевоенные годы в Западной Германии в жизнь вошли новые поколения, которые не помнят или не видели войны и смотрят на мир иными глазами. Они росли со словами «спутник» и «Гагарин» на устах, они на себе испытали духовное истощение капиталистической системы. Западногерманская молодежь не

378 склонна принимать на веру все, что ей внушает

официальная пропаганда. Она хочет сама разобраться в событиях и идеях современности, она стремится к общению с молодежью социалистических стран. И разумеется, ей нельзя отказать в праве рассчитывать на иное отношение к себе, нежели к ее отцам.

Человечество видит и умеет ценить все доброе и здоровое, что есть в немецком народе. Оно верит, что будущее на всей немецкой земле принадлежит не силам разрушения, а силам созидания.

Существуют два германских государства, и у каждого есть свое имя. Но настанет день, когда Германия вернется на карту Европы. Немецкий народ, пройдя суровую школу истории, с помощью и при поддержке всех миролюбивых народов возродит свое единое национальное государство.

Это будет Германия мира и прогресса.

СОДЕРЖАНИЕ

1

Многоликая страна	5
Необычная пасха	12
Народ требует своего	17
«Нет» атомной бомбе	24
Кумир не оправдал надежд	28
Тяжелый финал	34

2

Легкий старт	41
Цель оправдывает средства	46
Победитель протягивает руку	52
Клятвopепреступление	57
Сговор	62

3

«Ohne mich!»	70
Народное сопротивление	75
Розга Даллеса и «общий договор» .	87

4

«Бывшие» снова у дел	95
Опять «лебенсраум»	104
Рождение боннских легенд . . .	111

5

Правда о коммунистах	119
Судилище в Карлсруэ	123
Неистребим, как жизнь	132

6

Бонн против общегерманских вы- боров	138
17 июня 1953 года	151
Берлинское совещание	161
Лето тревог и слухов	173
Парижские соглашения	181

7

Полет в неведомое	186
Первый вечер	190
Карнавал и политика	196
Улыбки и гримасы	202
Удавы и кролики	207
Ратификация	214

8

Слуги и хозяева	220
Лицо «экономического чуда» . . .	224
Секрет «чуда»	233

9

На парусах «политики силы» . .	245
С камнем за пазухой	251

381

«Холодная война» — их стихия . .	261
Женевское совещание	280

10

Начало «черного года»	291
История не прощает	300
Баланс и прогнозы	312

11

Без Аденауэра	327
Кто с кем	338
Бедный избиратель!	348
Альтернатива — мирное сосущество- вание	356

12

Они и мы	365
---------------------------	------------

Наумов, Павел Алексеевич

БОНН — СИЛА И БЕССИЛИЕ. (Записки
журналиста). М., «Мысль», 1965.
382 с.

32И

Редактор *В. А. Война*

Художественный редактор *Н. В. Илларионова*

Технический редактор *В. Л. Коваленко*

Корректор *Мартышкина К. Н.*

Сдано в набор и подписано в печать 26 марта
1965 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных
листов 6+0,375 вкл. Печатных листов 19,68+
+1,23 вкл. Учетно-издательских листов 19,52.
Тираж 10 000 экз. А03023. Цена 1 р. 29 к.

Заказ № 1648

БЗ № 8 — 1965 г. — № 124

Издательство «Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 1 «Печатный
Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
СССР по печати, Гатчинская, 26.

1 р. 29 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МЫСЛЬ ·

29 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МЫСЛЬ •

П.А. НАУМОВ • БОНН-СИЛА И БЕССИЛИЕ

Павел Алексеевич Наумов родился в 1919 году в деревне Липовка, Максатихинского района, Калининской области. Учился на филологическом факультете Ленинградского университета. Участник Великой Отечественной войны. Журналист-международник. С 1950 по 1957 год работал корреспондентом «Правды» в Германской Демократической Республике и Федеративной Республике Германии. Затем был редактором «Правды» по отделу социалистических стран, заместителем главного редактора журнала «За рубежом». В течение последних лет неоднократно выезжал в оба германских государства, побывал в журналистских поездках во многих странах Европы, Америки, Африки.

1 р. 29 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МЫСЛЬ • 1965

П. А. НАУМОВ

БОНИ-

сила
и бессилие

П. А. НАУМОВ

